

**ВОПРОСЫ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

4

ИЮЛЬ-АВГУСТ

"НАУКА"
МОСКВА – 2011

СОДЕРЖАНИЕ

А.А. Зализняк, Е.В. Торопова, В.Л. Янин (Москва). Берестяные грамоты из раскопок 2010 г. в Новгороде и Старой Руссе.....	3
Е.В. Горбова (Санкт-Петербург). Видовая парность русского глагола: проблемы и решения	20
К.И. Казенин (Москва). Проблема «размеров» конъюнктов в русском языке: данные некоторых типов сочинительных конструкций	46
Н.Р. Добрушина (Москва). Многоязычие в Дагестане конца XIX – начала XXI века: попытка количественной оценки	61

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

М.Л. Гаспаров. Слово в стихе: об одном типе прилагательных	81
--	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры

К.М. Корчагин (Москва). Современные зарубежные исследования метрики	90
---	----

Рецензии

Х.Р. Мелиг (Киль). <i>И.Б. Шатуновский</i> . Проблемы русского вида	116
В.М. Алпатов (Москва). <i>В.В. Дементьев</i> . Теория речевых жанров	126
Л.И. Куликов (Лейден/Москва). <i>D. Shulman (ed.)</i> . Language, ritual and poetics in ancient India and Iran: Studies in honor of Shaul Migron	131
В.И. Киммельман (Москва/Амстердам). <i>D. Brentari (ed.)</i> . Sign languages	135
В.В. Шаповал (Москва). <i>Y. Matras</i> . Romani in Britain. The afterlife of a language	143
В.В. Шаповал (Москва). <i>М.В. Смирнова-Сеславинская, Г.Н. Цветков</i> . Цыгане. Происхождение и культура. Социально-антропологическое исследование	149

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Хроникальные заметки

Я.Э. Ахапкина, Е.Г. Сосновцева (Санкт-Петербург). Функциональная грамматика: современное состояние и перспективы	153
Ю.С. Капитанова (Москва). Виноградовские чтения 2011 г.	156

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

В.М. Алпатов, Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, А.В. Бондарко, Н.Б. Вахтин, В.А. Виноградов (зам. главного редактора), Т.В. Гамкрелидзе, В.З. Демьянков, В.А. Дыбо, В.М. Живов, А.Ф. Журавлев, Е.А. Земская, Вяч.Вс. Иванов, Н.Н. Казанский, Ю.Н. Караулов, А.Е. Кибрик (зам. главного редактора), М.М. Маковский, А.М. Молдован, Т.М. Николаева (главный редактор), В.А. Плузьян (отв. секретарь), Е.В. Рахилина

Зав. отделами: *А.С. Кулева, М.М. Маковский, О.А. Шарыкина, М.В. Шкапа*
Зав. редакцией *Н.В. Ганнус*

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Редакция журнала «Вопросы языкознания»
Тел. (495) 637-25-16

Интернет-сайт журнала находится по адресу:
www.ruslang.ru, см. раздел «Издания»

© 2011 г. А. А. ЗАЛИЗНЯК, Е. В. ТОРОПОВА, В. Л. ЯНИН

**БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ ИЗ РАСКОПОК 2010 г.
В НОВГОРОДЕ И СТАРОЙ РУССЕ**

Статья представляет собой предварительную публикацию берестяных грамот, найденных в Новгороде и Старой Руссе в археологическом сезоне 2010 г.

Раскопки 2010 года в Великом Новгороде принесли большое число новых берестяных грамот — 42; и одна грамота найдена в Старой Руссе.

НОВГОРОД

В Новгороде на Троицком раскопе продолжались работы на 13-м участке (руководитель работ В. К. Сингх) и на 14-м участке (руководитель работ А. М. Степанов).

На 13-м участке пройдены напластования середины и второй половины XII – первой половины XIII века и найдено 42 грамоты (№ 974–1015). Все эти грамоты найдены на усадьбе Ж.

Принципы записи текста и комментирования — такие же, как в предшествующих публикациях данной серии. Указываемые стратиграфические датировки носят предварительный характер.

Часть найденных в этом сезоне в Новгороде берестяных грамот представляет собой лишь мелкие фрагменты и в настоящую предварительную публикацию не включена.

Из 42 грамот, найденных на Троицком раскопе в 2010 году, 15 написаны одним и тем же почерком. Это № 974, 976, 977, 978, 979, 982, 983, 986, 989, 992, 994, 995, 996, 998, вероятно, также 980. Кроме того, в результате дополнительной проверки было установлено, что тем же почерком написаны еще 5 грамот, найденных ранее на усадьбе Ж на других ее участках: № 621, 922, 923, 927 и 943. Как можно предполагать на основании грамот № 979 и 989, весь этот комплекс грамот написан человеком по имени Яким.

Блок грамот Якима написан по бытовой графической системе, а именно, реализован тот ее вариант, который характеризуется последовательной заменой *ъ* на *о*, а *е* (после согласной) и *ѣ* — на *ь*. В блоке представлена также редкая графическая особенность — последовательная передача [у] через диграф *уо*.

Яким фигурирует в едином списке с Гречином в грамоте № 935, найденной в слоях 1180-х – 1220-х гг. на усадьбе Е около частокола, отделявшего ее от усадьбы Ж.

Со стратиграфической точки зрения грамоты Якима рассеяны по напластованиям разного времени в интервале примерно с последней четверти XII по 1-ю треть XIII века.

Внестратиграфическая оценка этого блока: не позднее середины XIII в., предпочтительно последняя четверть XII – 1-я четверть XIII в.

Приводим комплекс грамот Якима, подразделив их на группы по содержанию и степени сохранности.

Прежде всего, выделяется одна грамота церковного содержания.

№ 977. Грамота была найдена в виде четырех фрагментов. После их соединения до полного документа из 4 строк недостает только начала и конца 1-й строки и конца 2-й строки.

..... : гл̃со :ѣ: [εγ]д[Δ] .....
 (: г)[л̃со :ѣ:] да вьслатьса нѣ : г[л̃со] :[д̃:] .....
 : гл̃со :ѣ: собьзначаль о : гл̃со :ѣ: ангаскыа силы :
 : гл̃со :ѣ: раздрруши : гл̃со : гл̃со :ѣ: со вьшнхо 'нони

Это записка попа или певчего себе на память – о порядке гласов в тропаре на «Бог Господь». От каждого гласа указано одно-два начальных слова.

Вот начальные фразы гласов этого тропаря в современном издании (подчеркнуто то, что соответствует отрезкам, читаемым в грамоте № 977):

Глас 1. Камени запечатану от иудей и воином стрегущим...

Глас 2. Егда снизшел еси к смерти, Животе Безсмертный...

Глас 3. Да веселятся небесная, да радуются земная...

Глас 4. Светлую воскресения проповедь от Ангела уведевша...

Глас 5. Собезначальное Слово Отцу и Духови, от Девы рождшееся...

Глас 6. Ангельския Силы на гробе Твоем, и стрегущии омертвеша...

Глас 7. Разрушил еси Крестом Твоим смерть...

Глас 8. С высоты снизшел еси, Благоутробне...

По поводу данной грамоты получен следующий комментарий от гимнографа А. В. Коваленина, сформулированный им, как он указал, по обсуждении данной проблемы в группе любителей церковного пения:

«Такой текст используется иногда современными певчими при обучении — как шпаргалка. Дело в том, что на службе многие песнопения поются не своим особым распевом, а “на глас”, то есть по известной несложной мелодической модели — своей для каждого из восьми гласов. Так могло быть и в древности. Это позволяет петь ненотированные тексты, которые снабжены только указанием гласа. Воскресные тропари хорошо известны на слух, поскольку часто звучат на службе, и их используют для напоминания мелодической модели. Проще говоря, если кто не помнит, как петь, например, “на глас 3”, то инципит тропаря 3-го гласа ему служит напоминанием: пой на мелодию “Да веселятся небесная”».

Далее, имеются фрагменты двух писем, исходящих от Якима. К сожалению, от них сохранились в основном лишь адресные формулы.

№ 979. Начало первой строки письма.

+Ѡ акма ко Ѡлославь посолн на ож... |...

Перевод: ‘От Якима к Милославе. Пошли ...’.

Особенность индивидуальной манеры Якима, которая проявилась во многих его грамотах, — склонность к пропуску гласных на письме. Так, он написал *Акма* вместо *Акима* и *Млославь* вместо *Милославь*. Возможно, эта манера развилась у него в связи с тем, что он постоянно имел дело с церковными текстами, а в них встречается много сокращений, построенных с пропуском гласных (ср. хотя бы *глсо* вместо *глась* или *нѣ* вместо *небесная* в № 977). Вероятно, оказали влияние также и распространенные сокращения в наименованиях денежных единиц и мер, весьма характерные для берестяных грамот (например, *грвна* вместо *гривьна*, *кна* вместо *коуна*, *ръзна* или *рзна* вместо *рѣзана*, *лкто* вместо *локоть*, также *пло* вместо *поло*, *поль*).

Женское имя *Милослава* встретилось в берестяных грамотах впервые.

№ 989. Первая и часть второй строки письма.

+Ѡ акима ко ньжилъ и ко милославь то ти есмо гаври
 (ль) - - - - - п[ло] трътие гривнь а милославь |...

Перевод: 'От Якима к Нежиле и к Милославе. Вот я Гавриле ... (вероятно: отдал, заплатил или послал) две с половиной гривны, а Милославе ...'.

Гаврила — вероятно, тот же, который упомянут в грамоте № 935 в одном списке с Якимом и Гречином.

Нѣжила — вариант *a*-склонения к имени *Нѣжилъ*, уже несколько раз встречавшемуся в берестяных грамотах.

Из прочих грамот Якима выделяется серия сохранившихся в целости однотипных кратких грамот с указанием цены различных предметов, закупаемых для церковного и монастырского обихода.

№ 982. Целый документ из одной строки.

+а сь на клобуокъ кна

Перевод: 'А вот за клобук куна'.

№ 995. Целый документ из двух строк.

+ а сь на мсль :ѣ:
кно

Перевод: 'А вот за масло (древяное) 6 кун'.

№ 996. Целый документ из одной строки.

а на вчинкъ кна

Перевод: 'А за овчинку куна'.

К этому же ряду принадлежит грамота № 927, найденная в другой части той же усадьбы Ж в 2002 году:

:+ а сь на водмолчъ пло :ѣ: куоѣ
нь на иночьмь

Перевод: 'А вот за водмолец 5 с половиной кун за иноческий'.

Весьма близки по характеру содержания еще две грамоты Якима, от которых сохранились лишь фрагменты.

№ 986. Часть одной строки документа (возможно, последней).

...| ... [ь двѣ к]нь на сьнь двѣ знь на волгь двѣ знь (...)

Перевод: '[за] ... две куны; за сено две резаны; за масло (сметану и т. п.) две резаны'.

№ 992. Левая часть двух средних строк документа.

...| [+] а [а у]о попа на [гр]од[и]...
+ а на :ѣ: лкто на чрми грвна : а на хартиахо [г?]... (...)

Перевод: '... А я у попа на Городище (?) ... А за 5 локтей червленицы гривна; а за пергамен (вероятно: гривна) ...'.

Весь текст плотно зачеркнут частыми тонкими косыми чертами. Очевидно, это означает, что соответствующие выплаты уже произведены.

Из того, что закупается для монастыря, в этой группе грамот фигурируют: клобук (монашеский головной убор), деревянное масло (для лампад), овчинка, водмол (род грубого сукна) для монашеского одеяния, сено, коровье масло (или сметана), червленица (дорогая червленая ткань для церковных украшений) и пергамен.

В силу индивидуальной особенности Якима, отмеченной выше, вместо *на мсль* написано *на мсль* (№ 995), вместо *на вологь* — *на волгь* (№ 986); вероятно, сюда же *на чрми* вместо *на черми* (№ 992), а также *на Гроди...*, если это действительно = *на Городищѣ*.

В одной грамоте (№ 986) Яким использовал необычное сокращение для *рѣзанѣ* — *знь* (с усечением начальной, а не конечной части слова).

В грамоте № 996 отразилась утрата начального *о* после предлога *на*: *на вчинкѣ из на овчинкѣ* (см. [ДНД₂, § 2.32]); ср. также ниже *а лькшино* вместо *а олькшино* в № 976.

В грамоте № 992 представлено неизвестное ранее слово *чермь* (из *чърмь*). Судя по контексту, это то же, что уже встретившееся ранее в грамоте № 713 слово *чермень* (из *чърмень*) ‘красная («червленая») ткань’ (см. о нем [ДНД₂: 427]). Разница лишь в том, что вариант *чермень* произведен от основы слова *чърм-ьн-ьи* ‘красный, червленый’, а вариант *чермь* — непосредственно от его корня (ср. *мутъ* при *мутъныи*, *высь* при *высокыи*, *близь* при *близъкыи* и т. п.). Параллелизм *чермень* и *чермь* (от *чърмьныи*) — такой же, как, например, в *темень* и *темя* (от *тъмьныи*).

Прочие грамоты Якима представляют собой фрагменты различных денежных и имущественных реестров.

№ 974. Части трех строк документа.

(уо) - - - - - [а] ··· уо вѣрина със[Г]ричича на молодогъ
куона
уо воигости .ѣ. рьзно ··· уо [б]а[б]...
[у]о наст[ь] .ѣ. кно . нь ... (|...)

Перевод: ‘... [У того-то], Верина племянника, за солод куна. У Войгостя 7 резан. У Баб... У Насты 7 кун ...’.

В слове *с(е)стричича* пропущена буква *т*, но, возможно, потом вписана над строкой (из-за обрыва это неясно). Слово *куона* вписано (более мелкими буквами) между строк.

Молодогъ --- ‘солод’; слово известно из берестяных грамот № 689, 847 и 863 (см. [ДНД₂: 287]).

Имя *Воигость* (известное из новгородской летописи) и усеченное *Наста* (гипокористическое к *Настасий* или *Настасья*) встретились в берестяных грамотах впервые. Причастительное *Вѣринь* явно образовано от имени (очевидно, женского) *Вѣра*, которое никогда прежде не встречалось в столь раннем документе.

№ 976. Части трех строк документа.

...| - - - - - [о]смь на дьсаць гривно бьз осми
куоно ··· а лькшин[о] њ ...
+ а уо [ч]... (|...)

Перевод: ‘... восемнадцать гривен без восьми кун; а Олекшино ...’.

Относительно утраты *о* в *а лькшино* см. выше.

№ 978. Части двух строк лицевой стороны документа и часть строки на обороте.

...| (у)[о рож]иньжичъ по трьтиа дьса л[к]то
п .ѣ. в рьзнь . ----ого . њ ... (|...)

оборот

уо ждана розм...

Перевод: ‘... у Рожинежичей (?) двадцать пять локтей, по 7 в резане...’. На обороте: ‘У Ждана размера ...’.

Вместо предлога *по* Яким написал, в соответствии со своей манерой, просто *п* (отметим такой же пример в грамоте № 810: *п сорокоу*).

Отметим отсутствие конечного *-ть* в *дьса* (см. [ДНД₂, § 2.42]); то же явление представлено в грамоте Якима № 621, где есть *дьва*.

Патроним *Рожин(ѣ)жичь* вычленяется из текста грамоты лишь предположительно: могла быть и более длинная форма на *-орожин(ѣ)жичь*. Предполагаемое исходное имя

Рожинѣзь могло быть вариантом имени *Рожьнѣзь* (ср. имя *Рожнѣга* в новоторжской грамоте № 18).

Измерение в локтях показывает, что речь шла о какой-то ткани, ср. № 992.

Розмѣра (или *розмѣрь*) — мера сыпучих тел, в особенности соли.

№ 980. Самый конец гораздо более длинной грамоты.

...| ...[о]нѣжи :д: кди

Названы 4 кади (очевидно, зерна) человека, имя которого кончалось на *-нѣзь*.

№ 983. Части трех последних строк документа.

...| а [х]лѣбъ мой | а мѣд[уо] ...

дино пло :ѣ: а вохмо пло :ѣ:пта пудуо и брков[ь]скъ моего :ї: ...

[пл](о) - - - - -[ь]ска

В слове *брков[ь]скъ* буква *ь* после *в* по ошибке перевернута и выглядит как *р*. В конце 2-й строки зачеркнуто *ї* и следующие несколько букв (возможно, это было *брквьск*). В нижней строке зачеркнуто *пл*.

Характерный для Якима пропуск гласных проявился в *вохмо* ‘всем’ вместо *вохьмо*, *пта* вместо *пата* и, вероятно, также в *брковьскъ* вместо *бърковьскъ* (ср. правильное *бърковьскъ* в грамоте Якима № 998). В записи *пло 5 пта* (= *поль пата*) слово *пата* продублировано: записано и цифрой, и словесно.

Перевод: ‘... а хлеб мой; а меду...’. После разрыва: ‘... пять с половиной. А всем четыре с половиной пуда и берковец моего [меда?] ...’.

Можно предполагать, что грамота имела отношение к подготовке некоего общинного пира. К сожалению, текст слишком фрагментарен. Вероятно, Яким здесь выступил лишь в роли писца, а не автора.

№ 994. Одна из средних строк документа.

...|[рѣз]ан[ь] :а:[і] : рѣзно нь имуо :• на |...

Понятный отрезок: ‘... 11 резан не беру’.

№ 998. Последняя строка документа.

...|- (к)[у]она[хо] - - (:):д: бърковьскъ а по одино^н на дѣсат[ь] кн[ь]

Понятный отрезок: ‘... 4 берковца, по одиннадцати кун’.

К этой же категории относятся грамоты Якима № 621, 943, 923 и 922, найденные на других участках усадьбы Ж в прежние годы (см. [ДНД₂: 454, 456, 482, 520]).

С Якимом связана также еще одна грамота, где он выступает уже не как писец (почерк здесь другой), а в роли лица, которому следует отдать берестяной документ.

№ 988. Стратиграфически конец XII – начало XIII в. От грамоты сохранились только разрозненные маленькие фрагменты. В них представляют интерес следующие два отрезка:

1) (а ны)|нѣ засоладе еси ... ‘а теперь ты заслал...’

2) ... (б)ересто водаи акимуу ... ‘берестяную грамоту отдай Якиму’

Совокупность грамот Якима показывает, что это был монастырский человек, причем причастный к управлению монастырскими делами — возможно, игумен или иконом. Так, монастырскими принадлежностями являются иноческое одеяние (№ 927) и клобук (№ 982). Он постоянно выступал также в роли квалифицированного писца. В этом качестве он, вероятно, часто писал также за третьих лиц; именно такой характер могли носить многие из дошедших до нас деловых документов его руки. Яким имел также прямое отношение к хранению письменных документов (ср. № 988) и писчих материалов (ср. упоминание пергамена в № 992).

Личность Якима в значительной мере сходна с личностью уже известного нам персонажа того же времени, связанного с усадьбой И, — монастырского человека Серафьяна, который мог писать также и грамоты за светских лиц (см. [ДНД₂: 387]).

Другую важнейшую группу находок 2010 года составляет цикл грамот, связанных с Лукой, Иваном (предположительно его братом) и их отцом (которого, возможно, звали Сновидом).

Большая часть грамот этой группы написана всего двумя почерками, которые можно обозначить как почерки писца А и писца Б.

Писцу А принадлежат № 997, 1004, 1005 (лицевая сторона), 1006 и 1012. Возможно, этим писцом был Лука. Но если это так, то Лука написал также грамоту № 997 (где он сам только упоминается) для другого лица. С другой стороны, грамота № 999, исходящая от Луки, написана другим почерком. Таким образом, ясно, что в этой группе грамот в каких-то случаях автор и писец не совпадают.

Писцу Б принадлежат № 1009 и 1005 (оборот). Возможно, этим писцом был Иван.

Стратиграфически грамоты Луки, Ивана и Сновида относятся к середине — 2-й половине XII в. Внестратиграфическая оценка совокупности грамот писцов А и Б — 2-я половина XII в. (предпочтительно 1160-е — 1170-е гг.).

Иван и Лука фигурируют также в грамоте № 936 второй половины XII века, найденной ранее на той же усадьбе Ж. Это фрагмент письма от Ивана к Мирошке (т. е., по-видимому, к посаднику Мирошке Нездиничу), в тексте которого упоминался Лука.

К данной группе документов относятся прежде всего шесть писем от Луки (один раз вместе с Иваном) к отцу.

№ 999. Почти целое письмо из трех строк на лицевой стороне и четырех на обороте (с утратами в последней строке). Оно сложилось из двух разновременных найденных фрагментов. Стратиграфически 2-я половина XII в. Внестратиграфическая оценка: XII в. (предпочтительно 1-я половина).

Ѡ лоукѣ ко отьцеви възъими върьшь оу тоуѣ
дора а :ѣ: гривнѣ въдаи ѡкъшѣ оу тоудоровѣи
[:ѣ: г]р[ив]нѣ [възьми]

оборот

а повели оти прода лашьке въ распутье тоудорове лашьке
новотъръжскихъ и жита и ржи :и:и: котль великихъ а пшениць гї
котль мѣри же право ли ти есть и цѣлоу та а наимитоу въда[но]
~ - - - -[то] - - - - -[оу :]ѣ: ногатѣ

В *мѣри* буква *ѣ* переделана из *о* и буква *и* тоже переделана из *о*. Между *ти есть* и *и цѣлоу* зачеркнута буква *и*.

Перевод: 'От Луки к отцу. Ссыпь зерно у Тудора (т. е. на его усадьбе). А две гривны отдай Якше — возьми две гривны у Тудоровой жены (или вдовы). Да прикажи, чтобы Ляшко — Тудоров Ляшко — продал в распутицу новоторжских жита и ржи 18 больших котлов, а пшеницы 13 котлов. Измерь же, правильно ли [всё]. И приветствую тебя. А работнику дано ... [столько-то и такому-то] 2 ногаты'.

Текст написан на чистом древненовгородском диалекте: здесь представлены И. ед. муж. *Лашьке*, *Тоудорове*, Д. ед. *ко отьцеви*, Р. ед. *а*-склонения *Ѡ Лоукѣ*, Д. ед. *ѡкъшѣ*, 3 ед. презенса *оти прода*.

Якша — явно тот же, что в целой серии грамот того же времени с усадьбы Е. Как убедительно показал А. А. Гиппиус [Гиппиус 2003: 18–31; 2004: 164–168], за этим гипокористическим именем стоит не кто иной, как знаменитый новгородский посадник XII века Якун Мирославич.

Возможно, письмо сопровождало партию зерна, доставленную из Торжка.

Указание продать зерно во время распутицы, очевидно, определяется тем, что в это время цены на зерно возрастают.

Из грамоты видно, что зерно могли мерить котлами; ранее этот факт не был известен.

Указание получателю товара измерить, заполнены ли сосуды до правильного уровня, — такое же, как в грамоте XIV века № 39 из Старой Руссы, где речь идет о том, чтобы проверить в бочках уровень доставленного вина.

Имя *Тудоръ* характерно в основном для XI–XII веков; позднее его вытесняет вариант *Федоръ*; см. об этом [ДНД₂: 246].

Имена *Ляхъ*, *Лашько* встречаются в древнерусских источниках неоднократно (см. [Тупиков 1903: 294]). Имя *Лашько* носил, в частности, один из убийц князя Бориса; имя *Ляхъ* встретилось в берестяной грамоте № 615.

№ 1004. Целое письмо из пяти строк на лицевой стороне и двух приписок (из трех и из четырех коротких строк) на обороте. Писец А. Стратиграфически 2-я половина XII в.

+ Ѡ лоукы къ Ѡтьцевѣ то ти : не вѣдало наѣмѣти ѣже то
ма везе:ль : на кожахъ вевѣрице : а продалъ ти есею
емоу на ѣсти ногатъ сковородъ : то ти гъльнѣ вѣ : а идеть
ти во лодіе съ товаромо воземи же ж него вѣ гривене : а
ли ти са ѣзмотаетъ а молвиво емоу поусти же ѣ во три

оборот

а) с поворотом на 180°

+ Ѡ лоу

б) в левой части

а то гоѣмере а
ѣже то чьрени[г]ове [і] со женою
не поменю ѣма

в) в правой части

а се ти ѣ рѣ
е ѣзано
со берѣ
стою

На лицевой стороне между *емоу* и *поусти* зачеркнуто *в* (очевидно, автор раньше, чем следует, начал писать *во три*). В приписке в имени *Гоѣмере* буква *і*, по-видимому, переправлена из *е*.

Странная запись *везе:ль*, вероятно, возникла потому, что автор вначале написал *везе* ‘везет’ (и успел поставить разделительное двоеточие), а затем понял, что правильнее сказать ‘вѣз’ (*везле*). Тогда он просто дописал окончание *-ль* (= *-ле*), а менять получившееся *везель* на *везль* не стал: и то, и другое в эту эпоху уже могло читаться одинаково как [вез’л’е]. Заметим, что похожий эффект представлен и во второй приписке: автор начал писать *р|е*, но потом решил записать гласную иначе и продолжил слово в виде *ѣзано*.

Перевод: ‘От Луки к отцу. Вот не отдал работник, который меня вез, денег за кожи, да я продал ему на шесть ногат сковород – итого полных две [гривны]. А он идет в ладье с товаром. Возьми же у него две гривны. А если отвертится, то объявив ему [об этом], введи его [в долг] в три [гривны]’.

Приписка на обороте: ‘А это Гоймер. Ну который в Чернигове. И с женой — не помню имя’. Это пояснение адресату о том, кто подает ему это письмо. Понятно тем самым, каким образом письмо было доставлено в Новгород: оно было послано (вероятно, из Чернигова) с человеком, который вместе с женой отправился в Новгород. Отметим, что перед нами первое упоминание Чернигова в берестяных грамотах.

Вторая приписка: 'И вот 10 резан с [этим] берестяным письмом'.

Отметим способ записи числительных — цифрой с выписанной конечной частью словоформы: *ѣсти* = *шесть*, *ѡе* = *две*.

В тексте черты древненовгородского диалекта (И. ед. *наимить*, *Гоимере*, перфект *везель*) сочетаются с наддиалектными чертами (Р. ед. *ѡ Лоукы*, перфекты *не въдало*, *продаь*), т. е. автор все же считал нужным в какой-то степени ориентироваться на наддиалектную норму. Из интересных грамматических явлений отметим беспредложный М. ед. *Чьренигове* и местоимение *іже то* 'который' (см. [ДНД₂, § 4.35]). Словоформу *вевѣрице* следует интерпретировать как Р. мн. (= *вѣвериць*), поскольку она подчинена глаголу с отрицанием (*не въдало*).

С синтаксической точки зрения интересна фраза *не поменю іма*, в которой на первый взгляд нарушено правило о родительном падеже при отрицании. Следует полагать, однако, что в действительности структура этой фразы не та же, что в *не помню имени*. Слово *іма* здесь стоит в именительном падеже, как во фразах типа *съ женою, іма Настасья; съ коровою, кличка Буренка* (или с инверсией: *съ женою, Настасья іма; съ коровою, Буренка кличка*). В разговорной речи вместо имени собственного в такой конструкции может стоять некоторое объяснение по его поводу, например: *съ коровою, кличка - не помню; съ женою, іма - не помню*. В последнем случае достаточно инверсии, чтобы получилась фраза из данной грамоты.

Слово *вѣвериць* в качестве общего обозначения денег — признак древности: оно встречается только в домонгольский период.

Глагол *измотатиса* в древнерусских текстах до сих пор не встречался. Его современное значение 'выбиться из сил' к контексту явно не подходит. Учитывая общее значение глагола *мотатиса* — 'беспорядочно двигаться из стороны в сторону' [Слов. XI–XVII, 9: 277], естественно предположить для приставочного *измотатиса* значение, близкое к современным *извернуться*, *вывернуться*, *выкрутиться*, *отвертеться*. К контексту данной грамоты такое значение подходит очень хорошо.

Не встречалось ранее также представленное в грамоте выражение *пусти и во три* (подразумевается: *гривнѣ*). Оно расширяет наши знания о формулах, которыми обозначались санкции не выплатившему вовремя долг должнику. Работник должен две гривны; в случае неуплаты на него следует возложить долг в три гривны, то есть полуторный (именуемый *въ полы* 'в половину'). Такая ситуация четко описана в грамоте № 915 XI века: *присъли коуны, оже ли не присълеши, то ти въ полы*. Глагол *пустити*, представленный в формуле *пусти и во три*, выступает здесь в своем значении 'отослать, отправить, направить'. С предлогом *въ* это дает значение, близкое к 'ввести (вогнать) во что-либо' — в данном случае в увеличенный долг.

Никогда ранее не встречалось в древнерусских источниках также имя *Гоимѣрь*. Но оно отмечено в болгарских источниках XV–XVI веков [Protobulg]. Близкое по форме имя *Гоймир* существует и поныне у словенцев, хорватов и сербов.

Структура дохристианского имени *Гоимѣрь* вполне прозрачна: часть *гои-* соотносится со словом *гои* 'оживление, исцеление, жизнь'; часть *-мѣрь* — та же, что, в частности, в имени *Володимѣрь* (*Владимѣрь*); параллелизм *Гоимѣрь* — *Гоймир* — такой же, как *Володимѣрь* — *Володимирь*.

№ 1005. Начальные четыре строки лицевой стороны письма и начальные четыре строки оборота (с небольшими утратами). Лицевая сторона — писец А, оборот — писец Б. Стратиграфически 2-я половина XII в.

х ѡ лоукѣ : покланан[и](є к- ---)
цьви : то ти вино съ лоук[о възда] :
ѡ: а стькланиць ти ѡте : : а сѣ
ама ти сѣдивь на лоукаχ[о] (|...)

оборот

-----осогорж п[р]оса по па
[ти на] дьсате кжнъ а изж
мѣласа есвѣ : ѿ бърко
вск[а] : [а] во[ло](у)[а](н)[о] ... (|...)

Перевод: 'От Луки поклон отцу. Вот вино из Великих Лук повезли двое. А стеклянных бокалов 30. А мы (двое) сами сидим в Великих Луках'.

На обороте: '[А за перевоз по] Косогору (?) просят по пятнадцати кун – мы изумились: от берковца! А жителей волока (?) ...'.

По-видимому, ставка мыта обычно исчислялась не от берковца, а от какой-то другой меры (возможно, от воза). Отсюда изумление авторов письма.

К сожалению, утраченное начало текста на обороте надежно восстановить не удастся. Вероятно, в тексте упоминался географический пункт, именуемый *Косогоръ*. Очевидно, он стоял на волоке, и местные жители за плату перевозили грузы по волоку.

В тексте могло стоять *а оу Косогорж*, *а на Косогорж* или *а по Косогорж*. Наиболее вероятным следует признать последний вариант, поскольку для данной эпохи как Р. ед. на -у, так и М. ед. на -у от слова такой структуры представляется слишком ранним. Вариант *а по Косогорж* предполагает подразумеваемое *перевезти*.

Не вполне надежно восстанавливается также слово *волочано* в конце сохранившейся части текста. Если эта реконструкция верна, то имеются в виду люди, живущие у волока, т. е. местные перевозчики.

Запись *три десе* как *лте* — такая же, как в № 1004.

Проса 'просят' — диалектная форма 3 мн. презенса (ср. эту же форму в сходном контексте в грамоте № 2 из Старой Руссы [ДНД₂: 684]).

Примечательны многочисленные формы двойственного числа: *възла*, *сама*, *сѣдивь* (= *сѣдивѣ*), *изжмѣласа есвѣ*.

Луки (слово жен. рода; собственно: «излучины» [реки]) — обычное древнерусское название Великих Лук.

Стькланица — стеклянный сосуд (бокал и т. п.).

Изумѣтиса — изумиться.

№ 1006. Целое письмо из трех строк с двустрочной припиской на обороте. Писец А. Стратиграфически середина – 3-я четверть XII в.

х ѿ лоукъ грамота ко ѿтечьви то ти то возо
во осмь на десать коуно і в гриве
нѣ і со провозомо

В *ѿтечьви* между *т* и *е* начата и брошена какая-то буква. Перед *і со провозомо* зачеркнуто *п* (возможно, автор вначале хотел написать просто *провоза*).

оборот

а семоу вода
ї осмь ногато

Перевод: 'От Луки к отцу. Вот это воз на восемнадцать кун и две гривны, с провозом'. Приписка на обороте: 'А этому (то есть подателю сего) дай восемь ногат'.

№ 1009. Почти целое письмо из пяти строк. Писец Б. Стратиграфически 2-я половина XII в.

(ѿ) [лоукы и] отъ иванна къ снови
дж сторова {а} ти есвѣ жже ти са е
свѣ под[ъ](п)р[од]ала а товара ти есвѣ
гръчскаго не кжпила а товарь
ча нагытаи заморьскаго

В слове *сторова* буква *a* по ошибке написана дважды. В слове *кжила* буква *л* была пропущена и втиснута потом, причем даже дважды — в строке и над строкой.

Но двойное *n* в имени *Иванна* не следует считать ошибкой писавшего; скорее это редкий вариант с копированием греческого двойного *vv* в имени *Ἰωάννης*. Вариант *Иваннъ* многократно встречается, в частности, в новгородских и псковских летописях, в послании Ивана Грозного Стефану Баторию, в автографе «Жития» Аввакума.

Перевод: 'От Луки и Ивана (Иванна) к Сновиду. У нас (двоих) всё в порядке. Мы уже [свое] подраспродали, а греческого товара не купили. Так что приищи заморского товара'.

Не исключено, что Сновид — это и есть отец Луки и Ивана, то есть что адресат здесь реально тот же, что и в серии предыдущих грамот.

Сновид по всей вероятности тождествен одноименному персонажу грамоты № 955 середины — 2-й половины XII века, найденной на усадьбе Т (где идет речь о том, чтобы Косе Великой выйти замуж за Сновида).

Имя *Сновидъ* встречается также и в нескольких других берестяных грамотах. Показательно, что во всех случаях оно записано уже, как и в данной грамоте, без *ъ* между *с* и *н*; очевидно, *ъ* в данной позиции выпадал раньше, чем в ряде других.

Как и в предыдущих грамотах, имеется целый ряд форм двойственного числа: *сторова, есѣѣ* (3 раза), *са подъпродала, не кжила*.

Сторовъ (древненовгородское соответствие наддиалектного *съдоровъ*) — 'благополучный', 'успешный в жизненных делах', 'у кого всё в порядке'.

Никогда не встречавшийся ранее древнерусский глагол *подъпродатиса*, судя по контексту, означает 'подраспродать (свое)'. Интересно, что этот же глагол используется в нынешнем жаргоне биржевых игроков и маклеров: *подпродаться* означает у них 'частично продать свои акции'. Но с древнерусским глаголом тут преемственной связи нет; просто и в том и другом случае активно использованы богатые потенции русского словообразования.

Не встречался ранее также глагол *напытати*. Но его морфемная структура позволяет установить его смысл достаточно точно: 'найти, расспрашивая, разузнавая (где имеется нужный товар)', 'приискать'.

Отметим термины *гръчьскыи* и *заморьскыи* применительно к товару. Первый означает товар из Византии, второй — из Западной Европы.

Интересно уменьшительное *товарець*, которое уже однажды встретилось в грамоте № 952 (середины — 2-й половины XII в.); возможно, это не просто слово с эмоциональной окраской, а термин, который имел в купеческом обиходе какой-то определенный смысл.

№ 1012. Средняя часть двух начальных строк письма и конец строки на обороте. Писец А. Стратиграфически середина — 3-я четверть XII в.

(Ѡ ... поклана)[н]ие [:] к отьцевѣ сторово ти есм[ь :] а товар...
...ъ : а сам[ъ] ти ногатѣ копая : [вз]мьток... |...

оборот

... ко сновидо[ви] а самъ ти гръц[ь]ника жидоу

В словах *самъ ти* после *м* зачеркнуто *и*, после *т* зачеркнуто *ь*.

На лицевой стороне ниже второй строки сохранились самые верхушки еще нескольких букв, для которых, по-видимому, можно предложить реконструкцию [:] (а) [къи] н[и є] 'а какой ни на есть'.

Судя по почерку и по характеру содержания, этот документ почти наверное представляет собой очередное письмо Луки к отцу.

Перевод: '[От Луки (?)] поклон отцу. У меня всё в порядке. А товар ... А сам коплю ногаты — выгрузку ...'. На обороте: '... к Сновиду, а сам-то я жду гречника'.

Возможно, ногаты нужно было копить, чтобы оплатить выгрузку. А.А. Гиппиус высказал предположение, что существовал узус расплаты с наемными работниками именно ногатами; ср. выплаты в ногатах, упоминаемые в грамотах № 999 и 1006. О возможности особой роли ногат в системе расчетов говорит также указание *воземи десять гривьно ногатами* в грамоте № 227 2-й половины XII в. и выражение *гривна из ногато* в грамоте № 392 XIII в.

По предположению А. А. Гиппиуса, текст на обороте адресован уже не отцу, а посланцу: ему поручается привезти это письмо к Сновиду, а о себе автор говорит, что он ждет, когда прибудет по «пути из варяг в греки» очередная партия купцов, торгующих с Грецией.

Исключительно важно упоминание в грамоте «гречника». Этот термин известен только из следующих пассажей Ипатьевской летописи:

1) *в се же лѣ^м Дѣдъ замъ грѣчнѣки во Шлешыи и замъ в нѣ^х все имѣнѣе* (под 1084 г.);

2) *се же оувѣдавши Половци, шже кнѣзи не в любви живутъ, шедше в порогы, начаша пакостити гречникомъ; и посла Ростиславъ Володисла^в Ляха с вои, и възведоша гречникы* (под 1167 г.);

3) *и стояша оу Канева долго верема, дондоже взиде гречникъ и залозникъ, и ѿтолѣ възвратишася въ своя си* (под 1168 г.);

4) *се, брат(ъ)е, Половцемъ есме много зла створили, вежѣ ихъ поимали есмы, дѣти ихъ поимали есмы, и стада и скоть; а тѣмъ всако пакостити гречнику нашему и залознику; а бѣхо^м въшли противу гречнику* (под 1170 г.).

Этот термин обычно толкуется как «купец, ведущий торговлю с Византией по «пути из варяг в греки»». 1-я и 2-я из приведенных цитат дают все основания для именно такого толкования. В 3-й и 4-й цитатах *гречникъ*, по-видимому, выступает в собирательном значении — подобно тому, как древнерусское *гость* могло обозначать совокупность купцов (например, *нѣмечьскыи гость*). Глагол *възведоша* во 2-й цитате означает, что воины Володислава Ляха обеспечили купцам, едущим из Византии, возможность безопасно подняться вверх по Днепру, оградив их от грабительских нападений половцев. Аналогично и *взиде* в 3-й цитате означает, что купцы поднялись вверх по Днепру под защитой стоящего у Канева русского войска. В 4-й цитате речь идет о том, что русское войско должно выйти навстречу (*противу*) едущим купцам, чтобы обеспечить им защиту от половцев.

В некоторых работах на основании 4-й цитаты *гречникъ* истолковывается как обозначение самого «пути из варяг в греки». Но для этого всё же не усматривается достаточных оснований.

В грамоте № 1012 данное слово (в его древнейшем виде *грѣчнѣки*), судя по контексту, выступает в значении, близком к 3-й и 4-й цитатам из летописи. Автор ждет прибытия купцов-«гречников». Но их передвижение явно носило характер периодически отправляющихся экспедиций (из целой партии купцов), которые под той или иной формой вооруженной защиты проходили те места на Днепре, где их постоянно пытались грабить половцы. В этой ситуации ждать купцов-«гречников» означало ждать прибытия именно такой экспедиции; и тогда в контексте *жьдати грѣчника* само слово *грѣчнѣки*, вероятно, практически уже могло пониматься как обозначение события, состоящего в прибытии такой экспедиции.

Слово *выметѣка* явно означает здесь выгрузку товара с судна на берег (от *выметати* «выбросить»); ср. *Дал лодейным казакам найму от дров от дву лодей за ход и от выметки два рубля тритцат(ъ) алтын двѣ денги* ([Слов. XI–XVII, 3: 222]; документ 1606 г.).

Жидоу — правильная древнейшая форма презенса от глагола *жьдати*. К сожалению, древнерусские словари [Срезн.; СДРЯ (т. III); Слов. XI–XVII] дают для *жьдати* только презенс *жьдоу*, а формы *жидоу*, *жидеть* ошибочно приписывают к инфинитиву *жидати* (который нигде не засвидетельствован и у которого презенс имел бы вид *жидаю*). Ошибка исправлена только в V томе СДРЯ (Исправления к I–IV томам, с. 615).

Грамота № 1012 показывает, что древнейший презенс *жидоу*, рано вытесненный новой формой *жьдоу*, в живой древненовгородской речи в XII в. еще сохранялся.

К этой же группе относятся следующие грамоты с упоминанием в той или иной роли Луки, Ивана или Сновида:

№ 997. Целое письмо из трех строк на лицевой стороне и трех строк на обороте, у которого, однако, левая часть с обеих сторон чрезвычайно сильно истерта и читается ненадежно, а местами не читается вообще. Писец А. Стратиграфически 2-я половина (предпочтительно последняя четверть) XII в.

(Ѡ н)[ѣ]го[жир]а къ тѣшеноу : моа же
-[ебе]ца не виновата никому ж
да продале есем[ѣ] лоукѣ

оборот

[да] - - - - -ем[и] : ж [тѣ]шена гриве
[н]оу [ж](и)[зн]омироу : тѣшеноу ж ра
- - - - - [тѣ]шеноу : [ѣ]: коун[ѣ]

Смысл начальной фразы из-за спорного характера ненадежно читаемого отрезка *же*[-*ебе*]ца остается недостаточно ясным. Наиболее вероятно чтение *же(р)[ебе]ца*. Правда, смысл 'два жеребца' плохо сочетается с последующим *не виновата никому ж*, которое в нормальном случае означает 'никому не должны' и относится только к людям. Допустимо предположить, что *виновать* могло иметь также незасвидетельствованное более широкое значение 'обременен долгом (своим или за себя)'. Тогда данная фраза могла бы означать, что автор никому ничего не остался должен за этих жеребцов. Или же что жеребцы нанесли какой-то ущерб соседям, но дело об ущербе уже улажено.

Другая мыслимая версия состоит в том, что *жеречець* здесь следует понимать не как 'жеребец', а как незасвидетельствованное уменьшительное от *жеречь* (редкий вариант к слову *жеречи*) — 'участочек (доставшийся по жребью)' (ср. в этом значении *жерече́чек* в СРНГ, 9: 136). Но все трудности с истолкованием слова *виновать* и в этом случае сохраняются, а само существование омонима к такому активно используемому слову, как *жеречець*, представляется сомнительным.

Далее в грамоте сказано: 'и я продал Луке' (подразумевается: то, о чем сказано выше, т. е. «*моа жеребеца*»).

Текст на обороте явно адресован уже не Тешену, а другому человеку (поскольку Тешен в нем упоминается уже в третьем лице) — очевидно, тому, кто должен был это письмо Тешену доставить. Это стандартного типа записи о денежных расчетах.

Диалектные черты: *-ле* в *продале*, *-кѣ* в *Лоукѣ*.

Отметим очередные примеры двойственного числа: *моа же(р)[ебе]ца*, *не виновата*.

В грамоте представлены характерные дохристианские имена *Тѣшенъ*, *Жизномиръ*, *Нѣгожиръ* (последнее, впрочем, читается ненадежно).

№ 1000. Целое письмо из двух строк. Стратиграфически 2-я половина XII в. Вне-стратиграфическая оценка: середина XII – 1-я четверть XIII в., предпочтительно 60-е – 90-е гг. XII в.

Ѡ къаса ꙗ Ѡ жирочька къ твърдате ꙗ къ ꙗваноу
стова ти есве

После *жироцька* буквы *къ т* написаны (с усиленным нажимом) поверх слабо видимого *сторов*, т. е. автор вначале забыл назвать адресатов; тогда он затер верхний слой бересты с буквами *сторов*. А в основном тексте грамоты в том же слове *сторова* автор пропустил слог *ро*.

Перевод: 'От Кыяса и Жирочка Твердате и Ивану. У нас (двоих) всё в порядке'.

Жирочко, вероятно, тождествен Жирочке из грамоты № 851 середины XII века, найденной на усадьбе Е, и, может быть, также Жирочку — одному из двух авторов грамоты № 954 1-й половины XII века, найденной у южной границы усадьбы Ж.

Твердята, вероятно, тождествен одноименному персонажу грамоты № 672 2-й половины XII века, найденной на усадьбе И.

Большой интерес представляет имя *Кыасъ*. За написанием *Къасъ* (с ъ) явно стоит форма с *кы-* — либо просто в силу передачи *ы* через *ъ*, либо в силу нейтрализации противопоставления [ы] и [ъ] перед [j].

Возможны две версии происхождения этого имени.

Первая состоит в том, что это имя принадлежит человеку (вероятно, купцу) восточного происхождения: арабское *qiyās* ‘сопоставление’, ‘образец, мера, норма’ широко используется в качестве личного имени у многих народов восточного мира, в частности, тюркских; ср., например, турецкое имя *Kiyas*, туркменское, киргизское (и др.) имя *Кыяс*. В ряде грамот Северо-восточной Руси XV в. [АСЭИ, I, № 175, 309, 494, 649] фигурирует село *Киясово* в Радонеже, а также [Там же, № 28, 581] *Киясова* пустошь в Угличском уезде. В Удмуртии существует город *Киясово*.

Вторая версия — собственно славянское происхождение этого имени. В работе [Васильев 2005: 209] восстанавливаемое на основе топонима *Киясова гора* [НПК, I: 423] исходное имя *Кыасъ* объясняется как производное от **куъ* ‘палка’. Но это объяснение сталкивается с той трудностью, что отыменной суффикс *-ас-* в славянском словообразовании почти отсутствует. Приводимое В. Л. Васильевым в качестве аналога древнепольское имя *Kijaszka* содержит другой, совершенно обычный суффикс — *-(а)шк-а*. В целом эта вторая версия представляется менее вероятной.

№ 1007. Две строки письма (вероятно, двустрочного) без правой части. Стратиграфически середина – 3-я четверть XII в. Внестратиграфическая оценка: 20-е – 70-е гг. XII в.

Ъ сновѣда грамота къ соулатѣ ѡшелѣ ти есме [о]...
седьла стрѣльскорене оуздѣ оти пѣтаеть коул...

В *стрѣль* буква *р* была пропущена и вставлена потом, а буква *ь* видна слабее прочих — по-видимому, она частично затерта.

В *пѣтаеть* буква *ъ* есть графическая замена для *ы*. За написанием *ѡшелѣ* стоит *отъшьлѣ* (или, может быть, уже *отошьлѣ*).

Перевод: ‘От Сновѣда грамота к Суляте. Мы уехали ...’. После разрыва: ‘... сѣдла, стрелы, сапоги, узды. Пусть спросит Кул[отка] (?) (или: Кул[отку]) ...’.

Скорьня или *скорень* — ‘сапог (кожаный)’ (от *скора* ‘кожа’). Ср. *скорни* ‘сапоги’ [Слов. XI–XVII, 24: 242], укр. *скірна* ‘сапог’, польск. *skornia*, словен. *skórnja* и *škórānj*. Производным от этого слова является современное *скорняк*.

Записи *стрѣль* и *скорене* грамматически двусмысленны: это либо И. В. мн. *стрѣл(ы)* (с заменой *ы* на *ъ*, как в *пѣтаеть*) и *скор(ь)н(ѣ)*, либо Р. мн. *стрѣль* и *скорен(ь)*. По-видимому, следует признать более вероятным второе — прежде всего потому, что для И. В. мн. *стрѣл(ы)* приходится предполагать другое окончание, чем в стоящем рядом И. В. мн. *оуздѣ*. Во втором случае некоторая необычность состоит в том, что в перечне именительные (или винительные) падежи перемежаются с родительными, т. е. буквально сказано ‘сѣдла, стрел, сапог, узды’. Подобная организация перечня встретилась ранее в грамоте № 586 (‘вишен, вина, уксус и муку, Иванову шубу и сковороду’).

Диалектные черты: *-ѣ* в И. В. мн. *оуздѣ*; *-ме* в I мн. *есме*; *ѡшелѣ* — один из двух самых ранних примеров диалектного новгородского перфекта множ. числа на *-лѣ* на месте древнего *-ли* (наряду с *съгонилѣ* в грамоте № 821 3-й четверти XII в.)

Имя *Сулята* (производное от *Сулимиръ*) встречено впервые.

Кроме того, к данной группе примыкают три фрагмента из документов купеческого содержания, авторы и адресаты которых из-за обрывов неизвестны.

Все три стратиграфически относятся к середине – 3-й четверти XII в.

№ 1011. Средние части двух строк документа (возможно, срединных). Внестратиграфическая оценка: XII в., не позднее 70-х гг. (предпочтительно 40-е – 70-е гг.).

(...|) ... (на) [иг]олахо поло пате резанѣ на ножаху пол...
... [дѣва]тѣ коунѣ : на ожерьяхо поло шесть [к]... (|...)

Во фрагменте указаны суммы, затраченные на иглы, ножи и ожерелья.

Документ представляет исключительный интерес для истории русского языка: формы *на ножаху* и *на ожерьяхо* — самые ранние в истории русского языка примеры нового окончания *-ахъ (-яхъ)* во множ. числе *о*-склонения.

В работе [ИГДРЯ I], содержащей самый полный и самый надежный анализ такого материала, первыми по времени свидетельствами нового окончания *-ахъ (-яхъ)* в М. мн. *о*-склонения признаны: для среднего рода (с. 247–248) — примеры из паремейника 1271 г. (*въ надрахъ*), кормчей 1284 г. (*сквоженияхъ*) и берестяной грамоты № 349 60-х – 70-х гг. XIII в. (*на цереваху*); для мужского рода (с. 249–250) — 7 примеров 2-й половины XIV в. (начиная с *о глаголахъ* в евангелии 1358 г.).

Это значит, что форма *на ожерьяхо*, представленная в настоящей грамоте, приблизительно на сто лет раньше самых ранних известных до сих пор примеров данного рода, а форма *на ножаху* — на целых двести лет!

№ 1014. Средние части трех срединных строк письма.

...| ... [и]мѣти отъ зоу [ос]м[ию] - - д[є]...
... (ко)[у]н[ахъ] а идеши къ соли а та...
...-т[ъ]гы[д]... (|...)

В этом фрагменте надежно читается только один отрезок: *а идеши къ соли, а ...* ‘а если ты пойдешь к Соли, то ...’ (вероятно, речь идет о Соли Вычегодской). Но он ярко демонстрирует еще один род купеческих операций, проводимых жителями этой усадьбы.

№ 1015. Срединная или последняя строка документа.

...| ак[ъ]ша с[ол]-мирцоу . а коуплено ти по цетьри коун- (|...)

Слова ‘... Якша Солимирцу (или Сольмирцу)’ явно представляют собой конец какого-то предложения (со сказуемым типа ‘дал’, ‘послал’ и т. п.). Далее сказано: ‘А куплено по четыре куны’.

О Якше см. выше. Солимирец или Сольмирец, вероятно, тождествен Суляте из № 1007 — поскольку имя *Солимиръ* (*Сольмиръ*) имело вариант *Сулимиръ* (*Сутьмиръ*); см. об этом [ДНД₂: 329].

Из прочих грамот следует отметить:

№ 985. Срединная или последняя строка письма. Стратиграфически конец XII – начало XIII в.

...| ...[а ч]-м[є] . [а] к[о ла]рю крени (|...)

Здесь ценно слово *крени* ‘купи’ — от древнейшего глагола *крити* ‘купить’, который бытует в древнерусском языке лишь примерно до конца XII века (см. о нем [НГБ-VIII: 174–175]).

Интересно также слово *ларь*; но оно, к сожалению, читается ненадежно.

№ 1001. Две последних строки письма. Стратиграфически 2-я половина XII в.

...| а семоке ала по[с]леде не жалоуита оже ва
продаженике поиде

Отрезок *a семоке* из-за отсутствия предшествующего контекста интерпретируется ненадежно (имя *Семько?*, существительное *семькъ* ‘седьмая часть и т. п.’?).

Но очень выразительна и ценна заключительная фраза: ‘А иначе вы (двое) потом не жалуйтесь, если к вам явится продажник (т. е. судебный исполнитель, взимающий штрафы)’.

Представляют интерес формы двойственного числа (*не жалоуита* и *ва*) и редкий союз *ала* ‘или же’, ‘а иначе’ (встретившийся также в грамоте № 890).

Но особенно ценен неизвестный доньше древнерусский термин *продажьникъ*. Он несомненно является прямым аналогом известного из Правды Русской термина *вирьникъ* ‘судебный исполнитель, взимающий виры’. Поскольку в целом ряде древнерусских источников виры постоянно упоминаются в паре с продажами, т. е. штрафами (в составе устойчивого сочетания *виры и продажи*), значение термина *продажьникъ* оказывается очевидным: это судебный исполнитель, взимающий штрафы. К контексту данной грамоты это значение полностью подходит.

№ 1002. Три срединных строки документа. Стратиграфически 2-я половина XII в.

...| на чьлади [въ]вьричь не [п]ла[ти]л[е]
:е: на дьсате гривно а нынько
во али по коунь на ньдылоу а ныны |...

Это фрагмент некоего финансового документа.

Перевод: ‘... За челядь он не заплатил денег пятнадцать гривен. А теперь взяли по куне на неделю. А теперь ...’.

О слове *въвериць* в значении ‘деньги’ см. выше.

В грамоте представлено ранее неизвестное слово *нын(ѣ)ково* — один из вариантов слова *нынѣ*, соединенного с усилительными частицами. В данном случае это частицы *-ко* и *-во*. Частицы *-ко* (с вариантом *-ка*) и *-во* (с вариантом *-ва*) широко представлены в современных говорах в многочисленных наречиях. Вот некоторые примеры: *куды́-ко* и *куды́-ка* ‘куда-нибудь’ [СРНГ, 16: 17], *вóтотко* и *вóтотка* ‘вот’ [5: 160], *нѣтука* [21: 180]; *досю́лево* и *досю́лева* [8: 152 и 151], *наутрево* [20: 250], *ми́мова* [18: 166], *втупорва* [5: 235]. Особенно многочисленны примеры соединения таких частиц со словами *ныне*, *ноне*, *нонече*, *нонче*: *ны́нево* [21: 322], *но́нека* [21: 275], *но́нько* [21: 278], *ны́нечко* [21: 322], *но́нечко* и *но́нечка* [21: 322], *но́нчека* [21: 278] и др. Имеется также один пример в берестяных грамотах: *а ныне ка* (или: *а нынека*) в грамоте № 109 рубежа XI и XII веков.

Встретившееся в данной грамоте *ныньково* — самый ранний пример аккумуляции таких частиц в составе единого слова.

№ 1013. Первая и начало второй строки документа. Стратиграфически середина – 3-я четверть XII в.

борисова ой коу
но а ѣ[ь] - -(...) (|...)

Буква *о* (маленькая) после *борисова* вписана потом.

Перевод: ‘Борисовы 8 кун. А 9 ...’.

Представляет интерес запись слова *осмь* цифрой, перед которой выписана начальная буква этого слова, т. е. *о* (см. об этом приеме [ДНД₂: 36] и подробнее [НГБ-IX: 233–241]).

Словоформа И. ед. жен. *Борисова* правильным образом согласована со словом *осмь*, представляющим собой существительное женского рода.

СТАРАЯ РУССА

В 2010 году были продолжены археологические исследования в Старой Руссе на Пятницком раскопе, расположенном на территории исторического ядра города (средневековой Русы). В прошедшем полевом сезоне изучались культурные напластования 20–

23 пластов усадьбы А. С площади этой усадьбы происходят все ранее найденные на Пятницком раскопе берестяные грамоты (№ 39–42). Высокий социальный статус ее владельцев подтверждается сфрагистическим материалом: две владычные печати, одна из которых — печать новгородского архиепископа Мартирия (1193–1199 гг.).

Грамота № 43. Целый документ из четырех строк.

Грамота найдена в юго-восточном углу квадрата 65, на глубине 439 см (пласт 22). Стратиграфические наблюдения позволяют предварительно датировать культурные напластования этого уровня последней четвертью XII века.

Внестратиграфическая оценка: последняя четверть XII – 1-я четверть XIII в., предпочтительно последняя четверть XII в.

Внешне грамота имеет необычный вид: она почти целиком разорвана вдоль строк на пять полосок, но правый конец документа цел, так что документ не распался на части и свободно свисающие полоски можно сомкнуть друг с другом.

оленеуваа вѣдала роукоу вѣ
трехъ гривенахъ гюрегевѣ и рекла
тако ако же есмю в анихъ вѣверица
хъ тако же во сихъ :х: торлина грамота

В конце текста у писца осталось мало места, и он записал слово *грамота* без *о*.

Перевод: ‘Оленцевая (т. е. жена или вдова Оленца) поручилась Гюргию в трех гривнах и сказала так: как я отвечаю за те деньги, так же и за эти’. «Те деньги» — это явно ссылка на некоторую предшествующую денежную операцию аналогичного характера.

После знака косоугольного креста (в двух двоеточиях) запись писца: ‘Торлина грамота’. В берестяных грамотах такое оформление юридического документа встречается впервые.

В.Б. Силина предложила следующую правдоподобную интерпретацию функциональной роли этого документа: это расписка в получении трех гривен, данная Оленцевой Гюргию. Эти деньги она Гюргию вернула, в знак чего расписка была аккуратно надорвана, то есть погашена — подобно тому, как ныне надрывают использованный билет с тем, чтобы его нельзя было использовать второй раз. Возможно, после этого ее уже просто выбросили, поскольку в таком виде она уже юридическим документом служить не могла.

Имя писца — скорее всего *Търъла*, в более поздней форме — *Торла* (хотя в принципе возможен также вариант с *-ла*: *Търъла*, *Торла*). С хронологической точки зрения это вполне может быть отец упоминаемого в новгородской летописи в связи с событиями в Русе Домажира Торлинич. Под 1224 годом в НПЛ читается:

Въ то * лѣтѣ по грѣхомъ нашимъ не тоу с(а) зло створи: выѣха Федоръ посадникъ съ роушаны, и биса съ литвою. И съгониша роушанъ съ конь, и много коневъ ѿиша, и оубиша Домажира Търлиница и сънь юго, а роушанъ Богъшию, а иныхъ много, а другихъ по лѣсоу розгониша.

В 1224 году у Домажира Торлинич был уже сын-воин, следовательно, ему было не менее, чем лет 45–50, т. е. он родился не позднее примерно 1180 года. Соответственно, время наиболее активной деятельности его отца Торли должно приходиться примерно на последнюю треть XII века.

Ввиду уникальности имени случайное совпадение имен в данном случае почти невероятно; т. е. следует признать, что грамоту № 43 писал именно отец упомянутого летописью воина. Такое упоминание, конечно, указывает на то, что как Домажир Торлинич, так, вероятно, и его отец Торля занимал некое важное место в социуме Русы.

Имя *Търъла* (из *tъrlja*) родственно серб.-хорв. *търлати* ‘тереть, растирать’, *търлити* ‘мять, трепать (лен, пеньку)’, ‘подстерегать, подлавливать’, *търлица* ‘мялка’, ‘скалка’, *търлати* ‘бродить, шататься’, словен. *triliti* ‘мять, трепать (лен, пеньку)’. Всё это несомненные производные от причастия *tъrlъ* (от корня *tъr-* ‘тереть’). Имеются и точные формальные соответствия для *търъла* — словен. *trlja* ‘(льно)мялка’, серб.-хорв. *търла* ‘под-

лавливатель'; но значение древнерусского *тър(ъ)ла* не обязательно в точности совпадало с этими словами. Отметим также существование производных с твердым *л*, в частности, польск. *tarło* 'тёрка'. Рефлекс *ър* (а не *ьр*) в слове *Тър(ъ)ла* можно сопоставить с таким же эффектом в северновеликорусском диалектном *дорж́ать* 'держать'.

Для имени (прозвища) *Оленець*, от которого произведено наименование *Оленьцева*, ср. прежде всего имя *Воль Оленчичь* ([Тупиков 1903: 734]; XVI в.), где отчество произведено от того же имени *Оленець*; ср. также имя *Оленикъ* ([Там же: 344]; XVII в.).

В фонетическом отношении представляет значительный интерес представленный в грамоте эффект *ъ + о → а*: в *анихъ* из *въ онихъ*; см. о нем [ДНД₂, § 2.34].

С морфологической точки зрения следует отметить замену исконного *ѣ* в словоформе *онѣхъ* на аналогическое *и* (*анихъ*) под влиянием *сихъ*, *ихъ* (ср. *во сихъ* в той же фразе).

Для выражения *быти въ чемь* в значении 'нести ответственность за что-либо' ср. *азъ въ томь* 'я за это отвечаю' в грамотах № 489, 749, Твер. 2; см. [ДНД₂, § 4.8].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- АСОИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 1–3. М., 1952–1964.
- Васильев 2005 — В. Л. Васильев. Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования). Великий Новгород, 2005.
- Гиппиус 2003 — А. А. Гиппиус. К идентификации персонажей новгородских берестяных грамот XII в. // Новгородский исторический сборник. 9 (19). СПб., 2003.
- Гиппиус 2004 — А. А. Гиппиус. О нескольких персонажах новгородских берестяных грамот XII в. // НГБ-ХI.
- ДНД₂ — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. Изд. 2-е. М., 2004.
- ИГДРЯ I — С. И. Иорданиди, В. Б. Крысько. Множественное число именного склонения // Историческая грамматика древнерусского языка. Т. I. М., 2000.
- НГБ-VIII — В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарий и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М., 1986.
- НГБ-IX — В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993.
- НГБ-XI — В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1997–2000 гг. М., 2004.
- НПК — Новгородские писцовые книги. Т. I–VI и указатель. СПб., Пг., 1859–1915.
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
- Правда Русская — Правда Русская. Т. 1–3. М.; Л., 1940–1963.
- СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1–. М., 1988–.
- Слов. XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–. М., 1975–.
- Срезн. — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III. СПб., 1893–1903.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. М.; Л., 1965–.
- Тупиков 1903 — Н. М. Тупиков. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.
- Protobulg — Страница за прабългарите. Език, произход, история и религия в статии, книги и музика // <http://protobulgarians.com>.

Сведения об авторах:

Андрей Анатольевич Зализняк
Институт славяноведения РАН
Елена Владимировна Торопова
Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого
Валентин Лаврентьевич Янин
Президиум РАН

© 2011 г. Е.В. ГОРБОВА

ВИДОВАЯ ПАРНОСТЬ РУССКОГО ГЛАГОЛА: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ*

В статье представлена попытка еще раз обратиться к вопросу о видовой парности русского глагола. Отправной точкой для предлагаемого решения проблемы является анализ ответов лингвистов на поставленную в «Анкете аспектологического семинара филологического факультета МГУ» задачу по оценке семи пар однокоренных русских глаголов с точки зрения их признания или непризнания видовыми коррелятами. Далее излагается носящий рекурсивный характер механизм определения видовой коррелятивности с учетом морфологического типа прототипических видовых пар, акциональных свойств глаголов и функционального критерия Маслова.

1. ПАРА ИЛИ НЕ ПАРА?

В «Анкете аспектологического семинара филологического факультета МГУ» [Анкета 1997] один из предложенных для обсуждения вопросов (II.5) был сформулирован следующим образом: «Как Вы оцениваете, в связи с предыдущим вопросом (о словоизменительном или словоклассифицирующем характере категории вида. – Е. Г.), проблему видовой парности? В частности, считаете ли Вы видовую дефектность системным или маргинальным явлением? Можно ли, на Ваш взгляд, считать (чисто)видовыми все или некоторые из следующих пар однокоренных русских глаголов:

видеть – увидеть, гулять – погулять, есть – поесть, идти – пойти, кричать – закричать, петь – пропеть, прыгать – прыгнуть?»¹ [Анкета 1997: 140].

Полученные ответы в своей совокупности выглядят довольно любопытно. Было опубликовано 36 ответов на поставленные в анкете вопросы, что соответствует 36 заявленным позициям (уточнение: одна анкета была подписана двумя фамилиями и одна была коллективной)². Из них в 32 анкетах (в дальнейшем именно они и будут взяты за 100 %) в той или иной степени был затронут вопрос о видовой парности (в четырех анкетах ответ на интересующий нас вопрос отсутствует). В девяти случаях (28 %) ответ базировался на функциональном «критерии Ю.С. Маслова» (далее – критерий Маслова)³, причем либо это было эксплицировано автором (авторами), либо этот факт

* Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ (Тематический план фундаментальных НИР СПбГУ) и Гранта Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ РФ «Школа общего языкознания Ю.С. Маслова» НШ-3688.2010.6.

¹ Отметим, что в [Маслов 1948; 1984: 59] глагольная пара *видеть ~ увидеть*, а также *колоть ~ кольнуть*, аналогичная приведенной в данном списке паре *прыгать ~ прыгнуть*, фигурируют в качестве образцовых представителей второй и третьей групп третьего разряда русских глаголов, который охарактеризован как «пары соотносительных глаголов несовершенного и совершенного вида» [Там же].

² См. также анализ ответов на вопросы упомянутой анкеты, в том числе анализ ответов на вопрос II.5, в статье [Черткова и др. 1997: 132–135].

³ См. [Маслов 1948; 1984: 48–65], а также [Горбова 2010а: 145–146]. В [Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2010: 5] отстаивается следующая позиция: «Мы полагаем, что только этот критерий является основанием для установления видовых пар и позволяет говорить о грамматическом характере видовой оппозиции в русском языке». И далее: «глаголы *X* и *Y* образуют видовую пару тогда и только тогда, когда глагол несов. вида *Y* может заменять глагол сов. вида *X* в контексте Маслова (повествование в настоящем историческом и контекст многократности. – Е. Г.); это и есть о п р е д е л е н и е видовой пары» [Там же: 6].

выводится из текста ответа, в котором применяются на практике тестовые процедуры, соответствующие критерию Маслова. В 23 случаях (72 %) при решении вопроса о (чисто)видовой парности предложенных глагольных двоек критерий Маслова не применялся. Примечательно также, что отсутствует двусторонняя корреляция между использованием критерия Маслова и признанием предложенных глагольных пар (чисто)видовыми: с одной стороны, и среди авторов девяти анкет, использовавших данный критерий видовой коррелятивности⁴, не все из семи предложенных пар были признаны (чисто)видовыми (по меньшей мере, в пяти случаях лишь часть из предложенных пар была оценена как характеризующаяся чистовидовой коррелятивностью). С другой стороны, среди тех 23 ответов на вопрос II.5, в которых критерий Маслова, по-видимому, не применялся, имеются 12 случаев частичного (относительно некоторых пар) признания (чисто)видового статуса предложенных пар глаголов⁵. Оставшиеся 11 анкет не демонстрируют единообразия оценок и в смысле отрицания (чисто)видового статуса предъявленных пар: присутствует и отрицательное отношение к самому понятию видовой пары (одна анкета), и просьба дать определение этого понятия, что является условием ответа, пока что отсутствующего, на поставленный вопрос (одна анкета).

Приведем данные по предложенным для оценивания их (чисто)видового статуса парам в виде таблицы (учитываются все 32 анкеты, содержащие, хотя бы частично, ответ на вопрос II.5).

Думается, что приведенные в *Таблице 1* данные достаточно красноречивы сами по себе. Их можно ранжировать, причем по трем основаниям, соответствующим трем

Таблица 1

Оценка (чисто)видовой парности семи предложенных в [Анкета 1997] пар однокоренных глаголов

		+ видовая парность	- видовая парность	+/- видовая парность ⁶
1.	прыгать ~ прыгнуть	14	7	6 ⁷
2.	видеть ~ увидеть	12	10	5
3.	идти ~ пойти ⁸	10	14	3
4.	есть ~ поесть	8	13	4
5.	гулять ~ погулять	7	14	5
6.	петь ~ пропеть	6	17	2
7.	кричать ~ закричать	5	16	6

⁴ Понятия видовой парности и видовой коррелятивности здесь и далее рассматриваются как синонимичные.

⁵ Здесь нужно пояснить, что при объединении анкет во вторую группу (из 23 анкет) не применялись слишком строгие требования: в некоторых анкетах речь шла не о понятии «(чисто)видовая пара», а о других понятиях, таких как «видовые партнеры» (два раза: совместный ответ Е.С. Кубряковой и Е.В. Петрухиной, а также Ф. Лемана), «функциональные пары» (Х. Томмола) или «видовые (аспектуальные) способы действия» (Х.Р. Мелиг), «приблизительная (ситуативная) неканоническая видовая пара» (Л. Ясан).

⁶ Параметр «+/- видовая парность» введен для тех случаев, когда в анкете характеристика предложенной пары глаголов как (чисто)видовой не была однозначной и сопровождалась оговорками («при определенных условиях», «с оговорками» и тому подобное).

⁷ Сумма цифр в трех столбцах не равняется 32, как можно было бы ожидать, поскольку не каждый автор ответа высказался относительно каждой из предложенных для оценки их видовой коррелятивности пар.

⁸ В [Janda; Korba 2008: 264] *поехать* безоговорочно оценивается как естественный перфектив (эквивалент члена видовой пары, см. ниже в основном тексте изложение концепции видовых гнезд) к *ехать*, а *полететь* – к *лететь*.

озаглавленным столбцам таблицы. Например, по параметру наибольшего количества голосов за (чисто)видовой статус пары (в соответствии с этим параметром и расположены пары) лидирует пара *прыгать ~ прыгнуть* (14 голосов), далее следует *видеть ~ увидеть* (12 голосов), на третьем месте – *идти ~ пойти* (10 голосов). *Петь ~ пропеть* и *кричать ~ закричать* (с 6 и 5 голосами соответственно) занимают последние два места, чуть выше располагается *гулять ~ погулять* (7 голосов). По противоположному признаку – наибольшему количеству голосов против (чисто)видового статуса данной пары – лидирует *петь ~ пропеть* (17 голосов), что довольно хорошо коррелирует с предпоследним местом этой пары в первой иерархии. Близка к лидеру пара *кричать ~ закричать* (16 голосов), здесь также имеется корреляция с (последним) местом по первому параметру, однако если мы примем во внимание данные третьего столбца, то можно констатировать и большие колебания относительно (чисто)видовой коррелятивности пары *кричать ~ закричать* (6) по сравнению с парой *петь ~ пропеть* (2). *Гулять ~ погулять* и *идти ~ пойти* (с 14 голосами против их видовой коррелятивности у каждой) занимают третье место в данной иерархии, но стоит отметить и их неравное отношение к первому параметру: *идти ~ пойти* в 10 случаях была названа видовой парой, а *гулять ~ погулять* – только в 7 случаях. Далее следует пара *есть ~ поесть* (13 голосов), за ней *видеть ~ увидеть* (10 голосов), и завершает иерархию пара *прыгать ~ прыгнуть* с 7 голосами против ее (чисто)видового статуса. Как видим, идеальной равномерности возрастания количества голосов по второму параметру («-» видовая парность) в соответствии с иерархией по первому параметру («+» видовая парность) не наблюдается, но о приблизительной противонаправленной зависимости говорить, наверное, можно. Последний параметр («+/-» видовая парность) труднее оценить и сам по себе, и с точки зрения его (возможного) влияния на корреляцию первого и второго параметра, поскольку не очень понятно, как следует оценивать, например, самое большое значение в этом столбце. В качестве свидетельства повышенного внимания к данной паре глаголов как кандидату в чистовидовые и к соответствующему типу семантического противопоставления как имеющему грамматический статус? Или как свидетельство высокой степени удаленности такой пары от прототипической, основанной на соотнесенности с пределом как естественным и единственно возможным исходом ситуации, в которой форма НСВ обозначает соотнесенный с пределом процесс, а форма СВ – достижение этого предела? Еще одна возможность – характеристика пары как обладающей признаком «+/- видовая парность» в зависимости от разложимости глагола НСВ на разные лексико-семантические варианты (в другой терминологии – на несколько моносемичных лексем), причем в одном случае (чисто)видовая парность может быть установлена, а в другом (других) – нет. Отметим, что равные значения по этому параметру (6 голосов) имеют две пары: *прыгать ~ прыгнуть*, занимающая первое место в первом столбце, и *кричать ~ закричать*, занимающая там же последнее место. И именно для *прыгать ~ прыгнуть* наиболее вероятным объяснением высокого значения этого параметра представляется третья возможность.

Рассмотрим данные *Таблицы 2* (см. ниже), в которой представлены мнения относительно (чисто)видового статуса предложенных глагольных пар тех девяти участников анкеты, которые применяли критерий Маслоу при решении поставленной задачи.

Как можно видеть, в этой группе сохраняется та же тенденция, что и в *Таблице 1*, где были суммарно представлены данные по всем 32 анкетам: первые три места по количеству голосов, отданных за (чисто)видовой статус пар, сохраняются за теми же парами. Существенным отличием является перемещение пары *кричать ~ закричать* с последнего места в первой группе данных на четвертое место во второй (в *Таблице 2* соответствующая строка выделена цветом). В этом перемещении сказывается, по-видимому, отмеченная в [Шатуновский 1999: 239] и рассматриваемая в [Перцов 2001: 126] как недостаток критерия Маслоу соотносительность типа *кричать ~ закричать*, см.

**Оценка (чисто)видовой парности семи предложенных в [Анкета 1997]
пар однокоренных глаголов с применением критерия Маслова**

		+ видовая парность	– видовая парность	+/- видовая парность	Всего
1.	<i>прыгать ~ прыгнуть</i>	9	0	0	9
2.	<i>видеть ~ увидеть</i>	8	0	0	8
3.	<i>идти ~ пойти</i>	7	1	0	8
4.	<i>кричать ~ закричать</i>	5	1	2	8
5.	<i>есть ~ поесть</i>	4	2	2	8
6.	<i>гулять ~ погулять</i>	3	3	2	8
7.	<i>петь ~ пропеть</i>	3	3	2	8

также ниже в разделе 3. Внимание привлекает и факт одинаковой оценки как первых⁹, так и последних двух пар, а также отсутствие сомнений (нули во втором и третьем столбцах) по поводу (чисто)видового статуса занимающих первые два места пар: *прыгать ~ прыгнуть* и *видеть ~ увидеть*.

Выводами из рассмотрения ответов ряда лингвистов на вопрос о (чисто)видовом статусе предложенных в [Анкета 1997] семи глагольных пар является следующее. В первую очередь, это констатация факта, что в вопросе о видовой коррелятивности русского глагола (в неочевидных случаях, которые и были предложены для обсуждения) лингвисты весьма далеки от единодушия, демонстрируя целый спектр самых разнообразных мнений по этому поводу. Далее, это желательность дополнения единственного работающего инструмента по установлению видовой парности – функционального критерия Маслова – некими вспомогательными процедурами и/или конвенциями. Последнее представляется необходимым, поскольку, как показал наш анализ, даже лингвисты, проявляющие единодушие по вопросу о целесообразности использования данного критерия, не получают идентичных результатов при анализе одного и того же материала (см. данные *Таблицы 2*).

Обратимся к обзору существующих в литературе мнений о границах видовой парности в русском языке.

2. ВОЗМОЖНЫЕ ГРАНИЦЫ ВИДОВОЙ ПАРНОСТИ

Предлагаемый ниже обзор позиций не носит исчерпывающего характера в том смысле, что, возможно, не удалось учесть все без исключения существующие в русской аспектологии мнения по обсуждаемому вопросу¹⁰. Порядок представления вошедших в наш перечень подходов к видовой коррелятивности основан на принципе расширения круга глагольных пар, признаваемых (чисто)видовыми.

1) Парность (и словоизменительный характер категории)¹¹ признается только в случаях имперфективации, в том числе вторичной, т. е. в тех случаях, когда обе глаголь-

⁹ Разница в значениях (9 для первой пары и 8 для второй) не является значимой, поскольку она обусловлена тем обстоятельством, что в одной из анкет, входящих в эту группу, обсуждается только пара *прыгать – прыгнуть*. Поэтому исключительно в строке с данной парой мы имеем значение «9», в точности соответствующее количеству ответов на вопрос о видовой парности в данной группе.

¹⁰ См. также обзор «основных истолкований видовой корреляции» в [Бондарко 1976: 89–99].

¹¹ В [Бондарко, Буланин 1967: 37–38] словоизменительный характер категории вида в русском языке признается исключительно по отношению к данному кругу видовых пар; пары, рассматриваемые в пункте 2 (образуемые в результате префиксальной перфективации), и супплетивные пары в [Там же: 38] рассматриваются уже как образуемые «разными словами».

ные формы либо являются беспрефиксными, либо имеют одинаковый префикс (причем один) и различаются суффиксами (-ыва/-ива, -ва/-ева, -а у форм НСВ) типа *переписывать* ~ *переписать*, *решать* ~ *решить*. Для А.В. Бондарко это «прототипические пары» [Анкета 1997: 145], для М.Я. Гловинской – «пары, образованные имперфективацией и чередованием гласных» [Гловинская 2001: 55] (за исключением случаев типа *приходить* – *прийти*, т. е. моментативных пар, поскольку «те парные глаголы, которые не имеют хотя бы одного из главных значений» [Там же], не принимались автором к рассмотрению). Для Н.В. Перцова они же «бесспорные видовые пары», которые очевидным образом удовлетворяют критерию видовой парности (список критериев см. в [Перцов 2001: 120]) и поэтому ложатся в основу введенного автором уже несколько менее строгого понятия видовых партнеров [Там же: 125].

Даже в рамках общей оценки в [Плунгян 2000: 125–126; 2011: 299–307] русской видовой оппозиции как имеющей словоклассифицирующий характер для рассматриваемых пар делается исключение, ср.: «Элементами одной парадигмы (= формами одной лексемы) могут более или менее ненасильственно считаться пары типа *упаковать* ~ *упаковывать*», хотя и отмечается, что «число их недостаточно велико для того, чтобы трактовать вид как словоизменительную категорию; такие пары обнаруживаются лишь среди обозначений предельных процессов, и то далеко не всех» [Плунгян 2011: 301]¹². См. также в [Касевич 1977: 77–78], где в качестве примера видовой пары приводится *образовать* ~ *образовывать*, а также отмечается относительность единства категории в плане выражения, поскольку «наряду с показателями, являющимися алломорфами (*ыва/ива, ва/-ева*), широко представлены синонимические морфемы, равным образом выступающие средством имперфективации, а также сопровождающие аффиксацию морфонологическое чередование и супплетивные формы» (с отсылкой к приведенным чуть выше примерам: *избегать* ~ *избежать*, *класть* ~ *положить*. – Е. Г.) [Касевич 1977: 77–78]¹³.

Все остальные глаголы оказываются вне словоизменения по виду и трактуются как глаголы *perfectiva* и *imperfectiva tantum*, могущие, однако, при необходимости (и при поддержке контекста, о чем неоднократно шла речь в аспектологической литературе, см., например, [Гловинская 2001: 143; Перцов 2001: 127]) функционировать как отсутствующий член видовой корреляции (например, при применении критерия Маслова) и восполнять, тем самым, незавершенное на данный момент в русском языке развитие вида как словоизменительной категории.

2) К очерченному выше кругу глагольной лексики русского языка, обнаруживающей (чисто)видовую коррелятивность, добавляются те образованные путем приставочной имперфективации пары, «у которых семантическое различие между СВ и НСВ совпало с одним из установленных типов» [Гловинская 2001: 55] (М.Я. Гловинская при изучении видовой парности в [Гловинская 1982; 2001] привлекала именно такой, рас-

¹² Отметим, однако, что круг образованных вторичной имперфективацией форм постоянно расширяется, что неоднократно отмечалось в литературе. См. в этой связи недавнюю работу [Гловинская 2010], где на основе работ предшественников и проведенного эксперимента предлагается следующий вывод: «В последние десятилетия можно... говорить о повышении активности вторичной имперфективации. Об этом свидетельствуют многие факты», среди которых называются суффиксальная дифференциация двувидовых глаголов (*аккредитовывать*, *легализовывать* и тому подобные), активное употребление таких новообразований в разговорной речи и художественной литературе (*разлюбить*), а также в языке современной поэзии (*сжалиться*, *взрывать*) и в Интернете (*зачерстевать*, *научиваться*) [Гловинская 2010: 191].

¹³ Ср. также с мнением А.А. Барентсена: «Именно морфологический процесс имперфективации составляет основу категории вида в современном русском языке. В семантическом смысле суть этого процесса заключается в том, что вторичные глаголы НСВ сохраняют признак, который входит в значение всех глаголов СВ в русском языке, а именно – наличие представления о некоторой “единице”, определяющей рамки действия. Суть этой “единицы” определяется семантикой данного глагола» [Barentsen 1985: 431].

ширенный за счет приставочной перфективации, материал)¹⁴. В основе принятого решения, как следует из приведенной цитаты, лежит семантический анализ. В [Касевич 1988; 2006: 550] принят, по-видимому, аналогичный подход, поскольку утверждается, что «*делать – сделать, решить – решать* могут служить примерами видовых пар, *составленных словоформами одной и той же лексемы* (выделение мое. – Е. Г.)». Из выделенного в приведенной цитате фрагмента вытекает, что и при расширении за счет приставочной перфективации сохраняется возможность трактовки русской видовой оппозиции как словоизменительной (= формообразовательной). Такое же мнение было высказано и Ю.С. Масловым в [Маслов 1959: 172].

Известно, впрочем, и более осторожное решение, сводящееся к утверждению о промежуточном (между словоизменением и словообразованием и, соответственно, между словоизменительным и словоклассифицирующим статусом категории) характере русского вида. Такое решение принято в [Гловинская 2001: 144–147] с учетом наличия видовых троек (типа *копать (яму) – выкопать – выкапывать*), в которых обе имперфективные формы не характеризуются отношениями дополнительной дистрибуции. Аналогичную проблему обнаруживают и видовые пятерки (типа *паковать – запаковать – запаковывать – упаковать – упаковывать*), см. [Гловинская 2001: 146; Апресян 1974: 174–175].

Сходное решение предлагает и А.В. Бондарко, характеризуя вид в русском языке как непоследовательно коррелятивную морфологическую категорию в рамках трехчленной классификации: последовательно коррелятивные, непоследовательно коррелятивные и некоррелятивные [Бондарко 1976; Анкета 1997: 145] (истоки этого подхода можно видеть в уже упомянутой книге [Бондарко, Буланин 1967: 37–38]).

3) Следующее расширение круга (чисто)видовых пар возможно за счет добавления группы неопределенных (в смысле – не соотнесенных с пределом) глаголов, ранее трактовавшихся как *imperfectiva tantum*, и их перфективных коррелятов. Это глаголы типа *грустить, стесняться, работать, гулять*, которые относятся к акциональным классам стативов и агентивов (в другой терминологии – состояний и неопределенных процессов). Соответствующая акциональная (и семантическая) характеристика является необходимым, но не достаточным условием включения таких глаголов в сферу (чисто)видовой коррелятивности. Обязательно должен наличествовать в русском языке такой способ их перфективации, при котором происходит ограничение соответствующих «гомогенных ситуаций в их временной протяженности» [Мелиг 1994: 593], что возможно либо при помощи делимитативного, либо при помощи пердуративного способа действия, ср.: *работать* → *поработать* (делимитатив), *поработать* <все воскресенье> (пердуратив). Перфективация (посредством временного ограничения) таких глаголов возможна также и «через указание на начало или конец ситуации (так называемые ингрессивный и финитивный способы действия)» [Там же], ср.: *заработать* <о механизме>, *отработать* <свое>¹⁵.

¹⁴ Речь здесь идет о довольно традиционном в русской аспектологии понятии «нулевой (или чистовидовой) приставки», т. е. приставки, не меняющей при перфективации бесприставочного исходного глагола НСВ его лексического значения, см. обзор имеющихся точек зрения и обсуждение этой проблемы в [Кронгауз 1998: 80–82]. Думается, что структурная модель Вся–Схоневелда [Там же], объясняющая нулевой семантический эффект от присоединения приставки при перфективации глагола НСВ не нулевым значением приставки, а совпадением ее значения со значением глагола (как следствие – избыточность), обладает нужной объяснительной силой и способна правильно предсказать перфективную форму исходного бесприставочного глагола НСВ после анализа соответствующего глагола как предиката.

¹⁵ См., впрочем, возражения М.А. Кронгауза в [Кронгауз 1998: 124–125] по поводу способности приставки *от-* в рамках финитивного СД обозначать идею прекращения действия. Автор полагает, что «речь идет о переходе субъекта в определенное состояние, в котором он уже не способен совершать данное действие» и «актуальное отсутствие действия является следствием невозможности его осуществления» [Там же: 125]. На этом основании, а также учитывая его невысокую продуктивность, финитивный перфектив может быть исключен из обсуждаемого перечня способов перфективации неопределенных глаголов НСВ.

Как видим, для неопределенных глаголов имеется несколько способов перфективации. Рассмотрим обозначенные выше, имея в виду, что это отнюдь не закрытый список (о перфективации через семельфактив, типа *прыгать* ~ *прыгнуть*, речь пойдет ниже).

Следует учесть, что в том случае, если мы хотим включить неопределенные глаголы в словоизменительную видовую коррелятивность, нам, очевидным образом, понадобится осуществить выбор одного из существующих способов, поскольку категория вида в русском языке является двучленной, соответственно, более чем двух видовых форм у глагола быть не может. Наилучшим кандидатом на роль перфективного члена не соотношенной с пределом видовой пары является, по-видимому, делимитатив: *работать* ~ *поработать*, *грустить* ~ *погрустить*, *учительствовать* ~ *поучительствовать*, *сидеть* ~ *посидеть*, *развлекаться* ~ *поразвлекаться* и т. д. Не приводя исчерпывающей аргументации, можно указать на следующее. Во-первых, в последние годы некоторые исследователи уже включили пары типа *гулять* ~ *погулять* в круг (чисто) видовых [Черткова 1996; Петрухина 2000: 187–190; Dickey 2006] в силу значительно возросшей продуктивности образования делимитативных перфективов и, следовательно, их регулярности (интересно, что высокая регулярность делимитативов некоторым образом способствовала и формулированию противоположного вывода – об отсутствии необходимости трактовки мотивирующего глагола НСВ и образованного от него делимитатива как видовой пары – в [Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2010: 17]; см. также сноску 16). Также следует иметь в виду положительный результат для таких пар при применении критерия Маслова, см., например, иллюстрацию в [Перцов 2001: 126]¹⁶:

- а) *Вчера он пришел домой поздно, поужинал, погулял полчаса и лег спать.*
- б) *Вчера он приходит домой поздно, ужинает, гуляет полчаса и ложится спать.*

Итак, делимитативы характеризуются высокой регулярностью и способностью служить функциональным эквивалентом для несоотношенных с пределом глаголов, входящих в акциональные классы агентивов и, с большими трудностями, стативов (об отсутствии четкой границы между этими двумя классами в русском языке см. [Горбова 2009]). Сочетание этих двух характеристик делает делимитативы наиболее удачными кандидатами из предложенного выше перечня возможных перфективов (ингрессивный способ действия (СД), финитивный СД, пердуративный СД).

Близкие к делимитативам пердуративы проигрывают в силу наличия обязательной валентности на адвербиальное выражение со значением длительности (*прогулять <целых> четыре часа*), что обусловлено различным фокусом внимания. По мнению М.А. Кронгауза, «для *про*-глаголов в фокусе внимания находится временной отрезок, который заполняется соответствующим действием (отсюда обязательность четкого

---

¹⁶ При взгляде с другой стороны – со стороны делимитатива, обнаруживается невозможность его морфологической суффиксальной имперфективации из-за возникающей омонимии с прерывисто-смягчительным СД, ср.: *погулять* – *погуливать*. Это обстоятельство, а также то, что мотивирующий глагол НСВ фактически выполняет функцию имперфективного коррелята к делимитативу, отмечено в [Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2010: 16]. Ниже авторы приходят к выводу, что, несмотря на некоторые препятствия (в частности, системное: при принятой в работе исходности для видовой коррелятивности СВ как обозначающего событие, только в видовых парах с участием делимитатива исходным – и формально, и семантически, и функционально – будет НСВ как обозначающий (неопределенный) процесс), интересующие нас пары типа «процессный глагол – образованный от него делимитатив» могли бы рассматриваться как видовые пары, в которых СВ обозначает «особый тип событий», сводимый «к ограниченному во времени отрезку процесса». Однако это решение, как и сам вопрос о статусе пар с участием бесприставочного НСВ и делимитатива, авторы считают носящим условный характер: «Дело в том, что в контекстах Маслова замена на бесприставочный глагол для делимитативов настолько регулярна, что для них достаточно сформулировать соответствующее общее правило (тем самым необходимость указывать в словаре, что делимитатив входит в видовую пару с мотивирующим бесприставочным глаголом, отпадает)» [Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2010: 17].

задания данного отрезка и невозможность просьбы или приказа относительно самого действия: *Он проспал сколько-то и *Прости часа три), а для *по*-глаголов – само действие, как правило, ограниченное другими действиями <...>» [Кронгауз 1998: 126]. Кроме того, как отмечено в [Шелякин 1987/2006: 71], «эти глаголы выражают значение “использовать, провести обозначенное время с какой-либо целью”, т. е. в них происходит аспектуальный сдвиг в сторону результативных глаголов», что способствует вторичной имперфективации (со значением итеративности) некоторых пердуративов, ср.: *просидеть неделю над книгами – просиживать недели над книгами, простоять час в очереди – простаивать часы в очередях* [Там же]. Тем не менее, при наличии в контексте адвербиального выражения со значением четко ограниченного отрезка действия, оцениваемого, как правило, как значительный и/или чрезмерный (о случаях нереализации этой семантической составляющей см. в [Кронгауз 1998: 125]), преимущество получает пердуративный перфектив. Ср.: *Попрыгунья Стрекоза лето красное пропела / ? попела...*

Возвращаясь к делимитативной деривации, отметим, что она доступна не только для неопределенных бесприставочных глаголов НСВ, о которых здесь идет речь, но и для (вторичных) приставочных имперфективов: *переписывать (работу) – попереписывать <работу и бросить>, выдавать <книги> – повыдавать <книги и пойти домой>*. Эта способность возникает у приставочных глаголов в форме НСВ в результате «вторичной гомогенизации трансформативов» (термин Х.Р. Мелига из [Мелиг 1994: 600–601]; трансформативом автор обозначает то, что здесь названо соотношенным с пределом глаголом, или терминативом). Ясно, что если мы остаемся в рамках концепции (чисто) видовой пары, то в результирующей тройке глагольных форм (*переписать – переписывать – попереписывать*) к (чисто)видовой паре будут относиться только первые две. Последующая делимитативная деривация вторичного имперфектива должна оцениваться именно как деривация, имеющая аспектуальный характер¹⁷, но не создающая конкурирующего перфектива («комплексного» в терминологии Лоры Янды, см. ниже). Таким образом, при расширении круга (чисто)видовых пар за счет включения в него пар типа *гулять – погулять*, мы получим разделение ранее единого делимитатива на тот, который окажется закономерной формой СВ не соотношенных с пределом бесприставочных глаголов НСВ, и тот, что останется за пределами видовых пар и будет трактоваться как случай (довольно регулярной) деривации от уже имеющих приставку вторичных имперфективов. Во втором случае глагол обязательно будет иметь в своем морфологическом составе, по меньшей мере, две приставки, одна из которых – *по*-.

4) Еще одно возможное расширение круга (чисто)видовых пар может быть осуществлено за счет семельфактивов, соотносимых с мультипликативами (*прыгать – прыгнуть*). Как безоговорочно соотносительные по виду и образующие (чисто)видовые пары рассматривает такие глаголы В.С. Храковский, называя в качестве своих предшественников раннего Ю.С. Маслова, Х. Томмолу и Е.В. Падучеву [Маслов 1948; Томмола 1986: 269; Падучева 1996: 119], см. его ответ в [Анкета 1997: 210–215]. Подобное решение автор принимает на основе предварительного семантического анализа обоих глаголов с применением метода толкований. Итог анализа сводится к тому, что «у обоих членов этой видовой пары одно и то же лексическое значение. В то же время аналогом значения СВ является семельфактивное значение, а аналогом значения НСВ является мультипликативное значение. Поскольку мультипликативное значение сложнее семельфактивного значения, то и толкование глагола НСВ сложнее толкования глагола СВ. <...>

¹⁷ Эту деривацию можно сопоставить с имеющей аспектуальную значимость семантической трансформацией соотношенных с пределом терминативов («accomplishments» по терминологии Всндлера), упомянутую в [Rothstein 2004: 24]. Сутью этой трансформации является неопределенная интерпретация (non-telic accomplishment), отмечаемая в случаях типа [?] *Jane read a book for a half an hour* (пример (38f) там же), в которых в фокусе внимания оказывается деятельность ‘чтения’ и не предполагается следствия в виде прочтения, т. е. доведения этой деятельности до ее естественного окончания.

Все соотносительные семельфактивные и мультипликативные глаголы в русском языке образуют видовые пары. В этих парах семантически исходным является семельфактивный глагол, а семантически производным – мультипликативный глагол» [Анкета 1997: 215].

Решение о включении в число (чисто)видовых пар соотносительных семельфактивов и мультипликативов при условии принятия предшествующего расширения видовой коррелятивности (за счет делимитативных пар) и при словоизменительной трактовке вида порождает следующую проблему. Что в таком случае делать с тройкой *прыгать* – *попрыгать* – *прыгнуть*? Возможный выход видится в принятии следующей конвенции: в случае мультипликативного характера неспредельного бесприставочного НСВ (типа *прыгать*) парным к нему перфективом считать семельфактив, а не делимитатив. Но поскольку глаголы типа *прыгать* допускают различные интерпретации в форме настоящего времени, то более корректным будет альтернативное решение о разделении *прыгать* на две лексемы: «одноквантовой» *прыгать*₁, парой к которой будет *прыгнуть* (*Потом прыгнул Иванов – Потом прыгает Иванов*), и «многоквантовой» итеративной *прыгать*₂ с парной формой *попрыгать* (*Иванов с полчаса попрыгал с вышки, потом отправился на беговую дорожку – Иванов с полчаса прыгает с вышки, потом отправляется на беговую дорожку*). Отметим, что в форме настоящего времени для различения *прыгать*₁ и *прыгать*₂ необходимо присутствие адвербиального показателя длительности, поскольку при его отсутствии в последней фразе возможна интерпретация глагола как «одноквантового».

5) К расширению круга видовых пар фактически ведет и отказ от традиционного в русской аспектологии подхода, в соответствии с которым члены видовой пары не могут относиться к разным способам действия (как вариант – один из членов пары не может быть специфицирован по морфемно характеризованному СД, если второй не имеет такой же характеристики). В [Зализняк, Шмелев 2000] находим замечание о том, что «“проклятый вопрос”, является ли глагол *X* видовой парой к *Y* или одним из способов действия, образованным от *Y*, оказывается некорректно поставленным. Он может быть и тем и другим одновременно – если он удовлетворяет функциональному критерию видовой коррелятивности, а, кроме того, по своей форме и значению соответствует одному из способов действия» [Там же: 12–13]. В качестве примера приводится глагол *понаправиться*, являющийся и видовым коррелятом к *направиться*, и его начинательным СД [Там же]. Основывается такое решение, естественно, на применении функционального критерия Маслова.

На этом заканчиваются предложения по расширению круга (чисто)видовых пар русского глагола, которые мне удалось обнаружить в литературе. Но не заканчиваются возможные решения проблемы видовой коррелятивности. Поскольку в немалой степени эти решения вызваны к жизни результатами применения критерия Маслова (в частности, все семь пар, предложенных для оценки их (чисто)видового статуса в [Анкета 1997], по словам М.Ю. Чертковой, «рассматриваются мной как видовые на основании функционального критерия истинности видовых пар Ю.С. Маслова», см. [Анкета 1997: 224]), рассмотрим данный критерий и его критику.

3. КРИТЕРИЙ МАСЛОВА

Семантический, в противопоставлении морфологическому, по мнению самого автора (см. [Маслов 1948; 1984: 52]), и функциональный в соответствии с оценкой Анны А. Зализняк, А.Д. Шмелева и И.Л. Микаэлян (см. [Зализняк, Шмелев 2000: 12–13; Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2010: 5–6]), критерий Маслова является, пожалуй, самым распространенным и заслуженно популярным инструментом (в немалой степени в силу доступности процедуры) определения видовой парности русского глагола. Сутью этого критерия видовой коррелятивности является «тест на возможность замены глагола сов. вида *X* на глагол несов. вида *Y* в контекстах обязательной имперфективации, т. е. в условиях, в которых, по правилам русской грамматики, сов. вид употреблен быть не может.

К таким контекстам относятся, прежде всего, повествование в настоящем историческом (и в сходных с ним настоящим репортажном и настоящим театральных ремарок) и контекст многократности; эти два контекста мы будем называть контекстами Маслова»¹⁸ [Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2010: 6].

Что касается критики критерия Маслова и возможных ответов на нее, то читателя можно отослать к статье [Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2010: 5–9], где разбираются пять критических аргументов, ставящих под сомнение работоспособность данного критерия. В указанной работе обсуждаются следующие «проблемы» критерия видовой коррелятивности Маслова: наличие видовых троек (типа *прочитать – прочитывать / читать*); получение более одного возможного результата при применении обратной процедуры, т. е. не при переводе текста с наличествующими претеритальными формами СВ в контексты обязательной имперфективации, а при переводе текста с имперфективными презентными формами в претерит; возможность применения только одного из двух основных контекстов – настоящего исторического или итеративности – для некоторых глаголов; сомнение в том, что обозначение одного и того же события обеспечивает тождественность лексического значения соотносительных форм СВ и НСВ; и, наконец, неудовлетворенность тем обстоятельством, что в обоих контекстах Маслова не реализуется актуально-длительное значение НСВ, которое некоторыми аспектологами рассматривается как основное значение этого вида.

Поскольку аргументированный и, как думается, убедительный ответ на критику критерия Маслова уже дан в упомянутой работе, остановимся на других возражениях, содержащихся, в частности, в книге [Перцов 2001: 126–128].

Первое возражение опирается на результат применения критерия Маслова к делимитативам, ср.: «(1) Критерию Маслова могут удовлетворять некоторые префиксальные пары с перфективным глаголом, принадлежащим к так называемому делимитативному способу действия. <...> Интуиция восстает против трактовки пары глаголов *поползть ~ ползать* как видовых коррелятов, однако применение к ним критерия видовой парности дает положительный результат: можно предъявить соответствующие фразы» [Перцов 2001: 126]. Действительно, «соответствующие фразы» регулярно (особенно в разговорной речи) возникают в контекстах обязательной имперфективации. Именно это обстоятельство, а также высокая частотность и регулярность возникающих пар¹⁹ и позволяет целому ряду исследователей рассматривать соответствующие пары как (чисто) видовые. (В скобках отмечу, что Ю.С. Маслов, автор рассматриваемого критерия, глаголы типа *плакать, ползать* относил к непарным глаголам НСВ, а глаголы типа *поплакать, поползть* – к непарным же глаголам СВ, см. [Маслов 1948; 1984: 54, 57].)

Следующее возражение: «(2) Критерий Маслова может соотносить и другие существенно различающиеся по лексическому значению видовые партнеры. В [Шатуновский 1999: 239] приводится яркий пример такой соотносительности: *крикнуть / закричать / прокричать / кричать*. В самом деле, возьмем такой контекст: *И тут мы всмотрелись и узнали Игоря, он нам с противоположного берега крикнул (закричал / прокричал) нечто невразумительное, но мы его не поняли*. Какой бы из трех приведенных глаголов ни выбрать, соответствующая фраза вполне допускает применение ПРЕТ (претерит. – Е. Г.) – переход к настоящему историческому: *И тут мы всматриваемся и узнаем Игоря, он нам с противоположного берега кричит нечто невразумительное, но мы его не понимаем*. Общий контекст последней фразы поддерживает и однократность, заключенную в *крикнуть* или в *прокричать*, и начинательность в *закричать* – и вот перфективными

¹⁸ Как уже приходилось отмечать (см. [Горбова 2010а: 146]), контекст настоящего исторического как «положение, при котором противоположность видов “автоматически” снималась бы в пользу одного из них» [Маслов 1948; 1984: 53] впервые отмечается в статье Ю.С. Маслова 1948 года, в то время как контекст итеративности был добавлен позже, в начале 1980-х годов.

¹⁹ См. об этом [Черткова 1996; Петрухина 2000: 187–190; Dickey 2006; Шатуновский 2009: 13 (сноска 1); Горбова 2009: 6–7], а также обсуждение предложения по соответствующему расширению круга видовых пар в разделе 2 выше и в разделе 5 ниже.

коррелятами для *кричать* оказываются сразу три глагола, один суффиксальный семельфактивный и два префиксальных. Моя лингвистическая интуиция против такой видовой парности восстает» [Перцов 2001: 126]. Ниже Н.В. Перцов предлагает собственное решение проблемы – в виде ограничения, сводящегося к «запрету на видовую коррелятивность для семельфактивных глаголов на *-нуть*» [Перцов 2001: 128]. Интересно в этой связи обратиться к прямо противоположному мнению В.С. Храковского (см. [Анкета 1997: 210–215]), подкрепляющего соотносительность по критерию Маслова глаголов типа *прыгать – прыгнуть* их семантическим анализом путем толкований (см. выше, в разделе 2). Кроме возможности противоположной оценки видовой коррелятивности семельфактивов и мультипликативов, отметим и отсутствие решения проблемы, поскольку даже при принятии конвенции о наложении запрета на участие семельфактива в видовой паре у нас остаются два кандидата на перфективный коррелят к *кричать* в разбираемой фразе – *закричать* и *прокричать*. Оказывается необходим следующий шаг, введение следующего ограничения. И он предлагается в [Перцов 2001: 128] в следующем виде: «Что же касается префиксальных пар, то следует наложить необходимые запреты на определенные типы перфективных глаголов, выражающих слишком “сильные” для видовой коррелятивности значения, такие как: делимитативность – типа *погулять, поест* [пример (1)]; начинательность – ингрессивные (*пойти, побежать*) и инхоативные (*зашуметь, закричать, зазеленеть, забегать*) глаголы²⁰; однократность – *прокричать* [пример (2)] – и, может быть, некоторые другие». Таким образом, критерий Маслова после введения указанных ограничений начинает давать результаты, согласные с интуицией исследователя.

Третье возражение Н.В. Перцова соотносимо с первыми двумя критическими положениями, разбираемыми в [Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2010], поэтому мы его опустим. Наконец, последнее возражение: «(4) <...> за счет лексического наполнения контекста удается соотносить по критерию Маслова явно некоррелятивные видовые партнеры. Возьмем, например, перфективные глаголы с приставкой *пере-* в значении распространения ситуации на некоторое множество объектов. Достаточно присоединить к одному из главных актантов глагола кванторное прилагательное *весь*, чтобы оказалось возможным выполнение критерия видовой парности: *Он вчера пришел и всех наших девушек смело перецеловал* ~ *Он вчера приходит и всех наших девушек смело целует* ~ *Каждый раз, когда он приходит, он всех наших девушек смело целует*. Здесь во второй фразе словоформа *всех* передаст смысл полного охвата множества, обозначенного прямым дополнением, и тем самым “синомизирует” эту фразу с первой. Поскольку в критерии Маслова понятия события и тождества событий не прояснены и поскольку не наложены ограничения на соотносительные фразы, ничто не мешает трактовать события в первой и во второй фразе как тождественные, а каждое из повторяющихся событий в третьей – как манифестацию события, описываемого в первой и второй. А тогда мы получаем весьма странные видовые пары – типа видовых партнеров *перецеловать* ~ *целовать*» [Перцов 2001: 127]. Приведенное замечание представляется вполне обоснованным, как и разумным – предложенный автором выход: «Следует как-то ограничить допустимые соотношения фраз-партнеров – во избежание ложных коррелятов типа *перецеловать* ~ *целовать* в примере (4); можно, например, потребовать, чтобы эти фразы могли содержать только личные глаголы, их актанты, и, возможно, некоторые типы адвербиальных компонентов (например, для итеративного подкритерия можно допустить наличие во фразе адвербиалов *всегда, часто, каждый раз* и т. п.)» [Там же: 128].

Думается, что проведенный анализ показал следующее. Во-первых, прецедент предложения определенных конвенций в виде ограничений на некоторые результаты, получаемые в ходе применения критерия Маслова, уже имеется. Во-вторых, интуиция одного исследователя может входить в противоречие с интуицией (и анализом) другого

²⁰ В [Маслов 1948; 1984: 57–58] «начинательные глаголы» (например, *заплакать, расплакаться, побежать, поплыть*) отнесены к разряду «непарных глаголов совершенного вида» (разрядка Ю.С. Маслова. – Е. Г.).

исследователя, соответственно, предложения о введении конвенций неизбежно столкнутся с некоторыми трудностями. В-третьих, при применении критерия Маслова необходимо анализировать вклад контекста в общую семантику высказывания с участием анализируемой глагольной формы и, по-видимому, принять положение об элиминации тех элементов контекста, которые мотивируют употребление «специализированного перфектива» (в терминологии Лоры Янды, см. ниже), имеющего специфическое семантическое отличие от исходного имперфектива.

4. ОТ ДИХОТОМИИ ВИДОВАЯ ПАРНОСТЬ / НЕПАРНОСТЬ ДО ОТРИЦАНИЯ ПАРНОСТИ

Итак, нередко ситуация, когда возникает необходимость в «примирении» результатов применения критерия Маслова и существующих подходов к видовой парности русского глагола. Последнее оказывается необходимым исключительно при с о х р а н е н и и понятия видовой пары, причем в случае трактовки категории вида как словоизменительной эта необходимость ощущается значительно более острой, чем при ее трактовке как деривационной (словоклассифицирующей)²¹. Впрочем, в литературе можно обнаружить существенно различающиеся мнения, объединяемые, однако, отказом (с разной степенью категоричности сформулированным) от понятия видовой пары. В этой связи можно отметить ответы на вопросы «Анкеты», принадлежащие Ф. Фичи Джусты (см. [Анкета 1997: 209–210]), где упоминается теоретическая неудовлетворительность этого понятия, а также концепцию «видовых гнезд» Лоры Янды, в рамках которой понятие видовой пары оказывается излишним. К этой теории мы еще вернемся, а пока хотелось бы упомянуть существующие в аспектологии более «мягкие» подходы к видовой парности, естественно, ни в коей мере не претендуя на исчерпывающий характер перечня.

Как «сравнительно молодую и продолжающую свое становление» «словоизменительно-словоклассифицирующую категорию²², один из ярких примеров диалектического единства и борьбы противоположностей, переходности, отсутствия четких границ» трактует категорию вида в русском языке М.Ю. Черткова [Анкета 1997: 220, 222]. Соответственно, с привлечением понятия поля с центром и периферией решается вопрос и о видовой коррелятивности. Центр этого поля, по мнению автора, составляют «суффиксальные пары (типа *достраивать* – *достроить*), которые, несомненно, представляют собой словоизменение в чистом виде» [Там же]. Среди префиксальных пар предлагается проводить дифференциацию. Наиболее близко к суффиксальному «ядру» поля находятся пары типа *писать* – *написать* (выделение М.Ю. Чертковой. – Е. Г.), характеризующиеся десемантизацией приставок. Тем не менее, отмечается, что они «чуть менее грамматикализованы, чем суффиксальные пары, и находятся несколько ближе к границе ядра и периферии» [Там же]. Далее следует менее традиционное предложение включить в данную зону приставочных пар и «те видовые пары, которые по функции ничем не отличаются от предыдущих, но раньше таковыми не считались (типа *гулять* – *погулять*, *бормотать* – *пробормотать*, *существовать* – *просуществовать*, *идти* –

²¹ Ср. с мнением Анны А. Зализняк и А.Д. Шмелева: «Впрочем, вопрос об отнесении вида к словоизменительным или словообразовательным категориям для современной аспектологии не имеет принципиального значения. Все существенное, что можно сказать про русский вид, можно сформулировать в рамках как того, так и другого подхода. В нашем дальнейшем изложении мы будем пользоваться термином “видовая пара” (т. е. пара соотносительных глаголов сов. и несов. вида), не предвещая вопроса о том, идет речь про одну лексему или про две разные» [Зализняк, Шмелев 2000: 15–16].

²² Ср. с трактовкой русского вида как «непоследовательно коррелятивной морфологической категории» в [Бондарко 1976] и указанием на промежуточный между словоизменением и словообразованием характер вида в работе [Гловинская 2001: 144–147], о чем речь шла выше, в пункте 2) раздела 2.

пойти, кричать – закричать)» [Анкета 1997: 222–223]. К еще более периферийной зоне видовой парности М.Ю. Черткова предлагает относить пары «с менее десемантизированными приставками, которые зачастую считают характеризованными способами глагольного действия», подчеркивая, что «эта периферийная зона в значительной мере близка словообразованию» [Там же: 223]. При этом учитываются особенности функционирования форм НСВ и СВ, и именно на основании функционального подхода делается вывод о том, что *прыгать ~ прыгнуть*, в частности, образуют пару. Супплетивные пары (типа *ловить ~ поймать*) предлагается рассматривать как периферийные на основании их маргинальности с формальной точки зрения [Там же].

В связи с предложениями М.Ю. Чертковой уместно представить основанный на «антропоцентрическом подходе к изучению грамматики» и ряде экспериментов вариант решения проблемы в [Roussakova et al. 2001; Русакова, Сай 2003; 2008]. Авторами ставятся и решаются «два основных вопроса: 1) как организованы словоформы в составе русских глагольных словоизменительных парадигм? 2) представлены ли формы глаголов, трактуемых обычно как видовые пары, в рамках единой (гипер)парадигмы или разбиты на две сравнительно независимые парадигмы?» [Русакова, Сай 2008: 205]. Выводы, вытекающие из анализа привлеченного авторами отрицательного языкового материала (речевых сбоев и ошибок) и экспериментального материала, не являются однозначными²³, но склоняют к общей характеристике видовой категории русского языка как словоизменительной или, по крайней мере, как эволюционирующей в сторону словоизменения. Ср. со следующим утверждением: «Испытуемые не ощущают разницы в лексическом значении членов по крайней мере некоторых видовых пар; другими словами, члены по крайней мере некоторых видовых пар хранятся в ментальном лексиконе как словоформы, входящие в одну (гипер)парадигму» (выделение принадлежит авторам цитаты. – Е. Г.) [Русакова, Сай 2008: 212].

Еще один вариант решения проблемы представлен в работах Х.Р. Мелига, где вводится понятие аспектуальных (или видовых) СД: первый вариант наименования находим в [Мелиг 1994: 599, 604], второй, наряду с первым, – в [Анкета 1997: 186]. Аспектуальные (видовые) СД определяются опять же функционально, ср.: «Аспектуальные способы действия функционируют при гомогенных описаниях ситуаций как квазикорреляты для отсутствующих форм глагола СВ» [Анкета 1997: 186] (немаловажно, что Х.Р. Мелиг считает русский вид словоизменительной категорией, см. [Там же: 185]). В [Мелиг 1994: 602–603] отмечается, что если глагол участвует в трансформативных описаниях ситуации (имеются в виду соотносимые с внутренним пределом ситуации и соответствующие соотносимые с пределом глаголы), то перфективация возможна при помощи соотносимой формы СВ. «А в контексте нетрансформативов глагол совершенного вида интерпретируется не как соотносимая форма СВ, а как аспектуальный способ действия, который характеризует гомогенную ситуацию как имеющую временные границы своего проявления» [Там же: 603]. В цитируемой статье в качестве аспектуальных способов действия рассматривается ряд СД, но основное внимание привлечено к делимитативу и семельфактиву (одноактный СД). При ответе на вопрос о (чисто)видовой коррелятивности предложенных в [Анкета 1997] семи пар, все они были охарактеризованы как «не видовая пара, но видовой способ действия», за исключением пары *прыгать ~ прыгнуть*, которая получила двойную характеристику. При (возможной) гомогенной интерпретации форма СВ трактуется как видовой СД к форме НСВ, а при гетерогенной (*прыгать через забор*) – как (чисто)видовая пара [Анкета 1997: 186].

²³ Ср.: «Члены так называемых видовых пар представлены в ментальном лексиконе далеко не независимо друг от друга и по крайней мере в ряде случаев выстраиваются в единую надвидовую гиперпарадигму. Межвидовые связи активно используются говорящими в процессе речевой деятельности и отчетливо выявляются в экспериментальных условиях. Сила такого рода ассоциированности неодинакова для разных видовых пар и категория вида с этой точки зрения не представляется единой» [Русакова, Сай 2008: 213].

Близкое решение предлагается в [Зализняк, Шмелев 2000; 2002; Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2010], где вводится понятие «“незаконной” видовой корреляции», или «“незаконной” видовой связи», в результате которой образуются «“незаконные” видовые пары». Под эти понятия подпадают случаи типа *замолчать – замолкать, засмеяться – смеяться* [Зализняк, Шмелев 2000: 51, 148], *ходить – заходить* <по комнате>, *кричать – закричать* [Зализняк, Шмелев 2002: 218], *ударить – бить* <кулаком по столу> [Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2010: 14].

Значительно более широкий и либеральный подход к видовой коррелятивности обнаруживается в концепции, связанной с понятием «функциональной видовой пары» [Lehmann 1988; Гак 1996]. Естественным в рамках концепции, определяющей видовую коррелятивность как «механизм, ставящий в соответствие каждому глаголу сов. вида глагол несов. вида, на который данный глагол должен быть заменен в позиции обязательной имперфективации» (по функциональному критерию Маслова), а видовую пару как «результат действия данного механизма» [Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2010: 16], является утверждение, что «видовая пара – понятие по определению функциональное»²⁴. При принятии данной концепции рассмотрение в качестве члена «функциональной видовой пары» словосочетаний (*заговорить – начинать говорить, заблудиться – сбиваться с пути*) является неоправданным расширением понятия видовой пары: «говорить о видовой паре имеет смысл только в случае, если в корреляцию вступают именно глаголы (а не словосочетания)» [Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2010: 5]. В особенности такое ограничение важно, если мы полагаем, что вид в русском языке является словоизменительной категорией, поскольку такой подход, не исключая возможности наличия в парадигме (формальных) словосочетаний, предъявляет к ним дополнительные требования. О входящих в «функциональные видовые пары» двойки глаголов с участием делимитатива (*читать – почитать*) см. выше и ниже (раздел 5). Относительно еще одной разновидности «функциональных видовых пар» – двух членов троек типа *цепляться – уцепиться* (при наличии *уцепляться*), см., в частности [Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2010: 18–20]. В добавление к мнению авторов упомянутой статьи о том, что «существование троек ни в коей мере не ставит под сомнение ни существование видовой корреляции как основополагающего структурного механизма, ни видовую пару как ее материальное проявление» и что «оно лишь свидетельствует о том, что русский вид представляет собой сложную систему, которая постоянно эволюционирует», отмечу следующее. На мой взгляд, в случаях (квази)синонимии типа *примерить – примерять / мерить* <платье> проявляется прагматика русского вида, поскольку говорящий имеет возможность выбора двух очень близких способов выражения приблизительно так же, как в случаях конкуренции видов типа *Вы уже обедали / пообедали?* В случае выбора бесприставочного имперфектива вносимая приставкой часть семантики

²⁴ Отметим, что изложенная концепция не является общераспространенной в русской аспектологии. Е.С. Кубрякова и Е.В. Петрухина, в частности, предлагают рассматривать русский вид не только с функциональной, но и с концептуальной точки зрения. В соответствии с последней, видовыми парами будут являться глаголы, обозначающие «две стороны одного концепта – предельного действия, т. е. действия, имеющего в нашем представлении контуры, схему своего осуществления и соответственно предел в своем развитии» [Анкета 1997: 174]. (В скобках заметим, что такой «концептуальный» подход к видовой парности в русском языке является более широко распространенным. На этом основана и концепция А.В. Бондарко, считающего лимитативность, т.е. соотносительность с пределом (причем в первую очередь с внутренним), центром русской видовой оппозиции [Бондарко 1987/2006: 45–51], и анализ русской видовой парности методом толкований глаголов СВ и НСВ и их последующим сравнением М.Я. Гловинской, с обязательным условием наличия в паре противопоставления основных значений видов – актуально-длительного для НСВ и точечного для СВ [Гловинская 2001: 52–53].) В рамках же функциональной точки зрения на видовую парность Е.С. Кубрякова и Е.В. Петрухина используют понятие видовых партнеров, призванное обозначить «функциональные видовые пары» [Там же]. Тем самым понятие видовой пары оказывается более узким, чем понятие видовых партнеров (см. также ниже в основном тексте).

опускается²⁵, причем в норме (не в случае языковой игры) это происходит только в том случае, если контекст дает такую возможность.

Близким к понятию «функциональной видовой пары», но не идентичным ему, является понятие «видовые партнеры». Наиболее полная информация по объему содержания данного понятия содержится в [Перцов 2001: 125]: «Будем называть видовыми партнерами любую пару однокоренных глаголов сов. и несов. вида, которые либо очевидным образом удовлетворяют критерию видовой парности, либо формально различаются так же, как глаголы бесспорных видовых пар. Видовыми партнерами оказываются, таким образом, кроме видовых коррелятов, такие пары, как *украсить* ~ *красить*, *закрасить* ~ *красить*, *перекрасить* ~ *красить*, *заблуждаться* ~ *заблудиться* и т. п. (однако такие однокоренные разнородные глаголы, как *повыкидывать* ~ *кидать* в круг видовых партнеров мы включать не будем, поскольку нет такой видовой пары, члены которой формально различались бы подобным образом: *по + вы + R + ыва(+ть) ~ R*, где R – переменная для глагольной основы)». Как видим, в соответствии с приведенным определением, видовые пары включаются в круг видовых партнеров и являют при этом формальные образцы для видовых партнеров. Отмечу, что, несмотря на (относительную) распространенность этого понятия в аспектологической литературе, единства среди лингвистов относительно объема данного понятия не обнаруживается. В качестве примера можно привести рассуждения Е.С. Кубряковой и Е.В. Петрухиной в ответах на вопросы [Анкета 1997: 174] (а также сноску 24). В частности, в отличие от Н.В. Перцова, Е.С. Кубрякова и Е.В. Петрухина связывают видовое партнерство с другим ракурсом рассмотрения видовой коррелятивности – функциональным (по критерию Маслова, по-видимому), а не концептуальным, в рамках которого продолжает действовать видовая парность. Следовательно, видовые пары и видовые партнеры образуют, нужно думать, непересекающиеся множества, выделенные на различных основаниях. (С другой стороны, «концептуальные» видовые пары, без сомнения, проходят функциональный тест по критерию Маслова, что уже является аргументом в пользу вложенности класса видовых пар в класс видовых партнеров.) Рискну высказать предположение, что понятие видового партнерства аспектологи-русисты используют в основном нестрого и прибегают к нему в тех случаях, когда не может идти речь о бесспорной (и по формальным, и по семантическим основаниям) видовой паре, однако имеются некие аргументы (например, функциональная эквивалентность при применении критерия Маслова), заставляющие думать о возможной видовой коррелятивности.

Наконец, вкратце рассмотрим концепцию аспектуальных кластеров (*aspectual clusters*), или видовых гнезд, Лоры Янды (см. [Janda 2007; Janda, Korba 2008]; подробное изложение и анализ данной концепции см. в [Горбов 2009]). В общем, здесь мы уже выходим за пределы теории, в основе которой лежит такое теоретическое понятие, как видовая пара. Причем это верно вне зависимости от расстановки акцентов автором концепции видовых гнезд по отношению к видовой паре: от критического в [Janda 2007: 607] (ср.: «The traditional “pair” model of Russian aspect fails to distinguish among Perfectives and ignores the fact that most verbs exist in larger clusters or three or more aspectually related forms») до лояльного в [Janda, Korba 2008: 254] (ср.: «The pair model of Russian aspect is convenient and works well, at least for beginning learners»).

Видовое гнездо в рамках рассматриваемой концепции конституируется исходным, мотивирующим дальнейшую деривацию, имперфективом (глаголом НСВ, *activity verb*)²⁶ и четырьмя типами перфективов: естественным (*natural perfective* – NP), спе-

²⁵ Ср.: «Здесь (после примеров: *рвать* <мосты> вместо *взрывать*; *рвать* <зубы> вместо *вырывать*; *бить* <масло> вместо *взбивать*; *писать* <на пленку> вместо *записывать*; *крепить* <балку> вместо *прикреплять*. – Е.Г.) везде часть значения, уточняющая характер действия, которая вносится приставкой, опускается как не стоящая упоминания, либо как очевидная, известная посвященным (по принципу “*sapienti sat*”)» [Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2010: 20].

²⁶ За исключением имперфективов-состояний (стативов), ср.: «Given the lack of integration between States and other situations, and the fact that States do not have a gram (or set of grams) associated with them in Russian, I will eliminate them and their dimension from consideration there» [Janda 2007: 614].

специализированным (specialized perfective – SP), комплексным (complex act perfective – CAP) и одноактным (single act perfective – SAP). В [Janda, Korba 2008: 255] отмечается, что естественный перфектив является эквивалентом видового партнера для НСВ в рамках понятия видовой пары («This is the Perfective that is the natural culmination of a Imperfective Activity, equivalent to the Perfective “partner” in the pair model»), например, *сыграть* и *спеть* для *играть* и *петь*. Соответственно, в видовом гнезде не может присутствовать более одного естественного перфектива. Специализированных перфективов, допускающих вторичную имперфективацию, может быть более одного, поскольку они модифицируют (лексическую) семантику исходного имперфектива в ходе префиксальной деривации. Комплексных перфективов также имеется несколько, поскольку они ограничивают исходный глагол НСВ со значением деятельности (activity) слева (префикс *за-*), справа (префикс *от-*) или двусторонне (делимитативный *по-*, пердуративный *про-*). Вторичная имперфективация комплексных перфективов, как правило, не допускается. Наконец, одноактный перфектив представляет один из «актов» (квантов) деятельности, обозначенной исходным глаголом НСВ. Формантом является, как правило, суффикс *-ну-*, хотя возможно и приставочное выражение (например, *сходить*)²⁷. Не каждый исходный имперфектив имеет видовое гнездо максимального объема, со всеми четырьмя типами перфективов. Приведем для примера, однако, гнездо именно максимального объема из [Janda, Korba 2008: 257], обозначенного как четвертый основной тип (Key Cluster 4):

исходный имперфектив (A – activity) – *резать*;
 естественный перфектив (NP): *нарэзать* (также: *срэзать*, *зарэзать*, *вырезать*);
 специализированный перфектив (SP): *врэзать* (НСВ – *врезать*), *обрэзать* (НСВ – *обрезать* / *обрезывать*), *перерэзать* (НСВ – *перерезать* / *перерезывать*), *разрэзать* (НСВ – *разрезать* / *разрезывать*);
 комплексный перфектив (CAP): *порэзать*;
 одноактный перфектив (SAP): *резнуть*.

Три оставшихся основных типа кластеров (о производных типах см. [Janda, Korba 2008: 257–259]) имеют меньшее число реализованных перфективов: первый основной тип – A + NP: исходный имперфектив – естественный перфектив (*благодарить* – *поблагодарить*); второй основной тип – A + NP + SP: исходный имперфектив – естественный и специализированный(ые) перфектив(ы) (*красть* – *украсть*; *обокрасть* (с НСВ *обкрадывать*), *выкрасть* (с НСВ – *выкрадывать*); третий основной тип – A + NP + SP + CAP: исходный имперфектив – естественный, специализированный(ые) и комплексный(ые) перфектив(ы) (*играть* – *сыграть*; *выиграть* (с НСВ *выигрывать*), *проиграть* (с НСВ *проигрывать*); *поиграть*, *заиграть*) [Janda, Korba 2008: 257–258].

Не рассматривая в подробностях концепцию видовых гнезд, отметим то основное, что, на мой взгляд, имеет отношение к понятию видовой пары. Как можно видеть из приведенного видового гнезда (максимального объема) для глагола *резать*, все проблемы, характерные для модели видовой парности, присутствуют и здесь. Если мы принимаем к сведению, что «естественный перфектив» – это эквивалент видового партнера СВ по отношению к исходному НСВ в рамках видовой пары, то обнаруживаются и все обычные проблемы. Первая из них – наличие более одного партнера в зависимости от реализуемого лексического значения исходного глагола (ср.: «*нарэзать* (также: *срэзать*, *зарэзать*, *вырезать*)» выше). Разумное решение – работа с моносемичной единицей, ср., в частности, определение видовой пары в [Шатуновский 2009: 17]: «под видовой парой мы будем понимать пару глаголов НСВ и СВ в каком-то отдельном значении (грамматическом, видовом, ну и, само собой разумеется, лексическом), связанных регулярным соотношением и более или менее близких

²⁷ Описание типов перфективов дается в соответствии с [Janda, Korba 2008: 255].

по значению» (выделение мое. – Е. Г.)²⁸. Отметим также, что традиционные видовые пары обнаруживаются в рамках кластеров и в случае имперфективации специализированных перфективов, в приведенном выше кластере это, например, пара *врѣзать*^{CB} ~ *врѣзѣть*^{HCB}. С процессом имперфективации специализированных перфективов связана и вторая проблема – видовые тройки, например, *склеить*^{CB} ~ *склеивать*^{HCB} / *клеить*^{HCB} (см. [Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2010: 18–20] и обсуждение выше; наличие обеих проблем констатируется в [Janda, Korba 2008: 257]). И, наконец, отношение к делимитативам, пердуративам, ингрессивам и финитивам (также см. выше). Следует признать, впрочем, что именно в последнем пункте концепция видовых гнезд снимает проблему, поскольку наличие комплексного перфектива как одного из четырех возможных заложено в используемую матрицу видового гнезда.

Особенно привлекательным в концепции видовых гнезд является постановка в зависимость типа реализуемого кластера от аспектуально релевантной семантики (в другой терминологии – акциональной характеристики) исходного имперфектива (до-садным упущением представляется сознательное невключение автором теории в круг исследуемых исходных имперфективов стативных глаголов)²⁹. Описание акциональных особенностей исходных имперфективов с применением таких понятий когнитивной лингвистики, как метафоры, а также концептов завершаемости (completeness) и гранулированности (granularity), вполне сводимо к другим бытующим в лингвистике понятиям. С первым из них можно сопоставить известное в современной лингвистике со времен Г. Гэрея и А.А. Холодовича понятие предельности (см. [Гэрей 1962; Холодович 1963]), а также гетерогенности, противопоставленной гомогенности, из [Мелиг 1994]. Второе понятие можно соотнести с акциональным классом («ситуационным типом» в авторской терминологии) семейфактивов в работах К. Смит (например [Смит 1998: 409]) и (при другом, противоположном, ракурсе рассмотрения) с выделяемым акциональным значением мультипликативного процесса в концепции С.Г. Татевосова (например [Татевосов 2005: 124–125]). Причем оба они, в свою очередь, соотносятся с традиционными в русской аспектологии одноактным и многоактным способами действия, реализующими данное семантическое противопоставление³⁰.

Обсуждение концепции видовых гнезд, как представляется, позволяет сделать вывод о том, что данная концепция, расширяя и, так сказать, «глобализуя» наш взгляд на аспектуальную организацию русского глагола, в том числе за счет выявления некото-

²⁸ Аналогичные решения принимались аспектологами и ранее, см. изложение вопроса и библиографию в [Гловинская 2001: 49–51].

²⁹ Приведенное утверждение является, впрочем, не вполне точным. Дело в том, что в рамках рассматриваемой концепции речь идет не об акциональных характеристиках лексемы, которые устанавливаются после специального анализа с применением ряда диагностических процедур с участием аспектуальных (и/или темпоральных) граммем, а априорно, на основе анализа денотата глагола. Этот вывод базируется на приведенных в [Janda, Korba 2008: 262–263] рассуждениях от имени изучающего русский язык студента, впервые встретившегося с глаголами *крыть*, *кашлять* и *варить* и получающего возможность после неких рассуждений о данных действиях, их отношений к «завершаемости» и «гранулированности» предсказать тип кластера, в который попадет каждый глагол. Соответственно – и образуемые перфективы (кроме специализированных). Думается, что в методических целях только такой путь и может быть рекомендован, но подобные рассуждения не являются достаточными для того, чтобы лингвист установил акциональную характеристику глагольной лексемы. Допустимым аргументом являются и немногочисленные, но все же случающиеся несовпадения акциональных характеристик при совпадении денотатов в лексике языков, находящихся в определенной степени родства. Самый известный пример такого несовпадения – англ. *come*, исп. *venir* с одной стороны, и русск. *приходить* – с другой. Последний глагол, в отличие от первых двух, является моментативом, не допускающим процессуализации в смысле реализации прогрессивного (актуально-длительного, конкретно-процессного) значения.

³⁰ См. также выше о предложении В.С. Храковского [Анкета 1997: 210–215] рассматривать данное противопоставление как «видообразующее» и, соответственно, реализующие его пары глаголов как видовые.

рых важных закономерностей (в частности, об обязательном присутствии в гнезде комплексного перфектива при наличии одноактного, см. в [Горбов 2009: 21]), не является несовместимой с моделью видовых пар. К аналогичному выводу пришли и авторы работы [Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2010], ср.: «на наш взгляд, наличие <...> пучков или кластеров деривационно и аспектуально соотносительных между собой глаголов представляет собой интересную особенность системы русского глагола, но ни в коем случае не отменяет видовой пары как конституирующей категории русской аспектуальной системы» [Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2010: 10–11].

5. ВИДОВАЯ ПАРНОСТЬ И АКЦИОНАЛЬНОСТЬ РУССКОГО ГЛАГОЛА

Считая сущностно правильным учитывать, в том числе и в вопросе о видовой коррелятивности русского глагола, такие категории скрытой грамматики, как соотношенность с пределом и акциональные классы (в другой терминологии – аспектуально-семантические классы, семантические типы, аспектуальные классы, ситуационные типы, лексические виды, характеры действия) глагольных предикатов³¹, предлагаю следующий механизм определения видовых коррелятов русского глагола, носящий рекурсивный характер.

Разумным представляется вначале ориентироваться на морфологический тип прототипических видовых пар русского глагола. Таковыми следует, по-видимому, считать те пары, которые входят в самый узкий круг, своего рода ядро, видовых коррелятов, обозначенный в пункте 1) в разделе 2 выше. Прежде всего, это суффиксальные пары, образованные в результате вторичной имперфективации (в терминах концепции видовых кластеров Лоры Янды это соотносительные специализированный перфектив и его вторичный имперфектив) типа *выдать* ~ *выдавать*, *переписать* ~ *переписывать*; сюда же относятся беспрефиксные пары типа *решить* ~ *решать*, явно уступающие по количеству префиксальным. Естественно, эти пары должны проходить критерий Маслова в одном из двух «контекстов Маслова»: настоящем историческом или итеративизации.

После получения таких прототипических пар (используем здесь выражение А.В. Бондарко, см. [Анкета 1997: 145]), которые будем рассматривать как формы одного глагола, следует определить их акциональные характеристики в соответствии с алгоритмом, предложенным в [Горбова 1999; 2010б: 34–36]. Приведем фрагмент этого алгоритма, имеющий отношение к определению акциональной характеристики видовой пары³².

1. В случае наличия чистовидовой пары отграничение глаголов терминативного характера действия от глаголов моментативного, ингрессивного и двухкомпонентного (агентив + моментатив или статив + моментатив) характера действия производится по признаку способности / неспособности форм НСВ и СВ данного глагола выражать

³¹ На что в аспектологической литературе и неоднократно указывалось, и не единожды было реализовано, см., например, классификации в [Маслов 1948; Булыгина 1982; Мелиг 1985; Горбова 1999; Падучева 1996; 2004; Зализняк, Шмелев 2000; Апресян 2006; 2009; 2010]. Приведу одно из многих высказываний на этот счет, принадлежащее Л. Геберт: «Я считаю видовую дефектность системным явлением в славянских языках. Наличие или отсутствие видовых форм зависит от семантического класса глагола, и это должно быть предсказано теорией» (разрядка моя. – Е. Г.) [Анкета 1997: 154].

³² Для непарных глаголов вопрос решался следующим образом: глагол из группы *imperfectiva tantum* – статив или агентив, из *perfectiva tantum* – моментатив. Очевидно, что если к решению о видовой коррелятивности неких двух однокоренных глаголов НСВ и СВ мы хотим привлечь аргумент о типичности, свойственной этим двум формам акциональной характеристики, то здесь наличествует логический круг, поскольку сама акциональная характеристика определяется относительно видовой пары, т.е. исключительно после решения вопроса о ее наличии. Думается, что выходом является заявленное выше условие работы на первом этапе исключительно с бесспорными суффиксальными парами, в которых имела место имперфективация.

противопоставление по линии 'попытка – успех', 'тенденция – осуществление', «проявляющаяся в таких, в частности, контекстах, как *ловил, но не поймал, – ловил, пока не поймал, – ловил и, наконец, поймал*» [Маслов 1948; 1984; 2004: 83], ср.:

<i>умирать, но не умереть</i>	(терминативы)
<i>дочитывать, но не дочитать</i>	
<i>*находить, но не найти</i>	(моментативы)
<i>*приходить, но не прийти</i>	
<i>*понимать, но не понять</i>	(ингрессивы)
<i>*возглавлять, но не возглавить</i>	
<i>*обижаться, но не обидеться</i>	(стативы / агентивы + моментативы)
<i>*ощущать, но не ощутить</i>	

Проходящие этот тест терминативы – это глаголы, обозначающие соотнесенные с правым пределом (прототипически являющимся естественным результатом, или кульминацией) ситуации, причем их форма НСВ способна обозначать срединную стадию этого соотнесенного с пределом процесса (реже – состояния), а форма СВ маркирует его достижение (кульминацию). То есть это предельная пара, которая «обязательно является и тривиальной», в соответствии с [Падучева 1996: 89], а также с [Зализняк, Шмелев 2000: 56–57]. При этом предел может быть и относительным (в терминах А.В. Бондарко, см., например [Бондарко 1991]; в терминах М.Я. Гловинской [Гловинская 1982; 2001: 82–147] – неопредельные глаголы второго типа с семантическим соотношением 'становиться – стать', например, *повышаться ~ повыситься*), а накопление результата может отсутствовать (у М.Я. Гловинской – предельные глаголы третьего типа 'действовать с целью – цель реализована', например, *будить ~ разбудить*). Выделенные в работе [Зализняк, Шмелев 2000: 56–61] пролептические пары (*опаздывать ~ опоздать*), градационные пары (*стареть ~ постареть*) и инхоативные пары (*заболеть ~ заболеть*) также оказываются в этой группе.

2. Моментативная видовая пара отграничивается от всех прочих по признаку невозможности употребления формы НСВ в настоящем актуальном (понимаемом как аналог типологически интерпретируемой граммемы прогрессива в рамках презенса), ср.: **смотри, вот он приходит сюда (находит ключи)*, т.е. в обеих видовых формах обозначает событие (*Иван пришел домой поздно и сел ужинать – Иван приходит домой поздно и садится ужинать*), но с принципиальной возможностью для НСВ фигурировать и в итеративном контексте, обнаруживая свойства тривиальной видовой пары [Падучева 1996: 89; Зализняк, Шмелев 2000: 56] (*Иван каждый день приходит домой поздно*).

3. Ингрессивная и двухкомпонентная видовые пары различаются тем, что если единственно возможным значением формы СВ ингрессива является фиксирование начала той ситуации, обозначение которой входит в число возможных употреблений формы НСВ, то форма СВ двухкомпонентного глагола может обозначать как (целостное) событие, так и начало того действия (состояния), относительно которого нельзя с уверенностью сказать, было ли оно завершено, ср.: *вчера он возглавил кафедру* (следовательно, сегодня он ее возглавляет), *вчера он наконец понял, в чем заключалась его ошибка* (следовательно, теперь он это понимает) – ингрессивные видовые пары; *вчера он сильно обиделся на меня* (возможно, он и сегодня обижается, а возможно, что нет) – двухкомпонентная видовая пара. У обоих классов НСВ обозначает срединную стадию ситуации, а СВ – либо исключительно начало (левый предел) этой ситуации (в случае ингрессивов), либо ему доступна и целостная событийная интерпретация, причем при отсутствии каузации наличия ситуации (НСВ) этим событием (СВ). Последнее характерно для двухкомпонентных глаголов³³. Наиболее близкие соответствия в литературе – перфектные

³³ О каузации как дифференциальном признаке, различающем ингрессивы и двухкомпонентные глаголы, и о его «мигрирующей» природе см. в [Горбова (в печати)].

(*возглавлять* ~ *возглавить*, *видеть* ~ *увидеть*) и стательные-моментальные (*продолжать* ~ *продолжить*) пары в [Падучева 1996: 94–96] и также перфектные (*понимать* ~ *понять*) и ингрессивные пары (*идти* ~ *пойти*, *бежать* ~ *побежать*) в [Зализняк, Шмелев 2000: 57–61].

Если сопоставить акциональные типы, полученные на данном этапе анализа прототипических пар, с семантическими типами видового противопоставления М.Я. Гловинской из [Гловинская 1982; 2001: 82–147], то окажется, что терминативам соответствуют первый ('начинать(ся) – начать(ся)': *заболевать* ~ *заболеть*, *вбивать* ~ *вбить*), второй ('становиться – стать': *ухудшаться* ~ *ухудшиться*, *повышаться* ~ *повыситься*) и третий ('действовать с целью ~ цель реализована': *добиваться* ~ *добиться*, *будить* ~ *разбудить*) семантический тип, а ингрессивы и двухкомпонентные глаголы соответствуют более периферийному четвертому типу ('быть в состоянии – начать быть в состоянии и быть в нем': *возглавить* ~ *возглавлять*, *пытаться* ~ *попытаться*). (В работе [Гловинская 2002] появляется и «промежуточный тип», который также соотносим с выделяемыми здесь ингрессивами и двухкомпонентными глаголами; подробнее об основаниях деления на обозначенные два класса и о причинах трудностей отнесения их к тому или иному классу см. в [Горбова (в печати)].) При этом моментативы не находят своего соответствия, поскольку в рамках исследований М.Я. Гловинской «те парные глаголы, которые не имеют хотя бы одного из главных значений» (в частности, актуально-длительного для НСВ), не принимались к рассмотрению [Гловинская 2001: 55].

Следующим этапом является перенос полученных при анализе прототипических пар акциональных типов на те случаи, в которых у нас имеется прошедшая в рамках критерия Маслова тест пара глаголов, соотносящихся как исходный имперфектив – префиксальный перфектив (т.е. мы расширяем круг видовых пар аналогично тому, как это было описано в пункте 2 раздела 2). Соответственно, в параллель к терминативам типа *переписывать* ~ *переписать* мы получаем и терминативы типа *писать* <письмо> ~ *написать* <письмо>, кроме двухкомпонентных пар типа *обижать(ся)* ~ *обидеть(ся)* – пары типа *видеть* ~ *увидеть* и т. д. (отметим, что аналогичный прием переноса полученного на прототипических парах результата на более периферийный материал был применен в исследованиях, связанных с различными подходами к способам определения видовой парности, в частности, в [Бондарко, Буланин 1967: 37–40; Гловинская 2001: 55]). Таким образом, пары с беспрефиксным имперфективом и префиксальным перфективом признаются терминативной (моментативной, ингрессивной, агентивно(стативно)-моментативной) парой по двум основаниям: 1) в соответствии с критерием Маслова, 2) с учетом наличия соответствующих суффиксальных (терминативных, моментативных, ингрессивных и агентивно(стативно)-моментативных) пар.

Представляется необходимым ввести также следующее ограничение. Если в соответствии с изложенными выше двумя принципами мы получаем удовлетворительный результат, но (исходный) моносемичный имперфектив в результирующей паре уже входит в другую пару того же морфологического типа (т.е. исходный имперфектив – приставочный перфектив), то следует провести дополнительный анализ на автономность от контекста. Так как нежелательно такое положение, при котором одному исходному имперфективу будет соответствовать два приставочных «естественных» (в терминах Л. Янды) перфектива, то из нескольких имеющихся претендентов на эту роль следует выбрать тот, который в наименьшей степени зависит от контекста.

Так, например, перфектив *пропеть* <арию> по критерию Маслова дает соответствие *петь* <арию>, ср.: *Певвица пропела арию, и закончилось первое отделение концерта* – *Певвица поет арию, и заканчивается первое отделение концерта*. Гипотетическая пара *пропеть* <арию> ~ *петь* <арию> имеет акциональное соответствие среди суффиксальных пар типа *переписывать* <упражнение> ~ *переписать* <упражнение>, являясь терминативной парой. Однако наличие соответствия *спеть* <арию> ~ *петь* <арию>, при том, что перфектив *спеть* оказывается синонимичным перфективу *пропеть* и тре-

бует меньшей поддержки контекста³⁴, заставляет отказаться от версии о наличии терминативной видовой пары *петь* ~ *пропеть* в пользу чистовидового статуса пары *петь* ~ *спеть*. Если же приставочный перфектив не может быть признан «естественным» перфективом к исходному имперфективу, то возникает предположение, что он является «специализированным» перфективом, допускающим вторичную имперфективацию (продолжаю использовать терминологию Л. Янды, которая представляется достаточно удобной). То есть возникает предположение о наличии пары *пропеть* ~ *пропевать*. Проверка этого предположения по Национальному корпусу русского языка (www.ruscorgo.ru) подтверждает его обоснованность³⁵.

Следование изложенным принципам довольно естественным образом вводит в круг (чисто)видовой коррелятивности пары, образованные мультипликативом и семельфактивом (типа *прыгать* ~ *прыгнуть*, *колоть* ~ *колынуть*), поскольку а) такие пары отвечают критерию Маслова; б) их акциональная характеристика идентична акциональной характеристике прототипических моментативов (типа *приходить* ~ *прийти*).

Практически аналогичная ситуация имеется и по отношению к глагольным парам типа *закричать* ~ *кричать*, *заплакать* ~ *плакать*, поскольку среди прототипических пар имеется акциональный класс ингрессивов (*возглавить* ~ *возглавлять*, ср.: *И вот, наконец, он возглавил фирму* – *И вот, наконец, он возглавляет фирму*). Но так как необходимым условием признается также соответствие критерию Маслова, то решение вопроса зависит от трактовки парных высказываний типа *Она заплакала* – *Она плачет*, *Он закричал* – *Он кричит*, получаемых при переводе высказывания в настоящее историческое. Обратимся к выводам авторов статьи [Зализняк, Шмелев 2002]: «отсутствие имперфективного коррелята у инхоативных³⁶ глаголов <...> не случайно и обусловлено тем, что все эти глаголы не обозначают подлинных событий; они лишь используются для того, чтобы представить процесс как событие, включить его в событийную цепочку» [Зализняк, Шмелев 2002: 223], и «при этом происходит утрата семантического компонента начинательности» [Там же: 214]. Если согласиться с приведенными положениями, то, по-видимому, перфектив с приставкой *за-* и исходный имперфектив не следует рассматривать в качестве членов ингрессивных пар (чем и обусловлено принятое решение относительно пары *кричать* ~ *закричать*, см. в Таблице 3 ниже). Отметим, что в случае суффиксальной ингрессивной пары (*занять(ся)* ~ *занимать(ся)*, *возглавить* ~

³⁴ Ср.: *петь* <что-нибудь> – *спеть* <что-нибудь>. Впрочем, положение о большей автономности от контекста перфектива *спеть* по сравнению с перфективом *пропеть* требует экспериментальной проверки.

³⁵ На запросы «пропевал» и «пропевали» поиск по НКРЯ выдал результат в 1 вхождение, на запрос «пропевала» – 3 вхождения, например: *Монька звонко пропевала сочиненную кем-то песенку: давала соседкам бигуди, одалживала им треху до утра, подбрасывала ребенка до вечера и щедро покрытая синяками, объясняла Гертруде Борисовне, что упала, ударилась о мебель, а еще пострадала в транспорте* (М. Палей. Кабирия с Обводного канала (1990)); *Когда она «слагала стихи», этот процесс не прерывался ни на минуту: вдруг, во время очередной реплики собеседника, за чтением книги, за письмом, за едой, она почти в полный голос пропевала-проборматывала – «жужжала» – неразборчивые гласные и согласные приближающихся строк, уже нашедших ритм* (А. Найман. Рассказы о Анне Ахматовой (1986–1987)). Также обнаружены и презентные формы: *пропеваю* – 1 вхождение, *пропевает* – 2 вхождения, *пропеваем* – 1 вхождение. Все девять полученных результатов датируются периодом 1966–2003 гг.

³⁶ Авторы цитируемой работы называют перфективы с префиксом *за-* инхоативными. Несмотря на распространенность такого терминопотребления, связанного с именем Ф.Ф. Fortunatova, отметим, что оно идет вразрез с рекомендациями Ю.С. Маслова в [Маслов 1965] употреблять в соответствующих случаях термин «ингрессивный». Предпочтение Юрия Сергеевича было обусловлено желанием учитывать индоевропейстическую традицию, где термин «инхоативный» ассоциирован с глаголами, обозначающими «постепенное нарастание признака», соответственно, «в славянских языках “инхоативными глаголами” лучше называть глаголы с суффиксами *-л-* и *-ѣ-*: *блекнуть*, *стареть* и т.д.» [Маслов 1965: 54].

возглавлять) семантика начинательности, как представляется, инерционно наличествует и в имперфективной форме.

Перейдем к вопросу о трактовке делимитативов (*погулять*) и сопоставляемых им исходных глаголов НСВ (*гулять*). Как известно, делимитатив обозначает двусторонне ограниченную «порцию» той ситуации, которая обозначается деривационно исходным для него имперфективом. Если делимитатив первичный (т. е. образованный от исходного имперфектива, как *гулять* ~ *погулять*), то наличествует двустороннее ограничение не предельной ситуации. Если же делимитативная деривация применяется к имперфективу, явившемуся результатом вторичной имперфективации (например, *переписывать* ~ *попереписывать*; в [Мелиг 1994: 600–601] это явление было названо «вторичной гомогенизацией трансформативов»), то имеет место двустороннее ограничение соотносительной с пределом ситуации. Как уже было отмечено выше (см. раздел 2, пункт 3), самостоятельный интерес для вопроса о видовой парности имеет только первый случай, т. е. первичный делимитатив, поскольку именно в таком случае наличествует возможность включения в круг видовой коррелятивности не соотносительных с пределом глаголов, традиционно трактуемых как *imperfectiva tantum*. В случае же вторичного делимитатива происходит перфективация вторичного имперфектива, уже являющегося членом видовой пары, причем с самой типичной для русской видовой оппозиции акциональной характеристикой – терминативной пары.

Аргументы за признание глагольных пар типа *гулять* – *погулять* в качестве видовых уже были рассмотрены выше. Предлагаемый здесь ракурс рассмотрения проблемы – с учетом акциональной характеристики, причем с ориентацией на акциональность бесспорных суффиксальных пар, – предоставляет аргумент против рассмотрения исходного имперфектива и производного от него делимитатива как видовой пары. Этот вывод обусловлен тем, что результирующая акциональная характеристика такой пары (другими словами – одной лексемы с двумя аспектуальными формами) равняется предусмотренной в нашей дедуктивной акциональной классификации двупредельности на агентивной (или стативной) основе (см. [Горбова 2010б: 23–24]), но среди бесспорных (суффиксальных) видовых пар русского глагола данная акциональная характеристика не представлена. При принятии данного аргумента и последующем отказе от рассмотрения (первичного) делимитатива как видового коррелята к исходному имперфективу возникает необходимость охарактеризовать две отдельные лексемы – НСВ и СВ – в терминах акциональных классов. С глаголом НСВ (*гулять*, *лежать*, *знать*) проблем не возникает, поскольку они могут быть охарактеризованы либо как агентивы, либо как стативы, либо (в случае отказа от отдельного рассмотрения не предельного процесса и состояния в русском языке) как агентивы / стативы. Хуже обстоит дело с делимитативом. В [Горбова 1996; 1999] русские делимитативы были охарактеризованы как (особого рода) моментативы. Основанием для такого решения было допущение, что отрезок (схематический образ делимитатива) может быть приравнен к точке (схематический образ моментатива). К тому же, в более ранних версиях предлагаемой дедуктивной классификации акциональных типов не были учтены все логические возможности сочетания базовых акциональных значений (агентива – не предельного процесса, статива – состояния и моментатива – точки-кульминации), поскольку она была в значительной степени ориентирована на классификацию З. Вендлера [Vendler 1967], в терминах которой адекватная характеристика русского делимитатива оказывается затруднительной. При использовании последней редакции разрабатываемой акциональной классификации делимитатив может быть охарактеризован как двупредельный глагол *perfectivum tantum* на агентивной (реже – стативной) основе.

С другой стороны, нельзя не признать того обстоятельства, что в случае с делимитативной перфективацией исходный, семантически и функционально (по критерию Маслова) соотносительный с делимитативом имперфектив является не предельным (не соотносительным с пределом; в терминах [Зализняк, Шмелев 2000] – обозначающим не событие, а процесс или состояние). Сходная ситуация имеется только в одном типе суффиксальных пар: у ингрессивов (типа *возглавить* ~ *возглавлять*, *заняться* ~ *зани-*

*маться*³⁷), т. е. в парах, в которых перфектив обозначает начальную точку соответствующей неопредельной ситуации, поэтому имеет смысл сопоставить ингрессивную и делимитативную перфективацию.

Имперфективы в ингрессивных парах морфологически производны от своих перфективных коррелятов, а исходные однокоренные имперфективы, сохранившие семантическую соотносительность, в современном языке отсутствуют. Поэтому с морфологической точки зрения в случае с (прототипически парными) ингрессивами имеются два инфинитива, а в случае с анализируемыми делимитативами – три (вопрос о проблемах с семантической соотносительностью делимитатива и производного имперфектива прерывисто-смягчительного СД сейчас не обсуждается, как и вопрос о направлении словообразовательной деривации), ср.:

∅	– <i>заняться</i>	– <i>заниматься</i>
<i>гулять</i>	– <i>погулять</i>	– <i>погуливать</i>

Возможно, именно отсутствие исходного имперфектива способствовало формированию отвечающей всем предъявляемым к прототипической (суффиксальной) видовой паре требованиям в случае с ингрессивными парами. Это предположение поддерживается гораздо более шатким положением как претендентов на (чисто)видовую коррелятивность первого и второго участника из следующих глагольных рядов (см. обсуждение выше с использованием семантической аргументации; также следует иметь в виду общий принцип: прототипическими являются именно суффиксальные пары, в первую очередь – с производными имперфективами):

<i>плакать</i>	– <i>заплакать</i>	– <i>??*/*заплакивать</i>
<i>кричать</i>	– <i>закричать</i>	– <i>??*/*закрикивать</i>

Ср. также со следующим рядом, в котором появление реального, а не потенциального вторичного имперфектива служит окончательным препятствием для признания видовой коррелятивности исходного НСВ и его приставочного перфектива:

<i>петь</i>	– <i>запеть</i>	– <i>запевать</i>
-------------	-----------------	-------------------

(о факторах, способствующих появлению вторичного имперфектива от перфектива с ингрессивной семантикой, см. в [Зализняк, Шмелев 2002: 214–215])³⁸.

Возвращаясь к вопросу о делимитативной перфективации исходных неопредельных имперфективов, следует еще раз подчеркнуть обусловленный акциональной характеристикой таких глаголов запрет на обозначение достижения естественного предела, или кульминации, за отсутствием соотнесенности с таковым. Следовательно, перфективация возможна только в связи с наложением внешних пределов на обозначаемые исходными имперфективами ситуации. Поскольку аналогия с ингрессивами оказалась ложной (из-за отсутствия соответствующего исходного имперфектива), возможна констатация уникального положения пар типа *гулять* – *погулять*. Они отвечают критерию Маслова, они высокочастотны и достаточно регулярны, позволяя при необходимости представить в виде секвентных (квази)событий исходно неопредельные ситуации, но они не имеют, подобно другим образованным приставочной перфективацией парам, акциональных соответствий среди суффиксальных пар. Представляется, что ожидать от таких пар выполнения сформулированного выше требования (о наличии суффиксаль-

³⁷ Пара *заняться* ~ *заниматься* проходит критерий Маслова в его итеративной разновидности (контексте многократности), ср.: *Придя домой, она занялась уборкой* · *Каждый вечер, приходя домой, она занималась уборкой*.

³⁸ Ср. с похожим рассуждением в [Падучева 1996: 95] сводящимся к следующему: «В традиционной грамматике пара с начинательным соотношением может быть признана видовой только в том случае, если глагол СВ – моментальный, т.е. не входит в предельную пару с другим НСВ, обозначающим процесс». Этому условию удовлетворяет пара *возглавлять* – *возглавить*, но не удовлетворяет пара *болеть* – *заболеть*, поскольку наличествует имперфектив *заболевать* [Там же].

ной пары с соответствующей акциональной характеристикой) крайне нереалистично, поскольку их имперфективы уникальны и в силу своей несоотнесенности с каким бы то ни было пределом, и по причине морфологической исходности. Учитывая все эти обстоятельства, представляется правомерным высказаться за признание (чисто)видового статуса подобных двупредельных пар и их исключительного положения.

В завершение рассмотрения проблем видовой парности русского глагола представляется уместным дать свой вариант ответа на тот вопрос из «Анкеты аспектологического семинара филологического факультета МГУ», с которого мы начали (см. *Таблицу 3*).

Таблица 3

(Чисто)видовой статус семи предложенных в [Анкета 1997] пар однокоренных глаголов с учетом акциональности глагольных лексем

	Глагольные пары	Видовая коррелятивность	Акциональный класс ³⁹
1.	<i>видеть ~ увидеть</i>	+	двухкомпонентный (статив, моментатив)
2.	<i>гулять ~ погулять</i>	+	двупредельный на агентивной основе
3.	<i>есть ~ поест</i>	+	двупредельный на агентивной основе
4.	<i>идти ~ пойти</i> ⁴⁰	+	двухкомпонентный (агентив, моментатив)
5.	<i>кричать ~ закричать</i>	–	imp.t.: агентив; perf.t.: моментатив
6.	<i>петь ~ пропеть <арию></i>	–	имперфектив – из терминативной пары <i>петь~спеть <арию></i> ; перфектив – из терминативной пары <i>пропеть ~ пропевать <арию></i>
	<i>петь ~ пропеть <лето красное></i>	+	двупредельный на агентивной основе
7.	<i>прыгать₁ ~ прыгнуть</i>	+	моментатив (как <i>приходить ~ прийти</i>)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анкета 1997 – Анкета аспектологического семинара филологического факультета МГУ // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ. Т. 2. 1997.
- Апресян 1974 – Ю.Д. *Апресян*. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1967.
- Апресян 2006 – Ю.Д. *Апресян*. Основания системной лексикографии // Ю.Д. *Апресян* (отв. ред.). Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006.
- Апресян 2009 – Ю.Д. *Апресян*. Исследования по семантике и лексикографии. Т. 1: Парадигматика. М., 2009.
- Апресян 2010 – Ю.Д. *Апресян*. Семантические типы глагольного управления: лексикографический аспект // Проблемы грамматики и типологии: Сб. статей памяти В.П. Недеялкова (1928–2009). М., 2010.
- Бондарко 1976 – А.В. *Бондарко*. Теория морфологических категорий. Л., 1976.
- Бондарко 1987/2006 – А.В. *Бондарко*. Содержание и типы аспектуальных отношений. Лимитативность как функционально-семантическое поле // А.В. *Бондарко* (отв. ред.). Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987. М., 2006.

³⁹ В соответствии с [Горбова 2010б].

⁴⁰ Данная глагольная пара в работе не была проанализирована отдельно, но решение о ее статусе принималось по аналогии с парой *видеть – увидеть* и в соответствии с приведенным выше рекурсивным механизмом, который в данном случае предполагал ориентацию на суффиксальные пары типа *ощущать – ощутить*. Имелась в виду способность формы СВ обозначать событие (целостная интерпретация), ср.: – *Отец идет сегодня на работу?* – *Уже пошел, где пошел* с очень низкой долей вероятности обозначает ‘начал идти’.

- Бондарко 1991 – *А.В. Бондарко*. Предельность и глагольный вид (На материале русского языка) // ИАН СЛЯ. 1991. Т. 50. № 3.
- Бондарко, Буланин 1967 – *А.В. Бондарко, Л.Л. Буланин*. Русский глагол. Л., 1967.
- Булыгина 1982 – *Т.В. Булыгина*. К построению типологии предикатов в русском языке // О.Н. Селиверстова (отв. ред.). Семантические типы предикатов. М., 1982.
- Гак 1996 – *В.Г. Гак*. Функциональные видовые пары в русском языке // Словарь, грамматика, текст. М., 1996.
- Гловинская 1982 – *М.Я. Гловинская*. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
- Гловинская 2001 – *М.Я. Гловинская*. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М., 2001.
- Гловинская 2002 – *М.Я. Гловинская*. Периферийные видовые пары и их отличия от способов действия // Основные проблемы русской аспектологии. СПб., 2002.
- Гловинская 2010 – *М.Я. Гловинская*. Потенциальные глагольные формы // Современный русский язык: Система – норма – узус. М., 2010.
- Горбов 2009 – *А.А. Горбов*. Теория видовых гнезд: pro et contra // Материалы XXXVIII междунар. филол. конф. Общее языкознание, СПб., 2009.
- Горбова 1996 – *Е.В. Горбова*. Сопоставительный анализ категорий поля аспектуальности в русском и испанском языках и их речевой реализации: Дис. ...канд. филол. наук. СПб., 1996 (<http://www.genling.nw.ru/person/Gorbova.htm>).
- Горбова 1999 – *Е.В. Горбова*. Опыт разработки универсальной классификации характеров глагольного действия // Материалы XXVIII Межвуз. научно-методической конф. преподавателей и аспирантов. Вып. 16. Секция общего языкознания. Ч. 1. СПб., 1999.
- Горбова 2009 – *Е.В. Горбова*. Непредельные глаголы в русском языке: единство, дихотомия или градуальность? // ИАН СЛЯ. 2009. Т. 68. № 5.
- Горбова 2010а – *Е.В. Горбова*. Общая аспектология Ю.С. Маслова: из истории отечественной лингвистики // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 3(9).
- Горбова 2010б – *Е.В. Горбова*. Акциональность глагольной лексики и аспектуальные граммы: вопросы взаимодействия. СПб., 2010.
- Горбова (в печати) – *Е.В. Горбова*. Акциональная таксономия и естественная классификация // А.В. Бондарко, В.В. Казаковская (ред.). Проблемы функциональной грамматики: принцип естественной классификации. СПб., в печати.
- Гэрей 1962 – *Г.Б. Гэрей*. Глагольный вид во французском языке // Ю.С. Маслов (отв. ред.). Вопросы глагольного вида. М., 1962.
- Зализняк, Шмелев 2000 – *Анна А. Зализняк, А.Д. Шмелев*. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
- Зализняк, Шмелев 2002 – *Анна А. Зализняк, А.Д. Шмелев*. Семантика 'начала' с аспектологической точки зрения // Н. Д. Арутюнова (отв. ред.). Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М., 2002.
- Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2010 – *Анна А. Зализняк, И.Л. Микаэлян, А.Д. Шмелев*. Видовая коррелятивность в русском языке: в защиту видовой пары // ВЯ. 2010. № 1.
- Касевич 1977 – *В.Б. Касевич*. Элементы общей лингвистики. М., 1977.
- Касевич 1988 – *В.Б. Касевич*. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988.
- Касевич 2006 – *В.Б. Касевич*. Труды по языкознанию. СПб., 2006.
- Кронгауз 1998 – *М.А. Кронгауз*. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998.
- Маслов 1948 – *Ю.С. Маслов*. Вид и лексическое значение глагола в русском литературном языке // ИАН СЛЯ. 1948. Т. 7. №4.
- Маслов 1959 – *Ю.С. Маслов*. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление) // С. Б. Бернштейн (отв. ред.). Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959.
- Маслов 1965 – *Ю.С. Маслов*. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии // Вопросы общего языкознания. Л., 1965.
- Маслов 1984 – *Ю.С. Маслов*. Очерки по аспектологии. Л., 1984.
- Маслов 2004 – *Ю.С. Маслов*. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М., 2004.
- Мелиг 1985 – *Х.Р. Мелиг*. Семантика предложения и семантика вида в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. Современная зарубежная русистика. М., 1985.

- Мелиг 1994 – *Х.Р. Мелиг*. Гомогенность и гетерогенность в пространстве и во времени: О категории глагольного вида в русском языке // *RÉSl*. 1994. LXVI/3.
- Падучева 1996 – *Е.В. Падучева*. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Падучева 2004 – *Е.В. Падучева*. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Перцов 2001 – *Н.В. Перцов*. Инварианты в русском словоизменении. М., 2001.
- Петрухина 2000 – *Е.В. Петрухина*. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М., 2000.
- Плунгян 2000 – *В.А. Плунгян*. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2000.
- Плунгян 2011 – *В.А. Плунгян*. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
- Русакова, Сай 2003 – *М.В. Русакова, С.С. Сай*. Видовая пара русского глагола в индивидуальном лексиконе и речевой деятельности // *Н.В. Богданова, Б.И. Осипов (ред.)*. Грамматическая и лексическая семантика. Памяти Л.Л. Буланина. СПб., 2003.
- Русакова, Сай 2008 – *М.В. Русакова, С.С. Сай*. Глагольная парадигма в индивидуальных системах носителей русского языка и проблема грамматического вида // *Вестник СПбГУ. Филология. Востоковедение. Журналистика*. 2008. Вып. 2. Ч. 2.
- Смит 1998 – *К.С. Смит*. Двухкомпонентная теория вида // *Типология вида: проблемы, поиски, решения*. М., 1998.
- Татевосов 2005 – *С.Г. Татевосов*. Акциональность: типология и теория // *ВЯ*. 2005. № 1.
- Томмола 1986 – *Х. Томмола*. Аспектуальность в финском и русском языках // *Neuvostoliittoinstituutin vuosikirja*. 28. Helsinki, 1986.
- Холодович 1963 – *А.А. Холодович*. О предельных и неопредельных глаголах (по данным корейского и японского языков) // *Филология стран Востока*. 1963. №14.
- Черткова 1996 – *М.Ю. Черткова*. Грамматическая категория вида в современном русском языке. М., 1996.
- Черткова и др. 1997 – *М.Ю. Черткова, В.А. Плунгян, А.А. Рябчиков, Д.О. Кузнецов*. Ответы на анкету аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова // *ВЯ*. 1997. № 3.
- Шатуновский 1999 – *И.Б. Шатуновский*. Настоящее динамическое НСВ в современном русском языке // *Логический анализ языка. Языки динамического мира*. Дубна, 1999.
- Шатуновский 2009 – *И.Б. Шатуновский*. Проблемы русского вида. М., 2009.
- Шелякин 1987/2006 – *М.А. Шелякин*. Способы действия в поле лимитативности // *А.В. Бондарко (отв. ред.)*. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987; М., 2006.
- Barentsen 1985 – *А.А. Barentsen*. 'Tijd', 'Aspect' en de conjunctie *poka*. Over betekenis en gebruik van enkele vormen in het moderne Russisch. Academisch proefschrift. Amsterdam, 1985.
- Dickey 2006 – *S.M. Dickey*. Aspectual pairs, goal orientation and PO-delimitatives in Russian // *Glossos*. Issue 7. Spring 2006 // <http://www.seelrc.org/glossos/issues/7/dickey.pdf>.
- Janda 2007 – *L. Janda*. Aspectual clusters of Russian verbs // *Studies in language*. 2007. V. 31: 3.
- Janda, Korba 2008 – *L. Janda, J. Korba*. Beyond the pair: Aspectual clusters for learners of Russian // *Slavic and East European journal*. 2008. 52: 2.
- Lehmann 1988 – *V. Lehmann*. Der russische Aspekt und die lexikalische Bedeutung des Verbs // *ZSLPh*. 1988. Bd. 48 (1).
- Rothstein 2004 – *S. Rothstein*. Structuring events: A study in the semantics of lexical aspect. Malden (Mass.), 2004.
- Roussakova et al. 2001 – *M. Roussakova, S. Sai, S. Bogomolova, D. Guerassimov, T. Tangisheva, N. Zaika*. On the mental representation of Russian aspect relations // *S. Bendjaballah (ed.)*. Morphology 2000: Selected papers from the 9th Morphology meeting, Vienna, 24–28 February 2000. Current issues in linguistic theory. V. 218. Amsterdam, 2001.
- Vendler 1967 – *Z. Vendler*. Verbs and times // *Linguistics in philosophy*. Ithaca (N. Y.), 1967.

Сведения об авторе:

Елена Викторовна Горбова
СПбГУ
elena-gorbova@yandex.ru

© 2011 Г. К.И. КАЗЕНИН

ПРОБЛЕМА «РАЗМЕРОВ» КОНЪЮНКТОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ДАННЫЕ НЕКОТОРЫХ ТИПОВ СОЧИНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ*

Статья посвящена проблеме синтаксической репрезентации сочинительных конструкций в русском языке. Рассматривается вопрос о «размере» конъюнктов, то есть о том, словосочетания каких категорий следует считать сочиняемыми. Данный вопрос обсуждается на примере нескольких конструкций, в которых априорно возможны разные варианты его решения.

1. ВВЕДЕНИЕ

Стандартная проблема, возникающая при анализе конструкций с сочинением, состоит в определении «размеров», а точнее – категорий сочиняемых составляющих. Во многих случаях предложение с сочинением допускает не один, а два или более варианта анализа, отличающихся друг от друга тем, составляющие какой категории подвергаются сочинению. При этом, чем более высокого уровня составляющие сочиняются, тем больше элементов подвергается эллипсису. Например, предложение (1) разрешает три варианта анализа: сочинение предложений (2), сочинение предложных групп (3) и сочинение именных групп в составе предложной группы (4):

- (1) *Петя побывал в Лондоне и Париже;*
- (2) [*Петя побывал в Лондоне*] и [~~Петя побывал в Париже~~];
- (3) *Петя побывал* [[*в Лондоне*] и [*в Париже*]];
- (4) *Петя побывал в* [[*Лондоне*] и [*Париже*]].

В ряде случаев выбор «размера» конъюнкта определяется морфологическими критериями. Так, в русских предложениях вида (5) невозможно усмотреть сочинение предложений, поскольку в каждом из сочиняемых предложений глагол был бы в единственном числе, и невозможно было бы объяснить, почему после эллипсиса он приобретает множественное число:

- (5) *Гучков и Шульгин отправились из Петрограда в Псков;*
- (6) [[*Гучков*] и [*Шульгин*]] *отправились из Петрограда в Псков;*
- (7) [*Гучков отправился из Петрограда в Псков*] и [*Шульгин отправился из Петрограда в Псков*].

В других случаях, прежде всего при так называемых симметричных предикатах, выбор «размеров» предопределяется семантикой. Например, для (8) анализ, постулирующий сочинение предложений, невозможен. При таком анализе, представленном в (10), значение сложносочиненного предложения, в котором действует эллипсис, не совпадает с предложением (8): в (10), в отличие от (8), не утверждается, что два лица

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 10-04-00144а. За ценные замечания автор благодарит Е.А. Лютикову, Я.Г. Тестельца, а также рецензента «Вопросов языкознания». За все недостатки работы ответственность несет только автор.

состояли в брачных отношениях друг с другом. Эта разница в значениях заставляет остановиться на (9) как правильном варианте анализа для (8):

- (8) *Римский папа отказался развести короля Англии и Екатерину Арагонскую;*
- (9) *Римский папа отказался развести [[короля Англии] и [Екатерину Арагонскую]];*
- (10) *[Римский папа отказался развести короля Англии] и [римский папа отказался развести Екатерину Арагонскую].*

Однако во многих других случаях столь четких свидетельств против какого-либо варианта анализа найти не удастся, и предложение оказывается «неоднозначным» в структурном отношении – как, например, (1). Имеющиеся на сегодняшний день синтаксические теории, как правило, приписывают таким предложениям один из вариантов анализа в зависимости от своих внутритеоретических установок. Так, в генеративной грамматике преобладает подход, усматривающий везде, где это возможно, сочинение предложений с последующим эллипсисом, а не сочинение меньших составляющих. Такая установка последовательно реализуется в книге [van Oirsouw 1987] и получает развитие в работах [Wilder 1994; 1997]. Напротив, в рамках категориальной грамматики [Steedman 2000] столь же последовательно предпочитается анализ с сочинением минимальных конъюнктов.

Применительно к русскому языку данная проблема ранее обсуждалась в [Санников 1989; 2008: 126–132; Падучева 1974/2007: 161–192]. В настоящей статье мы сопоставим разные варианты анализа трех русских сочинительных конструкций и покажем, что анализ с сочинением конъюнктов минимальных «размеров» наиболее адекватно описывает некоторые нетривиальные свойства этих конструкций.

Предложенные в статье рассуждения базируются на следующих предпосылках:

(1) эллипсис – это синтаксическая операция, применяемая при порождении (синтезе) и состоящая в сокращении какой-либо словоформы или цепочки словоформ¹; поэтому, если предложение рассматривается как результат эллипсиса, то ему должно быть сопоставлено грамматически правильное предложение, от которого оно образовано путем сокращения некоторого материала; условно в данной работе структура предложения, в которой некоторый материал сокращен, будет называться «поверхностной структурой», а структура предложения, в которой выражен весь материал, подлежащий сокращению, – «глубинной структурой» (эти термины употребляются здесь вне связи с какой-либо из существующих грамматических теорий, где их значение может быть значительно более детализированным или вовсе иным);

(2) эллипсис не меняет значения; поверхностная и глубинная структура (в описанном выше понимании) должны иметь одинаковое семантическое представление; следовательно, если некоторое предложение может быть рассмотрено как результат эллипсиса только при условии, что поверхностная и глубинная структуры семантически неравнозначны, то рассмотрение такого предложения в качестве результата эллипсиса является неверным;

(3) в русском языке в качестве отдельной составляющей присутствует глагольная группа, которая включает в себя глагол, его дополнения и (некоторые) обстоятельства; отметим, что данный факт не является общепринятым для русского языка, в котором аргументов за существование глагольной группы меньше, чем, например, в английском (о противопоставлении языков с глагольной группой и без таковой, или «конфигурационных» и «неконфигурационных» языков, см., например [Baker 2000]); однако выводы,

---

¹ Такой подход к эллипсису принято называть синтаксическим. Альтернативный, так называемый семантический, подход, защищаемый некоторыми западными синтаксистами, состоит в том, что элидированному элементу на всех этапах синтаксической деривации предложения соответствует нулевой знак (например, для именной группы – фонетически невыраженное местоимение), и за установление соответствия между нулевым знаком и его антецедентом отвечает семантический компонент. Обсуждение основных аргументов за и против семантического, синтаксического и некоторых других подходов к эллипсису см. прежде всего в [Stainton 2006; Merchant 2010].

сделанные в настоящей статье, состоят в том, что в некоторых сочиненных конструкциях оптимально усматривать сочинение именно глагольных групп, что и оправдывает постулирование нами глагольной группы как составляющей русского предложения.

В качестве репрезентации синтаксической структуры в статье выбрано дерево составляющих. Выбор мотивирован тем, что в дереве составляющих имеются эксплицитные указания на категории сочиняемых объектов (это используемые в дереве «категориальные символы», такие, как «глагол», «глагольная группа», «имя», «именная группа», «предложение» и т.п.). Вследствие этого, различные решения по «размерам» сочиняемых элементов наиболее наглядно можно сопоставлять именно в дереве составляющих. Рассуждения, формулируемые ниже в терминах дерева составляющих, могут быть достаточно просто «переведены» на язык дерева зависимостей.

2. СОЧИНЕНИЕ ДОПОЛНЕНИЙ ИЛИ СОЧИНЕНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ГРУПП?

2.1. Три возможности анализа

Если в сочетании с единственным глаголом в предложении имеется сочинение объектных ИГ, то возможны три варианта анализа с точки зрения размеров конъюнктов:

- (11) Я встретил Машу и Петю;
- (12) Я встретил [[Машу] и [Петю]];
- (13) Я [[встретил Машу] и [встретил Петю]];
- (14) [Я встретил Машу] и [я встретил Петю].

Неприемлемость анализа (14) будет обоснована в разделе 3: там будет показано, что если подлежащее в русском языке является общим для двух или более сочиненных предикатов, то имеет место сочинение этих предикатов в сочетании с единой для них подлежащей ИГ, а не сочинение предложений с эллипсисом подлежащего. Поэтому для (11) остаются только два варианта анализа – (12) и (13).

2.2. Запрет на сокращение левосторонней вершины

Анализ (13) представляется неверным по следующей причине: в русском языке действует ограничение, согласно которому, если в двух конъюнктах совпадают вершины при разнице зависимых и вершины находятся левее зависимых внутри конъюнктов, то эллипсис вершины невозможен (Запрет на сокращение левосторонней вершины; подробнее см. в [Казенин 2007]):

- (15) *[X [Y]] & [* [Z]]

Действие данного ограничения подтверждается неграмматичностью следующих предложений с двойными союзами:

- (16) *Ни имени потерпевшего, ни ~~имени~~ оборотня не называется;
- (17) *Мы пропустили и поезд, идущий в Москву, и поезд, идущий в Санкт-Петербург;
- (18) *Передайте и привет от Николая, и привет от меня;
- (19) *Маша и вытерла чашки, и ~~вытерла~~ ложки.

Очевидно, что предложения (16)–(19) не допускают анализа, который избегал бы нарушения Запрета на сокращение левосторонней вершины: в этих предложениях употребляются двойные союзы, и они однозначно указывают на границы конъюнктов, а именно, на то, что в составе одного из конъюнктов имеется вершина, сокращенная в другом конъюнкте. В предложениях же типа (11) отсутствует двойной союз, что позволяет там постулировать различные границы конъюнктов. Однако для объяснения грамматичности (11) необходимо принять такие границы конъюнктов в этом предложении, при которых не нарушаются известные ограничения на сочинительное сокращение, в том числе Запрет на сокращение левосторонней вершины. Этому требованию удовлетворяет анализ в (12), в силу того, что сокращения там вовсе не происходит.

Анализ (13), напротив, нарушает данный Запрет, и потому, приняв его, мы не могли бы объяснить, почему (11) приемлемо.

Если, в отличие от (11), объект предшествует глаголу, то сочинение объектов усмотреть невозможно, так как они располагаются неконтактно. Сочинение глагольных групп в этом случае не ведет к нарушению Запрета на сокращение левосторонней вершины, потому что глагол находится справа от зависимого:

(20) *Я Машу встретил и Петю;*

(21) *Я [[Машу встретил] и [Петю встретил]].*

3. СОЧИНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ИЛИ СОЧИНЕНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ГРУПП?

3.1. Две возможности анализа

Если за однократно выраженным подлежащим следуют две или более глагольные группы, связанные сочинительной связью, то такая конструкция допускает два варианта анализа: либо сочиняются глагольные группы при едином для них подлежащем (23), либо сочиняются предложения с последующим эллипсисом подлежащего во всех из них, кроме самого левого (24):

(22) *Петя вошел и увидел Машу;*

(23) *Петя [[вошел] и [увидел Машу]].*

(24) *[Петя вошел] и [Петя увидел Машу].*

Ниже в данном разделе, ограничив наше рассмотрение сочинением с союзом *и*, мы продемонстрируем правильность анализа, показанного в (23).

3.2. Кванторные подлежащие

3.2.1. Ограничения на интерпретацию и их объяснение

Один из самых известных аргументов против структуры вида (24) касается интерпретации кванторов в позиции подлежащего в сочинительных конструкциях. Если подлежащее является квантором, то повтор его во втором конъюнкте приводит к интерпретации, отличной от того предложения, где квантор выражен только один раз:

(25) *Кто-то пришел и сломал дверь* (≠ (26) *Кто-то пришел и кто-то сломал дверь*);

(27) *Пять человек прошли регистрацию и баллотировались в президенты* (≠ (28) *Пять человек прошли регистрацию и пять человек баллотировались в президенты*);

(29) *Одни занимались своими интригами и пытались из кризиса извлечь политическую выгоду для себя* (≠ (30) *Одни занимались своими интригами и одни пытались из кризиса извлечь политическую выгоду для себя*).

Предложения в (25), (27) и (29) возможны, только если подлежащие сочиненных предикатов совпадают. Например, значение предложения (25) включает единственное вхождение квантора существования: 'существует *x*, такой, что *x* пришел и *x* сломал дверь'. При повторе квантора ((26), (28), 30)) совпадения субъектов двух предикаций не требуется. В частности, в значении предложения (26) квантор существования присутствует дважды: 'существует *x*, такой, что *x* пришел, и существует *y*, такой, что *y* сломал дверь; *x* и *y* могут совпадать или не совпадать'. Для краткости мы будем говорить об интерпретации предложения (25) как об **однокванторной** интерпретации, а об интерпретации предложения (26) – как о **двукванторной** (или **многокванторной**)

интерпертации². Необходимость однокванторной интерпертации подлежащего, однократно выраженного при сочиненных предикатах, подтверждается неприемлемостью предложений, в которых однокванторность исключена по семантическим причинам:

- (31) #*Пять человек сняли свои кандидатуры и приняли участие в выборах* (ср. (32) *Пять человек сняли свои кандидатуры, и пять человек приняли участие в выборах*).

Требование однокванторности в (25), (27) и (29) легко объясняется, если принять, что в этих предложениях сочиняются глагольные группы, ср.:

- (33) *Кто-то* [[*пришел*] и [*сломал дверь*]].

Если кванторная ИГ присутствует в структуре однократно, то она, разумеется, может соответствовать только одному квантору в семантическом представлении предложения. Если же сочиняются предложения с последующим эллипсисом подлежащего, то приходится вводить в грамматику дополнительное допущение о том, что кванторная ИГ может сокращаться только при однокванторной интерпертации:

- (34) [*Кто-то пришел*] и [*кто-то сломал дверь*].

Как будет показано в разделе 3.2.2, такое допущение в целом является ложным для русского языка.

3.2.2. Против однокванторности как условия эллипсиса

Сформулированное только что допущение обосновывается для английского и немецкого языков в [Wilder 1994], ср. [Höhle 1991]. Как уже отмечалось, Уилдером реализуется теория «больших конъюнктов», предполагающая, что во всех случаях, кроме симметричных предикатов, сочинению подвергаются целые предложения, с последующим эллипсисом их элементов. Чтобы объяснить интерпертационную асимметрию, проиллюстрированную в (25)–(30) (она точно так же присутствует в английском и немецком), Уилдер показывает, что однокванторная интерпертация требуется и тогда, когда невозможен анализ с единичным вхождением квантора в синтаксическую структуру:

- (35) англ. *At three, a man bought a watch, and at four, a bottle of whisky* ‘В три часа какой-то человек купил часы, а в четыре – бутылку виски’;

- (36) нем. *Um drei kaufte ein Mann eine Uhr, and um vier eine Flasche Whisky* ‘В три часа какой-то человек купил часы, а в четыре – бутылку виски’³.

В этих предложениях подлежащее линейно располагается внутри первого конъюкта, а именно, следует после обстоятельства, входящего в этот конъюкт. Поэтому анализ, располагающий подлежащее вне сочиненной структуры (как в (23)), приведет здесь к непроективности и должен быть отвергнут. Тем не менее, как утверждает Уилдер, в примерах (35) и (36) требуется однокванторная интерпертация: эти предложения, по данным Уилдера, всегда обозначают, что обе покупки сделал один и тот же человек. Чтобы объяснить это, необходимо принять, что в английском и немецком эллипсис квантора возможен только при однокванторной интерпертации.

² Более известные понятия «коррелативности» и «некоррелативности» к подлежащим сочиненных предикаций данных предложений неприменимы, поскольку сама возможность коррелативности с неопределенным местоимением, как и с любым другим словом или выражением с кванторной семантикой, на протяжении нескольких десятков лет вызывает активные дискуссии в логической семантике (из основополагающих работ, относящихся к данной дискуссии, см. [Evans 1980; Heim 1982] и др.).

³ Неопределенный артикль при имени должен стандартно интерпретироваться как квантор существования (см., например [Keenan 1987]).

Помимо предложений вида (35)–(36), Уилдер обосновывает данную гипотезу немецкими предложениями с постпозицией подлежащего глаголу (конструкция, невозможная в английском):

(37) нем. *In den Wald ging ein Jäger und fing einen Hasen* 'Охотник пошел в лес и поймал зайца'.

Здесь из-за порядка слов также исключен анализ, при котором подлежащее находится вне сочиненной структуры, поскольку такой анализ снова вел бы к непроективности, ведь линейно подлежащее находится внутри одного из конъюнктов. Однако и здесь требуется однокванторная интерпретация: предложение (37) означает, что пошел в лес и поймал зайца один и тот же охотник. При повторе подлежащего однокванторность не требуется:

(38) нем. *In den Wald ging ein Jäger und ein Jäger fing einen Hasen* 'Охотник пошел в лес и охотник поймал зайца'.

Если требование однокванторности при эллипсисе кванторного выражения присутствует в грамматике английского и немецкого языков, то и в предложениях этих языков, подобных (25), (27) и (29), однокванторность будет верно предсказана, даже если в них постулировать сочинение «больших конъюнктов», то есть предложений:

(39) англ. *A man sold a watch and bought a bottle of whisky* ([*A man sold a watch*] and [*a man bought a bottle of whisky*]) 'Человек продал часы и купил бутылку виски';

(40) нем. *Ein Jäger ging in den Wald und fing einen Hasen* ([*Ein Jäger ging in den Wald*] und [*ein Jäger fing einen Hasen*]) 'Охотник пошел в лес и поймал зайца'.

Тем самым Уилдеру удастся, не прибегая к нежеланному для него сочинению глагольных групп, объяснить для английского и немецкого эффект однокванторности, аналогичный показанному в 3.2.1.

В русском языке, однако, такой вариант анализа нельзя считать вполне обоснованным. Дело в том, что в русском требование однокванторности при эллипсисе квантора в общем случае не действует. Для подтверждения этого рассмотрим некоторые русские эллиптические конструкции, в которых есть ясные указания на то, что кванторантеcedент находится в составе одного из конъюнктов, а не за пределами сочиненной структуры.

Обратимся, во-первых, к русским аналогам конструкции, проиллюстрированной в (35)–(36)⁴. В (41)–(42) кванторное подлежащее линейно находится внутри первого конъюнкта, а кванторное подлежащее во втором конъюнкте подвергается эллипсису:

(41) *И ведь именно сегодня кто-то напишет самый лучший рассказ в его жизни, а завтра кто-то – совершит лучшую сделку в своей жизни;*

(42) *Сегодня один из игроков пропустит утреннюю тренировку, завтра ~~один из игроков~~ пропустит вечернюю.*

Однокванторной интерпретации в этих предложениях не требуется: например, (41) возможно, если рассказ написан и сделка заключена разными людьми. Интересны интерпретационные различия между парами предложений, в одной из которых линейный порядок допускает, чтобы квантор присутствовал в структуре всего один раз, а в другом – нет:

(43) *Сегодня кто-то из игроков пропустит одну тренировку, завтра – две;*

(44) *Кто-то из игроков пропустит сегодня одну тренировку, а завтра – две.*

⁴ В данной работе рассматриваются только сочиненные предложения с кванторным подлежащим *кто-то* и с кванторными подлежащими вида «числительное + существительное». Вопрос о возможных отличиях в анализе сочиненных предложений с другими кванторными подлежащими по соображениям места не обсуждается.

В (43) возможна интерпретация, при которой субъекты у двух предикатов не совпадают, то есть двукванторная интерпретация: в один день пропустил тренировку один игрок, в другой день – другой. В (44), напротив, требуется однокванторность. При этом легко видеть, что для (43) невозможна структура, в которой подлежащее было бы за пределами сочиненной конструкции, поскольку линейно оно находится в составе одного из конъюнктов:

(45) [*Сегодня кто-то из игроков пропустит одну тренировку*], [*завтра кто-то из игроков пропустит две*].

В (44) же линейный порядок позволяет постулировать структуру, при которой сочиняются глагольные группы, а квантор представлен в предложении только один раз:

(46) *Кто-то из игроков* [[*пропустит сегодня одну тренировку*], а [*завтра пропустит две*]].

Таким образом, в рассмотренных случаях, где бесспорно имеет место эллипсис квантора, однокванторная интерпретация не требуется, а в тех случаях, где можно не усматривать эллипсис квантора, однокванторная интерпретация обязательна.

Вывод о том, что при эллипсисе квантора может иметь место двукванторная интерпретация, можно сделать и на базе предложений с двойными союзами. Двойные союзы всегда однозначно указывают на границы конъюнктов. Если кванторное подлежащее входит в один из конъюнктов, а во втором конъюнкте подлежащее опущено, то возможна двукванторность:

(47) *Вижу – либо кто-то его убьет, либо кто-то меня застрелит;*

(48) *Либо один из супругов был признан судом недееспособным, либо один из супругов ранее усыновлял другого ребенка;*

(49) *Либо кто-то забыл свой пароль и пытается вспомнить его, либо кто-то пытается подобрать логин и пароль с целью вторжения.*

В (47) агенсы двух действий могут как совпадать, так и быть разными. Аналогично в (48) утверждается, что хотя бы один из двух сочиненных предикатов верен хотя бы для одного супруга. Наконец, в (49) по семантическим причинам однокванторность, скорее всего, невозможна вовсе. Тем самым интерпретация кванторов при двойных союзах подтверждает, что эллипсис кванторов не требует однокванторной интерпретации.

Заметим, что и в (41)–(42), и в (47)–(49) эллипсису подвергаются подлежащие⁵. Именно для этого вида эллипсиса в русском языке мы установили, что при нем не требуется однокванторной интерпретации. Для предложений (25), (27) и (29) это значит, что обязательность однокванторной интерпретации в них нельзя объяснить в рамках структуры, предполагающей эллипсис (24), потому что в этом случае возможность двукванторной интерпретации будет ожидаться и в этих предложениях. Это неверное предсказание дает преимущество структуре, в которой кванторное подлежащее находится вне пределов сочиненной структуры и не подвергается эллипсису, т.к. сочиняются глагольные группы (23).

3.3. Вопросительные подлежащие

Если вопросительное слово (или составляющая, которая его содержит) относится одновременно ко всем предложениям сочинительной конструкции, то ответ на такой частный вопрос может быть двух типов: либо список, где для каждого конъюкта вопросительной сочинительной конструкции дается отдельный ответ, либо единый ответ,

⁵ Для кванторов в неподлежащей позиции требование кореферентности в общем случае, видимо, не действует. Ср. сокращение дополнения в первом (i) и во втором (ii) конъюнкте: (i) *Кого-то на станции встречали, кого-то провозжали, некоторые уезжали грустными*; (ii) *Почти одновременно в «Вымпелкоме» уволили трех сотрудников, а в МТС приняли на работу трех сотрудников*. Это представляет собой дополнительный аргумент против теории Уилдера, однако не имеет значения в рамках выбора между структурами (23) и (24), для которого важны именно данные о кванторных подлежащих, т.к. две структуры различаются статусом подлежащей именной группы.

верный для всех конъюнктов. В англоязычной литературе по формальной семантике первый тип ответа получил название «парного» ответа (paired), а второй – ответа, «пересекающего границы» конъюнктов (across-the-board) [Munn 1998]. Ниже для простоты эти типы ответов мы будем называть соответственно «множественным» и «единичным». Ср. «множественные» ответы в (50Б) и (51Б) и «единичные» ответы в (50В) и (51В):

- (50) А: *Что он купил и продал за последнее время?*
Б: *Он продал футбольную команду и купил две яхты.*
В: *Он купил, но почти сразу продал акции «Газпрома».*
(51) А: *Кому он писал письма и посылал телеграммы?*
Б: *Он писал письма матери и посылал телеграммы брату.*
В: *И письма, и телеграммы он посылал только матери.*

Обследованные данные показывают, что если в русском языке вопросительное слово в сочинительной конструкции занимает позицию подлежащего, то возможен только «единичный» ответ. Об этом свидетельствует следующее наблюдение: если по семантическим причинам один и тот же объект не может выполнять роль подлежащего всех сочиненных предикаций, то вопросительное подлежащее должно повторяться в составе каждой предикации:

- (52) А: *Кто завтра отдыхает и кто стартует? (#Кто завтра отдыхает и стартует?)*
Б: *По поводу того, кто не примет участие, вопрос решается. А стартует Богалий-Титовец, поэтому кто-то будет отдыхать.*
(53) *Кто из студентов успел и кто не успел почитать конспект по римскому праву? (#Кто из студентов успел и не успел...?)*
Б: *Двое успели, а остальные нет.*

Если же вопросительное слово – не подлежащее, то оно может присутствовать в сочинительной конструкции всего один раз и в том случае, когда по семантическим причинам «единичного» ответа быть не может:

- (54) *Кого они уволили и приняли на работу за последние полгода?*
(55) *Что сказал и не сказал президент?*
(56) *Что говорил Робеспьер и делал Марат в этот период?*

Для сочинительных предложений с вопросительным подлежащим априори возможны те же два варианта репрезентации, что и для других предложений, где сочиненным предикатам предшествует общее для них подлежащее (см. раздел 3.1), то есть сочинение предложений с эллипсисом подлежащего (57) и сочинение глагольных групп при едином подлежащем (58):

- (57) [*Кто сегодня отдыхает*] и [*кто сегодня стартует*]?
(58) *Кто* [[*сегодня отдыхает*] и [*сегодня стартует*]]?

Если же вопросительное слово является дополнением, то данная вариативность структурного представления отсутствует. Рассмотрим (56). Предположим, что в этом предложении вопросительное слово, как подлежащее в (58), сочетается с сочиненной группой, само не входя в нее и присутствуя в предложении только один раз. В этом случае пришлось бы признать, что при общем дополнении в исходной структуре сочиняются составляющие, которые состоят из подлежащего и переходного глагола:

- (59) *Что* [[*говорил Робеспьер*] и [*делал Марат*]]?

Такая «нестандартная» структура составляющих, с дополнением, занимающим более высокое положение, чем подлежащее, до сих пор не получила какого-либо обоснования, по крайней мере для русского языка⁶. Напротив, если допустить эллипсис

⁶Подобная структура была бы возможна в категориальной грамматике [Steedman 2000; Казенин 2001], которая допускает приписывание одному предложению нескольких параллельных структур.

вопросительного дополнения, то нестандартные решения по структуре составляющих не потребуются: в этом случае сочиняются предложения и в одном из них вопросительное слово подвергается эллипсису:

(60) [*Что* говорил Робеспьер] и [*что* делал Марат]]?

Итак, для вопросительного дополнения необходима структура, в которой оно присутствует в каждом конъюнкте. Предположим, что такая же структура выбрана и для предложений с вопросительным подлежащим [как в (57)]. В этом случае требование «единичных» ответов при вопросительном подлежащем и возможность как «единичных», так и «множественных» ответов при вопросительном дополнении не будут выводиться из синтаксической структуры. Если же принять для предложений с вопросительным подлежащим структуру вида (58), то семантическая асимметрия будет коррелировать с асимметрией структурной: если вопросительное слово входит в каждый конъюнкт (с последующим эллипсисом), то возможен «единичный» и «множественный» ответ, если же оно представлено в структуре только один раз, то требуется «единичный» ответ. Очевидно, что данная корреляция существует только в рамках подхода, признающего сочинение глагольных групп вместо сочинения предложений ((23) вместо (24)), что дает данному подходу определенное объяснительное преимущество.

Сказанное не означает, что замеченную асимметрию между сочинительными конструкциями с вопросительным подлежащим и с вопросительным дополнением принципиально невозможно объяснить в рамках подхода, признающего сочинение предложений с эллипсисом подлежащего. Однако одно дополнительное наблюдение показывает проблематичность этого подхода. Рассмотрим еще раз структуру, в которой имеет место эллипсис подлежащего (57). Если в такой структуре подлежащее не сокращается, то образуется структура (61):

(61) [*Кто* сегодня отдыхает] и [*кто* сегодня стартует]]?

Здесь, при повторе вопросительного слова, возможен «множественный» ответ, поэтому предложение приемлемо, в отличие от (57), где требуется прагматически неадекватный «единичный» ответ. Но при этом (57) является результатом эллипсиса в (61). Получается, что предложение без эллипсиса и предложение, полученное из него в результате эллипсиса, семантически отличаются друг от друга, что противоречит принятым нами исходным допущениям.

Таким образом, разница в значении сочиненных предложений с вопросительным подлежащим и вопросительным дополнением создает трудности для подхода, усматривающего сочинение предложений вместо сочинения глагольных групп. Что касается сочинения глагольных групп, то в данном разделе мы не рассматривали вопрос о том, за счет какого конкретно механизма в рамках этого подхода возникает требование «единичного» ответа. Тем не менее, противоречий, с которыми сталкивается сочинение предложений, при сочинении глагольных групп не возникает⁷.

* * *

Итак, в данном разделе было показано, что для русских сочинительных конструкций, в которых предикации сочинены союзом *и*, а их общее подлежащее предшествует всем предикациям, предпочтителен анализ с сочинением глагольных групп, а

⁷ Все рассуждения в данном разделе базируются на предположении, что вопросительное слово может оставаться внутри конъюнкта. В большинстве современных синтаксических теорий такая возможность отсутствует. Вместо этого, там предполагается, что вопросительное слово выдвигается в начало предложения, за пределы сочиненной структуры, при этом, если до передвижения оно входит во все конъюнкты, то после него присутствует в структуре всего один раз, то есть вопросительные слова из разных конъюнктов как бы «склеиваются» в одно. Этот структурный феномен получил название «across-the-board rule application» (АТВ; впервые подробно обсуждается в [Williams 1978]): (i) *Что* [говорил Робеспьер ___] и [делал Марат ___]? Как показано в [Kazenin 2010], использование такого формализма не «спасает» подход, основанный на сочинении предложений с эллипсисом подлежащего, от проблем, описанных в настоящем разделе.

не с сочинением предложений и последующим эллипсисом. Именно при сочинении глагольных групп получают адекватное объяснение семантические особенности этих конструкций, проявляющиеся тогда, когда подлежащим является кванторное или вопросительное слово⁸.

4. СОЧИНЕНИЕ ГЛАВНЫХ ПРЕДИКАЦИЙ ИЛИ СОЧИНЕНИЕ ЗАВИСИМЫХ ПРЕДИКАЦИЙ?

В настоящем разделе рассматриваются конструкции, в которых сочиняются придаточные изъяснительные предложения с союзом *что*. Будет показано, что и в этом случае предпочтительным оказывается анализ, усматривающий сочинение «малых» конъюнктов. Все рассуждения в данном разделе будут основываться на двух предпосылках.

Первая предпосылка касается известной особенности придаточных с *что*. Она состоит в том, что если подлежащее такого предложения имеет нулевое выражение, то в главном предложении кореферентно ему может быть только подлежащее. Данное правило действует и в том случае, когда в главном предложении существуют и другие «кандидаты» на контроль кореферентности:

- (62) *Ответив англичанке_r, что завтра $\emptyset_{i,j}$ уезжает в деревню, Анна_i под села к девочке;*
(63) *В два часа ночи Митька_i заявил своему соседу_r, что $\emptyset_{i,j}$ не должен больше пить, потому что завтра трудный день.*

Если подлежащее придаточного с *что* кореферентно неподлежащему элементу главного предложения, то подлежащее должно быть выражено местоимением:

- (64) *Судья вступился за свидетельницу и сообщил прокурору_r, что он_{j,i} «увлекся».*

(«Обнуление» подлежащего в (64) ведет к интерпретации, согласно которой «увлекся» судья⁹.)

Вторая предпосылка касается более общих закономерностей интерпретации конструкций с эллипсисом: если внутри эллиптического «пробела» есть референциально зависимые элементы (местоимения, нули и т. д.), то их кореферентность устанавливается так же, как и в соответствующем предложении без эллипсиса. Это иллюстрируют следующие русские предложения, в которых нули и местоимения одинаково интерпретируются как в полном, так и в эллиптическом варианте:

- (65) *Петя_i хотел $\emptyset_i$ ехать в Москву, а Вася_j не хотел $\emptyset_j$ ехать в Москву;*
(66) *Петя_i любит свою_i работу, а Вася_j не любит свою_j работу;*
(67) *Петю_i его_i начальник отпустил, а Васю_j его_j начальник не отпустил.*

В (65) имеет место обязательная кореферентность между нулевым подлежащим инфинитива и подлежащим главного предложения. Однозначная интерпретация инфинитива и подлежащим главного предложения. Однозначная интерпретация инфинитива и подлежащим главного предложения.

⁸ Вывод, полученный в данном разделе, сталкивается с одной эмпирической проблемой. Если зависимое одной из сочиненных глагольных групп выдвигается в абсолютное начало предложения (семантически такое выдвижение соответствует топикализации), то нарушается известное из работы [Ross 1968] ограничение сочиненной структуры, состоящее в запрете на линейное выдвижение из сочиненной структуры конъюнкта или элемента, входящего в один из конъюнктов. Как видно из примеров, вынос в начало предложения элемента из сочиненной глагольной группы возможен: (i) *Утреннюю тренировку Петя пропустил и оказался не готов к завтрашнему матчу;* (ii) *На фабрику Деев вернулся и занял ту должность, которую ему на этот раз предложили.* Ср. структуру (iii), демонстрирующую нарушение Ограничения сочиненной структуры в (i): (iii) *Утреннюю тренировку [Петя [[пропустил ____] и [оказался не готов к завтрашнему матчу]]].* В настоящей статье мы не обсуждаем возможные варианты объяснения данного факта.

⁹ Систематическое исключение – предложения с подлежащим нулем, соответствующим 1 или 2 лицу. Он может не быть кореферентен подлежащему главного предложения: (i) *Мне_i сообщили, что завтра $\emptyset_i$ поеду домой.*

нитивного подлежащего в первом конъюнкте сохраняется и тогда, когда инфинитивный оборот в нем выражен, и тогда, когда он подвергается эллипсису. В (66) рефлексивное местоимение, содержащееся в объектной ИГ первого предложения, по общему для русского языка правилу кореферентно с подлежащим, вне зависимости от того, подвергается или нет эта ИГ эллипсису. Наконец, в (67) возможность интерпретации посессивного местоимения в подлежащей ИГ как кореферентного объекту сохраняется и в том случае, если подлежащая ИГ фонетически выражена, и в том случае, если она подверглась эллипсису. Таким образом, разные виды отношений кореферентности, известные в русском языке, оказываются одинаково «нечувствительны» к эллипсису.

4.1. Сочинение с повтором союза

Обратимся сначала к предложениям, в которых придаточные сочиняются с повтором союза *что*. Если подлежащее второго (или более) по порядку придаточного выражено нулем, то имеет место двузначность: нуль кореферентен либо подлежащему главного предложения, либо подлежащему предшествующего ему придаточного:

- (68) *Демонтович_i уверил нас, что она_j, в порядке и что $\emptyset_{i,j}$ выдаст нам уголь на три дня;*
(69) *Они_i не понимали, что материальные вещи_j уязвимее духовных ценностей и что завтра $\emptyset_{i,j}$ потеряют свое богатство;*
(70) *Через три дня священник_i выяснил, что в Ленинград прибыл митрополит Гор Ливанских Илия_j, и что завтра $\emptyset_{i,j}$ будет служить в Николо-Богоявленском соборе.*

Предположим, что в (68)–(70) имеет место сочинение главных предложений, с последующим эллипсисом:

- (68') [*Демонтович_i уверил нас, что она_j, в порядке*] и [*Демонтович_i уверил нас, что $\emptyset_{i,j}$ выдаст нам уголь на три дня*].

Если во втором конъюнкте не происходит эллипсиса, то предложение однозначно, а именно, нуль кореферентен подлежащему главного предложения:

- (71) *Демонтович_i уверил нас, что $\emptyset_i$ выдаст нам уголь на три дня.*

Таким образом, сочинение главных предложений ведет к тому, что при эллипсисе и без эллипсиса интерпретация референтно зависимого элемента (нуля) оказывается разной. Это нарушает закономерность, упомянутую выше в данном разделе.

Если же усматривать с (68)–(70) сочинение зависимых предложений, то структура (68) будет следующей:

- (72) *Демонтович_i уверил нас, [[что она_j, в порядке] и [что $\emptyset_{i,j}$ выдаст нам уголь на три дня]].*

В (72), в отличие от (70), отсутствует эллипсис элементов главного предложения, поэтому, тривиальным образом, в (72) не возникает проблемы с различием интерпретации подлежащего нуля с эллипсисом этих элементов и без такового. Для того, чтобы объяснить двузначность (68) в рамках структуры (72), необходимо лишь дополнить правило интерпретации подлежащего нуля в придаточных с *что* следующим образом: нуль должен быть кореферентен либо подлежащему главного (вышестоящего) предложения, либо подлежащему линейно предшествующего предложения, сочиненного с данным. Отметим, что это правило не является уникальным для союза *что*. Двузначность, аналогичная наблюдаемой в (68)–(70), имеет место и в косвенных вопросах:

- (73) *Но теперь он_i видит, кого прокуратура_j считает потерпевшим, как $\emptyset_{i,j}$ формулирует свою позицию.*

Тем самым данное дополнение правила установления кореферентности не принимается *ad hoc* только для союза *что*¹⁰.

¹⁰ Вне сочинительных конструкций интерпретация подлежащего нуля в косвенных вопросах подчиняется тем же правилам, что и в придаточных с *что*, то есть требуется кореферентность с подлежащим главного предложения: (i) *Петя_i не сказал Васе_j, куда $\emptyset_{i,j}$ должен идти.*

Таким образом, для данной разновидности сочинительных конструкций предпочтителен анализ с сочинением «минимальных конъюнктов», то есть придаточных предложений, поскольку он, в отличие от альтернативного анализа, не ведет к нарушению каких-либо общих синтаксических закономерностей.

4.2. Сочинение без повтора союза

Обратимся теперь к конструкциям, где зависимые предикации сочиняются без повтора союза *что*. В них, если подлежащее во второй сочиненной предикации не выражено, оно обязательно кореферентно подлежащему первой предикации¹¹:

- (74) *Демонтович_i уверил нас, что она_j в порядке и $\emptyset_{j,*i}$ выдаст нам уголь на три дня* (ср. (68));
(75) *Они_i не понимали, что материальные вещи_j уязвимее духовных ценностей и завтра $\emptyset_{j,*i}$ потеряют свое богатство* (ср. (69));
(76) *Через три дня священник_i выяснил, что в Ленинград прибыл митрополит Гор Ливанских Илия_j, и завтра $\emptyset_{j,*i}$ будет служить в Николо-Богоявленском соборе* (ср. (70)).

Отметим, что запрет на кореферентность подлежащего второй предикации подлежащему главного предложения действует в том числе и тогда, когда кореферентность с подлежащим первой предикации невозможна по согласовательным причинам, то есть подлежащее в первой предикации и глагол во второй различаются по числам. В этом случае нахождение антецедента подлежащего второй предикации за пределами сочиненной структуры также запрещено, вследствие чего предложения оказываются неграмматичными:

- (77) **Багаши в очередной раз заявил, что в Абхазии все любят Россию и очень рад визиту;*
(78) **Наниматель уверен, что его не выставят из квартиры и снял жилье у реального хозяина.*

Повтор союза восстанавливает возможность кореферентности с подлежащим главного предложения, в соответствии с правилом, установленным в разделе 4.1:

- (79) *Багаши_i в очередной раз заявил, что в Абхазии все любят Россию и что $\emptyset_i$ очень рад визиту;*
(80) *Наниматель_i уверен, что его не выставят из квартиры и что $\emptyset_i$ снял жилье у реального хозяина.*

Нельзя обойти запрет на кореферентность с главным подлежащим и в том случае, когда кореферентность с подлежащим первого конъюнкта ведет к комичной интерпретации:

- (81) *Звонил муж_r, сказал, что его компания_j предоставила ему недельный отпуск и $\emptyset_{j,*i}$ завтра приедет домой;*
(82) *Он_i бы так поступил на месте Иванова – заверил бы прокуратуру, что она_j «святая» и $\emptyset_{j,*i}$ непременно явится по повестке, как только, так тут же.*

Повтор союза и здесь восстанавливает возможность кореферентности с подлежащим главного предложения, семантически более естественной:

- (83) *Звонил муж_r, сказал, что его компания_j предоставила ему недельный отпуск и что $\emptyset_i$ завтра приедет домой;*
(84) *Он_i бы так поступил на месте Иванова – заверил бы прокуратуру, что она_j «святая» и что $\emptyset_i$ непременно явится по повестке, как только, так тут же.*

¹¹ Систематическое исключение наблюдается, когда нуль во втором конъюкте соответствует 1 или 2 лицу. Такой нуль может иметь антецедент и в главном предложении: (i) *Ты_i, ведь можешь просто быть счастливой, зная, [что он жив и скоро $\emptyset_i$ увидишь его снова]*; (ii) *В письме я_i сообщил, [что мне предоставили отпуск и завтра $\emptyset_i$ приеду домой]*. Подлежащий нуль, интерпретируемый как 1 или 2 лицо, в предложениях с *что* демонстрирует большую свободу для установления кореферентности и в конструкциях без сочинения.

Различия в интерпретации подлежащего нуля в предложениях с повтором союза и без повтора союза не позволяют анализировать последние как результат действия эллипсиса в первых. Такой анализ, например, для (74) выглядел бы следующим образом:

(85) *Демонтович, уверил нас, [[что она, в порядке] и [что $\emptyset_{j,1}$ выдаст нам уголь на три дня]].*

Структура (85) отличается от (72) только тем, что в первой имеет место эллипсис союза, а во второй – нет. Однако в (72) подлежащий нуль разрешает две интерпретации, а в (85) – только одну. Тем самым, если мы принимаем структуру (85), то эллипсис меняет интерпретацию нуля, что в общем случае, как мы видели выше, эллипсис делать не может.

По той же самой причине следует отказаться от анализа предложений вида (74)–(76), при котором сочиняются главные предложения:

(86) [*Демонтович, уверил нас, что она, в порядке]* и [~~*Демонтович, уверил нас, что $\emptyset_{j,1}$ выдаст нам уголь на три дня.*~~]

Без эллипсиса второй конъюнкт (86) имеет вид (71), где подлежащий нуль обязательно кореферентен подлежащему главного предложения. Таким образом, однозначная интерпретация нуля в (74) необъяснима в рамках анализа, показанного в (86).

Остаются еще два варианта анализа (74)–(76), отличающиеся по «размерам» конъюнктов. Один из них – это сочинение предложений при одном союзе *что*:

(87) *Демонтович, уверил нас, [что [[она, в порядке] и [$\emptyset_{j,1}$ выдаст нам уголь на три дня]]].*

Такая структура противоречит выводу, сделанному в разделе 3, поскольку в ней подлежащее содержится в первой предикации и подвергается кореферентному опущению во второй. Как было показано, вместо этого в русском реализуется структура с сочинением предикаций при общем подлежащем. Кроме того, приняв структуру (87), мы должны найти отдельный способ объяснить, почему подлежащее второй сочиненной предикации не может быть кореферентно подлежащему главного предложения. В разделе 4.1 мы видели, что если зависимые предикации сочиняются с повтором союза, то такая кореферентность возможна ((74) vs. (68)). То есть принятие (87) будет означать, что правила установления кореферентности различаются в зависимости от того, повторяется или нет в исходной структуре союз. Такая зависимость, однако, не имеет очевидного объяснения¹².

Последний из оставшихся вариантов анализа – это сочинение зависимых предикаций без эллипсиса подлежащего:

(88) *Демонтович уверил нас, [что [она [[в порядке] и [выдаст нам уголь на три дня]]]].*

Такой анализ не противоречит выводам, сделанным в разделе 3. Структура (88) при этом, очевидно, не нарушает и требования, чтобы эллипсис не менял интерпретации подлежащего нуля: она не содержит такового. Таким образом, (88) избегает всех проблем, с которыми сталкиваются структуры с сочинением более «крупных» составляющих.

* * *

Подведем итог. Если аргументация, приведенная в настоящем разделе, верна, то для сочинения придаточных изъяснительных, как с повтором союза, так и без него, верной оказывается структура с минимальными размерами конъюнктов и, следовательно, без эллипсиса.

¹² Отметим, что этот недостаток структуры (87) сам по себе дополняет аргументы против эллипсиса подлежащего, представленные в разделе 3. Действительно, если бы была разрешена структура с подлежащим в первом конъюнкте и кореферентным опущением подлежащего во втором, то она могла бы быть реализована и в придаточных с *что*, но это вело бы к указанной проблеме с объяснением однозначной интерпретации нуля во втором конъюнкте.

5. ВЫВОДЫ

В предыдущих разделах мы рассмотрели несколько разновидностей русских сочинительных конструкций, в которых – в отличие от конструкций, приведенных во введении – нет очевидных морфологических или семантических указаний на то, каковы «размеры» сочиняемых элементов. При более детальном рассмотрении каждой из этих конструкций, обнаруживаются аргументы за сочинение в них «малых» конъюнктов, то есть за такое сочинение, которое не предполагает эллипсиса. Другие априорно возможные варианты анализа сталкиваются с проблемами при объяснении ряда особенностей синтаксиса и интерпретации рассмотренных конструкций.

При этом следует признать, что выбор самих конструкций был достаточно случайным и никак не претендует не только на полное покрытие всех видов предложений с сочинением в русском языке, но даже и на сколько-нибудь представительную «выборку» этих видов. Поэтому утверждать или даже обоснованно предполагать, что теория «малых конъюнктов» универсально верна для русского языка, на основе результатов настоящей статьи мы не можем. Вполне возможно, что в других сочинительных конструкциях обнаружатся доводы за иные структурные решения.

Представляется, однако, что даже рассмотрения того числа конструкций, которым мы ограничились, достаточно, чтобы сделать следующий вывод: выбор «размера» конъюнктов не может быть результатом произвольного решения или же решения, продиктованного только внутренними соображениями той или иной теории, а не свойствами рассматриваемых данных. Различные решения относительно «размеров» конъюнктов по-разному предсказывают те или иные свойства изучаемых сочинительных конструкций. А если это так, то дискуссия о «размерах» конъюнктов, продолжающаяся в синтаксисе уже не одно десятилетие, должна перейти из теоретической сферы в эмпирическую.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Казенин 2001 – *К.И. Казенин*. Категориальная грамматика // Я.Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Казенин 2007 – *К.И. Казенин*. О некоторых ограничениях на эллипсис в русском языке // ВЯ. 2007. № 3.
- Падучева 1974/2007 – *Е.В. Падучева*. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М., 2007 (1-е изд. М., 1974).
- Санников 1989 – *В.З. Санников*. Русские сочинительные конструкции (Семантика. Прагматика. Синтаксис). М., 1989.
- Санников 2008 – *В.З. Санников*. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М., 2008.
- Baker 2000 – *M. Baker*. The natures of nonconfigurationality // M. Baltin, Ch. Collins (eds.). The handbook of contemporary syntactic theory. London, 2000.
- Evans 1980 – *G. Evans*. Pronouns // Linguistic inquiry. 1980. № 11.
- Heim 1982 – *I. Heim*. The semantics of definite and indefinite noun phrases. PhD diss. Cambridge (Mass.), 1982.
- Höhle 1991 – *T. Höhle*. On reconstruction and coordination // H. Haider, K. Netter (eds.). Representation and derivation in the theory of grammar. Dordrecht, 1991.
- Kazenin 2010 – *K. Kazenin*. Russian gapping: against ATB // Proceeding of the 7,5th European conference on formal description of Slavic languages. Leipzig, 2010.
- Keenan 1987 – *E.L. Keenan*. A semantic definition of «Indefinite NP» // E. Reuland, A. ter Meulen (eds.). The representation of (in)definiteness. Cambridge (Mass.), 1987.
- Merchant 2010 – *J. Merchant*. Three kinds of ellipsis: syntactic, semantic, pragmatic // F. Recanati, I. Stojanovic, N. Villanueva (eds.). Context-dependence, perspective, and relativity. Berlin, 2010.
- Munn 1998 – *A. Munn*. ATB movement without identity // J. Austin, A. Lawson (eds.). Proceedings of ESCOL 97. 1998.
- van Oirsouw 1987 – *R. van Oirsouw*. The syntax of coordination. London, 1987.

- Ross 1968 – *J.R. Ross*. Constraints on variables in syntax. PhD diss. Cambridge (Mass.), 1968.
- Stainton 2006 – *R. Stainton*. Words and thoughts: Subsentences, ellipsis, and the philosophy of language. Oxford, 2006.
- Steedman 2000 – *M. Steedman*. The syntactic process. Cambridge (Mass.), 2000.
- Wilder 1994 – *Ch. Wilder*. Coordination, ATB and ellipsis // Groninger Arbeiten zur Germanistischen Linguistik. 37. 1994.
- Wilder 1997 – *Ch. Wilder*. Some properties of ellipsis in coordination // A. Alexiadou, T.A. Hall (eds.). Studies in universal grammar and typological variation. Amsterdam, 1997.
- Williams 1978 – *E. Williams*. Across-the-board rule application // Linguistic inquiry. 1978. № 9.

Сведения об авторе:

Константин Игоревич Казенин

МГУ им. М.В. Ломоносова

kz@regnum.ru

© 2011 г. Н.Р. ДОБРУШИНА

МНОГОЯЗЫЧИЕ В ДАГЕСТАНЕ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XXI ВЕКА: ПОПЫТКА КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ОЦЕНКИ*

В статье делается попытка разработать методику исследования языковых контактов, использующую обращение к семейной памяти респондента, и заложить основы для типологии контактных ситуаций в Дагестане.

Исследования языковых контактов все чаще оказываются в фокусе лингвистических исследований. Контакты с другими языками – важный источник инноваций в языке. Тем не менее, любые утверждения о том, что некоторое языковое явление является заимствованным или развилось под воздействием других языков, представляет большие сложности с точки зрения своей верифицируемости [Aikhenvald 2002: 2]. В самом деле, во многих случаях однозначно доказать, что некоторая конструкция, форма или даже корень являются заимствованными, очень непросто, хотя ни у кого сегодня не возникает сомнений в том, что заимствования (в широком смысле) составляют существенную долю в словаре и грамматике любого языка.

Завершившийся недавно проект исследования лексических заимствований в языках мира показывает от 2% до 63% заимствований при наиболее частом показателе в районе 25% [WLD]. В этом проекте осуществлена попытка на материале ряда конкретных языков сделать количественную оценку лексики, источником которой являются другие языки. Важной характеристикой этого подхода является сравнимость данных, возможность применить один и тот же измерительный инструмент к разным языкам мира. Стремлением найти способы измерения языковых контактов, позволяющие описывать многоязычные ситуации с помощью одного инструмента, обусловлен и тот проект, который представлен в настоящей статье. Его задача – подойти к проблеме измерения интенсивности языковых контактов с другой стороны, а именно со стороны социолингвистической.

Полное или частичное владение некоторой группой людей вторым, третьим или большим числом языков является причиной «обмена» языковым материалом на разных уровнях. Существует предположение, что интенсивность этого обмена зависит от уровня многоязычности, то есть от того, какой процент населения владеет (владел) вторым языком, какова степень этого владения, насколько продолжительным был период билингвизма в истории группы и так далее (см. об этом [Thomason 2001: 66–67]).

Задача этой статьи – показать, какие результаты могут быть получены при исследовании многоязычия с помощью методики опроса, специально разработанной для этой цели автором и опробованной им в трех селах Дагестана¹.

Дагестан хорошо известен как территория исключительного языкового богатства и разнообразия. По разным оценкам, здесь говорят на 30–40 различных языках (не считая диалектов). На сегодняшний день в Дагестане практически нет таких групп населения, которые были бы моноязычны (если не считать население крупных городов,

* Индивидуальный исследовательский проект № 09-01-0042 «Социолингвистические параметры контактных ситуаций в Дагестане» выполнен при поддержке Программы «Научный фонд ГУ-ВШЭ».

¹ В настоящий момент аналогичные данные собраны еще по 9 селам.

утрачивающее местные языки и массово переходящее на русский). Языковой репертуар сегодняшнего жителя дагестанского горного селения часто включает три языка: местный язык или диалект (иногда очень значительно отличающийся от литературного варианта), крупный дагестанский язык, который доминирует на данной территории, и русский. Этот набор может расширяться за счет языка (языков) соседних сел, азербайджанского, кумыкского, грузинского языков, за счет знания классического арабского. При этом особенностью традиционных поселений Дагестана является их относительная моноэтничность: в Дагестане не были приняты смешанные браки (о дагестанской эндогамии см. [Comrie 2008]), и все жители одного аула, как правило, имеют один материнский язык.

Дагестан, таким образом, представляет собой идеальное поле для изучения моделей многоязычия. Существенно и то, что, в отличие от многих регионов мира, в Дагестане эти модели, хотя и претерпели значительные изменения на протяжении последних ста лет, однако в некоторой степени еще сохраняют формат более давних языковых ситуаций, характерных для XIX века, а возможно и для более ранних эпох.

Между тем хотя Дагестан и его языки привлекают немало исследователей и о богатстве его языковой ситуации сказано немало, детальных исследований ситуаций многоязычной коммуникации в конкретных регионах Дагестана по-прежнему еще мало. Типичные оценки языковых ситуаций тех или иных дагестанских идиомов, как правило, носят весьма общий характер: «Бежтинцы в массе своей знают аварский, цезский, а также грузинский языки» [Магомедханов 2007], «Цахурский язык подвергся значительному влиянию азербайджанского языка ввиду длительных контактов цахурцев с азербайджанцами. В настоящее время большинство цахурцев владеет азербайджанским и русским языками» [Кибрик 1999], см. еще [Chirikba 2008].

Оценки такого рода позволяют составить общее представление о языковом репертуаре тех или иных регионов, однако не дают возможности основывать на них выводы о контактном происхождении того или иного языкового феномена. Так, например, прежде чем использовать утверждение о том, что для цахурцев характерен цахурско-азербайджанский билингвизм в собственно лингвистическом исследовании, необходимо иметь ответы хотя бы на следующие вопросы:

– каковы количественные показатели цахурско-азербайджанского билингвизма – какой процент цахурцев владеет сегодня азербайджанским языком?

– какова продолжительность этого языкового контакта – является ли он приобретением последних лет или типичен для этого региона издавна?

– происходили ли изменения в интенсивности билингвизма (в количественном и/или качественном отношении) на обозримом участке времени?

Список этих вопросов можно продолжать в зависимости от целей исследования [Bowern 2010]. Очевидно, что для решения задачи, обсужденной в начале статьи, – диагностировать некоторое языковое явление как контактное – продолжительность и интенсивность билингвизма имеют первостепенное значение.

Таким образом, хотелось бы а) иметь инструменты измерения интенсивности билингвизма, б) иметь данные, полученные с помощью этих инструментов, не только для современного периода, но и как можно более глубоко в историю, поскольку изменения в грамматике, синтаксисе, базовой лексике языка происходят не вдруг. Тестированию этих инструментов и посвящена настоящая статья.

1. ЗОНА ОБСЛЕДОВАНИЯ

Полевое исследование, описанное в этой статье, проводилось в июле 2009 г. в трех соседних селениях высокогорной части Центрального Дагестана (Чародинский район): Арчиб², Читтаб и Шалиб. Языковая ситуация этой небольшой территории интересна

---

² В работе [Кибрик и др. 1977] село называется *Арчи*. Это традиционное название, которое в настоящий момент сменилось возникшим под влиянием аварского языка вариантом *Арчиб*. Жители села сегодня не помнят старого названия и используют только вариант *Арчиб* (независимо

тем, что материнские языки жителей этих сел находятся в весьма отдаленном родстве друг с другом: в Арчибе говорят по-арчински (язык лезгинской группы нахско-дагестанской семьи), в Читтабе – на диалекте аварского языка (аваро-андийская группа), в Шалибе – на лакском. Взаимопонимание между арчинским, лакским и аварским языками исключено.

Географическая близость селений (между всеми тремя точками примерно полтора часа пешего хода) дает основания предполагать, что языковые контакты между ними являются весьма продолжительными, во всяком случае, нет никаких исторических данных, противоречащих этому предположению.

Арчиб является самым крупным селением из трех (см. таблицу 1). Еще важнее, что численность населения Арчиба значительно выросла на протяжении XX в. и пока нет явных признаков ее падения. Между тем население других сел, в особенности Шалиба, уменьшилось в результате интенсивной миграции в город (см. об этом [Добрушина 2008]).

Таблица 1

Обследованные селения: доминирующий язык и численность населения³

селение	материнский язык	население 1917 год	население 2000 год
Арчиб	арчинский (< лезгинская группа)	626	1191
Читтаб	аварский (< аваро-андийская группа)	206	191
Шалиб	лакский (< лакская группа)	368	156

Арчиб был выбран пунктом основных исследований, и данные по этому аулу более детальны, чем по двум другим.

2. МЕТОДИКА ОБСЛЕДОВАНИЯ

Методика опроса, примененная в настоящем исследовании, возникла как следствие двух задач:

- 1) получить количественные данные об уровне билингвизма;
- 2) получить эти данные не только для настоящего момента, но и для как можно более глубокого прошлого.

Работа в каждом из селений состояла из двух этапов.

Первый этап – проведение устных интервью в свободном жанре, задача которых – выяснить, на каких языках говорят / говорили в этом селении, какие языки используются / использовались в школьном обучении, какие экономические контакты характерны / были характерны для селения, откуда и куда проходили дороги, ведущие через селение, возможны ли смешанные браки и с кем и т.д.

В результате проведения двух – трех таких бесед с людьми разного возраста исследователь получает общую картину ситуации языковых контактов, характерных для данного селения.

Второй этап – проведение более массового опроса на основе короткой анкеты. Эта анкета включает в себя вопросы о личности респондента и о его языковом репертуаре. Особенность опроса состоит в том, что респондента просят ответить на вопросы не только за себя, но и за всех старших родственников, которых он может вспомнить, – отца, мать, бабушку, дедушку и т.д. Таким образом удается получить некоторую информацию о контактной ситуации в прошлом. Укажем, что в нашей базе есть анкеты, заполненные для людей, родившихся в середине XIX века. Конечно, информация такого

от возраста).

³ Данные из книги [Магомедов 2000: 493–502].

Фрагмент базы данных

Имя	Пол	Родственные отношения с референтом	Годы жизни	Образование	Чтение Корана	Аварский	Русский	Лакский	Знание других языков	Грамотность
Тагир	м		1928	5 кл.	нет	аварский знает, говорит как в районе; чабановал в Кочубее	нет	нет	нет	аварская – читает, ставит подпись
Нажават	ж	мать Тагира	1900–1970	нет	нет	аварский знала от гостей	нет	лакский знала лучше, чем аварский	нет	нет
Равзат	ж	жена Тагира	1938	4 кл.	нет	аварский знает, говорит как в районе	нет	нет	нет	аварская – читает, но не пишет
Ашура	ж	мать Равзат, свекровь Тагира	1900–1969 примерно	нет	нет	аварский хорошо знала, ее муж был в тюрьме в Хунзахе, она к нему ездила	нет	лакский вроде бы не знала, хотя в Кумух ходила	нет	нет
Нажи	м	отец Равзат, свекор Тагира	1895–1945 примерно	нет	да	аварский свободно	русский знал	лакский хорошо	азербайджанский знал хорошо	арабская, аварская
Али	м	сын Тагира	1965	10 кл.	да	аварский знает неплохо, был чабаном в аварском селении	русский неплохо (был в армии)	нет	нет	арабская, аварская, русская
Саида	ж	жена Али, невестка Тагира	1967	8 кл.	нет	аварский знает средне	русский средне	нет	нет	аварская, русская
Патимат	ж	дочь Тагира	1961	8 кл.	нет	аварский литературный	русский знает плохо	нет	нет	аварская

рода гораздо менее надежна (ограничения этого метода будут обсуждены ниже), но, по-видимому, это единственный способ получить хоть какие-то количественные данные о том, на каких языках говорили в Дагестане во второй половине XIX века и в начале XX века.

Приведем список вопросов, составляющих короткую анкету⁴.

- Имя
- Пол
- Если респондент сообщает не о себе, а о родственнике – отношения с референтом (отец / мать / дед такого-то)
- Год рождения [и смерти]
- Образование / работа / опыт жизни вне села
- Читает / читал ли Коран? Если читает / читал, то понимает / понимал ли прочитанное?
- Владение вторым языком (L2)
- Владение третьим языком (L3)
- Владение русским языком
- Владение другими (редкими / нетипичными для данного региона) языками
- Грамотность – в каких языках / графических системах

Опыт показал, что чаще всего один респондент в состоянии рассказать о двух, реже трех старших родственниках. Таким образом, беседа с одним респондентом дает три – четыре входа в базе данных (три – четыре заполненные анкеты).

В таблице 2 в качестве примера представлен фрагмент базы данных, содержащий сведения о членах одной семьи (получен в результате общения с тремя членами семьи).

3. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

3.1. Арчиб

3.1.1. Общая характеристика социолингвистической ситуации в Арчибе

Селение Арчиб состоит из шести так называемых хуторов – поселений, которые находятся на расстоянии от 15 минут до часа пешего хода и представляют собой единую социальную и административную единицу. В Арчибе говорят на арчинском языке. Это язык лезгинской группы нахско-дагестанской семьи, не имеющий других территорий распространения. По неизвестным историческим причинам арчинцы оказались территориально отделены от других лезгинских народов, арчинский язык развивался изолированно от родственных ему языков нахско-дагестанской семьи. В селении насчитывается около 1200 человек; вне селения, по самым предположительным оценкам, еще не более 300.

Арчинский язык можно считать бесписьменным, хотя в 2006–2007 гг. в рамках работы экспедиций МГУ и проекта цифрового арчинского словаря [Chumakina et al. 2007] на основе привычной арчинцам аварской кириллической графики была разработана орфография фонематического типа [Архинов и др. 2008].

Тем не менее, арчинцы пока не обнаруживают тенденций к утрате родного языка. Дети, как правило, говорят только по-арчински и не понимают никаких других языков до того, как идут в школу. В селении не используется никаких языков, кроме арчинского, если исключить школу и нечастые ситуации, когда в Арчиб приезжают представители других этносов.

⁴ Отметим, что нам не приходилось включать в анкету вопрос о степени владения родным языком, поскольку во всех обследованных нами селах Дагестана знание родного языка (L1) не подвержено утрате ни в какой степени.

Арчинцы окружены носителями других языков. Ближайшие их соседи – аварцы и лакцы. В отличие от арчинского, и аварский, и лакский являются крупными литературными языками Дагестана. Взаимоотношения арчинцев с этими двумя соседями менялись на протяжении последних полутора веков.

С административной точки зрения за минувшие полтора столетия арчинцы перешли из подчинения лакским землям к подчинению аварским. Арчиб находится на границе Лакского района (бывшее Казикумухское ханство) и Чародинского района (территория преимущественного заселения аварцами). Известно, что в XVII–XVIII веках арчинцы находились в зависимости от Казикумухского ханства, а в начале XIX века вошли в его состав [Цуциев 2006: 24]. В конце 1899 года селения Арчи, Шали, Дусрах и другие вышли из Казикумухского округа и были переданы в состав Гунибского округа, доминирующим языком которого является аварский [Сергеева 1967]. В 1929 году, после административно-территориального преобразования Дагестана, Арчибский сельсовет оказался в составе Чародинского района, являющегося почти исключительно авароязычным.

Арчинцы имели два канала постоянных контактов с лакцами. Во-первых, они регулярно ходили через перевал в лакские районы: пеший переход по горной тропе в Кумух, центральное село Лакии, занимал день с раннего утра и до вечера. На Кумухском базаре арчинцы продавали мясные и молочные изделия и покупали зерно, муку, керосин, соль, ремесленные изделия. В лакских селах Казикумухского ханства многие арчинцы работали дибирями (дибир – духовное лицо в дагестанских селениях). Во-вторых, лакское село Шалиб является одним из двух ближайших соседей арчинцев (около полутора часов пешего хода). С шалибцами арчинцев связывают давние экономические отношения. Связи с лакцами были причиной того, что многие арчинцы знали лакский язык.

Распространенным среди арчинцев языком является аварский. Арчиб сегодня принадлежит к авароязычному району центрального Дагестана (Чародинский район). Поскольку арчинский язык не имеет никакого официального статуса, в качестве «родного языка» в начальной и средней школе преподается аварский. Таким образом, в возрасте 6–7 лет арчинские дети начинают активно изучать аварский язык (до школы они по-аварски не говорят). Помимо школы, аварский используется при общении с аварцами из района. Дети выезжают из села нечасто, их знание аварского языка, как правило, остается пассивным вплоть до окончания школы.

Следует отметить, что, поскольку с 40-х годов XX века аварский усваивается арчинцами в школе, в настоящее время для них характерно знание литературного варианта аварского языка. Между тем в районе распространен диалектный вариант аварского; этим вариантом свободно владеют лишь те арчинцы, которые жили или работали в аварских селах.

Сегодняшние арчинцы хорошо знают русский язык. Он изучается в местной школе с момента ее открытия в начале 30-х годов XX века. Приблизительно с этого времени и до 70-х годов в селении постоянно жили несколько русских (одна или две учительницы, медсестра). Сегодня основными источниками знания русского языка являются школа, телевизор и опыт жизни вне района (армия, учеба, больница). Русский язык используется в моменты выезда за пределы района: в Махачкалу и другие крупные города, а также в ситуациях общения с представителями других дагестанских этносов (кроме аварцев). Сегодня хорошее знание русского характерно для 80–90% населения Арчиба, однако приходит оно, как правило, после окончания школы, когда молодые люди получают опыт жизни вне селения (образование, армия, работа в городе).

Из более «далеких» языков в разговорах с арчинцами чаще всего упоминается азербайджанский. В первой трети XX века и ранее среди арчинцев было распространено отходничество: в Азербайджан, на границе с которым находится Арчиб, ходили лудить посуду. Сходство азербайджанского с кумыкским делало возможным и общение с кумыками.

Сегодня для арчинцев характерна кириллическая грамотность в русском и аварском языках. Однако в досоветский период в Арчибе использовалась арабская письменность. Знание арабской графики, во-первых, было необходимо для чтения Ко-

рана. Об этом писал П.К. Услар в своей записке 1869 года: «Учение доступно каждому горскому мальчику. В каждом ауле найдется один, два человека, которые учат детей читать и писать из-за куска хлеба; при каждой мечети находятся школы, где желающие учиться могут продолжать свое учение. Но во всех этих школах учат исключительно арабскому языку, с исключительной целью читать Коран и понимать его...» [Услар 1992]. Во-вторых, есть устные свидетельства о том, что арабскими буквами записывались тексты на аварском языке (например, юридические документы). Кроме того, в [Магомедханов 2009] опубликованы два религиозных текста XIX века на арчинском языке, записанных арабской графикой. Арабская письменность практически перестала осваиваться арчинцами с 30-х годов XX века, однако в самые последние годы наблюдается тенденция к возрождению арабской грамотности в связи с усилившимся интересом к религии. Сегодня в Дагестане распространено важное для мусульманина умение читать арабские буквы, не понимая смысл прочитанного; способность понимать арабский текст встречается значительно реже.

Когда в 30-х годах в Арчибе была открыта первая советская школа и арчинцев начали массово обучать письму и чтению, их учили читать и писать по-аварски, причем в течение первых лет система письма была основана на латинице. В 1938 году латиница была заменена кириллицей. По этой причине среди арчинцев были такие, кто освоил грамотность в латинской графике. Впрочем, для женщин, родившихся в первой трети XX века и проходивших в 30-е годы курсы ликвидации безграмотности, грамотность нередко ограничивается умением поставить подпись.

3.1.2. Количественные показатели билингвизма

Исследование в Арчибе проходило летом 2009 года. При этом ряд социолингвистических исследований Арчиба был проведен раньше, в 2005–2008 гг. [Добрушина 2007; 2008], так что короткие опросы базировались на обширных данных, собранных ранее.

База данных, собранных в Арчибе, содержит в настоящий момент 113 имен, из них 45 мужчин и 68 женщин. Самый ранний год рождения, зафиксированный в базе, – 1848 г., самый поздний – 2001 г.

Было принято решение рассматривать все собранные материалы по двум периодам в зависимости от года рождения респондента: до 1920 года рождения и после 1920 года рождения. В некоторых случаях второй период делится еще на два: с 1920 по 1939 гг. и с 1940 г. до самого молодого опрошенного арчинца (2001 г.р.). Поколение с 1920 г.р. в большей степени оказалось под влиянием инноваций в жизни сообщества:

- с 1932-го года в Арчибе начинают работать курсы ликбеза и в селении появляются «чужие» (аварские, лакские и русские) учителя,
- в 40-е годы часть мужского населения уходит на фронт (и приобретает на войне знание русского языка),
- в 60-е первые арчинцы отправляются в город получать высшее образование,
- в 70-е построена автомобильная дорога, ведущая в авароязычный райцентр,
- в конце 80-х начинает более-менее регулярно работать телевизор.

В количественном отношении эти две группы распределены так: до 20-х гг. рождения – 38 человек (18 мужчин + 20 женщин), после 20-х годов – 75 человек (27 мужчин + 48 женщин).

Следует подчеркнуть, что ни с кем из тех, кто входит в первую группу, мы не общались лично – большинства на сегодняшний день нет на свете. Вся информация получена от родственников, и тем самым степень ее надежности относительна.

Образование.

В группе тех, кто родился до 1920 года, первое упоминание о причастности к советскому образованию относится к женщине, родившейся в 1905 году. Она прошла курсы ликвидации безграмотности. Всего в этой группе курсы ликбеза прошли 8 человек. Как правило, это образование давало только умение поставить свою подпись, причем

Образование в Арчибе в периоды 1920–1939 гг. рождения и с 1940 гг. рождения

годы рождения	всего (м + ж)	нет образования	ликбез	медресе	незак. среднее (от 3 до 5 классов)	7 классов (с 60-х гг. – 8 классов)	среднее спец.	10 классов	высшее	неизвестно
1840–1919	38 (18 + 20)	26	8	4	–	–	–	–	–	–
1920–1939	31 (12 + 19)	6	4	–	5	11	4	–	–	1
1940–	44 (15 + 29)	–	–	–	3	10	8	7	16	–

иногда – латинскими буквами (если годы ликбеза пришлись на тот период, когда аварский язык еще имел латинскую графику). В редких случаях человек еще мог читать по-аварски крупные заголовки. Надежных сведений о более основательном школьном образовании для родившихся до 20-го года нет.

В четырех случаях (все – мужчины) еще упоминается мусульманское образование – медресе или обучение у мутаалимов из других сел. Это образование давало знание классического арабского языка: способность читать Коран и понимать прочитанное, писать арабскими буквами.

После 1920 года рождения появляются люди, которые имеют семиклассное образование. Заметим, что они едва ли могли начать учиться раньше, чем в 12 лет, – по нашим данным, лишь с 1932 года школа начала функционировать в селе. Заметным рубежом является 1940 год – начиная с этого года рождения, во-первых, исчезают люди, не имеющие никакого образования, во-вторых, появляются те, кто получил высшее. Поэтому периоды с 1920 по 1939 гг. рождения и с 1940 г. мы рассмотрим отдельно.

Из 31 человека, родившегося между 1920 и 1939 гг., 6 не имеют никакого образования, 4 – только ликбез (с точки зрения навыков грамотности ликбез, как правило, означает лишь одно преимущество – способность поставить подпись).

В следующий период людей, не получивших никакого образования, нет. В нашей базе 16 человек с высшим образованием – конечно, это не означает, что треть населения Арчиба получило высшее образование. Это отражает лишь тот факт, что основными нашими респондентами были учителя.

Чтение Корана.

Почти половина родившихся до 1919 года в той или иной степени обладала способностью читать Коран (18 человек из 38, что составляет 47%). В большинстве случаев умение читать Коран означало способность придавать графическим единицам звуковое значение, но не способность понимать прочитанное. Тем не менее, такой уровень чтения Корана говорит о высокой мусульманской образованности населения – это хорошо видно при сопоставлении с данными по другим районам.

Поколения 1920–1939 гг. и с 1940 года заметно различаются с точки зрения умения читать Коран. В первом знакомство с Кораном в общем сохранялось. Некоторое падение по сравнению с предыдущим периодом (47% для родившихся до 1920 г.) может быть связано не столько с приходом в селение представителей советской власти, сколько с явным преобладанием среди опрошенных женщин, среди которых умение читать Коран было значительно более редким явлением. В следующий период уровень

арабской грамотности резко падает. Эти данные соответствуют тем, которые получены из интервью. По разным свидетельствам, в первые годы своего функционирования школа смотрела сквозь пальцы на соблюдение религиозных обрядов. «Закручивать гайки» начали с 50-х годов, когда стало принято доносить на тех, кто делает намаз, заставлять школьников пить воду во время уразы, девочек – снимать платок в школе (см. об этом [Добрушина 2008]). Заметим, что те четверо, кто сообщил о способности читать Коран, освоили это умение будучи уже взрослыми, после падения Советской власти, на волне возрождения религиозной активности.

Таблица 4

Чтение Корана в Арчибе

годы рождения	количество (м + ж)	да	нет	неизвестно
1840–1919	38 (18 + 20)	47% (18)	47% (18)	2
1920–1939	31 (12 + 19)	23% (7)	71% (22)	2
1940–	44 (15 + 29)	9% (4)	82% (36)	4

Грамотность.

Среди населения Арчиба до 1919 года рождения была распространена преимущественно арабская грамотность. По нашим данным, около половины жителей обладали некоторым уровнем грамотности. В то же время владение какой-либо другой графической системой было не распространено – только в четырех случаях упомянуто владение кириллицей и в одном случае – латиницей, причем практически всегда способность читать и писать в кириллической или латинской системе присутствовала наряду с арабской грамотностью.

Если суммировать количество полностью неграмотных и тех, кто был способен только поставить подпись, с теми, кто обладал каким-либо типом грамотности, то соотношение неграмотного и грамотного населения на этот период составит 45% к 50%.

Грамотность начинает расти уже с 1920 года рождения, с 1920 по 1939 г. – 26% неграмотных, с 1940 г. – 2%.

Таким образом, данные по уровню образования, чтения Корана и грамотности оказываются согласованными: начиная с поколения, рожденного в 1940-е годы, традиционное мусульманское образование сменяется новым, советским.

Таблица 5

Уровень грамотности в Арчибе

	количество человек (м + ж)	неграм.	только подпись	только арабица	кроме араби- цы еще кирил- лица или латиница	лати- ница	ки- рил- лица	неизве- стно
1840–1919	38 (18 + 20)	8 (1 + 7)	9 (1 + 8)	14 (12 + 2)	5 (4 + 1)	–	–	2 (0 + 2)
1920–1939	31 (12 + 19)	2	6	–	7	1	12	3
1940–	44 (15 + 29)	–	1	–	4	–	39	–

Владение лакским языком.

О владении лакским языком теми, кто родился до 1919-го года, было сообщено в 30 случаях, то есть почти 80% населения в той или иной степени могли объясняться на лакском языке. Нет сомнений, что уровень владения лакским неодинаков – иногда речь идет об ограниченной способности объясниться на базаре в Кумухе (пять случаев были оценены как «говорил(а) немного»), иногда – о свободном владении устной речью. Мы не имеем возможности учесть различную степень владения языком. Можно сказать с уверенностью, что единственным источником знания лакского было бытовое общение с жителями соседней деревни Шалиб и с жителями лакского района (Казикумухского ханства). Ни в одном случае не было сообщено о способности читать или писать по-лакски. Забегая вперед, скажем, что знание лакского значительно снизилось в следующий период.

Начиная с 20-х гг. рождения уровень знания лакского снизился до 39%, причем разницы между поколениями, родившимися в 20–30-х годах и в 40–60-х, нет. Похоже, однако, что знание лакского упало с 70-х годов рождения: из 13-ти человек лишь двое могут объясняться по-лакски (около 15%). По-видимому, основная причина утраты знания лакского языка – построенная в 70-х гг. XX века дорога в Цуриб (административный центр Чародинского района). С этого момента экономические отношения с Лакией прекратились.

Владение аварским языком.

Неожиданным для нас оказался тот факт, что среди родившихся до 1920-х годов аварским языком владело более 90% населения (35 человек). Мы вновь не имеем возможности оценить уровень знания аварского, но лишь о четырех из тридцати пяти было сказано, что по-аварски они говорили «немного», лишь о двух было сказано, что аварским они не владели вовсе. Напротив, во многих случаях сообщалось об отличном знании аварского языка (*аварский знал как аварец; аварский слишком хорошо знал!*). Назывались следующие ситуации, где использовался аварский: в самом селе – когда приезжали гости-аварцы, в общении с аварскими учителями и начальством; вне села – принудительные работы по поручению колхоза (так называемый «перкеш»), иногда упоминается временное пребывание в аварских селах (*говорила на диалекте Гунибского района, в военные годы жила в Гунибском районе, работал в Буйнакске завгаром⁵*). Не исключено, что хорошее знание аварского было приобретено уже в старшем возрасте. Во всяком случае, две женщины, о которых было сказано, что они не владели аварским совсем, родились в середине XIX века (50–60-е гг.).

Начиная с 20-х годов рождения уровень владения аварским языком приближается к стопроцентному. Таких, кто совсем не владел бы аварским, начиная с этого времени нет; есть лишь несколько человек, про которых было сказано, что они владели аварским в малой степени. Разницы между теми, кто родился в 20–30-х гг., и теми, кто родился в 40-х гг. и позже, не наблюдается.

Владение русским языком.

Значительно более низким был до 1919 года рождения уровень владения русским языком. Лишь в 12 случаях (32%) сообщено о некоторой степени владения русским, причем в половине случаев речь шла об очень ограниченном знании (*знал плохо, но мог объясниться; кое-как изъяснялся; понимала, но почти не говорила*: так называемый «пассивный билингвизм» – *receptive bilingualism* [Edwards 2005: 10]). Отметим также, что если за весь рассматриваемый период (с 1848 по 1919 годы рождения) средний уровень знания русского оценивается как 30%, то при более детальном рассмотрении видно, что до 1899 года рождения этот уровень был заметно ниже – не более 20%, а после 1900 года рождения он вырастает почти до 40%.

В следующие периоды знание русского стремительно вырастает до стопроцентного. Сегодня среди старших арчинцев еще встречаются люди, которые плохо или

⁵ Заведующим гаражом.

совсем не говорят по-русски, между тем среди людей сорока лет и моложе это крайняя редкость. Как видно из таблицы ниже, заметный сдвиг во владении русским языком произошел также в поколении, родившемся в 40-е годы, то есть как раз тогда, когда начала с полной эффективностью функционировать советская школа.

Таблица 6

Владение русским языком в Арчибе с 1920-х гг. рождения

	да	слабое	нет
1920–1939	41% (9)	9	13
1940–1969	81% (25)	3	3
1970–2000	100 % (13)	–	–

Владение другими языками.

Помимо лакского, аварского и русского, до 1919 года рождения встречалось владение азербайджанским, кумыкским и даргинским языками. Чаще всего упоминается знание азербайджанского, причем иногда как очень хорошее (*азербайджанский знал очень хорошо, в старости слушал радиопередачи по-азербайджански*). Основным источником знания азербайджанского – походы в Азербайджан на отходный промысел, а именно – лужение. Лудильщиками работали многие арчинские мужчины. Путь на лошади до азербайджанского населенного пункта Закатала занимал день, с раннего утра и до вечера. Знание кумыкского трудно отделить от знания азербайджанского, поскольку языки чрезвычайно близки. Кумыкский упоминается реже, но если задать прямой вопрос, то про всех, кто знал азербайджанский, дается положительный ответ: *азербайджанский и кумыкский одинаковые же*. В 10 случаях (из 38, что составляет 26%) было сообщено о владении азербайджанским / кумыкским языками. Лишь в одном случае из 38 – о владении даргинским языком. По мнению респондента, владение даргинским было связано с отгоном овец в крупное даргинское селение Губден (*ходил в Губден с овцами*).

За весь период с 20-х гг. рождения лишь один человек сообщил о владении азербайджанским языком. Мужчина 1934 года рождения в молодости ходил лудильщиком в Азербайджан – это самое позднее свидетельство об отхожем промысле в Азербайджане, которое имеется в базе.

Итоги.

С точки зрения образования, заметным рубежом являются 40-е годы рождения, когда в Арчибе не осталось людей, не получивших никакого образования. С этого времени

Таблица 7

Зависимость знания языков в Арчибе от года рождения

	количество человек (м + ж)	чтение Корана	грамотность	лакский	аварский	русский	азербайджанский + кумыкский
1840–1919	38 (18 + 20)	47% (18)	50% (19)	79% (30)	92% (35)	32% (12)	26% (10)
1920–1939	31 (12 + 19)	23% (7)	74% (23)	39% (12)	100%	41% (9)	4% (1)
1940–1969	31 (12 + 19)	13% (4)	100%	48% (15)	100%	81% (25)	0
1970–2000	13 (3 + 10)	0	100%	15% (2)	100%	100% (13)	0

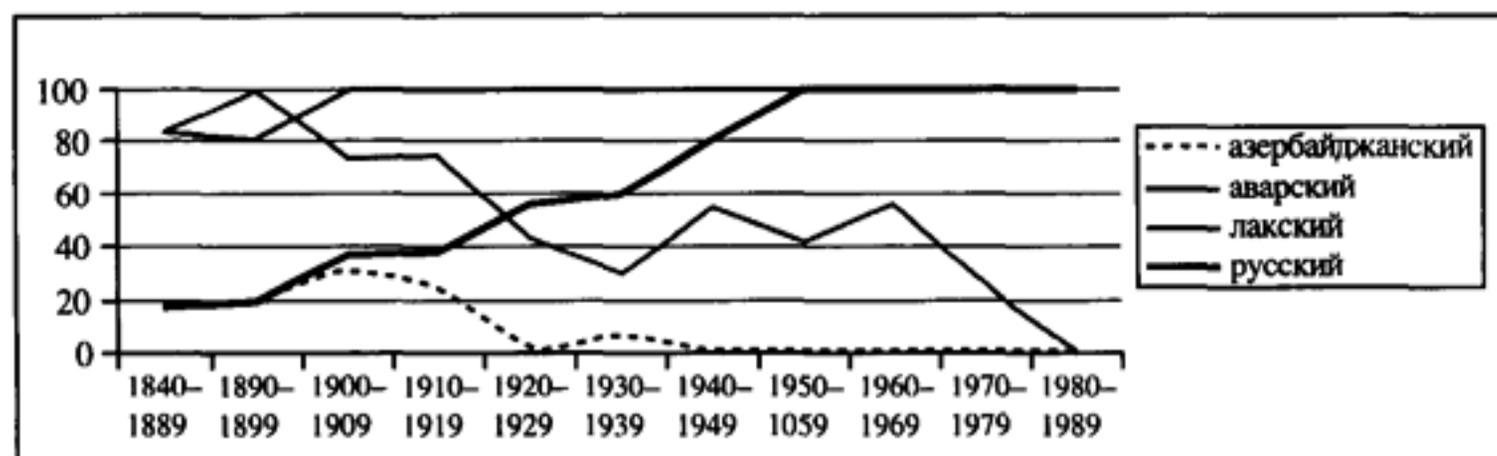

Рис. 1. Динамика многоязычия в Арчибе по годам рождения

грамотность стала всеобщей. Напротив, уровень чтения Корана упал с 47% (до 20-х гг. рождения) до 23%, а затем и до 9%.

Что касается уровня билингвизма, то знание аварского вырастает с 92% до 100%, знание русского вырастает с 32% до 81% у поколения 1940–69 годов рождения, а к 1970м годам рождения – до 100%. Знание лакского постепенно падает. Полностью исчезает практика владения языками «далеких» соседей – азербайджанского, кумыкского, даргинского.

На таблице 7 представлены все данные.

На рисунке 1 графически представлена динамика многоязычия в зависимости от года рождения.

Гендерные модели билингвизма.

В результате исследования были обнаружены некоторые отчетливые гендерные модели билингвизма.

Больше половины мужчин знали азербайджанский, кумыкский и русский языки, более 90% – аварский и лакский, более 90% были грамотны, более 80% читали Коран. В таблице представлены проценты от общего количества мужчин.

Таблица 8

Зависимость знания языков от гендера в Арчибе в период до 1920-х гг. рождения: мужчины

	всего мужчин	чтение Корана	грамотность	лакский	аварский	русский	азербайджанский + кумыкский
1840–1919	18	83% (15)	94% (17)	94% (17)	94% (17)	61% (11)	56% (10)

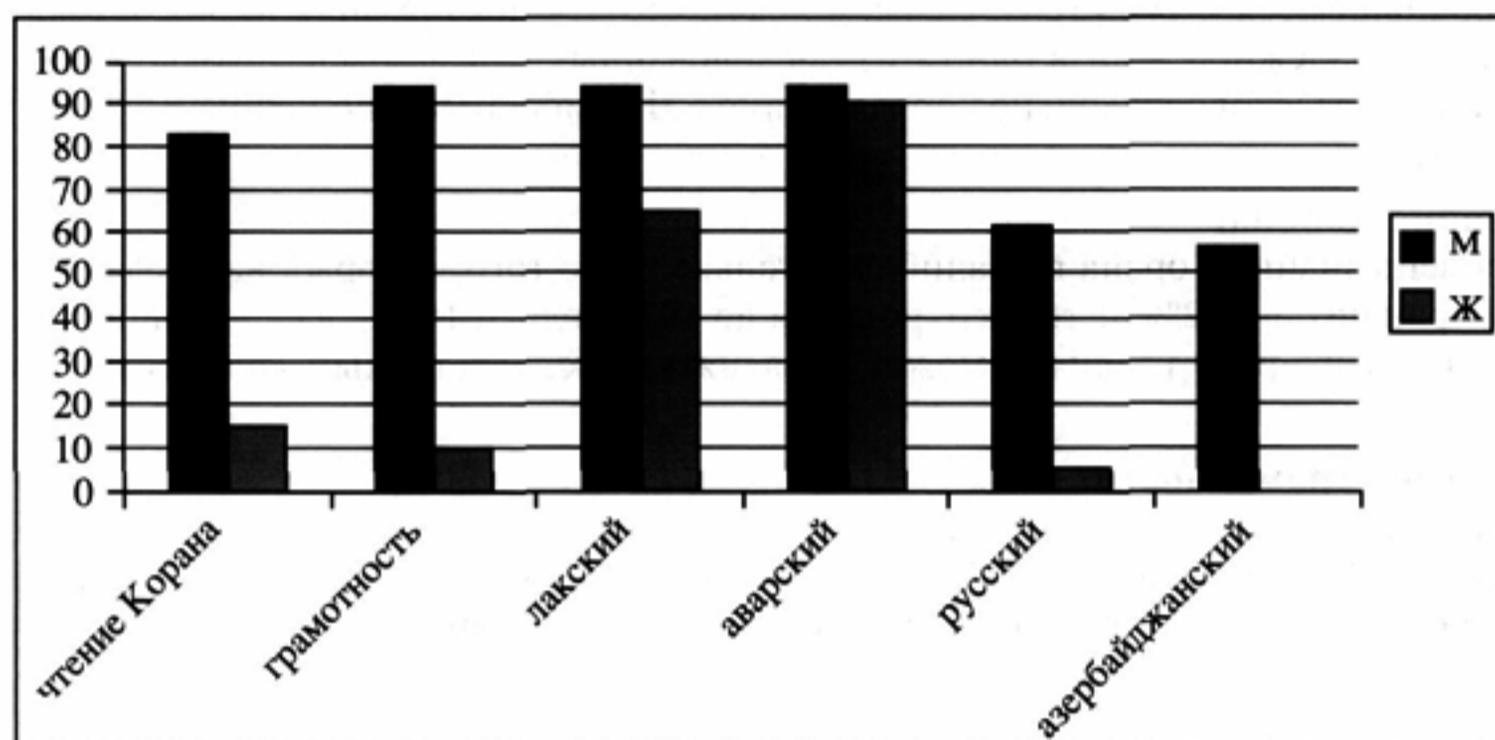
У женщин картина иная. Они не знали азербайджанского и кумыкского языков, поскольку не ходили на отхожие промыслы, они не владели русским (за исключением одной женщины, которая сдавала комнаты русским учительницам и могла с ними объясниться). Редкие из них были грамотны и могли читать Коран. Среди женщин распространено лишь знание аварского и лакского, хотя оно и не доходит до того уровня, который характерен для мужчин (в частности, все случаи, когда знание аварского было оценено как невысокое, относятся к женщинам). В таблице представлены проценты от общего количества женщин.

Данные таблиц 8 и 9 представлены ниже в виде диаграммы.

Таким образом, многоязычие было значительно более характерно для мужчин, чем для женщин. При этом языки отчетливо делятся на «общие» и «мужские». Общими являются языки соседей (аварский и лакский). К мужским относятся языки

**Зависимость знания языков от гендера в Арчибе в период до 1920-х гг. рождения:
женщины**

	всего женщин	чтение Корана	грамотность	лакский	аварский	русский	азербайджанский + кумыкский
1840–1919	20	15% (3)	10% (2)	65% (13)	90% (18)	5% (1)	0

Рис. 2. Уровень знания языков и грамотности в зависимости от гендера в Арчибе в период до 1920-х гг. рождения (в процентах от числа мужчин/женщин).

дальних социальных связей – русский и азербайджанский / кумыкский. Это разделение прозрачным образом коррелирует со структурой социальных связей женщин по сравнению с мужчинами: женщины принимали в своем доме гостей из соседних сел, могли торговать с соседями, пойти на базар в Кумух. Более продолжительные отлучки характерны только для мужчин: они уходили лудить в Азербайджан, пасти овец – в даргинское селение Губден, где арендовали пастбища.

Начиная с 20-х гг. рождения эта картина сильно изменяется в сторону размывания гендерных различий. Знание азербайджанского / кумыкского утрачивается вовсе, знание русского языка и грамотность с 40-х гг. становятся почти стопроцентными. Пожалуй, лишь умение читать Коран еще сохраняется как преимущественно мужская характеристика (впрочем, учитывая незначительное количество тех, кто способен читать Коран в этот период, судить об этом трудно).

3.2. Шалиб

Шалиб – лакское селение, расположенное в полутора часах пешего хода от Арчиба и от Читтаба. Как и Арчиб, Шалиб в настоящий момент является последней точкой автомобильного доступа: после Читтаба дорога раздваивается – одна уходит в Арчиб, другая – в Шалиб. Лакский язык, на котором говорят в Шалибе, – это крупный литературный язык Дагестана. Особенность географического положения Шалиба состоит в том, что это село находится вне Лакского и Кулинского районов, где проживают лакцы. Жителям Шалиба, как и арчинцам, для того чтобы попасть в лакские селения, необхо-

димо преодолеть перевал (около 12–16 часов пешего хода). Тем не менее, их статус в Чародинском районе отличается от статуса арчинцев: они учат лакский язык на уроках родного языка в школе, аварский язык им не преподается. Некоторый уровень знания аварского для жителей Шалиба характерен в силу соседских отношений с аварцами и необходимости ездить в район. Наиболее распространенным, разумеется, является знание русского. Другие языки, знакомство с которыми встречается (встречалось) в Шалибе, – арчинский, азербайджанский (кумыкский), даргинский.

В базе данных по Шалибу 51 человек (24 мужчины + 27 женщин) от 1885 до 1987 гг. рождения.

Образование.

Первое сообщение о наличии школьного образования (4 класса) относится к мужчине, родившемуся в 1904 году. Скажем сразу, что эта информация не представляется нам вполне надежной – ни в одном из обследованных сел не было школы до 20-х годов XX века. Массовое школьное образование в Шалибе отмечено начиная с 30-х годов рождения.

Знание Корана.

Уровень знания Корана в Шалибе несколько ниже того, который наблюдался в Арчибе: Коран читали 32% от тех, кто родился до 1919 года, и 10% – в следующий период. Впрочем, такого рода различие может объясняться недостаточным количеством опрошенных.

Уровень грамотности.

Уровень грамотности в Шалибе очень похож на тот, который был обнаружен в Арчибе: около 50% населения до 1920-х годов рождения обладало знакомством с арабской или кириллической графическими системами, около 90% грамотных среди тех, кто родился после 20-х годов.

Таблица 10

Уровень грамотности в Шалибе в периоды 1880–1990 гг. рождения

	количество человек (м + ж)	только арабская	арабская + кириллица	кириллица	нет	неизвестно
1880–1919	22 (11 + 11)	9% (2)	23% (5)	18% (4)	36% (8)	14% (3)
1920–1990	29(13 + 16)	3% (1)	7% (2)	86% (25)	3% (1)	0

Уровень билингвизма.

Список языков, знание которых упоминается шалибцами, совпадает с тем, который был обнаружен в Арчибе и Читтабе: русский, аварский, арчинский, азербайджанский / кумыкский и даргинский.

В отношении уровня и динамики знания русского языка, азербайджанского / кумыкского и даргинского никаких принципиальных отличий шалибцев от арчинцев и читтабцев не наблюдается. 41% жителей Шалиба владел русским языком до 1919 года рождения, 83% – после (начиная с 50-го года рождения – 100% населения владеет русским). Знание азербайджанского / кумыкского языков было характерно для 32% жителей в первый период, 18% – во второй. Основной мотивацией знания азербайджанского является отходный промысел: многие шалибцы, как и арчинцы, зарабатывали лудильщиками. Более того, можно предположить, что именно жители Шалиба и были своего рода источником этого умения: лакцы славились в Дагестане своими ремесленными талантами, и промысел лужения был в первую очередь характерен именно для лакских селений. Дважды упоминалось знание даргинского языка в отношении мужчин 30-х годов рождения, которые работали чабанами в даргинских горах.

Языки дальних социальных связей в Шалибе (зависимость от года рождения)

	количество человек (м + ж)	азербайджанский (кумыкский)	русский	даргинский
1840–1919	22 (11 + 11)	32% (7)	41% (9)	0
1920–1990	29 (13 + 16)	18% (4)	83% (24)	7% (2)

Таким образом, владение языками дальних социальных связей в Шалибе ничем принципиально не отличается от Арчиба. Напротив, знание соседских языков – аварского и арчинского – обнаруживает некоторые интересные особенности.

О владении аварским языком сообщили 59% тех, кто родился до 1919 года, и 48% тех, кто родился после 1920 г. Среди тех, кто родился после 1920 г., обнаружилось еще 7 человек, которые сообщили о пассивном знании аварского (*понимаю, но не говорю*). Напомним, что лакцы не изучают аварский язык в школе. Необходимость выездов в райцентр (который населен аварцами) на сегодняшний день не требует знания аварского языка, поскольку языком общения вполне может быть русский. Можно предположить, что до того момента, когда знание русского языка распространилось в районе в степени, достаточной для того, чтобы он смог выполнять функции *lingua franca*, аварский был нужен для коммуникации с соседями-аварцами. На сегодняшний день такой необходимости нет – русского языка вполне достаточно для того, чтобы объясниться в районе и быть понятым. Тем не менее, некоторый уровень знания аварского сохраняется. Причиной отчасти является тот факт, что в шалибской школе сегодня нет старших классов и шалибские дети доучиваются в других селениях района (упоминался Арчиб и аварские селения Тлярш, Ириб, Дусрах), выучивая за годы обучения в старших классах школы аварский язык. О пассивном знании сообщают женщины, которые принимают в своем доме аварских гостей.

Иначе выглядит картина знания арчинского языка. Среди тех, кто родился до 1919 года, ни один человек арчинский не знал. Среди следующих поколений нашлись 8 человек, в некоторой степени (обычно в слабой) владевшие арчинским. Трое из них заканчивали в Арчибе среднюю школу. Отметим, что вопрос о владении арчинским языком нередко вызывает весьма эмоциональную реакцию (*это язык шайтана; зачем он нам?*). Эта формула (*язык шайтана*) была записана нами неоднократно – несколько раз от лакцев и один раз – от пожилой арчинки. Наиболее вероятная причина такой оценки – уникальность арчинского языка на фоне достаточно распространенных лакского и аварского.

Зависимость знания языков от года рождения в Шалибе: языки соседей

	количество человек (м + ж)	арчинский	аварский
1840–1919	22 (11 + 11)	0	59% (13)
1920–1990	29(13 + 16)	28% (8)	48% (14)

3.3. Читтаб

Читтаб – небольшое аварское селение, расположенное в полутора часах пешего хода от Арчиба. В настоящий момент Читтаб является последним населенным пунктом, который проезжает тот, кто едет в Арчиб. Читтабцы, как и шалибцы, являются ближайшими соседями арчинцев.

Языковая ситуация в Читтабе принципиально отличается тем, что родным языком его жителей является крупнейший литературный язык Дагестана, причем именно этот язык является в районе доминирующим. За исключением жителей Арчиба и Шалиба, все остальные соседи читтабцев – аварцы. Впрочем, конечно, речь читтабцев отличается от литературной – они говорят на местном диалекте. Литературный аварский читтабцы изучают в школе на уроках родного языка. Вторым языком, который преподается в школе, является русский.

База, составленная нами в результате исследования в июле 2009 года, имеет 59 входов, то есть содержит данные о 59-ти людях (27 мужчинах и 32 женщинах), родившихся начиная с середины 60-х годов XIX века.

Мы не будем анализировать ситуацию в Читтабе с той же степенью подробности, как предыдущие селения, поскольку во многих отношениях она похожа на арчибскую и шалибскую. Сходен уровень чтения Корана и грамотности людей до 20-х гг. рождения, сходна динамика изменения этих уровней: знание Корана заметно падает, грамотность резко растет. Как и в двух других селах, в Читтабе был распространен отхожий промысел в Азербайджане, поэтому наблюдался некоторый уровень знания азербайджанского – преимущественно среди мужчин, но встретились и две женщины (обе некоторое время жили с родителями в Азербайджане).

Более интересным является вопрос о том, характерно ли для жителей Читтаба знание соседских языков – лакского и арчинского? В этом отношении ситуация в Читтабе больше напоминает ту, которую мы наблюдали в Шалибе, чем ту, которая имеет место в Арчибе.

Среди читтабцев до 20-х годов рождения лакский знали около 50% (преимущественно мужчины). Этот уровень явно ниже, чем тот, который был характерен для арчинцев – около 80%, но напоминает уровень знания аварского жителями Шалиба – 59%. На вопрос об источнике знания лакского языка читтабцы обычно сообщают о тех или иных хозяйственных отношениях с шалибцами, ближайшими соседями, и о походах в Кумух на базар. Не встретилась, однако, другая мотивация (важная для арчинцев): многие из жителей Арчиба ходили в лакские села на заработок; среди читтабцев, похоже, это не было распространено.

Что касается владения арчинским, то оно встречается значительно реже и стабильно на протяжении всего обследованного периода – 12%. В прошлом арчинский язык знали те, кто выполнял в Арчибе какие-то ремесленные работы, – строил дома, шил одежду, в настоящем – те, кто в старших классах учился в Арчибе.

Таблица 13

**Зависимость знания языков от года рождения:
Читтаб до 1919 г. рождения и после**

	количество человек (м + ж)	чтение Корана	грамотность	лакский	арчинский	русский	азербайджанский
1840–1919	25 (11+14)	56% (14)	64% (16)	52% (13)	12% (3)	28% (7)	36% (9)
1920–1959	34 (16+18)	18% (6)	91% (31)	29% (10)	12% (4)	88% (30)	6% (2)

3.4. Билингвизм и соседские связи: Арчиб, Читтаб, Шалиб

В результате проведенного исследования обнаружились интересные отличия в том, как было организовано знание соседских языков в трех исследованных селениях.

Если для арчинцев до 1919 года рождения (то есть на тот период, когда, по-видимому, еще сохранялась традиционная система взаимоотношений с соседями), был характерен весьма высокий уровень знания языков соседей (79% для лакского, 92% – для аварского), то в Читтабе и Шалибе ситуация была совершенно иная.

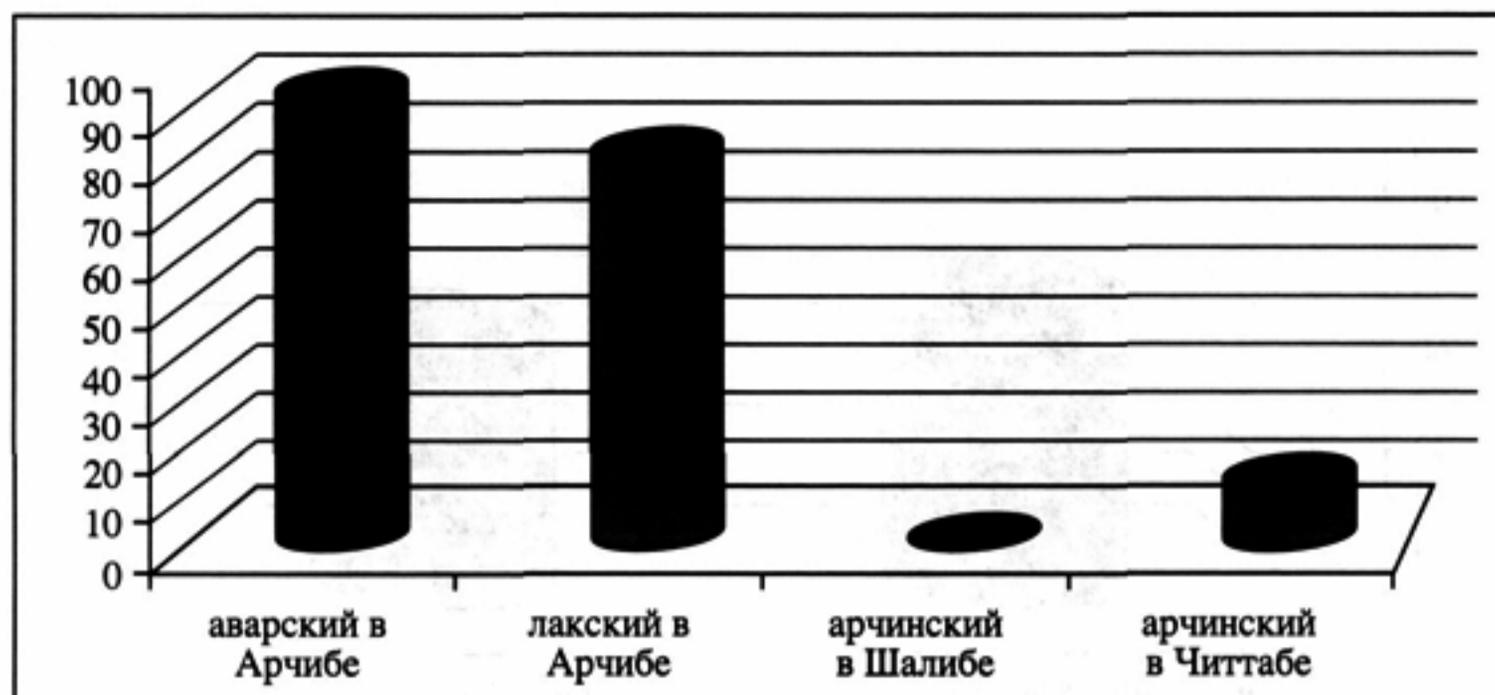

Рис. 3. Однонаправленный языковой контакт: Арчиб vs. Шалиб и Читтаб

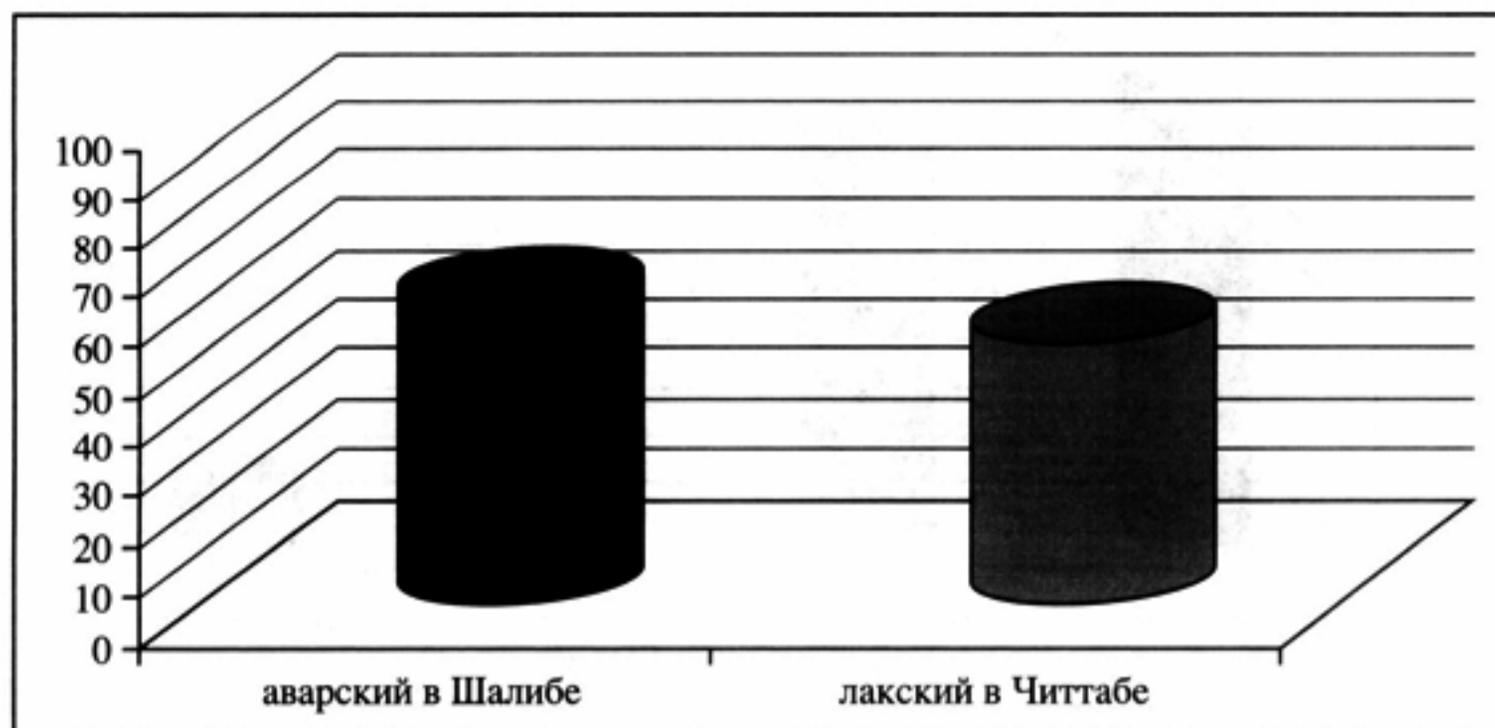
Для читтабцев и шалибцев был характерен приблизительно 50–60-процентный уровень билингвизма в отношении языков друг друга – лакского в Читтабе и аварского в Шалибе. В то же время ни читтабцы, ни шалибцы не знали или почти не знали арчинский язык. Заметим, что этот факт осознан жителями Читтаба и Шалиба и даже несколько преувеличивается в оценках (*у нас никто не знал арчинского!*).

На материале исследования этих трех селений можно предположить существование двух различных моделей языкового контакта с соседями. Первый, представленный в Арчибе, можно назвать однонаправленным языковым контактом: для арчинцев характерно знание соседских языков, близкое к стопроцентному, в то время как соседи – аварцы и лакцы – арчинского языка практически не знают (рис. 3). Понятно, что эти два обстоятельства находятся в прямой связи друг с другом: хорошее знание соседских языков арчинцами позволяло читтабцам и шалибцам арчинского не знать и общаться с ними на своем родном языке. С другой стороны, невладение соседями арчинским языком заставляло арчинцев хорошо знать языки соседей. Эта ситуация, по-видимому, говорит о структуре социальных связей арчинцев с аварцами и лакцами: по отношению к арчинскому, аварский и лакский являются доминирующими языками. Социальный статус аварцев и лакцев был более высоким – об этом говорят и качественные исследования, проведенные ранее [Добрушина 2007; 2008].

Напротив, контактная ситуация, характерная для взаимных отношений жителей Читтаба и Шалиба, представляет собой двунаправленный языковой контакт: в обоих селениях не менее чем каждый второй житель в той или иной степени владел соседским языком (рис. 4). Можно предположить, что между шалибцами и читтабцами существовали равноправные социальные отношения – факт, который не является изначально очевидным с учетом того, что на исследованной территории шалибцы представляют собой своего рода этническое меньшинство – кроме них, лакских селений в этом районе нет.

Как можно объяснить подчиненное положение арчинского языка в треугольнике арчинцы-читтабцы-шалибцы и равноправное – лакского и аварского в паре читтабцы-шалибцы? Детальный поиск причин не входит в наши задачи, приведем лишь некоторые соображения.

Первое – социолингвистическое. В отличие от аварского и лакского, арчинский является одноаульным бесписьменным языком. Как показывают интервью, проведенные в Арчибе, Читтабе и Шалибе, «малый размер» арчинского языка и этноса осознавался как самими арчинцами, так и их соседями. В то же время шалибцы всегда были поддержаны своей принадлежностью к большому дагестанскому народу, связями с лакцами, проживающими в Лакском районе, осознанием того, что их язык является письменным и литературным (тексты на лакском языке существуют с XV века).

Рис. 4. Двухнаправленный языковой контакт: Шалиб и Читтаб: аварцы и лакцы

Второе объяснение – экономическое. В силу природных условий арчинцы всегда были беднее своих соседей, о чем многократно сообщалось в интервью. Нехватка посевных площадей приводила к тому, что арчинцам не хватало собственного зерна. Зерно выменивалось и закупалось в тех же аварских и лакских селах, поля арендовались у соседей. Напротив, читтабцы и шалибцы не испытывали недостатка в зерне. Респонденты высказывали мнение о том, что бедность арчинцев была одной из причин того, что в Арчибе позже появились люди с высшим образованием, чем в соседних селах (возможность уехать на учебу в город находилась в прямой зависимости от экономического положения семьи). Не исключено, что подчиненное экономическое положение арчинцев было одной из причин их более низкого социального статуса и, как следствие, – подчиненного положения языка.

4. ВЫВОДЫ

В статье были поставлены две задачи. Во-первых, апробировать методику исследования языковых контактов, использующую обращение к семейной памяти респондентов. Во-вторых, заложить основы для типологии контактных ситуаций в Дагестане.

Какие результаты дала работа с воспоминаниями респондентов о старших членах их семьи? Надежда на то, что опрашиваемые хранят в памяти информацию о том, каким языковым репертуаром владели покойные родители или бабушки и дедушки, в общем оправдалась. Ответ «ничего не помню» был крайне редким. Возможно, здесь дело в том, что жители Дагестана вообще отличаются осознанным отношением к собственному многоязычию: здесь принято обсуждать количество языков, которыми владеет тот или иной человек, и знание языков представляется важным ресурсом.

В то же время у нас нет возможности оценить достоверность информации, которую мы получали. Нет сомнений, что были случаи, когда респондент ошибался, предполагая, что его бабушка владела или не владела некоторым языком. Представляется, что в обследованных языковых сообществах есть некоторые стереотипные представления о том, какой набор языков был характерен для определенного поколения (*у нас все старики знали лакский*). Можно предположить, что если опрашиваемый не имел определенных воспоминаний о том, что его старший родственник владел определенным языком (*помню, что дедушка слушал радиопередачи на азербайджанском языке*), то он отвечал на вопросы анкеты, следуя этим стереотипам (*наверное знала лакский – все старики знали*).

Следует осознавать и еще одно ограничение метода. Если мы получили информацию о языковом репертуаре арчинской женщины, которая родилась в 1852 году и умерла в 1956 г.,

от ее внучки, родившейся в 1942 году, это означает, что переданные нам впечатления о наборе языков бабушки были получены внучкой в середине XX века, а не в середине XIX в., как хотелось бы думать. Конечно, языки обычно усваиваются человеком в относительно молодом возрасте, но все же никакой уверенности в том, что у нас есть вполне надежное представление о том, какова была языковая ситуация в Арчибе во второй половине XIX века, быть не может. Это хорошо видно на примере владения Кораном: после 90-х годов XX века, на волне возрождения мусульманства в Дагестане, арабицу начали осваивать арчинцы разного возраста.

Видимо, некоторый процент ошибок нужно признать неизбежным – в конце концов, любые исторические исследования обречены на такого рода случайность. Значимым инструментом для повышения достоверности данных является как можно более обширная база данных. Несмотря на все это, представляется, что желаемые результаты были получены.

Попытаемся сформулировать некоторые выводы, которые могут лечь в основу дальнейших исследований.

1) Контактные языки могут быть разделены на «ближние» (соседские) и «дальние», или, иными словами, на языки ближних социальных связей и языки дальних социальных связей. К языкам ближних связей относятся аварский и лакский для арчинцев, аварский и арчинский для шалибцев, лакский и арчинский для читтабцев. К языкам дальних связей – азербайджанский (кумыкский), русский, даргинский для всех исследованных селений.

2) Различие между ближними и дальними языками в обследованных селениях было связано с различными гендерными моделями билингвизма: знание соседских языков было характерно как для женщин, так и для мужчин, знание дальних – только для мужчин. Это различие объясняется тем, что мужчины уходили на заработки в отдаленные районы: в Азербайджан – лудить посуду, в даргинские села – отгонять скот на пастбища, на заработки в равнинное селение Кочубей, где можно было выучиться русскому, и в русские села. Женщины сидели дома, ходили на поля, арендуемые в ближайших селах, на рынок в Кумух. Их внешние социальные связи, таким образом, ограничивались соседями.

3) Прямым следствием этого является более широкий набор языков, характерный для мужчин по сравнению с женщинами. В Арчибе мужчины, родившиеся в конце XIX века, владели четырьмя – пятью языками: арчинским, аварским, лакским, азербайджанским, русским. Языковой репертуар женщин значительно уже: от одного языка до трех (арчинский, аварский, лакский).

4) Сопоставление трех обследованных селений с точки зрения того, как было организовано в них знание ближних языков, обнаружило значимое различие. Контактные отношения с соседями могут быть разделены на два типа в зависимости от направления контакта: однонаправленный языковой контакт, при котором носители первого языка знают второй, а носители второго языка не знают первый (арчинский – аварский, лакский) и двунаправленный языковой контакт, при котором наблюдается взаимное владение языками друг друга (аварский – лакский в Читтабе и Шалибе).

5) Важным результатом может считаться обнаружение количественного коррелята этих двух типов ситуаций. При однонаправленном контакте 80–100% носителей первого владеют вторым (так оценивается уровень знания аварского и лакского языков в Арчибе) в то время как среди носителей второго языка первый знают от 0 до 20% населения. При двунаправленном языковом контакте языком-партнером владеет около 50% носителей как первого, так и второго языка. Этот результат может быть использован для предсказания того, какой уровень владения контактным языком характерен для носителей второго языка в том случае, если исследована лишь ситуация первого. Так, в результате однодневного обследования табасаранского селения Хив (Хивский район) было обнаружено, что около 90% жителей Хива владеют лезгинским. На основании этой оценки мы предположили, что соседи-лезгины не владеют или почти не владеют табасаранским. Это предположение подтвердилось в ходе второй полевой поездки, когда, помимо Хива, были обследованы соседние лезгинские селения.

6) Выявлена общая для всех исследованных селений тенденция к переходу от локального многоязычия (знания языков соседей) к глобальному многоязычию (знание русского

языка). По мере распространения русского языка утрачивается значимость всех остальных, поскольку русский язык приобрел функции языка межэтнического общения в Дагестане. Читтабцы утратили знание лакского языка приблизительно с 1930-х годов рождения, арчинцы перестали знать лакский язык с 1970-х годов рождения. Знание соседских языков может поддерживаться благодаря некоторым особым ситуациям, таким как отсутствие старших классов в селении (шалибские дети вынуждены доучиваться в школах-интернатах в соседних селах, благодаря чему одни из них выучивают аварский, а другие – арчинский) или преподавание аварского языка в школе (на сегодня основной источник знания аварского для арчинцев).

Есть и практический вывод. Полевой опрос, осуществленный летом 2009 года, показал, что исследования многоязычия должны проводиться «кустами», то есть в нескольких соседних селах. Только в этом случае можно адекватно интерпретировать полученные данные. «Точечное» обследование едва ли может дать представление о языковых взаимоотношениях соседей.

В заключение хотелось бы выразить благодарность рецензенту, высказавшему ряд ценных замечаний, и М.А. Даниэлю, без участия которого исследование не состоялось бы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Архипов и др. 2008 – *А.В. Архипов, М.А. Даниэль, А.Е. Кибрик, М.Э. Чумакина*. Арчинский язык // *Малые языки и народы: существование на грани*. Вып. 2. Тексты и словарные материалы. М., 2008.
- Добрушина 2007 – *Н.Р. Добрушина*. Многоязычие в Дагестане, или зачем человеку три языка // *Социологический журнал*. 2007. № 1. <http://www.socjournal.ru/article/681>
- Добрушина 2008 – *Н.Р. Добрушина*. Традиции и инновации в культуре горного Дагестана: из истории советской школы // *Вопросы образования*. 2008. № 3.
- Кибрик и др. 1977 – *А.Е. Кибрик, С.В. Кодзасов, И.П. Оловяникова, Д.С. Самедов*. Опыт структурного описания арчинского языка. Т. 1. Лексика. Фонетика. М., 1977.
- Кибрик 1999 – *А.Е. Кибрик* (ред.). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М., 1999.
- Магомедов 2000 – *А. Магомедов*. Чародинцы. Прошлое, настоящее, будущее. Махачкала, 2000.
- Магомедханов 2007 – *М.М. Магомедханов*. Дагестанцы: веки этносоциальной истории XIX–XX вв. Махачкала, 2007.
- Магомедханов 2009 – *М.М. Магомедханов*. Образцы письменности арчинцев // *Антропологический форум*. 2009. № 11.
- Сергеева 1967 – *Г.А. Сергеева*. Арчинцы. М., 1967.
- Услар 1992 – *П.К. Услар*. О распространении грамотности между горцами // *Сборник сведений о кавказских горцах, издаваемый с соизволения Его Императорского Высочества Главнокомандующего Кавказскою Армиею при Кавказском Горском Управлении*. Вып. 3. Тифлис, 1870 // *Кавказские горцы. Сборник сведений*. Т. 3. М., 1992.
- Цуциев 2006 – *А.А. Цуциев*. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006.
- Aikhenvald 2002 – *A. Aikhenvald*. Language contact in Amazonia. Oxford, 2002.
- Bowern 2010 – *C. Bowern*. Fieldwork in contact situations // *R. Hickey* (ed.). The handbook of language contact. London, 2010.
- Chirikba 2008 – *V. Chirikba*. The problem of the Caucasian Sprachbund // *P. Muysken* (ed.). From linguistic areas to areal linguistics. Amsterdam, 2008.
- Chumakina et al. 2007 – *M. Chumakina, D. Brown, G.G. Corbett, H. Quilliam*. Electronic dictionary of Archi. 2007. (Online resource: <http://www.smg.surrey.ac.uk/archi/linguists/>)
- Comrie 2008 – *B. Comrie*. Linguistic diversity in the Caucasus // *Annual review of anthropology*. 2008. V. 37.
- Edwards 2005 – *J. Edwards*. The foundation of bilingualism // *T.K. Bhatia, W.C. Ritchie* (eds.). The handbook of bilingualism. London, 2005.
- Thomason 2001 – *S. Thomason*. Language contact: An introduction. Edinburgh, 2001.
- WLD – World loanword database: <http://wold.livingsources.org/>

Сведения об авторе:

Нина Роландовна Добрушина
НИУ Высшая школа экономики
nina.dobrushina@gmail.com

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

© 2011 г. М. Л. ГАСПАРОВ

СЛОВО В СТИХЕ: ОБ ОДНОМ ТИПЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Статья академика Михаила Леоновича Гаспарова (13.04.1935–7.11.2005), обнаруженная недавно в его архиве, посвящена проблеме синтаксической связности стихотворной речи и поведения в ней ритмико-синтаксических клише. Редколлегия журнала «Вопросы языкознания» считает необходимым публикацию новой для читателя статьи большого ученого – не только как память о нем, но и как актуальное исследование в области лингвистики стиха.

Научное изучение стиха в России, как известно, начал Андрей Белый в книге 1910 г. Но это еще не было изучение слова в стихе: для Белого его метр и ритм были скорее музыкой, чем последовательностью слов. Научное изучение слова в стихе начал Томашевский в статье 1917 г.: в ней он дал конечный список всех словосочетаний, которые могут уложиться в строку русского 4-ст. ямба, всего 36 (если с женскими и мужскими окончаниями, то вдвое, а если со сверхсхемными ударениями на 1-м слоге, то еще вдвое). Но говоря о словах и комбинациях слов, он учитывал только одну характеристику слов – ритмическую: слова с ритмом *таТАтата, таТАта, ТА, Вечерняя находит мгла*, образуют ямб, а слова с ритмом *татаТАта, таТАта, ТА, Голубая находит мгла*, не образовывали бы.

Следующий шаг был сделан только в начале 1980-х гг.: в поле зрения вошла не только ритмическая, но и морфологическая характеристика слова в стихе. Было подсчитано, что к словам различного ритмического облика по-разному тяготеют разные части речи: среди слов *таТАтата* вдвое больше прилагательных, чем глаголов, *веЧЕРняя*, а среди слов *татаТАта* в 2,4 раза больше глаголов, чем прилагательных, *прибеЖАли* [Гаспаров 1984: 169–185]. И так всюду: прилагательные чаще имеют длинное безударное окончание (за счет суффиксов), глаголы – длинное безударное начало (за счет приставок). Тем самым ритмические схемы Томашевского *ТАта, ТАта* начинают как-то окрашиваться языком.

Попробуем сделать следующий шаг: вслед за ритмической и морфологической характеристикой включить в поле зрения синтаксическую характеристику слов в стихе. Поверхностные наблюдения делались и раньше: понятно, что если где-то в стихе стоит прилагательное *вечерняя*, то поблизости будет определяемое им существительное, а если где-то стоит глагол *прибежали*, то поблизости будут подлежащее, дополнение и/или обстоятельство к этому глаголу. Хотелось бы подойти к синтаксической характеристике слов в стихе с другой стороны, менее изученной, – со стороны порядка слов в языке. Нормативного порядка слов в русском языке, как известно, нет, есть лишь тенденции, изучены они очень мало; к ним и попробуем здесь прикоснуться. Для начала возьмем тот самый ритмический тип прилагательного, с которого мы начали: *таТАтата, веЧЕРняя*.

Давно было замечено – еще Томашевским и Шенгели, – что не всякий ритмический тип слова может стоять в строке на любом месте: если в нем есть два (или более) без-

ударных слога подряд, его позиционные возможности резко ограничиваются. Слово с ритмом *таТА* может стоять в 4-ст. ямбе на любой из 4 стоп: *Пора, пора! рога трубят*. Слово с ритмом *ТАта* может стоять на любой из 4 стоп, кроме первой: *Мелькают мимо будки, бабы*. Слово с ритмом *ТАтата* может стоять только на единственном месте: на 2-й стопе в словосочетательной комбинации *таТАта ТАтата таТА*, *Простая русская семья*, и более нигде [Гаспаров 1999: 18–25].

Ритмический тип слова *таТАтата*, который будет рассматриваться, может занимать в строке 4-ст. ямба две позиции: на 1-й стопе в двух словосочетательных комбинациях III ритмической формы (т. е. с пропуском ударения на 2-й стопе):

III.5 *Бесчувственной* руки своей
Мне нравились его черты
В *Молдавии*, в глуши степей

III.6 *Вечерняя* нисходит мгла
Оставила печальный свет
Поэзии священный бред

или на 2-й стопе в одной словосочетательной комбинации IV ритмической формы (т. е. с пропуском ударения на 3-й стопе):

IV.7 Слова *тоскующей* любви
Она *готовила* пожар
Текут *элегии* рекой

(Сразу – два важные предупреждения. Во-первых, речь идет о словах не графических, а фонетических, точнее метрических: *мне нравились* или *цель гетмана* считались одним словом так же, как *вечерняя*. Во-вторых, учитываются не только прилагательные в собственном смысле слова, но и другие части речи, изменяющиеся по парадигме прилагательных: причастия, некоторые местоимения: *Потерянных тобою дней*, *Которые в минувши дни*, *И каждая шепнула ей*. При необходимости отсеять эти примеси легко, картина серьезно не изменится, но материал сократится и станет менее статистически надежен.)

Материалом по III форме послужили все строки соответственных словораздельных вариаций из всего 4-ст. ямба Пушкина: «Евгений Онегин», поэмы и лирика (из лирики исключались только эпические наброски и эпиграмматические и мадригальные мелочи), всего 390 строк. Материалом по IV форме – гораздо более частой, как известно, у Пушкина, – все строки соответственной словораздельной вариации из 4-ст. ямба одного «Евгения Онегина», всего 382 строки. Для сопоставления были взяты строки тех же вариаций из торжественных од Ломоносова (начиная с 1745 г.). Строки III.5 и III.6 ритмических форм не разделялись, строки с мужским и женским окончанием – тоже; если сделать такие разделения, то можно заметить некоторые небольшие различия в каждой разновидности материала, но объем порций будет невелик, и значимость этих расхождений сомнительна.

В качестве примеров на каждую форму брались три строки: чтобы ритмическое слово *таТАтата* было представлено прилагательным, глаголом и существительным: *Слова тоскующей любви*, *Она готовила пожар*, *Текут элегии рекой*. Кроме этого, на соответствующем месте изредка может стоять наречие (*Пастух по-прежнему поет*) и совсем изредка – какая-нибудь еще часть речи (*Вкруг дам, как около картин*). Посмотрим пропорции частей речи в ритмическом слове *таТАтата* в естественном русском языке (проза Пушкина, Гоголя, Толстого, Тургенева, Чехова), на первой позиции в стихе (форма III) и на второй позиции в стихе (форма IV) – все цифры, кроме числа слов, в процентах.

	Прил.	Глаг.	Сущ.	Нар.	Проч.	Число слов
Проза	41	21	31	5	2	823
Пушкин						
III форма	30	21	43	5	1	390
IV форма	55	13	27,5	4	0,5	382
Ломоносов						
III форма	47	13	39	1	–	201
IV форма	53	8	37,5	0,5	1	149

Бросается в глаза резкая разница: в III форме, на первой позиции стиха, доля прилагательных среди слов *таТата* значительно меньше общеязыковой: 30%, только 116 строк из 390 имеют вид *Вечерняя* находит мгла, остальные же – это *Мне нравились* его черты и особенно *Поэзии* священный бред. Наоборот, в IV форме, на второй позиции стиха, доля прилагательных среди слов *татАтата* намного больше общеязыковой: 55%, 209 строк из 382, имеют вид *Дрожит печальная луна, Увял на утренней заре, И блеск и шумные пиры, Москвич в Гарольдовом плаще* и т. д. У Ломоносова разница в степени предпочтения прилагательных меньше, не 15, а только 6%, и процент прилагательных всюду выше, чем в прозе (из-за статично-описательного стиля оды?); но и у него IV форма более насыщена прилагательными, чем III, – тенденция, которая разовьется у Пушкина, уже налицо. Таким образом, из двух позиций в стихе, возможных для ритмического слова *татАтата*, морфологически столь удобного для прилагательных, прилагательные предпочитают вторую позицию почти вдвое чаще, чем первую. Спрашивается, почему?

Для ответа попробуем обратиться к синтаксическим тенденциям прилагательных в естественном русском языке. Они изучались только на уровне слова: прилагательное в полной форме образует определение, *печальная луна*, а в краткой форме образует сказуемое, *луна печальна*. Однако есть еще уровень синтагмы и уровень предложения. Уровень синтагмы для нас сейчас и интересен. Известно, что стихотворная строка – по крайней мере в 4-ст. ямбе пушкинского времени – стремится к синтаксической замкнутости, анжамбманы в ней скорее исключение, чем правило. Это значит, что она сопоставима с синтагмой в русской прозе. Русские предложения членятся на синтагмы преимущественно 2-словные и 3-словные: *Однажды играли в карты / у конногвардейца Нарумова. // Долгая зимняя ночь / прошла незаметно; // сели ужинать / в пятом часу утра*. Первым обратил внимание на этот уровень строения русской прозы опять-таки Томашевский в статье 1920 г. [Томашевский 1929: 254–318], исследовав синтагмы «Пиковой дамы» (он предпочитал выражаться риторическим термином «колонны») с ритмической точки зрения. Затем интерес к синтагмам заглох: казалось, что членение текста на синтагмы слишком субъективно.

Между тем синтагматическое членение текста имеет, конечно, не только ритмический аспект, а и морфологический, и синтаксический. *Однажды играли в карты* – наречие, глагол, существительное (а не в ином каком-нибудь порядке!): сказуемое с дополнением и обстоятельством. *В пятом часу утра* – числительное-прилагательное и два существительных: определяемое с одним согласованным и одним несогласованным определением. Мы выбрали трехслойные синтагмы из «Пиковой дамы» (гл. 1–4) и «Капитанской дочки» (гл. 1–2), всего 680 трехсловий. Конечно, членение на синтагмы производилось на слух и тоже, вероятно, субъективно, поэтому желательно, чтобы кто-нибудь сделал параллельную выборку – может быть, на другом материале.

Из общего числа 955 трехсловий 276 содержат в себе прилагательное (или причастие), в том числе 8 трехсловий – по 2 прилагательных, и 2 – по 3 прилагательных, всего – 298 прилагательных. По позициям в трехсловной синтагме они распределяются так:

I позиция – 46 случаев:	<i>Графинину карету подали</i> <i>Сильное движение души</i>
II позиция – 195 случаев:	<i>Пошел мелкий снег</i> <i>Мужик с черной бородою</i> <i>Около опустелого дома</i>
III позиция – 57 случаев:	<i>Человек очень замечательный</i> <i>Но нашла его непоколебимым</i>

Всего, таким образом, из 298 прилагательных в прозаических трехсловах на I позицию приходится 15,5%, на II – 65,5%, на III – 19%. Уже в прозе, стало быть, прилагательные, независимо от их ритмического строения, решительно предпочитают не начальную, а срединную позицию в синтагме. Почему, мы не знаем: тенденции порядка слов в русском языке – слишком малоисследованная область, а на уровне синтагматическом – особенно. Наиболее частые словосочетания, включающие прилагательное на II позиции трехслова, это

глагол с подлежащим и к нему определение:	<i>Пошел мелкий снег</i> (11)
глагол с дополнением и к нему определение:	<i>Тратит лишние деньги</i> (53)
глагол с обстоятельством и к нему определение:	<i>Ели с большим аппетитом</i> (14)
существительное с несогласованным определением и к нему определение:	<i>Мужик с черной бородою</i> (34)
существительное с двумя определениями:	<i>Старый полинялый мундир</i> (29)

Но судить об этих цифрах, не имея достаточного сравнительного материала, невозможно. Можно лишь констатировать: в силу ритмических причин слова типа *таТАтата* могут занимать в 4-ст. ямбе только или 1-ю, или 2-ю стопу; в силу морфологических причин эти слова чаще, чем другие, оказываются прилагательными; в силу синтаксических причин эти прилагательные *таТАтата* чаще занимают 2-ю стопу, чем 1-ю, уступая 1-ю глаголам и существительным.

Наконец, сделаем еще одну контрольную проверку. В более длинном размере, цезурном 5-ст. ямбе, слова типа *таТАтата* могут занимать не одну, а две позиции внутри одной строки, на 1-й и на 3-й стопе: *И женская лукавая любовь*; а в бесцезурном 5-ст. ямбе и еще одну, на 2-й стопе: *Несут на сгорбленных плечах в могилу*. Спрашивается, к какой из этих двух позиций будут больше тяготеть прилагательные *таТАтата* – к позиции с ударением на 1-й стопе, *И женская* или с ударением на 3-й стопе, *лукавая*? После того, что мы видели в прозе, мы уже ожидаем: ко второй позиции, к 3-й стопе. Проверяем. В цезурном «Борисе Годунове» 763 раза встречаются слова типа *таТАтата*, в бесцезурных «Маленьких трагедиях», «Домике в Коломне» и «Русалке» – 510 раз. По частям речи эти слова на разных позициях распределяются так:

		Прил.	Глаг.	Сущ.	Проч.	Число слов
Цезурн.	1-я стопа	27	25	41	7	448
	3-я стопа	42	25	31	2	315
Бесцез.	1-я стопа	26	32	34	8	302
	2-я стопа	33	31	29	7	55
	3-я стопа	42	23	31	4	153

В цезурном 5-ст. ямбе «Бориса Годунова» на первой позиции, *И женская*, стоит 122 прилагательных, на второй позиции, *лукавая*, стоит 129 прилагательных – казалось бы, почти поровну, никаких предпочтений. Но это не так. Сам ритмический тип слова *таТАтата* возможен на первой (предцезурной) позиции с большей частотой, у него там меньше соперничающих слов и словосочетаний, а на второй (послецезурной) с меньшей частотой, там словосочетательных возможностей больше. Всего на первой

позиции в стихе «Годунова» 455 слов типа *таТАтата*, из них 122 прилагательных составляют 27%. А на второй позиции в стихе «Годунова» только 304 слова типа *таТАтата*, из них 129 прилагательных составляют 42%. Таким образом, от реальных возможностей словозаполнения строки прилагательные на первой позиции используют 27%, на второй 42%, тенденция та же: в трехсловиях прилагательные предпочитают вторую позицию первой.

Таким образом, и здесь чем ближе стоит слово типа *таТАтата* к концу строки, тем чаще оно оказывается прилагательным; строки *Еще одно, последнее сказанье* – в процентном отношении <встречаются> чаще, чем *Правдивые сказанья перепишет*. К каким общеязыковым тенденциям расположения слов в русском языке это восходит (может быть, подлежащие в теме, в начале фразы, меньше нуждаются в обрастании определениями, чем дополнения и обстоятельства в реме, в конце фразы), это пока только предмет догадок. Наша же цель – показать, что при расположении слов в стихе существенен не только ритмический облик слова, не только его морфологическая тенденция, но и его синтаксические тенденции – порядок слов.

Наконец, еще одно наблюдение. Мы говорили об одной части речи – о прилагательном. Какая часть речи обычно следует за прилагательным? Понятно, существительное: за определением – определяемое. Так вот, это тоже происходит по-разному, в зависимости от того, стоит ли прилагательное на второй или на первой позиции 4-ст. ямба. Если на второй, более частой, – то действительно, в 91,5% случаев за прилагательным следует существительное: *Дрожит печальная луна, Увял на утренней заре, Москвич в Гарольдовом плаще*, – здесь за прилагательным остается место только для одного слова, и, конечно, это существительное. Если же прилагательное стоит на первой позиции и за ним остается место для двух слов, то картина меняется: не в 91,5%, а только в 39% случаев за прилагательным прямо следует согласованное существительное: *На зеркальном паркете зал, От хладного разврата света*. Вместо этого поэт пользуется возможностью оттянуть определяемое существительное в конец: *Вечерняя нисходит мгла, Сомнительный рождался день*. Сравнительные подсчеты по Ломоносову дают почти в точности такие же цифры: 92% для IV ритмической формы, 33% для III. Стало быть, это тенденция общестиховая, а не индивидуально-авторская.

Исходя из позиционных предпочтений прилагательных *таТАтата*, мы можем присмотреться к ритмико-синтаксическим конструкциям, которые благодаря этому образуются. В схемах этих конструкций мы будем пользоваться следующими условными обозначениями: *A* – прилагательное (или причастие, или местоимение-прилагательное), *N* – существительное (или местоимение-существительное), *V* – глагол, *Ad* – наречие; слова, образующие словосочетание, обозначаются буквами без пробела, не образующие – с пробелом; если в словосочетании слова связаны управлением, то управляющее слово обозначается прописной буквой.

В словораздельной вариации IV.3, где прилагательное *таТАтата* занимает вторую позицию (209 строк у Пушкина, 79 у Ломоносова), а за ним, как мы видели, в 91–92% <случаев> следует существительное, эти ритмико-синтаксические конструкции особенно однообразны. Среди них выделяются три наиболее частые:

1) Прилагательному с существительным предшествует глагол, при котором они являются дополнением или обстоятельством (*V an*): *Взбесит оплошного врага, Нашел безвременный конец, Легла волнистыми коврами, Читал духовными глазами, Плыла по дремлющей реке, Скользим по лаковым доскам, Взлетел по мраморным ступеням, Плыва в таинственной гондоле, Сидит с поникшею главой* и т. п. – всего 22 строки. случаев, где они являются при глаголе подлежащим (*V AN*), вчетверо меньше – 5 строк: *Дрожит печальная луна, Завез кочующий купец, Текут невинные беседы* и т. п. Может быть, это общеязыковое (или общестилистическое) соотношение главных и подчиненных членов предложения, выраженных существительными и местоимениями: в прозе первых страниц «Капитанской дочки» оно равняется около 3,6. У Ломоносова аналогичных конструкций – *Спешит в неведомы народы, Седя на блестящем престоле* и т. п. – 7 строк (а *Стоят глубокие леса* – 2 строки).

2) Прилагательному с существительным предшествует существительное, при котором они являются несогласованным определением (*N an*): *Напев Торкватовых октав, Приют задумчивых дриады, Слова тоскующей любви, Язык девических мечтаний, И сад над светлою рекою, И стол с померкшею лампадой* и т. п. – всего тоже 22 строки. Случаев, где, наоборот, определением является предшествующее существительное (*n AN*, обратный порядок слов) – 13 строк: *Зимы блистательным ковром, Любви приманчивый фиал, Любви безумную тревогу, Любви безумные страданья*; а случаев, когда вдобавок прилагательное согласовано не с последующим, а с предшествующим существительным (*na N*, дважды обратный порядок слов) – еще меньше, 5 строк: *Любви мечтательной друзья, Стишков чувствительных тетрадь* и т. п. В прозе, понятным образом, такие конструкции с обратным порядком слов <встречаются> еще реже [Гаспаров 1996: 130–135]. У Ломоносова аналогичных конструкций – *Как ток великия реки, Как верьх высокия горы* – 6 строк (а *Петра Великого потомки* – 1 строка).

3) Прилагательному с существительным предшествует еще одно прилагательное (*Большой взъерошенный медведь* – 1 строка) или, гораздо чаще, местоимение-прилагательное (*A AN*): *В моей блуждающей судьбе, В своей нахмуренной красе, Его расчетливый сосед, С его безнравственной душой, Мои летучие творенья, Сие глубокое творенье* и т. п. – всего 24 строки. У Ломоносова – только 1 строка, *Твоя кротчайшая природа*. Зато обратный порядок местоимения и прилагательного, *Пространная твоя держава, Под сильною твоею рукою* встречается у Ломоносова 7 раз, а у Пушкина – *На сумрачном его лице, Всех маленьких ее подруг* – только 4 раза. Обратный порядок слов для стиля XVIII в. вдвое характернее, чем для пушкинского.

Всего, таким образом, у Пушкина на три самые частые ритмико-синтаксические конструкции (*V an, N an, A AN*) приходится 69 строк, 33% всех строк с прилагательным на второй позиции. У Ломоносова на них приходится 14 строк, 22% всех строк с прилагательным на второй позиции. По-видимому, можно считать, что степень клишированности строк ритмической вариации IV.3 от Ломоносова к Пушкину повышается, поэты начинают в большей степени мыслить не словами, а строками-синтагмами. Об этом говорит и еще один показатель. Среди трехсловий IV.3 наряду с полносвязными есть и неполносвязные – такие, в которых одно из слов синтаксически связано не со своими соседями по строке, а со словами из смежной строки: *...Она подавленным слезам, ...Она темнеющих очей, ...Она пред хладною толпой, Тогда от радостной Полтавы..., Тогда божественны науки..., Пять крат под счастливой державой...* и т. д. Среди строк с прилагательными на второй позиции у Ломоносова неполносвязные строки составляют 27%, у Пушкина 18%: степень синтаксической замкнутости строк заметно возрастает.

Из остальных, менее частых, ритмико-синтаксических конструкций вокруг прилагательного в трехсловиях IV.3 у Пушкина заметнее всего конструкции с однородными членами – 8 строк типа *И блеск и шумные пиры, Как тень иль верная жена, Детьми и верною женой*, и 2 строки типа *Хвосты хохлатые, клыки, Душой чувствительной, умом*; у Ломоносова таких строк 3 (*На мрак и вредные пары* и т. п.). У Ломоносова же заметнее всего конструкции с характерными для оды обращениями: *О вы, счастливые науки, Тобой, блаженная княгиня, А вам, блаженные супруги*, и т. п. – 5 строк; ср. у Пушкина: *О вы, почтенные супруги, И вы, блаженные мужья, И вы, знакомые леса*, и т. п. – тоже 5 строк.

Таковы клишированные конструкции вокруг прилагательных в словораздельной вариации IV.3. В словораздельных вариациях III.5–6, где прилагательное занимает начальную позицию (116 строк у Пушкина, 94 у Ломоносова) картина иная. Здесь у Пушкина три самые частые конструкции следующие:

1) За прилагательным с существительным следует глагол, при котором они являются дополнением или обстоятельством (*an V*): *И мрачную тоску наводит, Изношенных капотов просит, Неслышными шагами бродит, Полуденной красою блещет* и т. п. – всего 10 строк (обратный порядок слов вдвое реже, чем прямой, с глаголом впереди, *Легла волнистыми коврами*). Случаев, где прилагательное с существительным являлись бы подлежащим (*ANV*), – ни одного. У Ломоносова аналогичных конструкций – *Ужас-*

ные перуны мечет, С способными ветрами споря – 5 строк, и случаев с подлежащим – Как утрення заря сияет, Божественно лице сияет – тоже 5 строк.

2) За прилагательным с существительным следует существительное, служащее к ним несогласованным определением (*ANn*): *Безумная душа поэта, Летучие листки альбома, И дикие сыны степей, И дикие питомцы брани, Железные доспехи брани, Ты милые забавы света, От хладного разврата света* и т. п. – всего 16 строк (обратное расположение управляющего и управляемых слов, *an N* – только 2 строки, *И дикого народа нравы, И Бурцовой души угрозы*). У Ломоносова иначе: аналогичных конструкций – *Великое светило миру, Любезное светило дней* – 4 строки, и с обратным расположением – *Геройского восхода следы, Российския отрады день* – тоже 4 строки (ср. конструкции с причастиями: *В исполненной утех ночи, Усыпанный цветами луг* – 5 строк). Обратный порядок слов для стиля XVIII в. характернее, чем для пушкинского.

3) Прилагательное оторвано от существительного, и между ними вставлен управляющий глагол (*a Vn*): *Минутного искала сна, Он сладостный вкушает сон, Таинственный разрушить сон* и т. п. – всего 9 строк (7,5%); случаев, где прилагательное с существительным служат не управляемыми членами, а подлежащим – только 2 строки, *Вечерняя нисходит мгла и Сомнительный рождался день* (пропорция 4:1, нам уже знакомая). У Ломоносова аналогичных конструкций – *Согласные возносят клики, Священными шумит струнами, Он легкими шумит крилами, Блестящими шумя крилами* (клише превращается в формулу!) – 11 строк (12%). Прерывистый порядок слов для стиля XVIII в. характернее, чем для пушкинского.

Всего, таким образом, в вариациях III.5–6 у Пушкина на три самые частые вариации (*an V, AN n, a Vn*) приходится 35 строк, 30% всех строк с прилагательным на первой позиции; у Ломоносова (*a Vn, A AN, an V*) – 22 строки, 23%. Степень клишированности у обоих поэтов приблизительно такая же, как и в вариации IV.3, и у Пушкина она опять выше, чем у Ломоносова. Доля неполносвязных строк в этих вариациях (*На утренней заре пастух..., В день Троицын, когда народ..., Где мерзлыми борей крылами..., Пространными Китай стенами..., Коль славными она делами...* – такой же прерывистый порядок слов, как и в *Священными шумит струнами*) – у Пушкина 9%, у Ломоносова 12%; замкнутость строк и здесь повышается от XVIII к XIX в., хоть и не так резко, как в вариации IV.3.

Таковы клишированные конструкции вокруг прилагательных в словораздельных вариациях III.5–6.

Для сравнения рассмотрим наиболее частые ритмико-синтаксические конструкции, возникающие в вариациях IV.3 и III.5–6 там, где ключевое слово *таТатата* представляет собой глагол или существительное.

Вариации IV.3 с глаголом на срединной позиции *таТатата* у Пушкина насчитывают 50 строк. Три самые частые конструкции: 1) дополнение / обстоятельство + сказуемое + подлежащее, где дополнение, обстоятельство и подлежащее выражены существительными или местоимениями (*n VN*) – 9 строк (*В окно увидела Татьяна, Его лелеяла надежда, Гостей не слушает она, Земли касается она* и т. п.); 2) подлежащее + сказуемое + дополнение / обстоятельство (*NV n*) – 8 строк (*Поэт высказывал себя, Она готовила пожар, Она влюблялася в обманы, Она не ведает обмана* и т. п.); 3) дополнение / обстоятельство + сказуемое + обстоятельство, выраженное наречием (*n Vad*) – 5 строк (*В Москву отправиться зимой, Во всем ей веровал беспечно, У нас изменятся безмерно* и т. п.). Всего на три самые частые конструкции приходится 22 строки, 44%. Доля неполносвязных строк (*Потом, покорствуя природе..., Потом понравилась; потом...* и т. п.) – 20%. Степень клишированности больше (а степень замкнутости меньше), чем в конструкциях с прилагательными; но эти цифры не надежны, 50 строк – слишком небольшой объем. У Ломоносова вариаций IV.3 с глаголом на срединной позиции (*Везде прославятся заслуги, Всегда роскошествует природа*) – еще меньше, всего 11 строк, так что сопоставительные подсчеты невозможны.

Вариации III.5–6 с глаголом на начальной позиции насчитывают у Пушкина 83 строки. Самая частая конструкция – 1) за глаголом следуют прилагательное и су-

существительное в роли дополнения или обстоятельства (*V an*) – 15 строк (*Описывать волшебный дом, Потутили смущенный взгляд, Готовится к кровавой битве, Дивилася столь долгой ночи* и т. п.). За ней с большим отрывом следуют: 2) то же, но с обратным порядком существительного и прилагательного (*Vna*) – 7 строк (*Окончишь ли допрос нелепый, Осталася во тьме морозной* и т. п.); 3) за глаголом следуют прилагательное и существительное в роли подлежащего (*V AN: Упрямится печальный граф, Мне нравились его черты* и т. п.); 4) за глаголом следуют два существительных в роли дополнений или обстоятельств (*Vn n: Не гонит уж коров из хлева, Ответствовать на бомбу смехом* и т. п.) и 5) за глаголом следуют два существительных, первое в роли дополнения или обстоятельства, второе в роли подлежащего (*Vn N: И хлынула на волны кровь, И бегала за ним она* и т. п.) – все по 5 строк. Всего на самые частые конструкции приходится 27 строк, 33%, так же, как и при прилагательных, а доля неполносвязных строк (*Задумавшись, моя душа..., Преследовать любовь, и вдруг...*) – 22%, значительно больше, чем при прилагательных. У Ломоносова вариаций III.5–6 с глаголом на начальной позиции (*Родились бы Петры Велики, Отчаялись своей победы*) – только 26 строк, для сопоставительных подсчетов этого недостаточно.

Вариации IV.3 с существительным на срединной позиции *таТAtата* у Пушкина насчитывают 107 строк. Самые частые конструкции: 1) за существительным-подлежащим следуют существительное в роли несогласованного определения с прилагательным (*Nna*) – 9 строк (*Ночей Италии золотой, Вы, сны поэзии золотой, Умы пустынных моих, Письмом красавицы моей* и т. п.); 2) два существительных в роли дополнений или обстоятельств и за ними глагол (*n nV: И в дверь украдкой глядит, К нему записочки несут, К нему на цыпочках летит* и т. п.); 3) существительное-подлежащее, существительное-дополнение или обстоятельство и за ними глагол (*N nV: Толпа в гостиную валит, А я так за уши драла* и т. п.); 4) глагол и за ним существительное с прилагательным в роли дополнения или обстоятельства (*Vna: Брожу над озером пустынным, Сиди под кровлю пустынной* и т. д.) – все по 5 строк. Всего на самые частые конструкции приходится 19 строк, 18% – степень клишированности гораздо ниже, чем при прилагательных и глаголах, это потому, что синтаксические связи существительных более разнообразны. Доля неполносвязных строк (*Стоит Истомина: она..., С детьми всех возрастов, считая...*) – 24%, тоже значительно больше, чем при прилагательных.

У Ломоносова вариаций IV.3 с существительным на срединной позиции – 56 строк; самые частые конструкции: 1) прилагательное с существительным и управляющий ими глагол – 5 строк (*anV: Драги сокровища открой, Твои приятности любя* и т. п.); 2) существительное-подлежащее, существительное-дополнение или обстоятельство и глагол-сказуемое – 4 строки (*N nV: Плутон в расселинах мятется, Весь свет чудовища страшится* и т. п.); 3) два прилагательных (чаще – местоимений-прилагательных) по сторонам существительного – 3 строки (*ANA: С святой правдивостью твоей, Во всем наследии твоём*). Всего на три самые частые конструкции приходится 12 строк, 21%, – почти как у Пушкина: конструкции с существительными наиболее разнообразны, наиболее аморфны и менее всего эволюционируют в направлении к клишированности. Доля неполносвязных строк (*Она предстательством отраду..., Гряди, и светлостью лица...*) – 18%.

Вариации III.5–6 с существительным на начальной позиции насчитывают у Пушкина 165 строк. Самые частые конструкции: 1) управляющее существительное и за ним прилагательное с существительным в роли несогласованного определения – 15 строк (*N an: Под песенку старинных дней, Все звуками забытых дней, Вы, рыцари парнасских гор, На темени полночных гор* и т. п.); 2) два существительных в роли дополнений или обстоятельств по сторонам управляющего глагола – 12 строк (*nVn: К черкешенке простер он руки, И в радости лобзает руку, Элегию готовит ей, Я с трепетом открылся ей* и т. п.); 3) управляющее существительное и за ним существительное с прилагательным в роли несогласованного определения – 7 строк (*Nna: В объятиях подруги страстной, «Кавказский пленник», II, В объятиях подруги нежной, «Руслан и Людмила», V, Доверчивость души невинной, Под бурями судьбы жестокой* и т. п.). Всего на три

самые частые конструкции приходится 34 строки, 21%, – почти как и в вариации IV.3. Доля неполносвязных строк – 27%. У Ломоносова вариаций III.5–6 с существительным на начальной позиции – 79 строк. Самые частые конструкции: 1) *Нап* – 12 строк (*Участница Петровых дел, Наследницей великих дел, Владычице российских вод* и т. п.); 2) существительное с прилагательным-местоимением и управляющий им глагол – 7 строк (*на V: Кто гордостью своей дерзнет, Что щедростью твоей цветет, В веселии своем гласит* и т. п.); 3) два существительных в роли дополнений или обстоятельств и управляющий глагол – 6 строк (*и пV: Щедротою в восторг приводит, И в ужасе себе не верит* и т. п.). Всего на три самые частые конструкции приходится 25 строк, 32%, – даже больше, чем у Пушкина. Доля неполносвязных строк – 14%.

Сравнивая эти показатели, мы видим:

а) Клишированность (доля трех самых частых ритмико-синтаксических конструкций) выше всего среди глагольных конструкций у Пушкина (впрочем, здесь цифры не вполне надежны). Далее она выше у Пушкина среди конструкций с прилагательными, а у Ломоносова – с существительными.

б) Клишированность в словораздельных вариациях IV.3 и III.5–6 различается незначительно, в пределах 3%. Исключения: глагольные конструкции у Пушкина (выше в IV.3) и субстантивные у Ломоносова (выше в III.5–6).

в) Синтаксическая замкнутость (как подспорье клишированности), вслед за общей клишированностью, у Пушкина выше среди конструкций с прилагательными, а у Ломоносова – с существительными.

г) Синтаксическая замкнутость среди конструкций с прилагательными выше в словораздельных вариациях IV.3 и ниже в III.5–6 (как у Пушкина, так и у Ломоносова), а среди конструкций с глаголами и существительными различия незначительны, в пределах 3–4%.

д) Клишированность конструкций с прилагательными (и, по-видимому, с глаголами) выше у Пушкина, чем у Ломоносова, клишированность конструкций с существительными выше у Ломоносова, чем у Пушкина. Кажется, будто клише с прилагательными были открыты позднее других.

е) Предпочтение тем или иным клишируемым конструкциям определяется (хотя бы частично) предпочтением прямого порядка слов обратному. Степень этого предпочтения, однако, различна. Если ограничиться теми конструкциями, которые выделены выше, то можно сказать, что для Пушкина предпочтительность прямого порядка «притяжательное местоимение – прилагательное» обратному – 6:1 (а у Ломоносова, наоборот, – 1:7); «определение – определяемое» – 2,8:1; «сказуемое – дополнение / обстоятельство» – 2,2:1; «управляющее существительное – управляемое существительное» – 2,1:1.

Все это относится к прилагательным и другим частям речи ритмического строения *таТата*, но, вероятно, некоторые из этих закономерностей имеют и более широкое значение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гаспаров 1984 – М.Л. Гаспаров. Ритмический словарь и ритмико-синтаксические клише // Проблемы структурной лингвистики – 1982. М., 1984.
Гаспаров 1996 – М.Л. Гаспаров. Порядок слов «определение – определяемое» в стихах и прозе // Московский лингвистический журнал. 1996. № 2.
Гаспаров 1999 – М.Л. Гаспаров. Синтаксические клише поэзии Пушкина и его современников // ИАН СЛЯ. 1999. Т. 58. № 3.
Томашевский 1929 – Б.В. Томашевский. О стихе. Л., 1929.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

© 2011 г. К.М. КОРЧАГИН

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕТРИКИ

В статье рассматриваются основные направления современной зарубежной науки о стихе, существующей в двух вариантах: как наука о «просодической» (т.е. литературной) метрике и как наука о метрике «изохронной» (т.е. песенной). Исследования этих типов требуют различных подходов, но в большинстве своем так или иначе опираются на генеративную теорию (особенно в ее приложениях к фонологии). Также кратко обзревается исследования последних лет, посвященные метрической типологии.

Европейские и американские теории метрики, разрабатываемые в настоящее время, достаточно многочисленны и демонстрируют разнообразие подходов к исследуемому материалу. При этом, в отличие от российской традиции, в центре внимания, как правило, оказываются теоретические проблемы достаточно общего характера; с другой стороны, практически не наблюдается обращения к статистическим исследованиям, столь характерным для «русского метода»¹. На этом фоне можно отметить многочисленные попытки вписать метрические исследования в одну из крупных теоретических программ – генеративную грамматику, теорию оптимальности, метрическую фонологию. Эти попытки могут выглядеть в разной степени удачно, но саму установку на сближение стиховедения и лингвистики как таковой нельзя игнорировать.

Другая яркая и, на первый взгляд, неожиданная черта – сближение с антропологическими исследованиями. Не секрет, что европейская наука во второй половине XX в. пережила своего рода антропологический переворот, во многом инициированный прежней «большой парадигмой» – структурализмом (в работах К. Леви-Стросса и ряда других исследователей). При этом оказалось, что стихотворный (при всей ограниченной приложимости этого определения) фольклор «дописьменных» народов требует подхода, в значительной мере отличного от подхода к стиху литературному. Конечно, это было очевидно и раньше: например, при столкновении с европейским эпическим стихом или стихом русских былин, – но фиксация на книжной культуре неявным образом требовала от исследователя анализа в терминах литературной метрики.

¹ Термин был предложен одним из апологетов подобного подхода – Дж. Бейли; ср.: «У классиков русского стиховедения меня больше всего привлекал их лингвостатистический метод. Метр реализуется в языке и предстает в разнообразии многих ритмических вариаций; исследователь их описывает и подсчитывает, предъявляя результаты в объективных статистических показателях, и только на этой основе строит в дальнейшем теоретическое описание механизмов ритмообразования. <...> Как Томашевский и Тарановский описывали русский 4-ст. ямб, так я в одной работе попытался описать английский 4-ст. ямб разных эпох, чтобы популяризировать на Западе этот (как я назвал его) “русский метод”» [Бейли 2004: 12]. Вопросу применения статистических методов в русском литературоведении посвящена недавняя книга [Kelih 2008]; см. также рецензию [Толпина и др. 2010].

Эта ситуация начала меняться с осознанием того факта, что считанное количество литературных традиций окружено почти бесчисленным множеством традиций «дописменных» или просто не включенных в орбиту «высокой» литературы, типологически ориентированное изучение которых может выявить основания культуры, языка и, наконец, метра. И здесь метрика вновь повернулась лицом к музыкальной теории. Не зря одна из наиболее часто цитируемых работ по этой проблематике – [Brăiloiu 1984] – сочинение, по сути, музыковедческое, но снабженное необходимой антропологической оптикой.

Такая «антропологическая» метрика, в свою очередь, делится на две ветви. Первая довольно очевидным образом обращается к устойчивым формам фольклорного стиха разных народов и в этом смысле является прямой наследницей штудий XIX в., а вот вторая, наиболее бурно развивающаяся в последнее время, должна представляться отечественному стиховеду куда более экзотичной, так как обращается к стиху детского фольклора как наиболее элементарной форме бытования метрических структур. Интересно, что в последние годы намечается еще одно направление исследований такого рода, в центр внимания которого попадают ритмические структуры в жестовых языках. И хотя успехи на этом фронте пока не особо убедительны, как никогда значим становится сам отрыв от традиционной «литературной» метрики.

При таком разнообразии тем и подходов естественно возникает вопрос: что может служить в качестве «барометра» происходящих в метрической науке изменений и, следовательно, поможет нам кратко описать все те многочисленные инновации, которые предлагает исследователю современная метрика? И здесь наш выбор достаточно очевиден: мы будем ориентироваться на одну из самых значительных конференций последних лет, посвященных проблемам метрики, состоявшуюся в апреле 2005 г. и подготовленную исследовательской программой «Типология поэтических форм» (2002–2005), возглавляемой профессором Парижского университета VIII Жан-Луи Аруи. Эта программа аккумулировала большое количество исследователей, придерживающихся самых разных теоретических программ, что не так давно завершилось изданием сборника «Towards a typology of poetic forms: from language to metrics and beyond» [Aroui, Arleo (eds.) 2009], вышедшего в серии «Language faculty and beyond» (LFAB), посвященной внутреннему и внешнему варьированию в языке². Круг авторов сборника и представляемых ими школ довольно широк и включает специалистов по метрике из Франции, Бельгии, Германии, Испании, США и ряда других стран; все эти исследователи достаточно сильно отличаются друг от друга в подходе к материалу, но объединены общими типологическими и антропологическими установками. Можно сказать, что построение единой типологически ориентированной метрики – наиболее актуальная задача зарубежного стиховедения.

Конечно, между стиховедами, практикующими «русский метод», и представляемым нами срезом зарубежной науки есть как существенные схождения, так и расхождения, но мы посчитали нужным ограничить наше изложение по возможности объективным освещением бытующих концепций, не ставя специальной задачи их критики с позиций отечественного стиховедения; тем не менее, небольшое количество критических замечаний, без которых при изложении ряда теорий обойтись было невозможно, все же будет приведено ниже.

Читателю, интересующемуся состоянием дел в зарубежной метрической науке, в первую очередь можно порекомендовать недавнюю статью Ж.-Л. Аруи «Предложения для метрической типологии» [Aroui, Arleo (eds.) 2009: 1–39]. Здесь лаконично и в то же время объемно рисуется образ современного состояния науки о стихе. Предлагаемое Ж.-Л. Аруи разбиение метрики на отдельные «микродисциплины» предельно естественно и не будет особой новинкой для русского читателя, а предмет метрики при этом понимается достаточно широко и заключен не только в «метрах» как таковых, но и во всех прочих аспектах версификации и способах их бытования в культуре. От собствен-

² Первая книга этой серии [Litpták 2009] никак не связана с метрической проблематикой.

но «метрики» как учения о метрах автор отделяет так называемую «макроструктурную» метрику (учение о строфических формах) и «пара-метрические» феномены, т. е. явления, не участвующие напрямую в формировании метра, но прочно ассоциированные со стихотворной речью³.

Метрика как таковая в интерпретации Ж.-Л. Аруи делится на два типа – «изохронную» и «просодическую». Изохронная метрика обращается к стиху (особенно фольклорному), который тесно взаимодействует с музыкальными структурами и основывается на «временных» закономерностях (сильные доли, музыкальный ритм и т. п.). Такой тип стиха, в свою очередь, делится на два типа – «песенный» (chanted) и «поющийся» (sung). Оба этих типа строятся на сильных долях (beats) и временных соотношениях между ними, но в поющемся стихе также присутствует мелодия, не связанная напрямую с ритмической структурой текста. Граница между этими двумя типами довольно прозрачна: так, в качестве примера переходной формы можно привести оперное пенье, в котором мелодический элемент минимизирован, но все же присутствует.

Тем не менее, с типологической точки зрения как песенный, так и поющийся стих противостоят стиху «произносимому» (spoken), который, в свою очередь, является предметом рассмотрения «просодической» (т. е. традиционной) метрики. Важная особенность просодической метрики состоит в том, что она неразрывно связана со свойствами языка. Это можно проследить, например, по тому, что метры гораздо реже заимствуются из одного языка в другой, чем, например, строфические формы.

Опираясь на эти соображения, Ж.-Л. Аруи предлагает классификацию просодических метрических систем, где диагностическим критерием выступает характер формирования метрической единицы (frame). Таким образом, просодические метры представляют собой континуум, на одном полюсе которого располагаются так называемые «считающие» (counting) метры, характеризующиеся только «счетом» метрически релевантных единиц (слогов, мор и т. п.), а на другом – «шаблонные» (patterning) метры, оперирующие контрастом между метрически «сильными» и «слабыми» позициями, сгруппированными в определенный метрический шаблон (pattern). Эти два типа выступают как полюса континуума метрических систем и, вообще говоря, в «чистом» виде встречаются нечасто.

Согласно же со свойствами соответствующих языков метрические системы мира делятся на «тональные», «морные», «акцентные» и «силлабические». Среди тональных метров обнаруживаются только шаблонные (в китайской поэзии), а среди силлабических – только считающие (в романской традиции). Морные и акцентные метры демонстрируют большее разнообразие: так, славянско-германская силлабо-тоника, классические античные и арабские метры относятся к шаблонному типу, а японские и древнегерманские – к считающему. Кроме того, обнаруживается значительное число ярко переходных случаев (вроде индийской «шлоки» или «ионийских логоздов» в морных системах).

Кроме того, дихотомия изохронного и просодического может быть затемнена. Ярким примером пограничного феномена могут служить «популярные» (в терминологии Ж.-Л. Аруи) формы – например, эстрадные песни, демонстрирующие как свойство первого, так и второго метрического типа. К тому же литературная форма в диахронии часто происходит от одной или нескольких фольклорных, а различие изохронного и просодического метра, вообще говоря, может и не совпадать с разделением на литературные и фольклорные формы.

Важным представляется включение в число собственно метрических феноменов позиций границы строки, цезуры и связанных с ними эффектов. Так, Ж.-Л. Аруи напоминает читателю общеизвестный факт, что в античном гексаметре членение стихотворной строки «цезурой» не совпадает со стопным членением и, следовательно, задает разбиение стихотворной строки на некотором ином уровне, смежном с уровнем строк, с

³ Важно, что к пара-метрическим явлениям Аруи относит и «параллелизм», который Р. Якобсон был склонен считать одной из форм стиха как такового [Jakobson 1966].

одной стороны, и стоп, с другой⁴. Интересно, что к явлениям такого рода предлагается относить аллитерации древнегерманского или финского типа, связывающие начала фонетических слов⁵, но исследование этих явлений также оказывается делом будущего.

К числу пара-метрических феноменов Ж.-Л. Аруи, в частности, относит и качественную характеристику рифмы – в том числе и рифмы «силлабической» [Берков 1954: 302–303; Гаспаров 2002: 50–52], в которой рифмующиеся формы совпадают по слоговому составу, но могут отличаться по позиции ударения (как в паре *tebé ~ nébe*). В то же время рифма в системном смысле рассматривается в данной работе как часть «макроструктурной» метрики, и под этим углом ее качественные характеристики оказываются не столь важны, как способность участвовать в образовании строфических конструкций.

Для анализа строфы как макроструктурного явления, основанного, как и метры, на системе «повторяющихся закономерностей»⁶, Ж.-Л. Аруи предлагает своеобразный «деривационный» подход. Этот подход основывается на допущении, что в основе каждой строфы лежит некая бинарная схема «строфообразующих» элементов (например, рифм), преобразованная различными способами. Так, например, строфа со схемой рифмовки *aab cbc* является преобразованной строфой *aab ccb*, которая, в свою очередь, распадается на две половины – *aab* и *ccb*. Этот способ анализа кажется перспективным с точки зрения исследования когнитивных механизмов образования строф (если соглашаться с тезисом об их бинарном устройстве) – еще одной области, обещающей быть плодотворной в будущем.

К проблеме изучения строф примыкает и проблема твердых форм; сам Ж.-Л. Аруи известен как яркий исследователь строфики европейского сонета (одну из его работ на эту тему мы рассмотрим в настоящем обзоре). Кажется, на этой области исследования может благотворно сказаться знакомство с идеями М.И. Шапира, предлагавшего рассматривать каждый отдельный образец твердой формы как соотносящийся со всем гипотетическим множеством таковых форм [Шапир 2000: 84]. Очень жаль, что работы этого русского исследователя до сих пор не введены в зарубежный научный оборот.

В нашем дальнейшем изложении мы будем в общих чертах придерживаться схемы, предложенной Ж.-Л. Аруи: для начала обратимся к просодической метрике как более привычной русскому читателю, потом рассмотрим новаторскую изохронную, а закончим кратким обзором работ в области описательной метрической типологии и изучения метрических портретов отдельных поэтов («case studies»).

1. ПРОСОДИЧЕСКАЯ МЕТРИКА

Значительная часть работ последних лет, посвященных просодической метрике, выполнена в русле генеративной теории, распространившей свое влияние через фонологию на собственно метрику. Следствием этого, среди прочего, является то, что для понимания современной генеративной метрики необходимо уверенно владеть аппаратом современных теорий супrasegmentной фонологии. Естественно, за этой экспансией генеративизма можно видеть потребность в фундаментальной теории,

⁴ Здесь, однако, представляется полезным вспомнить об укоренившемся в русском стиховедении различии «метра» и «размера» (как конкретной реализации метра), так как цезура, по нашему мнению, участвует только в формировании последнего, члена стих как бы параллельно собственно метрическому членению. Различие метра и размера у Ж.-Л. Аруи напрямую не проводится.

⁵ Иногда аллитерации регулярно связывают и строки друг с другом. Этот случай совершенно справедливо предлагается рассматривать как явление более высокого уровня, чем уровень отдельных строк. В этом смысле оно подобно «строфе».

⁶ Аналогичный взгляд на строфу закрепился и в русском стиховедении; ср. дефиницию М.Л. Гаспарова: строфа – это «группа стихов, объединенных каким-либо формальным признаком, периодически повторяющимся из строфы в строфу» [Гаспаров 1987: 425]. К критике этого определения см. [Шапир 2000: 79–80].

обобщающей различные частные случаи, выявляя их «общий знаменатель». Несмотря на то, что большинство теоретических построений производится на английском материале, генеративная метрика, в принципе, типологически ориентирована, хотя эта ориентация и может быть довольно схематической (как и в «большом» генеративизме).

Конечно, изложить историю развития генеративной метрики за последние сорок лет в пределах небольшого обзора крайне трудно, поэтому мы лишь наметим основные направления исследования и более детально остановимся на нескольких новейших работах в этой области.

Итак, генеративная метрика как исследовательская стратегия впервые была предложена М. Халле и С. Кейсером в конце шестидесятых годов XX в. ([Halle, Keyser 1969; Keyser 1969] и особенно [Halle, Keyser 1971]). Это направление изначально сконцентрировалось на проблеме «формальной правильности» (*well-formedness*) стихотворной строки. Сам «метр» при этом определялся как абстрактная ритмическая схема, «интернализованная» представителями рассматриваемой поэтической традиции; представители этой традиции используют неявный (т. е. не описанный формально) набор правил, определяющий, какие фонологические последовательности их языка составляют формально-правильную реализацию метра. Такие последовательности называются «метрическими», в то время, как последовательности, нарушающие эти правила, – «нметрическими». Другими словами, главная цель генеративных метрических исследований – выявление набора правил, которые обуславливают метричность стихотворных строк в различных поэтических традициях мира.

Аналитический аппарат М. Халле и С. Кейсера был чрезвычайно прост [Halle, Keyser 1971: 139–180] и покоился на предположении, что метр представляет собой некоторый абстрактный образец для распределения последовательности слов. Следовательно, исследователю в первую очередь нужно определить правило соответствия между элементами, формирующими этот образец, и фонетическими (или фонологическими) свойствами слов рассматриваемого языка. Тем самым, изучение метра делится на два направления: (1) изучение абстрактного образца (т. е. самого метра) и (2) изучение правил соответствия, позволяющих рассматривать данную строку как репрезентацию заданного абстрактного образца.

В нотации данной работы метрический образец задается последовательностью символов 'X', а соответствие их слогам конкретной строки всегда различно. Так, например, для испанского бесцезурного стиха авторы вводят два правила соответствия: (1) каждый элемент X абстрактного метрического образца соответствует единичному гласному в стихотворной строке и (2) каждый элемент X соответствует одному или более примыкающих друг к другу гласных (правило элизии):

Yo sueño que estoy aquí
X X X X X X X
destas prisiones cargado,
X X X X X X (X)
y soñé que en otro estado
X X X X X X X (X)
más lisonjero me vi.
X X X X X X

Кальдерон

Далее авторы вводят понятие «метрической сложности»: так, строка признается более или менее сложной в зависимости от того, насколько элементарны правила, описывающие соответствие метрического образца и заполняющего его словесного материала, и того, как часто они употребляются в строках подобного типа. Эти правила упорядочиваются исследователем на интуитивных основаниях: так, третья строка приведенного отрывка из Кальдерона более «сложна» (в силу присутствия двух элизий), чем первая (одна элизия), которая, в свою очередь, «сложнее» четвертой (нет элизий).

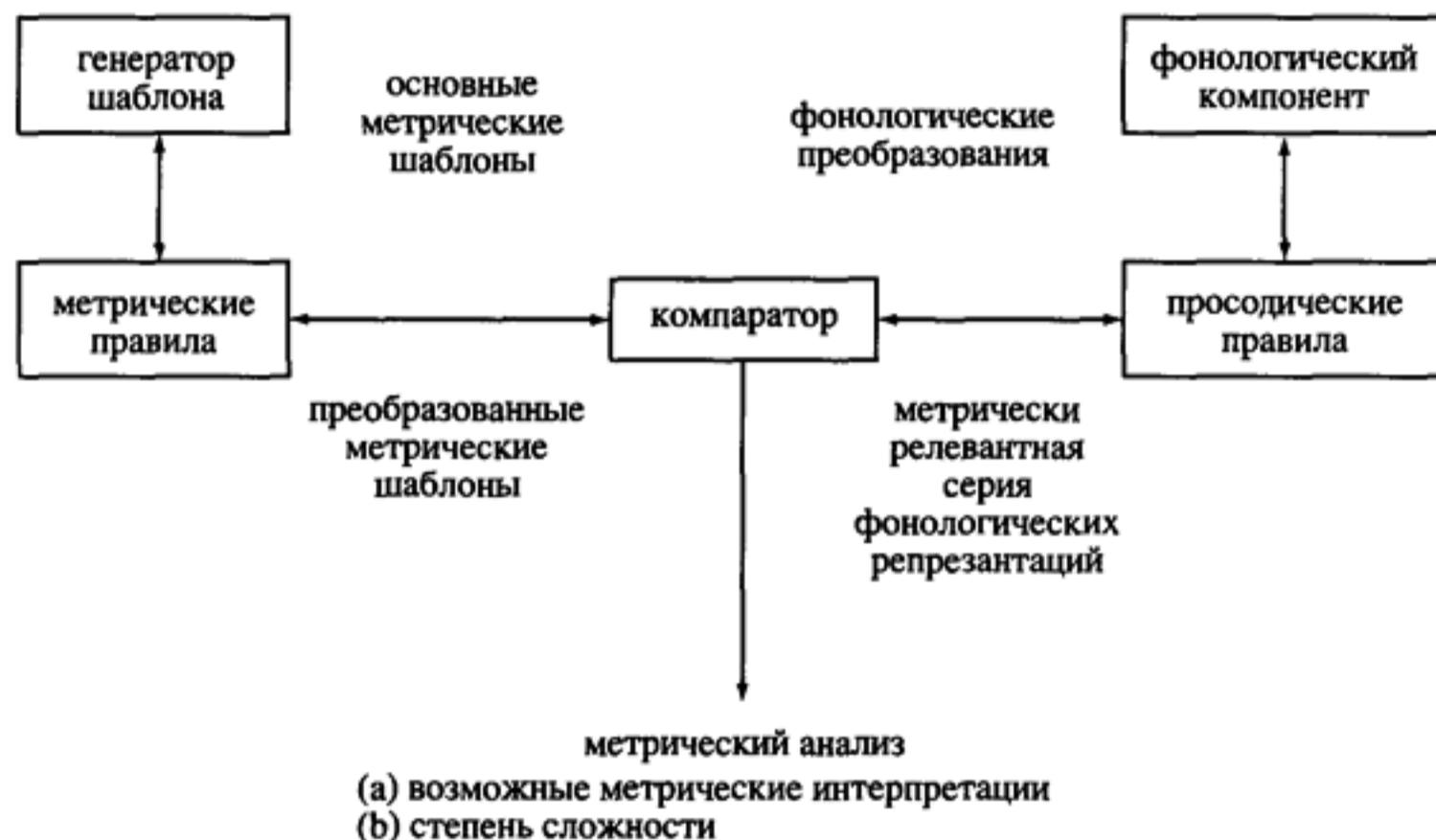
Для английского стиха правила соответствия формулируются сложнее: (1) каждый элемент X соответствует полноударной гласной или (2) для последовательности, состоящей из одной или двух полноударных гласных важно, чтобы ни одна другая гласная не была вставлена между ними:

Ride a *cock-horse* to Banbury Cross
 X   X   X   X
 To see a *fine lady* upon a white horse...
 X   X   X   X

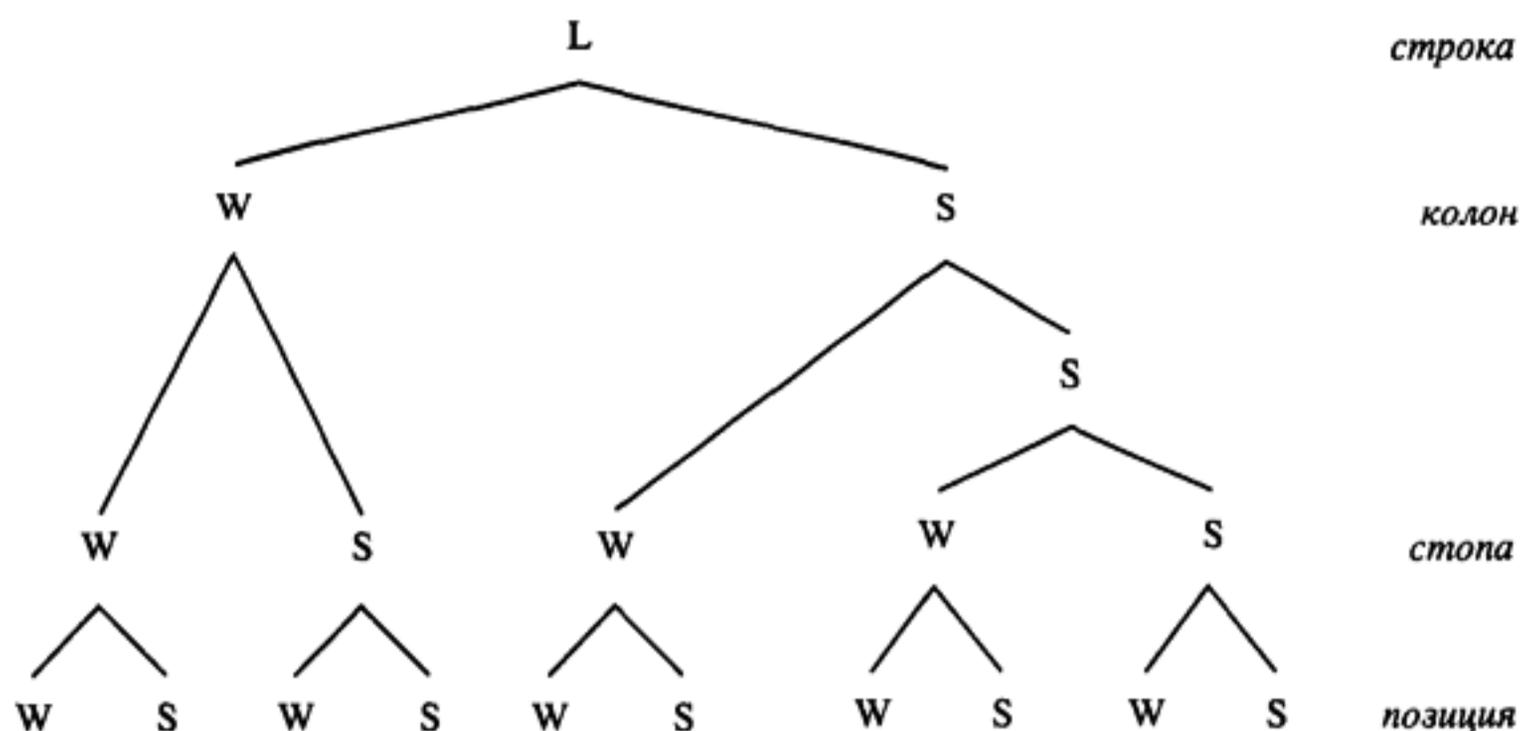
Видно, что синтагмы *cock-horse*, *fine lady* и *white horse* соответствуют метрическому образцу в силу правила (2). В рамках этой же работы авторы проводят анализ стиха «Беовульфа» [Halle, Keyser 1971: 147–164], уже давно ставший классическим; надо сказать, что этот анализ для русского читателя во многом заслонил собственно «теоретическую» часть работы. Там же приведен анализ английского пятистопного ямба, выполненный во многом на базе наиболее архаичного его варианта – стиха «Кентерберийских рассказов» Чосера.

Дальнейшее развитие генеративной метрики связано с изменениями в аналитическом аппарате фонологии, которые были инициированы работами [Liberman 1975; Liberman, Prince 1977]. В наши задачи не входит подробное описание инструментария супrasegmentной фонологии, поэтому остановимся на его приложениях к теории стиха, которые были предложены практически сразу после появления работы М. Либермана.

Пионером в этой области выступил П. Кипарский: в его работе [Kiparsky 1977], посвященной английскому силлабо-тоническому стиху, аппарат супrasegmentной фонологии уже используется в полном объеме. Незадолго до этого Кипарский [Kiparsky 1975] предложил следующую схему, обобщающую процесс генерации стихотворной строки:

Далее, используя аппарат супrasegmentной фонологии, П. Кипарский строит метрические деревья для разных английских поэтов и формулирует отличия правил их построения для разных эпох и разных «поэтических идиолектов». Так, общая схема английского пятистопного ямба в терминах метрических деревьев будет выглядеть следующим образом [Kiparsky 1977: 230]:

Здесь W соответствует слабой позиции, а S – сильной. Далее на эту схему накладываются так называемые «правила соответствия», обеспечивающие «метричность» стихотворной строки. Воспользуемся работой [Hayes 1988], где правила П. Кипарского для пятистопного ямба Шекспира сформулированы в более лаконичном виде. Итак, в нашем случае они будут следующими: (1) слоги взаимно-однозначно соответствуют терминальным узлам метрической схемы; (2) границы строки должны совпадать с границами фонологической группы; (3.1) ударный слог должен занимать только позицию S, если только он не (а) представляет собой односложное слово и (b) непосредственно следует за границей фонологической группы; (3.2) на правом краю фонологической группы последовательность «безударный-ударный» должна занимать позицию WS. Эти правила могут использоваться с большой свободой; рассмотрим несколько шекспировских строк:

- A. When to the sèssions of *swèet* silent thought
 B. Resèmbling stròng *yòuth* / in his middle àge
 C. To sèe thy Antony / *màking* his pèace

Знаком ' / ' здесь обозначены границы групп. В строке (A) ударение в *sweet* приходится на слабую позицию, но слово односложное, и по правилу (3.1.a) строка метрична. В строке (B) *youth* несет финальное ударение в группе и в то же время занимает слабую позицию, но и это не «портит» строку, так как согласно правилу (3.2) *youth* предшествует ударный слог. В примере (C) слово *making* нарушало бы правило (3.1), если бы не следовало непосредственно за границей группы. При этом в корпусе стихотворений Шекспира строки, нарушающие указанные правила, видимо, отсутствуют, хотя уже у Мильтона таких строк достаточно. Это ведет к необходимости устанавливать принципы формальной правильности (well-formedness) стиха отдельно для каждого поэта.

Дальнейшее сближение метрики такого типа с супрасегментной фонологией намечается в работах [Hayes 1988; 1989; Hanson, Kiparsky 1996]. Так же, как и в супрасегментной фонологии, в теориях метрики делалась попытка заменить аппарат деревьев аппаратом решеток (grid) [Hayes 1983], однако большинство работ (в том числе самого Б. Хейза) по-прежнему оперирует метрическими деревьями.

Другая яркая черта генеративной метрики последних десятилетий – обращение к теории оптимальности. Понятно, что это не меняет общей идеологии исследований, не отменяет аппарат деревьев и т.п., а лишь позволяет специальным образом ранжировать ограничения на реализацию абстрактных метрических образцов. Отчасти поэтому оптималистский формализм часто фигурирует в метрических работах на правах приложения и редко ставится во главу угла. Мы не будем специально описывать аппарат теории оптимальности, а перейдем непосредственно к ее приложениям⁷.

⁷ Подробный обзор современных работ по теории оптимальности см. в [Иосад 2008].

Видимо, первая попытка приложить теорию оптимальности к метрике была произведена на материале английского фольклорного (изохронного) стиха в работе [Hayes, MacEachern 1998]; обсуждение этой работы и ряд предложений см. также в [Kiparsky 2006], а попытку обсуждения применимости этой теории в метрике – в [Kiparsky 2005].

Итак, системы метрических ограничений подобны системам грамматических ограничений в следующих аспектах [Kiparsky 2005]: (1) системы ограничений получают некоторую входную информацию (input) и производят формально-правильные типы стихотворных строк на выходе (output); (2) ограничения частично ранжированы (т. е. полностью ранжированные системы совместимы с системами, ранжированными частично); (3) элемент структуры стихотворения *M* – «метричен», если он представляет собой оптимальный вывод по крайней мере в одной системе ограничений для по крайней мере одной входной информации; (4) частота некоторого типа стихотворной строки пропорциональна числу систем ограничений, в которых она является оптимальным выводом для некоторой входной информации. В этой же работе с точки зрения теории оптимальности разбирается стих английской народной песни, стих гимнографа XVIII в. Исаака Уоттса и финский ямб. В каждом случае анализ достаточно труден для восприятия, поэтому мы не будем приводить его здесь.

Говоря о крупных исследовательских проектах, нельзя обойти молчанием, пожалуй, самый новый из них – «теорию пар и троек» М. Халле и Н. Фабба [Halle, Fabb 2008], также близкую генеративной метрике. Эта теория ориентирована, прежде всего, на английскую версификационную традицию. Достаточно подробное изложение построений М. Халле и Н. Фабба см. в [Корчагин 2010]; там же сделан ряд попыток фальсификации этой, по нашему мнению, не вполне устойчивой теоретической конструкции.

Тем не менее, идеи М. Халле и Н. Фабба – еще один этап в борьбе «больших» дедуктивных теорий, предлагающих не только аппарат описания, но и способ объяснения рассматриваемых фактов (или, по крайней мере, объяснения запретов на некоторые типы явлений) [ср. Тестелец 2001: 469–491]. Надо сказать, что дедуктивные теории в метрике существовали задолго до XX века. Так, судя по всему, дедуктивна теория «аруда» – система правил классического арабского стихосложения, созданная в VIII столетии аль-Халилем ибн Ахмадом аль-Фарахиди⁸ и впервые зафиксированная его учеником аль-Ахфашем аль-Авсатом. В последние десятилетия неоднократно делались попытки описать систему Халиля в терминах новейших дедуктивных теорий – супrasegmentной фонологии [Prince 1989; Schuh 1996], теории оптимальности [Golston, Riad 1994], теории пар и троек М. Халле и Н. Фабба [Halle, Fabb 2008: 186–208]. Каждая из этих попыток по изощренности насилия над материалом даст фору любому остросюжетному детективу.

Показательную критику последних попыток интерпретации арабской метрики проводит Б. Паоли [Aroui, Arleo (eds.) 2009: 193–208]. Сам Б. Паоли условно стоит на позициях генеративизма, однако из этого направления заимствует только общую идеологию порождающих моделей. Напомним, что стих аруда обычно анализируется как стопный, но стопы в арабской традиции понимаются как единицы, состоящие из двух видов сегментов – «сабаба» и «ватида». Сабаб складывается из двух минимальных единиц арабской просодии – «харфов»⁹, а ватид – из трех. При этом стопа фактически делится не на слоги, а на группы слогов, завершающихся тяжелым слогом и, соответственно, имеющих разный «харфовый объем». Например, форма *kitāb* ‘книга’ составляет группу весом в 3 + 1 харф (фонема /b/ оказывается избыточной для образования тяжелого слога и

⁸ Довольно убедительные доказательства искусственного создания аруда приводятся в книге [Фролов 1991], которая, кроме прочего, содержит наиболее пространное (из существующих на русском языке) изложение правил классической арабской метрики.

⁹ Понятие харфа напрямую связано со структурой арабской письменности: одному харфу соответствует минимальный тип арабского слога CV, графически соответствующий букве и огласовке.

поэтому соответствующий ей харф относят уже к следующей группе), а форма *rağulun* ‘мужчина’ – в 4 харфа (три легких слога и один тяжелый составляют здесь единую группу) и т.п.; подробнее см., например, [Фролов 1991: 43–66]. Вообще, эти структуры не лучшим образом передаются в терминах легких и тяжелых слогов, но другой терминологии европейская метрика не знает. При этом по системе аль-Халиля механическим образом порождаются 67 размеров (*verse patterns*), расположенных по пяти «кругам», каждый из которых состоит из специальных последовательностей минимальных метрических единиц. Б. Паоли справедливо замечает, что традиционная арабская метрика по существу генеративна, так как различает три уровня представления: «абстрактный метр», из которого путем применения ряда процедур получается «образец размера», откуда при помощи другой группы процедур получается конкретная стихотворная строка. Другое дело, что современные теоретики не вполне осознали внутреннее устройство этой системы.

Б. Паоли рассматривает три классических арабских метра – «басит», «раджаз» и «сари», чтобы на их примере показать несостоятельность западных концепций арабской метрики. Оказывается, что существующие интерпретации этих размеров либо не учитывают различия между абстрактным метром и его конкретными реализациями [Prince 1989; Schuh 1996], либо смешивают различные метры, игнорируя разницу в применяемых к ним деривационных процедурах, либо произвольно считают один тип метров «оптимальнее» другого, никак не учитывая их распределение в классической поэзии [Golston, Riad 1994]. Тем самым, описание структуры арабской метрики на языке метрики генеративной остается делом будущего.

Рассмотрим еще несколько работ самого последнего времени из числа тех, чьи авторы активно пользуются генеративным инструментарием. Тему исследования аллитерационного стиха вслед за М. Халле и С. Кейсером продолжает Д. Минкова, в недавней работе которой [Aroui, Arico (eds.) 2009: 193–208] делается попытка построить модель среднеанглийского аллитерационного стиха при помощи аппарата теории оптимальности. В истории английской литературы отражен тот факт, что на западе и северо-западе Англии в промежутке между XIV и XV столетиями возобновляется интерес к аллитерационному стиху, правда, несколько отличающемуся от стиха классических англо-саксонских образцов. К наиболее ярким образцам среднеанглийского аллитерационного стиха относятся такие тексты, как «Войны Александра», «Сэр Гавейн и зеленый рыцарь», «Видения о Петре-Пахарс» и наиболее знаменитый из них – «Смерть короля Артура». Стих этих произведений отличается от классического англо-саксонского стиха и обладает рядом инноваций в области аллитераций (наравне с консонантными аллитерациями использовались вокалические ассонансы, /s/ аллитерировало с /ʃ/, /f/ и /w/ с /v/ и т. п.).

Среднеанглийский аллитерационный стих, таким образом, распадается на два несимметричных полустишия, первое из которых («стих а») содержит три икта (предшествующие им согласные, соответственно, могут аллитерировать друг с другом, но это, видимо, не обязательно) и более свободно по ритмической структуре, чем второе («стих b»), содержащее лишь два икта; причем согласные стиха *b*, предшествующие первому икту, должны аллитерировать с аналогичными согласными в стихе *a*. Еще одно различие между стихами *a* и *b* касается распределения в них слабых позиций (*w*), и здесь стих *b* демонстрирует большую регулярность. Сам же размер выглядит следующим образом:

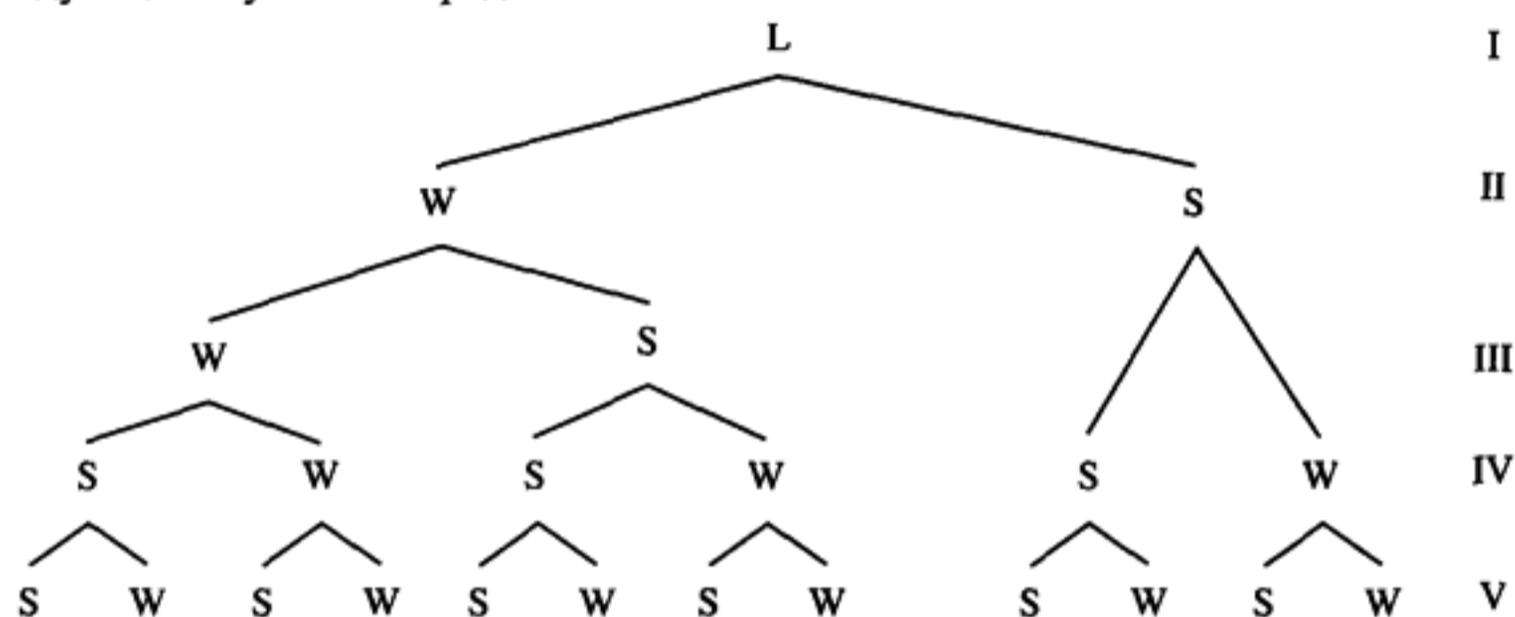
He dowellez þer al þat day, and dressez on þe morn,
 Askez erly hys armez, and alle were þay brozt.
 Fyrst a tulé tapit tyzt ouer þe flet,
 And miche watz þe gyld gerc þat glent þeralofte;
 Þe stif mon steppez þeron, and þe stel hondelez

«Сэр Гавейн и зеленый рыцарь», 566–570.

Автор останавливается на рассмотрении стиха *b* как более регулярного (заметим, что более регулярен он и в «Беовульфе»). Согласно выкладкам Минковой, в стихе *b* наиболее частотны следующие формы: *wSWS* (*with boste and with pryde*), *SWS* (*flakerande with wynges*), *WSwS* (*alle in wrethyn lokkes*) и *WSS* (*that one the bent hoves*)¹⁰. При этом попутно делается ряд уточнений относительно статуса гласных в стихе такого типа: дело в том, что как раз в исследуемый период наиболее активно шел процесс отпадения безударного /ə/ в различных контекстах, что естественно влияло на ритмическую структуру строки. Прежние исследователи [Cable 1991; Golston 1998] во многом абсолютизировали графику письменных фиксаций этого стиха, в то время как Минкова при анализе своего корпуса исходит из чисто лингвистических соображений (близкий подход представлен, например, в [Duggan 1986]); однако, кажется, ни один из этих методов не дает полностью достоверных результатов.

Недавняя статья М. Доминиси и М. Насты «К универсальному определению цезуры» [Agoñi, Arlco (eds.) 2009: 247–266] значительно уточняет типологию цезуры, предложенную в [Prince 1989]. Основной проблемой, возникающей при обращении к понятию цезуры, можно назвать расхождение между античной трактовкой этого понятия (противопоставление «цезуры» и «диерезы») и трактовкой новоевропейской. Так как античный случай заведомо более сложный, авторы вслед за А. Принсом обращаются именно к нему.

Аппарат метрической фонологии позволяет удобным образом провести различие между «глубинной» формой реализации стопы (представляющей собой иерархическую структуру) некоторого классического метра и ее «поверхностным» представлением. Общепринятый минус такого подхода состоит в относительной произвольности выделения иерархических «уровней» глубинного представления (особенно если помнить, что данный подход нацелен не просто на моделирование некоторого метрического феномена, а на его «объяснение»). При этом, например, дактилический гекзаметр получает следующее глубинное представление:

- (a) #_i – «синтетическая» цезура только в том случае, когда она ассоциирована с U_j;
- (b) #_i – «прогрессивная аналитическая» цезура только в том случае, когда она связана с первой «под-единицей» (уровня n + 1) единицы U_{j+1} (уровня n), что следует за U_j;
- (c) #_i – «регрессивная аналитическая» цезура только в том случае, когда она связана с первой «под-единицей» (уровня n + 1) единицы U_j.

В дополнении к этому, если словораздел (word boundary; WB) #_i является цезурой, чье положение ограничено супраслоговой единицей U_j, то:

- (i) #_i следует за ядром N первого метрического слога, что (частично или полностью) заполняет собой U_j;
- (ii) на уровне n #_i должна быть синтетической, прогрессивной аналитической или регрессивной аналитической.

Важно, что такое разветвленное определение цезуры позволяет авторам рассматривать античное и новое европейское стихосложение с единых позиций. Так, гомеровский стих с «трохеической» цезурой

λυσόμενός τε θύγατρα φέρων τ' ἄλγεις ἄποινα «Илиада» I, 13
 – U U – U U – U # U – U U – U U – –

в рамках рассматриваемой схемы будет проанализирован следующим образом:

Уровень	Единица	Тип	Положение
Метр	M2 (2-й дистих)	регрессивная аналитическая	
Стопа	F3 (1-я под-единица M2)	регрессивная аналитическая	
Позиция	P5 (первая под-единица F3)	прогрессивная аналитическая	
Слог	ба (первая под-единица P6)		ассоциирована с ба

Заметим, что цезура новоевропейского типа, приписанная к последнему слогу метрической единицы, с точки зрения данного формализма всегда будет «синтетической».

Попытку несколько иначе взглянуть на системы ограничений для метрических деревьев предпринимает и К. Хэнсон [Aroui, Arleo (eds.) 2009: 267–286], рассматривающая под ярлыком «метрического выравнивания» (metrical alignment) группу таких, на первый взгляд, разнородных явлений, как цезура и ритмическая инверсия (она же «перебой» в терминологии русского стиховедения). Так, К. Хэнсон рассматривает три размера – английский пятистопный ямба (сонеты Шекспира), итальянский одиннадцатисложник¹¹ (Петрарка) и французский десятисложник (дю Белле). Все эти размеры (особенно, конечно, итальянский вариант) прочно связаны с традицией петраркистской поэзии. При этом в терминах метрических деревьев все они получают идентичное глубинное представление, совпадающее с предлагаемым П. Кипарским для английского пятистопного ямба (см. выше)¹². Для всех этих размеров предполагается то же, что было предложено для английского пятистопного ямба П. Кипарским: перебои, возникающие в начале стиха или полустушия, маркируют начало колоны так же, как постоянное ударение в некоторых языках маркирует начало / конец слова. Мимоходом, правда, отмечается, что далеко не во всех английских ямбах инверсия встречается лишь в указанных позициях (например, в драматическом ямбе шекспировского типа все гораздо сложнее; ср. [Hanson 2006]). Надо ли говорить, что подобные факты в значительной степени фальсифицируют вышеприведенный анализ?

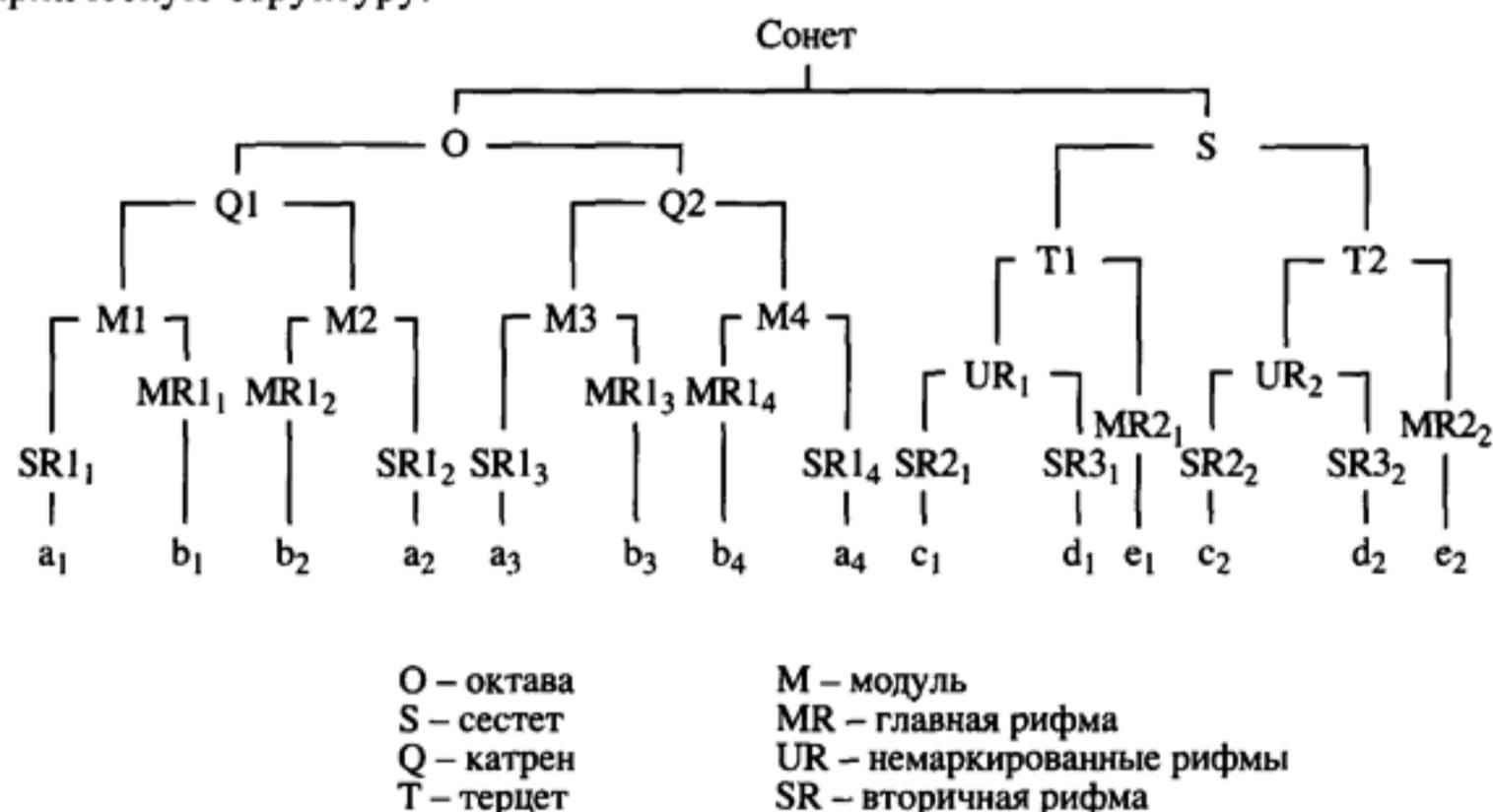
¹¹ Заметим, что метрическим фигурам романской поэзии посвящена недавняя книга [Floquet 2007].

¹² Интересно, что эти положения резонируют с исследованиями М.Л. Гаспарова, который, опираясь на статистические подсчеты, описывал итальянский (и отчасти испанский) стих как переходный между чистой силлабикой и силлабо-тоникой; см. [Гаспаров 1995].

Напротив, критике аппарата деревьев во многом посвящена статья К. Пиеры [Aroui, Arleo (eds.) 2009: 287–303], рассматривающего на испанском материале явление конца строки. Автор весьма ограниченно разделяет постулаты метрической фонологии – вплоть до того, что в представленной им интерпретации она перестает отличаться от классической стопной теории. При этом отмечается, что в романской метрике ударение играет определяющую роль только в конце строки, а, следовательно, применение стопной теории к романскому материалу бессмысленно (ср. с позицией К. Хэнсон), и уровень стоп должен быть исключен из глубинного представления испанских размеров. При этом и уровень колонов оказывается релевантным только для «сложных» (т. е. цезурированных) размеров, а в работе рассматриваются исключительно «простые».

В испанской версификации традиционно принято следующее правило: счет слогов в строке производится до последней (справа) ударной позиции (т. е. до ударной константы). Русскому стиховедению похожее утверждение (в более детальной формулировке) известно как «правило Якобсона»¹³. Для испанского материала это правило может быть фальсифицировано лишь отчасти, в то время как русский материал¹⁴, не говоря уже об английском, демонстрируют гораздо больше отклонений от этого простого правила. Вот что позволяет себе испанская метрика: в позиции ударной константы может находиться односложная клитика: *Yo para mí la querré / Oye un cuento mientras te* (F. De Rojas); в случае же многосложной клитики может наблюдаться перенос ударения в согласии с требованием ударной константы: *Voy a grabarlo para / saber qué propina da* (ср. [Тарановский 2010: 36–37]). Эти эффекты также рассматриваются с точки зрения фразовых интонаций и их влияния на историю испанского стиха, однако выводы в этой части работы в значительной мере предварительны.

Аппарат метрических деревьев используется и при изучении строфической организации стиха. Так, Ж.-Л. Аруи [Aroui, Arleo (eds.) 2009: 385–401] предлагает новую интерпретацию структуры европейского сонета. В качестве «прототипического» сонета рассматривается итальянский вариант (*abba abba cde cde* или ... *ccd eed*), где «октава» и «сестет» наиболее четко отделены друг от друга. Это позволяет построить следующую иерархическую структуру:

¹³ «Для всех русских размеров обязательным является совпадение словораздела с концом строки; кроме того, в классических образцах русской силлабо-тоники <...> мы фиксируем также следующие константы: (1) число слогов в строке от начала стиха до последнего икта является постоянным; (2) этот последний икт всегда несет на себе словесное ударение; (3) ударение не может падать на «слабое место» стиха, если «сильное место» заполнено безударным слогом того же слова» [Jakobson 1960: 361]. Отметим, что источник этот потенциально мог быть доступен автору статьи, но в библиографии он не указан.

¹⁴ См. некоторые примеры в [Тарановский 2010: 22–27].

Данная схема хорошо демонстрирует автономность октавы и сестета, наблюдающуюся не только на уровне рифмовки, но и на синтаксическом уровне. При этом схема французского варианта (...*ccd eed*) оказывается проще – из нее исчезают узлы UR_k , так как связь между терцетами осуществляется лишь при помощи узлов-сестер $MR2_j$. Подобный эффект наблюдается и в итальянском сонете с сестетом *cdc dcd*, но в нем наблюдается также пересечение ветвей $SR2$ и $MR2$, которое, в свою очередь, является графическим отражением правила альтернанса. Комбинации двух последних стратегий обнаруживаются во французском «альтернирующем» варианте ...*ccd ede*. Эти закономерности обобщаются в следующей гипотезе: ветви на иерархической схеме сонета могут пересекаться только с (а) ветвями узлов-сестер, (б) ветвями смежных терминальных узлов.

Английский сонет спенсеровского (*abab bcbc cdc d ee*) или шекспировского (*abab cdc d efef gg*) типа естественно получает гораздо более простой анализ, и, по словам Ж.-Л. Аруи, гораздо больше напоминает романскую балладу и смежные «рефренные» формы, чем непосредственно сонет. Конечно, строфика сонета – одна из наиболее популярных областей стиховедения и работа Ж.-Л. Аруи не вносит особого вклада в исчисление сонетных форм. Но с другой стороны, взгляд на сонет как на хорошо формализуемую иерархическую структуру, своего рода архетип иных твердых форм, может помочь подойти ближе к общим принципам строфообразования.

Еще одно теоретическое направление, о котором стоит упомянуть и которое, увы, присутствует в зарубежном стиховедении скорее призрачно, – это, конечно, «русский метод». В работах зарубежных стиховедов довольно часто можно увидеть отсылки к работам М.Л. Гаспарова (прежде всего, к английскому переводу «Истории европейского стиха»), М. Тарлинской и Дж. Бейли, однако расчеты этих исследователей всегда играют побочную иллюстративную роль и в лучшем случае используются для верификации теоретических обобщений. Отчасти это объясняется тем, что русская школа стиховедения, как справедливо отмечал М.И. Шапир [Шапир 2000], ориентирована в первую очередь на историю стиха, в то время как вопрос об общих основаниях метрики в ней почти не ставился¹⁵. Заметим, что работы самого М.И. Шапира, видимо, вообще неизвестны за пределами России.

Так, в недавнем сборнике [Aroui, Arleo (eds.) 2009] только одна работа выполнена в русле «русского метода», да и там он применяется очень осторожно. В этой работе Н. Фридберг [Ibid.: 229–246] рассматривает перевод И. Бродским хрестоматийного стихотворения У. Х. Одена «Stop all the clocks» (1994). Перевод Бродского сделан шестистопным ямбом, размером, достаточно редким и для самого поэта, и для русскоязычной поэзии тех лет вообще. По мнению автора, отсутствие эквиритмичности связано с тем, что дольник, которым написано оригинальное стихотворение Одена, в эмигрантский период (т. е. с 1972 г.) стал для Бродского нейтральным метром – именно дольником написано большинство его стихотворений тех лет. К тому же в тексте Одена начало (как бы задающее ритмическую инерцию) и наиболее патетические строки ритмически совпадают с ямбом (правда, не только шести-, но и пятистопным): *Stop all the clock, cut off the telephone; He was my North, my South, my East and West* и т. д. С другой стороны, шестистопный ямб русского перевода был избран как размер элегический, подразумевающий тему трагических событий или утрат. В то же время этим размером написано и знаменитое стихотворение на столетие Ахматовой, а перевод из Одена – также в некотором смысле *homage* покойному учителю.

Кроме того, отметим недавнюю работу [Tarlinskaja 2006], посвященную определению метричности английского пятистопного ямба с точки зрения русского метода, а также очередной этап в изучении строфики «Евгения Онегина» [Schertt 2006]. С другой стороны, интересны попытки (пока не столь многочисленные) генеративной интерпретации русского силлабо-тонического стиха [Lotman 2006].

¹⁵ Здесь, правда, нельзя обойти вниманием революционные для своего времени и во многом до сих пор сохраняющие актуальность работы Р.О. Якобсона; см., в частности, [Jakobson 1979].

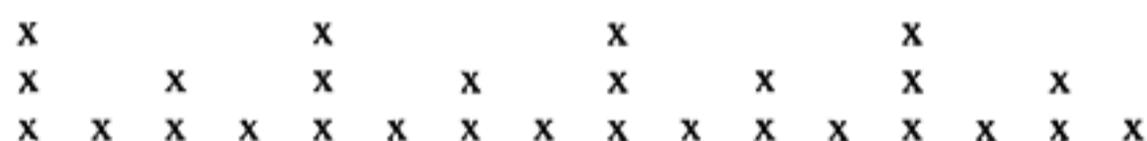
2. ИЗОХРОННАЯ МЕТРИКА

Одним из наиболее ярких направлений в исследованиях по изохронной метрике является изучение наложения слов на музыку (textsetting), естественным образом находящееся на границе музыковедения и метрики. Впервые формальная модель этого процесса была изложена в работе [Halle, Lerdahl 1993], которая, в свою очередь, опиралась на нотацию генеративной теории тональной музыки [Lerdahl, Jackendoff 1983: 68–104]. Эта нотация ставит в соответствие музыкальным длительностям символическую решетку (grid) специального вида. Так, последовательность длительностей, условно соответствующая литературному 4-ст. хорю типа *Tell me not in mournful numbers*, будет выглядеть так:

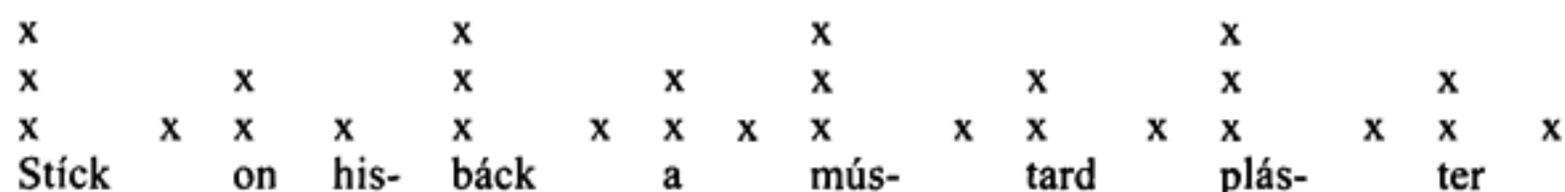
Аналогично будет строиться решетка и для ямбического ритма (анакруса не идет в счет долей). При этом важно, что слушатель обычно улавливает лишь один из уровней ($L = \text{level}$) этой решетки в качестве «ведущего»; этот уровень называется «тактом» и обозначается выше как $L(0)$. При наложении текста на эту абстрактную схему сильным долям (примерно соответствующим ударениям или иктам литературного стиха) будет соответствовать либо уровень такта $L(0)$, либо более высокий уровень $L(1)$.

Рассматривая исполнение народной хоровой песни «Drunken Sailor», в которой при наложении слов на музыку практически не используется специальных музыкальных преобразований ритма, авторы строят «парадигматическую метрическую решетку», которая выглядит уже знакомым нам образом:

Столбец, состоящий из одного символа x , считается «слабым» (W), из двух – «средним» (M), а из трех – «сильным» (S).

Кроме того, при наложении слов на музыку должны соблюдаться следующие правила: (1) каждый слог ассоциирован с некоторой позицией решетки; (2) каждый слог занимает только одну позицию в решетке; (3) каждая строка текста¹⁶ должна быть распределена по всему объему решетки. Эти правила позволяют довольно компактно сформулировать «алгоритм слогового распределения», который итеративно применяется к каждому слогу поющей строки в следующем порядке: (а) ударные слоги слева направо ставятся в соответствие S -позициям; (б) безударные слоги справа налево ставятся в соответствие наиболее высокому из доступных уровней парадигматической решетки. Правила (а–б) действуют до исчерпания слогового объема строки, после чего запускается правило (с), которое слева направо ставит в соответствие наиболее высоким уровням схемы все оставшиеся слоги:

¹⁶ Вопрос о делении поющего текста на строки сам по себе не является тривиальным, однако в данной работе он не рассматривается. Подробнее см. [Hayes, MacEachern 1996].

Однако оказывается, что сравнение работы этого алгоритма с реальным заполнением решетки часто дает неудовлетворительные результаты. Так, из 640 строк, собранных в работе [Hayes, Kaun 1996], только 23,1 % удовлетворяют теоретическому распределению.

Более гибкая схема этого алгоритма, основанная на теории оптимальности (ср. раздел 2 настоящего обзора), была предложена Б. Хейзом [Aroui, Arleo (eds.) 2009: 43–62]. В рамках его подхода наложение слов на музыку происходит в результате борьбы конкурирующих метрических принципов, которые могут быть расположены в порядке возрастания их приоритетности: (а) ударение согласовывается с ритмически сильной позицией; (b) между поющими слогами отсутствуют длинные перерывы (lapse); (c) также отсутствует чрезмерное сжатие слога и (d) границы фонологической группы выравниваются по границам строки. Применение этих принципов с помощью аппарата теории оптимальности к строкам поющего текста позволяет увеличить долю совпадений до 70,6 %. Устройству четверостиший в народном английском стихе, рассмотренных с позиции теории оптимальности, посвящена также большая работа [Hayes, MacEachern 1998].

Описанный формализм применяется во многих работах, посвященных наложению слов на музыку. Так, совместная работа Ф. Деля и Дж. Халле [Aroui, Arleo (eds.) 2009: 63–78] посвящена сравнению техники наложения слов на музыку в английских и французских песнях. Авторы показывают, что в английском языке (как, очевидно, и в других языках с динамическим ударением) сильные доли решетки соответствуют ударным слогам. Ситуация во французском в этом смысле более экзотична, и то, что является правилом для английского, здесь оказывается лишь метрической тенденцией. Французское пение достаточно свободно трактует силлабический объем строки: почти во всех позициях «e muet» может вокализоваться в /э/, что позволяет более активно, чем в английском, управлять распределением слогов вдоль решетки. Особенно частотным оказывается появление /э/ в конечной позиции строки, вследствие чего возникает нехарактерное для обычной французской речи женское окончание (вроде *Jeannette* [-tø] ~ [-tə]). При этом позиция последнего ударного слога строки (с учетом эффектов, описанных выше) всегда соответствует S-позиции решетки. Эффекты свободного изменения слогового объема связаны с важным правилом французского пения: слоговой объем строк в параллельных строфах (куплетах) всегда сохраняется постоянным (во всяком случае, в народной и массовой песне).

Исследования в сходном направлении, разумеется, ведутся и вне генеративной теории. Так, к важным результатам в области изучения наложения слов на музыку подходят и немецкие исследователи, стоящие на иных методологических позициях. Так в работах последнего времени было сформулировано два важнейших дедуктивных обобщения:

- (1) «Максима естественной (natural) версификации» [Vennemann 1995: 196] утверждает, что естественная поэтическая метрика не вводится искусственно, извне языкового сообщества, но развивается в течение длительного периода путем развития языковых особенностей, являющихся частью обыденного языка.
- (2) «Максима естественного наложения слов на музыку» [Vetterle 2003] позволяет сделать следующий шаг: «естественная» песня также является стилизацией повседневного языка; тон, количество и интенсивность поющих слогов регулируются в соответствии с фонологической системой конкретного языка.

На этих двух китах покоится в значительной мере работа П. Ханны и Р. Веттерле [Aroui, Arleo (eds.) 2009: 79–100], посвященная исследованию народной баварской формы «цвифахе» (Zwiefache – нем. ‘двойная’). Эта форма распространена в Швабии, Франконии, Эльзасе и Баварии, а также в Чехии (под названием «Barovák»). В качестве примера «цвифахе» можно привести следующее двустишие:

Im Wald draußt is a Eisenkeilnest, San drei-zehn, vier-zehm Junge drin g'west,
Des Teufelnest, Des Teufelnest, Des Dunnerteufels Eisenkeilnest!

В соответствии с процитированными выше максимумами в качестве причины появления и развития «цвифахе» указывается дактило-хореический ритм нововерхненемецкого языка, развившийся после падения количественных противопоставлений в средневерхненемецком. При этом существует ряд чисто музыкальных явлений, отдаляющих ритм «цвифахе» от языкового ритма, т. е. от однозначного соответствия слога и сильной доли музыкального ритма. К таким явлениям относится «замедление», при котором слог не связывается с метрической позицией; «ускорение», при котором метрической позиции соответствует более одного слога, а также «украшение» (мордент), приводящее к тому, что одному слогу соответствуют две высоты музыкального ритма¹⁷. Все эти эффекты ведут к тому, что между языковым и музыкальным ритмом «цвифахе» наблюдается 68,7% соответствий (или 79,5% с учетом «украшения», которое не противоречит максимумам 1–2); другими словами, отклонения от языкового ритма относительно невелики.

При этом соотношение музыкальных высот и слогов для исследуемой формы и арий моцартовой «Волшебной флейты» и шубертового «Зимнего путешествия» соответственно 1,05 : 1,40 : 1,24, т. е. ритмика «цвифахе» гораздо ближе к повседневному языку. С другой стороны, ритм «рэпа»¹⁸ крайне напоминает ритм исследуемой фольклорной формы, несмотря на совершенно разные исторические предпосылки.

Среди всего множества работ, посвященных изохронной метрике, особенно выделяются исследования по метрике стиха детского фольклора (*nursery rhyme*). Отчасти это связано с тем, что стих такого типа некоторым образом наиболее «естествен» и, следовательно, изучая его, можно установить наиболее фундаментальные закономерности поэтической речи.

Исследование стиха детского фольклора во многом началось с классической работы [Brăiloiu 1984: 206–238], впервые изданной в 1953 году и посвященной, вообще говоря, проблемам музыкального фольклора как такового. При этом источники детского фольклора оказываются очень разнообразны – он может содержать фрагменты рабочих песен, магических формул и т. п., а следовательно, нуждается в четкой внутренней классификации. Все множество подобных стихов, тем не менее, организовано «изохронически», т. е. предполагает взаимодействие текста и последовательности длительностей (в музыкальном смысле), в которой выделяются сильные и слабые доли, и этот способ организации един для всех текстов такого типа, независимо от того, в какой точке земного шара зафиксирован конкретный образец.

Стих детского фольклора основан на следующих принципах [Brăiloiu 1984: 209]: (1) длительности, соответствующие слогам и (связанные попарно) составляют серии переменной длины (т. е. ритм бинарен); (2) все эти серии так же, как и каждая пара составляющих их слогов, начинается с сильной доли такта (*downbeat*), соответствующей ударению в языках типа русского или немецкого; (3) общая длительность этих серий может быть измерена посредством единиц, в общем случае равных обычному краткому слогу и представляемых как длительность 1/8 ноты (♩); (4) в эту структуру могут быть подмешаны неравные (гетерохронические) серии и серии различного внутреннего устройства (гетероморфные), которые независимо от своей изо- или гетерохроничности, также могут быть организованы в подобные «ритмические строфы»; (5) любой из серий может предшествовать анакруста. Другими словами, стих такого типа состоит из последовательности восьми длительностей, которым в нормальном случае (т. е. при однозначном соответствии длительности слогу) соответствует восемь слогов. Также отмечается, что единообразие внутренней структуры часто создается при помощи повторения

¹⁷ Русские аналоги англоязычной музыковедческой терминологии взяты из словаря [Должанский 1959].

¹⁸ В немецком рэпе текст дактило-хореического ритма накладывается на музыкальный размер 4/4, т. е. отступления от естественного языкового ритма возникают лишь при появлении трехсложных безударных интервалов. В дополнение к этому, рэповый текст также чаще всего имеет парную рифмовку.

отличающихся огласовкой словоформ (*picoti ~ picota, digidin ~ digidan*) или конструкций с параллелизмом (франц. *j'ai perdu ~ j'ai trouvé*), а сам стих распадается на группы слогов, кратные степеням двойки (4 + 4, 6 + 2, 2 + 2 + 2 + 2 и т. д.). Конечно, не во всех стихах детского фольклора восемь слогов, но отступления от изосиллабизма, как правило, могут быть рассмотрены в рамках этой же матрицы.

Параллельно в другой классической работе, посвященной данной теме, – [Burling 1966] – стих детского фольклора исследуется с точки зрения собственно метрики (работа К. Брэйлоу автору была неизвестна). Исследователя интересуют четырехстрочные стихи, имеющие четыре сильных места (икта; beat) в каждой строке (изосиллабизм здесь также не ставится во главу угла); такой тип стиха демонстрирует очень высокую степень стабильности и встречается практически у всех народов (хотя внутри конкретных образцов и встречаются отклонения то в количестве иктов, то в количестве строк). Однако общая стабильность материала позволяет считать этот стих характерным для человечества вообще, а, следовательно, наиболее фундаментальным. Так, например, выглядит английский образец:

Hùmpy Dùmpty sàt on a wàll,
 Hùmpy Dùmpty hàd a great fàll.
 Àll the king's hòrses and àll the king's mèn,
 Còuldn't put Hùmpy toghèther agàin.

В случае, когда в строке обнаруживается менее, чем четыре икта, считается, что сильную долю заполняет долгота, не соответствующая реальному слогу (^):

Òld King Còle was a mèrry old sòul,
 And a mèrry old sòul was hè...^

Предполагается, что многие древние образцы стиха европейских народов могут быть возведены к этому же элементарному прототипу – например, четырехиктный древнегерманский аллитерационный стих. Кроме английского стиха в работе разбирается китайский, полинезийский, арабский и др. материал. Для китайского стиха при этом отмечается, что распределение иктов в стихе такого типа никак не коррелирует с тоном, а подчиняется тем же правилам, что и в языках «европейского типа».

Некоторой специальной более узкой подзадачей в исследовании метрики детского фольклора можно считать обращение к ритму «считалок», для которых все вышеперечисленные схемы соблюдаются с большой регулярностью. Так, на материале стиха считалок в работе [Arleo 2006: 44] была сформулирована «гипотеза метрической симметрии», обобщающая наблюдения, приведенные выше. Согласно этой гипотезе стих детского фольклора имеет тенденцию к симметрии, заключающуюся в следующих четырех ограничениях: (1a) число сильных долей в данной метрической единице (полустихии, стихе, строфе) имеет тенденцию быть четным; (1b) число сильных долей в данной метрической единице имеет тенденцию быть равным степени двойки (2^n , где $n > 0$); (2a) число строк в строфе имеет тенденцию быть четным; (2b) число строк в строфе имеет тенденцию быть равным степени двойки.

Для этого типа стиха также проводятся сопоставительные исследования, к которым относится, например, работа А. Дуфтера и П. Ханна [Aroui, Arleo (eds.) 2009: 101–122], посвященная сравнению ритма французской и немецкой считалки. Для исследователя считалка оказывается удобна тем, что, во-первых, она четко выделяется из всех прочих форм фольклорного стиха, а во-вторых, в ней гораздо реже, чем в других фольклорных формах, встречаются чисто музыкальные ритмические преобразования, т. е. она в некотором смысле ближе к ритму повседневной речи и к ее ритмике применима «максима естественной версификации» (см. выше). В качестве примера приведем следующую баварскую считалку:

Ene, bene, supredene,	SwSwSwSw
divi, davi, domine,	SwSwSwSØ
Lecknbrocka, Kasanocka,	SwSwSwSw
zinge, zange, außeto!	SwSwSwSØ

Отметим, что на последнем слоге четных строк возникает побочное ударение, позволяющее интерпретировать строку как четырехиктную.

В исследованном авторами материале большинство строк оказываются четырехиктными (вполне в согласии с аналогичным утверждением Р. Барлинга и А. Арлео), при этом среди оставшихся строк подавляющее большинство содержат менее четырех иктов и лишь отдельные – более. Кроме того, во французской считалке наиболее частотен двусложный (хореический или ямбический) ритм, в то время как в немецкой он может перебиваться трехсложными группами (в исследованном корпусе этот эффект наблюдается в 31,5% считалок). При этом трехсложные группы чаще всего встречаются в позиции, содержащей первый (60%) и второй (70%) икт строки. В то же время распределение трехсложных групп может меняться от диалекта к диалекту вслед за изменением позиции ударения (ср. нем. лит. *Tomàte* и нем. швейц. *Tòmate*).

В качестве яркой особенности поэтики считалок (имеющей, правда, косвенное отношение к их метрике) отмечаются «квазислова» (*nonce words*), которые часто на поверку оказываются архаизмами или иностранными словоформами, исконный смысл которых утрачен. Любопытно, что наибольшая концентрация квазислов (по крайней мере, согласно французскому материалу) наблюдается в первой и (в несколько меньшей степени) последней строке. Это связывается с тем, что подобные слова маркируют тексты такого типа, как магические формулы или заклинания, и переключение на их восприятие должно происходить оперативно.

Смежной и довольно хорошо разработанной темой оказывается изучение звуковых последовательностей типа *пиф паф пуф* в стихе считалок. Обычно эти последовательности (на наш взгляд, не вполне удачно) фигурируют в литературе под названием «повтор аблаута» (*ablaut reduplication*), но, в принципе, в рамках более привычной русскому читателю номенклатуры это явление может обозначаться как внутренняя диссонансная рифма. Естественно, что последовательности такого типа относятся, скорее, к параметрическим явлениям: так, в работе [Minkova 2002] на материале английского языка эти последовательности рассматриваются как с точки зрения их внутренней структуры, так и истории, но вне связи с метрикой как таковой.

В ином ключе к этой проблеме подходит классик французского стиховедения Б. де Корнюлье¹⁹ [Cornulier 2005a], который рассматривает похожие последовательности не только в стихе считалок, но и вообще во французской песенной поэзии. Так, в указанной работе описываются, с одной стороны, формулы детского фольклора вроде *Bouqi, Bouquet, veux-tu du lait ? / Bouqi, Bouqard, veux-tu du lard?*, а с другой – песня Рено Ссшана «Docteur Renaud, Mister Renard, commence comme ci» (2002):

Comme y'a eu *Gainsbourg* et *Gainsbarre*
Y'a le *Renaud* et le *Renard*
Le *Renaud* ne boit que de l'eau
Le *Renard* carbure au *Ricard*...

Правда, оба этих примера разбираются скорее литературоведчески: диссонансы, возникающие, как справедливо подмечено, за счет грамматического параллелизма, по мнению автора, призваны нести исключительно «контрастивную» функцию, как бы «расподобляя» грамматически идентичные фрагменты текста. Песенный стих – вообще одна из любимых областей исследования Б. де Корнюлье: так, известно его исследование ритмики «Марсельезы» [Cornulier 1989], анализ которой, правда, осуществляется исключительно исходя из ритмической структуры текста без привлечения музыкального материала. Сопоставительному исследованию традиционной рифмы и диссонанса рассматриваемого типа в литературной и устной традиции посвящена также статья [Cornulier 2005b].

Наконец, А. Арлео [Aroui, Arleo (eds.) 2009: 307–324] рассматривает диссонирующие последовательности исключительно в стихе считалок, привлекая корпус из

¹⁹ Читателю может пригодиться ссылка на официальную страницу ученого, где можно найти многие его работы: <http://www.normalesup.org/~bdecornulier/>.

1884 стихотворений на 51 языке, где обнаруживается 441 последовательность рассматриваемого типа. Несмотря на то, что выборка крайне неравномерна и основывается в основном на европейском материале, автору удается сделать несколько важных обобщений. Так, оказывается, что искомые последовательности качественно распадаются на три неоднородные группы: (1) гласные чередуются, а согласные повторяются (*bim bam*); (2) гласные чередуются внутри CV-сегмента (*ha hoo*); (3) гласные чередуются внутри многосложных структур (*sickety sackety*); при этом из рассмотрения исключаются несмежные контрастирующие сегменты (типа *du bibi du bobo*). Ко всему прочему лишь 11,3% корпуса считалок содержат три чередующиеся формы, а четыре формы встречаются только в двух изолированных примерах. При этом в первом из чередующихся сегментов наиболее частотна фонема *i* (76%), а во втором – *a* (40,4%). Распределение чередований гласных для *i* будет таким: *i/a* (29,6%), *i/o* (13,9%), *i/æ* (8,0%; только на английском материале), *i/e* (5,9%), *i/u* (2,%) и т. д.; в трехсегментных образцах наиболее частотно чередование *i/a/u*.

В самом феномене диссонансных чередований А. Арлео склонен видеть естественное средство синхронизации текста с музыкальным ритмом. Ср.:

х		х		х		х	
х	х	х	х	х	х	х	х
<i>Tit-</i>	<i>tle</i>	<i>tat-</i>	<i>tle</i>	<i>what</i>	<i>a</i>	<i>rat-</i>	<i>tle,</i>

где чередование *tit/tat* соотнесено с первыми сильными долями, а позиция последней сильной доли связана с ними рифмой. При этом, замечает автор, можно предположить, что подобные явления могут быть одним из наиболее архаичных источников поэтического искусства вообще.

На том же материале формулирует глобальные метрические обобщения и Б. де Корнюлье, выделяя в стихе детского фольклора «минимальные хронометрические формы», лежащие в основе изохронного ритма [Aroui, Arleo (eds.) 2009: 123–142]. Согласно [Brăiloiu 1984] и наблюдениям самого Б. де Корнюлье, элементарный ритм некоторого скандирующегося фрагмента стиха детского фольклора образуют группы в 2 + 2 икта (stroke). Т. е. строка *André, un' chanson* распадается на два полустишия: *An-[^]dré, [^]un'chan-son* (где знак [^] обозначает долготу, не соответствующую конкретному слогу, а полужирным шрифтом обозначаются икты). Пауза, разграничивающая полустишия, функционально близка цезуре²⁰. При этом строки «бинарной» структуры гораздо более часты, чем, например, 3 + 3, так как, по мнению автора, они лучше демонстрируют временную эквивалентность полустиший, лежащую в основе ритма. Аналогичные свойства имеют и комбинации типа 2 + 2 + ... + 2, которые могут быть практически бесконечными: *Ma-[^]chin [^]président [^]Ma-[^]chin [^]président [^]Ma-[^]chin [^]président...* и т. д. Похожим образом устроены и некоторые «слоганы», например, лозунг революции 1968 г.: *Etudiants [^]ouvriers [^]solidarité*. Здесь первые две словоформы как раз составляют группу 2 + 2, которая задаст ритмическое ожидание; последняя словоформа, с одной стороны, имеет иную метрическую структуру и не согласовывается с началом слогана, но, с другой стороны, связана рифмой со словом *ouvriers*, что создает ощущение метрической законченности всего фрагмента в целом.

Для более ясного разграничения групп внутри структуры 2 + 2 может использоваться рифма, и именно в этом ключе разумно проводить анализ некоторых строфических структур народной французской песни, содержащих внутреннюю рифму. Например, двустипшие

Le gard' champét' – qui pu', qui pèt'
Qui prend son cul pour un' trompét',

²⁰ Б. де Корнюлье знаменит, в частности, отстаиванием тезиса, что цезура для французского стиха является таким же «системообразующим» средством, как и количество слогов; подробнее см. [Cornulier 1982].

с одной стороны, имеет парную рифму (aa), а с другой, внутреннюю рифму в первой строке, что может быть отражено в схеме рифмовки либо как aaa, либо как aaxa. Оба эти анализа оказываются не совсем корректны, так как в первой строке внутренняя рифма подчеркивает членение строки на 2 + 2 икта, а рифма во второй строке обращается уже непосредственно к первой, чтобы образовать единую стиховую композицию (ср. пример со слоганом выше).

Наиболее экзотичный для русского читателя раздел изохронной метрики – изучение метрических структур жестовых языков, активно развивающееся в последние десятилетия. Первая попытка выделить в «жестовой поэзии» те же закономерности, что и в звучащей, была предпринята, видимо, К. Валли ([Valli 1990]; также [Lucas, Valli 2000: 190–198]), который использовал анализ С. Лиделла и Р. Джонсона [Lidell, Johnson 1989], рассматривающий жесты в терминах «движений» (movements) и «удержаний» (holds). При этом неоднократно делались попытки сопоставить повторяющиеся движения рук с аллитерациями и ассонансами «звучащей» поэзии [Klima, Bellugi 1976: 63; Valli 1990: 173; Perlmutter 1992]; также см. сборник статей по проблеме [Bauman et al. (eds.) 2006] и обширный обзор литературы в [Sutton-Spence 2005]. Во всех этих работах по понятным причинам намечается уход от фоноцентризма в сторону изучения пространственной симметрии, заменяющей в жестовых языках звуковую симметрию. При этом разбираются как формы жестового исполнения классических стихотворений (например, в программной работе Х.-Д.Л. Баумана [Bauman et al. (eds.) 2006: 95–117]), так и стихотворный фольклор, существующий на этих языках.

Изучение детского фольклора на жестовых языках естественным образом связано, в том числе, и с общим интересом научного сообщества к изохронной метрике. Этой проблематике посвящена работа [Blondel 2000], а также недавняя статья М. Блондель и К. Миллера [Aroui, Arleo (eds.) 2009: 143–163]. В последней работе на материале нескольких жестовых языков авторы утверждают, что свойства симметрии и бинарности, характерные для звуковой детской поэзии, находят соответствия в пространственной симметрии детской поэзии жестовых языков. Так, адаптация французского детского стихотворения *Un petit bonhomme / assis sur une pomme / la pomme dégringole / le p'tit bonhomme s'envole / sur le toit de l'école* для французского жестового языка (LSF) будет выглядеть так²¹:

Транскрипция знаков	Ритмическая схема				
ЯБЛОКО Cl:яблоко-падать	О	О	.	О	
Cl:прыгать-две-ноги	О	О	О	О	О
Cl:яблоко-катиться	О	О	О	О	
Cl:две-ноги-двигаться-вверх	О	О	О	О	
ШКОЛА Cl:крыша	О	О	О	О	
Cl:две-ноги-спускаться-и-садиться	О	О	О	.	О

В приведенной таблице знак [О] соответствует началу движения (= появлению звука в звучащем языке), а знак [·] – отсутствию движения (= пробелу между словами в звучащем языке). В заштрихованных строках таблицы можно увидеть метрическую симметрию (количество сильных мест – 4, т. е. 2²). В дополнение к этому, при исполнении этого жестового стихотворения соответствующие жесты выполняются то правой, то левой рукой, чего, вообще говоря, синтаксис LSF никак не требует. Последнее обстоятельство приводит авторов к идее своеобразной «беззвучной мелодии», параллельной изохронным жестам. Сходные явления многочисленны и в других жестовых языках.

²¹ Мы следуем приводимой авторами транскрипции жестового языка, при которой жесты передаются заглавными буквами, соответствующими словам письменного языка, а слова соединяются тире при обозначении единичного жеста, включающего ряд понятий звучащего языка. Сокращение Cl. обозначает классификаторы, используемые в жестовых языках.

3. «CASE STUDIES», МЕТРИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ И ПРОЧЕЕ

В этот раздел мы объединили работы, либо стоящие в стороне от больших теоретических проектов, либо применяющие описанный выше инструментарий к отдельным поэтам или поэтическим традициям.

Заметную роль в общей картине играют исследования неевропейских экзотических традиций, например, стиха сомалийской поэзии [Giorgio, Giannattasio 1996; Fitzgerald 2006]. Также появляются новые и основательные экскурсы в классическую метрику разных народов: арабскую [Bohas, Paoli 1997], скальдическую [Boyer 1990], китайскую [Chen 1979], санскритскую [Deo 2007], персидскую [Hayes 1979], японскую [Cole, Miyashita 2006] и другие. Также нельзя не упомянуть исследования контактирующих поэтических традиций – например, персидской и арабской в недавней работе [Deo, Kiparsky 2010].

Появляются новые работы и по локальным европейским традициям – например, работа Х.Д. Капарроса [Aroui, Arleo (eds.) 2009: 355–370], посвященная описанию метрики сефардских песен. Интересно, что из всей сефардской литературной продукции только романсы традиционно обсуждаются в общих работах по истории испанской литературы, в то время как традиция этой «микрословесности» достаточно богата.

Сефардская песня обычно представляет собой стихотворение в 10–30 строф, которое может иметь более простую (как романс) или более сложную строфическую структуру. Сефардские песни представляют собой параллельную линию развития испаноязычной поэзии. Первые их фиксации относятся к XVIII веку, хотя складываться в отдельную традицию они, очевидно, начали значительно раньше (предположительно в конце XV века, когда евреи были изгнаны из Испании); последняя оригинальная песня такого типа была опубликована в 1959 г. и посвящена бомбардировке Лондона во время Второй мировой войны. На данный момент зафиксировано порядка 500 песен, существующих примерно в 2000 вариантах.

Интересно, что сефардская метрика отделилась от магистральной испанской до того, как Гарсиласо де ла Вега (1501–1536) совершил метрическую революцию, введя в оборот итальянский одиннадцатисложник, вытеснивший в книжном стихосложении куда более свободный по структуре стих «арте майор» [Гаспаров 2003: 113–119; Navarro 1972]. Таким образом, некоторые сефардские песни выглядят крайне архаичными образцами приблизительной силлабики (или даже акцентного стиха):

Enjamparon hajamin el cuento de la ley con los jidiós a el casamiento
para que sienta el hombre y meta en la ley su entendimiento,
que la ame y la estime y con ella sea su apagamiento.

Иегуда Кали, XVIII в.

Другие – напоминают метрическую схему арте майор или расшатанного испанского александрийца²²:

Estos teretemblos	mos trujo gran combate	6 + 7
non se acodran viejos	de tiempo avánte.	6 + 6
Vino los teretemblos	al mundo sacudir	7 + 7
presto con selihot	mos fuimos acudir...	7 + 7

Якоб А. Йона (1903?)

Кроме этих расшатанных форм, в относительно чистом виде встречается романсовый стих.

²² Испанский александриец состоял из двух полустиший 6 + 6 слогов и допускал односложные наращенные на цезуре; стих арте майор имел метрическую схему (w) s w w s (w/w) s w w s (w) и охватную рифмовку [Гаспаров 2003: 113–119].

Характерной сефардской инновацией можно считать строфу «пурим» (*ababb cdd*), в которой строки 1, 3 и 7 – восьмисложны, а остальные – шестисложны (иногда с небольшими отклонениями):

Hoy no quedó más Purim	8a
ni abrir las manos.	6b
No ayudan guebirim	8a
sus propios hermanos.	6b
Para vicios vanos	6b
sus hijos gastan	5c
a puñados y non dan	8c
de vente hacino	6d
ni a su sobrino.	6d

А. Перес (1920?)

Значительное число рифм в сефардских песнях «силлабические» мужские, т. е. вовлекающие в созвучие только последний слог строки без учета его ударности; ср. [Hassán 1987: 11–13] и замечания в начале настоящего обзора. Во многом это указывает на прочную связь сефардской рифмы с гомеотелевтом и грамматическим параллелизмом, хотя в работе [Hassán 1987] делается попытка связать это явление с формальными особенностями турецко-персидских мелодий, на которые сочинялись эти песни.

Ареальная специфика ощущается и в работах, посвященных более известным метрическим традициям. Так, известный венгерский литературовед И. Хорват, основываясь на материале венгерской метрики, предлагает так называемое «правило метрического единообразия» [Aróui, Arleo (eds.) 2009: 371–384]. Опираясь на статистику [Hogváth (ed.) 1993], автор замечает, что подавляющее большинство венгерских стихотворений до XVII в. были изосиллабическими и связывались рифмами типа a_k (т. е. *aa*, *aaa*, *aaaa* и т. п.):

Nő az én örömem most az én szép szerelmem erre való néztében,
Bús kedvem sincsen semmi énnékem, mert ismét bévett nagy szerelmében,
Megengedett, fogott kezét, megbékélt nagy kegyesen,
Halálomtól megtérített, engem csókolván édesen.

Б. Балашши, 16-сложник 8 + 8.

Первый текст, открывающийся рифменной последовательностью *ab* (а не *aa*), датируется самым концом XVI столетия (протестантские псалмы, вдохновленные произведениями Клемана Маро и Теодора де Беза и опубликованные в 1607 г.). При этом венгерская печатная продукция до 1601 г. была крайне скудна: в XVI в. в одном Лионе было опубликовано в 24 раза больше книг, чем во всей Венгрии, и, следовательно, зафиксировано не так много венгерских стихотворений того периода (порядка 1521 стихотворных фрагментов). Вдобавок, венгерская версификация различает две интерферирующие системы стихосложения – силлабическую и квантитативную: вторая появляется под влиянием Эразма Роттердамского и окончательно утверждается уже во время Шандора Петефи, а первую (вкуче с традиционной парной рифмовкой и изосиллабизмом) считают ареальным явлением, распространенным вдоль по Дунаю – в Польше, Чехии и Хорватии [Lotz 1972: 101]. При этом «метрическое единообразие» силлабической системы можно связывать как с влиянием латинской литургики, так и поэзии вагантов²³.

В целом, подобных исследований в последние годы появляется достаточно много, но, кажется, упомянутые нами вполне характеризуют специфику описательной метрики такого типа. Другой же и в некотором смысле противоположный случай – это исследо-

²³ Известно, что новолатинская силлабика оказала значительное влияние на первого поэта ренессансной Венгрии – Балинта Балашши; очерк его творчества и стихосложения на русском языке см. в [Хорват 2006].

вания метрики отдельных поэтов. Здесь нельзя обойти молчанием классическую работу [Kiparsky 1989], посвященную интерпретации «прыгающего» ритма Дж.М. Хопкинса, не только не укладывавшегося в ямбические шаблоны метрики деревьев, но и до самого последнего времени остававшегося «головной болью» для специалистов по английскому стиху.

Среди более традиционных исследований можно упомянуть статью Д. Билли [Aroui, Arleo (eds.) 2009: 337–354], лежащую вдалеке от больших исследовательских парадигм и посвященную качественным характеристикам рифмы Тристана Корбьера (1845–1875). Суть этой работы в следующем. Известно, что правила рифмовки французского стиха долгое время оставались достаточно консервативными: например, рифма в «высокой» поэзии должна была учитывать отпавшие в живой речи конечные согласные (исключения допускались только в «низких» жанрах; ср. басни Лафонтена), но в эпоху романтизма это ограничение было снято для всех согласных, кроме /s/ (которое, надо сказать, сохранялось и при чтении стихотворения вслух). Исключение /s/ проходило в два этапа: сначала стали допускаться рифмы, не учитывающие «свободный» /s/ (т. е. /s/ в окончаниях мн. ч.), а потом, начиная с Жюль Лафорга, и такие рифмы, где конечный произносимый /s/ являлся частью основы (*corps, mois* и т. д.). В промежутке между первым и вторым этапом исключения /s/ и помещается творчество Корбьера, который, пародируя романтиков тематически, деформировал графику стиха для создания видимости точной графической рифмы и использовал возникающий при этом эффект аграмматизма: ср. *Et, tout bas il vous dit, de murmure en murmures* : <...> *Qu'on peut pleurer, à l'heure, avec des rimes pures*, где первое слово рифменной пары должно быть в ед. ч. (*murmure*), или *Apparais, un poignard dans le cœur! – Ce sera, / Tu sais bien, comme dans Inès de la Sierra*, где деформировано имя героини сказки Нодье – *Inès de Sierras*, что уже совершенно явно говорит о пародийном эффекте.

Разумеется, заявленная тема на этом не исчерпывается, но мы все же ограничимся упомянутыми работами, так как литература по отдельным метрическим традициям, в отличие от снабженной общей концептуальной базой литературы по генеративной или антропологической метрике, практически необозрима. Более того, одной из основных задач, стоящих перед зарубежной метрической наукой, как раз и является объединение всего этого множества подходов и материалов под знаменем единой типологически ориентированной метрической теории.

В заключение можно снова указать на основные направления западного стиховедения, активно развивающиеся в последние десятилетия. В области формальных моделей стиха это, прежде всего, использование аппарата супрасегментной (метрической) фонологии для анализа «стопных» структур и прочих констант стиха (вроде цезуры, клаузулы и т. п.). Минус этого подхода состоит, скорее, в том избыточном единообразии, которое он придает рассматриваемому материалу, что, в свою очередь, ведет к игнорированию многих важных закономерностей стиха, не вписывающихся в избранный формализм. В дополнение к метрической фонологии для решения частных проблем теории стиха, а также для моделирования статистических закономерностей (прежде всего в области ритмики) активно используется теория оптимальности. Применение этих двух теоретических программ к стихотворному материалу, несмотря на отдельные чувствительные неудачи, свидетельствует о крайне важной методологической установке зарубежной науки о стихе: структура естественного языка и структура стихотворного текста должны рассматриваться с единых позиций, а литературоведческий комментарий должен привлекаться весьма осторожно, т.к. зачастую он не учитывает формальных закономерностей развития стиха, объясняя те или иные изменения версификационного репертуара «внеметрическими» причинами. Именно на понимании метра как части языковых механизмов строится, например, теория М. Халле и Н. Фабба, не выводимая непосредственно ни из метрической фонологии, ни из теории оптимальности.

Еще одна область, представляющая собой в некотором смысле *terra incognita* для российского исследователя, – это изохронная метрика, которая в последнее время, видимо, выдвинулась на передний край науки о стихе. Важно, что изучение народной и

наивной метрики приближает нас к пониманию общего механизма перцепции и образования стиха. К тому же при изучении изохронной метрики приходится обращаться к музыкальному материалу, который на долгие десятилетия был изгнан, по крайней мере, из отечественного стиховедения, что не лучшим образом отразилось, например, на изучении русского народного стиха (ср. [Лобанов 2007: 31–55]). Кроме того, изохронная метрика в отдельных своих аспектах соприкасается с антропологическими дисциплинами, сближением с которыми может похвастаться лингвистика, но никак не стиховедение (по крайней мере, в отечественной традиции), хотя о необходимости подобного сближения едва ли стоит дополнительно распространяться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бейли 2004 – Дж. Бейли. От автора // Избранные статьи по русскому литературному стиху. М., 2004.
- Берков 1954 – П.Н. Берков. [Рец. на:] Симеон Полоцкий. Избранные сочинения / Подгот. текста, ст. и коммент. И.П. Еремина. М.; Л., 1953. 281 с. (Лит. памятники) // ИАН СЛЯ. 1954. Т. XIII. Вып. 3.
- Гаспаров 1987 – М.Л. Гаспаров. Строфа // В.М. Кожевников (ред.). Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.
- Гаспаров 1995 – М.Л. Гаспаров. Итальянский стих: силлабика или силлабо-тоника // М.Л. Гаспаров. Избранные статьи. М., 1995.
- Гаспаров 2002 – М.Л. Гаспаров. Очерк истории русского стиха. М., 2002.
- Гаспаров 2003 – М.Л. Гаспаров. Очерк истории европейского стиха. М., 2003.
- Должанский 1959 – А.Н. Должанский. Краткий музыкальный словарь. М., 1959.
- Иосад 2008 – П.В. Иосад. Теория оптимальности: обзор основной литературы // ВЯ. 2008. № 4.
- Корчагин 2010 – К.М. Корчагин. [Рец. на:] N. Fabb, M. Halle. Meter in poetry. A new theory. New York, 2008. 309 p. // ВЯ. 2010. № 1.
- Лобанов 2007 – М.А. Лобанов. Стих былины. Метрика – Семантика – Генезис. СПб., 2007.
- Тарановский 2010 – К. Тарановский. Русские двусложные размеры. Статьи о стихе / Пер. с серб. В.В. Сонькина. М., 2010.
- Тестелец 2001 – Я.Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Толпина и др. 2010 – Э.А. Толпина, Т.В. Скулачева, М.В. Буюкова. [Рец. на:] E. Kelih. Geschichte der Anwendung quantitativer Verfahren in der russischen Sprach- und Literaturwissenschaft. Hamburg, 2008 // ВЯ. 2010. № 1.
- Фролов 1991 – Д.В. Фролов. Классический арабский стих. История и теория аруда. М., 1991.
- Хорват 2006 – И. Хорват. Ренессансный поворот в литературе Венгрии и поэзия Б. Балашши / Пер. Ю. Гусева // Б. Балашши. Стихотворения / Н.И. Балашова, Ю.П. Гусева, И. Ховата (ред.). Литературные памятники. М., 2006.
- Шапир 2000 – М.И. Шапир. На подступах к общей теории стиха (основные методы и понятия) // М.И. Шапир. Universum versus. Язык – Стих – Смысл в русской поэзии XVIII–XX веков. Кн. первая. М., 2000.
- Arleo 2006 – A. Arleo. Do children's rhymes reveal universal metrical patterns? // P. Hunt (ed.). Children's literature: critical concepts in literary and cultural studies. V. IV. London, 2006.
- Aroui, Arleo (eds.) 2009 – J.-L. Aroui, A. Arleo (eds.). Towards a typology of poetic forms. Amsterdam, 2009.
- Blondel 2000 – M. Blondel. Poésie enfantine dans les langues des signes: modalité visuo-gestuelle versus modalité audio-orale. PhD diss. Tours, 2000.
- Bohas, Paoli 1997 – G. Bohas, B. Paoli. Aspects formels de la poésie arabe. I. La métrique classique. Toulouse, 1997.
- Boyer 1990 – R. Boyer. La poésie scaldique. Paris, 1990.
- Brăiloiu 1984 – C. Brăiloiu. Problems of ethnomusicology / Tr. by A.L. Lloyd. Cambridge, 1984.
- Burling 1966 – R. Burling. The metrics of children's verse: A cross-linguistic study // American anthropologist. 1966. № 68 (6).
- Cable 1991 – T. Cable. The English alliterative tradition. Philadelphia, 1991.
- Chen 1979 – M.Y. Chen. Metrical structure: Evidence from Chinese poetry // LIn. 1979. № 10 (3).
- Cole, Miyashita 2006 – D. Cole, M. Miyashita. The function of pauses in metrical studies: Acoustic evidence from Japanese verse // B.E. Drescher, N. Friedberg (eds.). Formal approaches to poetry. Berlin; New York, 2006.

- Cornulier 1982 – *B. de Cornulier*. Théorie du vers. Rimbaud, Verlaine, Mallarmé. Paris, 1982.
- Cornulier 1989 – *B. de Cornulier*. Le Marseillaise et la Marseillaise. Le poème sous le chant // Poétique. 1989. № 77.
- Cornulier 2005a – *B. de Cornulier*. Gainsbourg et Gainsbarre, Renaud & Renard, contre-rimes vocaliques // I. Choi-Jonin, M. Bras, A. Dagnac, M. Rouquier (eds.). Questions de classification en linguistique: méthodes et descriptions. Mélanges offerts au Professeur Christian Molinier. Bern, 2005.
- Cornulier 2005b – *B. de Cornulier*. Rime et contre-rime en tradition orale et littéraire // M. Murat, J. Dangel (eds.). Poétique de la rime. Paris, 2005.
- Deo 2007 – *A.S. Deo*. The metrical organization of classical Sanskrit verse // JL. 2007. № 43 (1).
- Deo, Kiparsky 2010 – *A.S. Deo, P. Kiparsky*. Poetics in contact: Arabic, Persian, and Urdu // <http://www.stanford.edu/~kiparsky/Papers/tartu.pdf>.
- Duggan 1986 – *H.N. Duggan*. The shape of the B-verse in Middle English alliterative poetry // Speculum. 1986. № 61.
- Fitzgerald 2006 – *C.M. Fitzgerald*. Iambic meter in Somali // B.E. Drescher, N. Friedberg (eds.). Formal approaches to poetry. Berlin, 2006.
- Floquet 2007 – *O. Floquet*. Recherches sur la phonologie du mètre français et italien. Roma, 2007.
- Giorgio, Giannattasio 1996 – *B. Giorgio, F. Giannattasio*. Music and metre in Somali poetry // R.J. Hayward, I.M. Lewis (eds.). Voice and power. The culture of language in North-East Africa. Oxford, 1996.
- Goldston 1998 – *C. Goldston*. Constraint-based metrics // Natural language & linguistic theory. 1998. № 16 (4).
- Goldston, Riad 1994 – *C. Goldston, T. Riad*. Classical Arabic metre and prosodic metrics. Düsseldorf; Stockholm, 1994.
- Halle, Fabb 2008 – *M. Halle, N. Fabb*. Meter in poetry. A new theory. New York, 2008.
- Halle, Keyser 1969 – *M. Halle, S.J. Keyser*. Chaucer and the study of prosody // College English. 1969. № 28.
- Halle, Keyser 1971 – *M. Halle, S.J. Keyser*. English stress: its form, its growth and its role in verse. New York, 1971.
- Halle, Lerdahl 1993 – *J. Halle, F. Lerdahl*. A generative textsetting model // Current musicology. 1993. № 55.
- Hanson 2006 – *K. Hanson*. Shakespeare's lyric and dramatic metrical styles // B.E. Drescher, N. Friedberg (eds.). Formal approaches to poetry. Berlin, 2006.
- Hanson, Kiparsky 1996 – *K. Hanson, P. Kiparsky*. A parametric theory of poetic meter // Lg. 1996. V. 72.2.
- Hassán 1987 – *I.M. Hassán*. Un género castizo sefardí: Las coplas // P. Díaz-Mas (ed.). Los sefardíes: cultura y literatura. San Sebastián, 1988.
- Hayes 1979 – *B. Hayes*. The rhythmic structure of Persian verse // Edebiyat. 1979. № 4.
- Hayes 1983 – *B. Hayes*. A grid-based theory of English meter // LIn. 1983. V. 14. № 3.
- Hayes 1988 – *B. Hayes*. Metrics and phonological theory // F. Newmeyer (ed.). Linguistics: The Cambridge survey. Cambridge, 1988.
- Hayes 1989 – *B. Hayes*. The prosodic hierarchy in meter // P. Kiparsky, G. Youmans (eds.). Phonetics and phonology. V. 1. Rhythm and meter. San Diego, 1989.
- Hayes, Kaun 1996 – *B. Hayes, A. Kaun*. The role of phonological phrasing in sung and chanted verse // The linguistic review. 1996. № 13.
- Hayes, MacEachern 1996 – *B. Hayes, M. MacEachern*. Are there lines in folk poetry? // UCLA working papers in phonology. 1996. № 1.
- Hayes, MacEachern 1998 – *B. Hayes, M. MacEachern*. Quatrain form in English folk verse // Lg. 1998. № 64.
- Horváth 1993 – *I. Horváth* (ed.). Répertoire de la poésie hongroise ancienne. I–II. Paris, 1992.
- Jakobson 1960 – *R. Jakobson*. Closing statement: linguistics and poetics // T.A. Sebeok (ed.). Style in language. New York; London, 1960.
- Jakobson 1966 – *R. Jakobson*. Grammatical parallelism and its Russian facet // Lg. 1966. V. 42 (русский перевод в кн.: *Р. Якобсон*. Работы по поэтике: Переводы / Сост. и общ. ред. М.Л. Гаспарова. М., 1987).
- Jakobson 1979 – *R. Jakobson*. Retrospect // Selected writings. V. The Hague; Paris, 1979 (русский перевод: *Р. Якобсон*. Ретроспективный обзор работ по теории стиха / Пер. М.Л. Гаспарова // Избранные работы по лингвистике. М., 1985).
- Kelih 2008 – *E. Kelih*. Geschichte der Anwendung quantitativer Verfahren in der russischen Sprach- und Literaturwissenschaft. Hamburg, 2008.

- Keyser 1969 – *S.J. Keyser*. Old English prosody // *College English*. 1969. № 30.
- Kiparsky 1975 – *P. Kiparsky*. Stress, syntax, and meter // *Lg*. 1975. № 51.
- Kiparsky 1977 – *P. Kiparsky*. The rhythmic structure of English verse // *LIn*. 1977. № 8.
- Kiparsky 1989 – *P. Kiparsky*. Sprung rhythm // *P. Kiparsky, G. Youmans (eds.)*. Phonetics and phonology. V. 1. Rhythm and meter. San Diego, 1989.
- Kiparsky 2005 – *P. Kiparsky*. Where stochastic OT fails: A discrete model of metrical variation // *Berkley linguistics society*. 2005. № 31.
- Kiparsky 2006 – *P. Kiparsky*. A modular metrics for folk verse // *B.E. Drescher, N. Friedberg (eds.)*. Formal approaches to poetry. Berlin, 2006.
- Klima, Bellugi 1976 – *E. Klima, U. Bellugi*. Poetry and song without sound // *Cognition*. 1976. № 4.
- Lerdahl, Jackendoff 1983 – *F. Lerdahl, R. Jackendoff*. A generative theory of tonal music. Cambridge, 1983.
- Lieberman 1975 – *M. Lieberman*. The intonational system of English. Cambridge, 1975.
- Lieberman, Prince 1977 – *M. Lieberman, A. Prince*. On stress and linguistic rhythm // *LIn*. 1977. № 8.
- Lidell, Johnson 1989 – *S. Lidell, R. Johnson*. American sign language: the phonological base // *Sign language studies*. 1989. № 64.
- Lipták 2009 – *A. Lipták (ed.)*. Correlatives cross-linguistically. Amsterdam; Philadelphia, 2009.
- Lotman 2006 – *M. Lotman*. Generative metrics and the comparative approach: Russian iambic tetrameter in a comparative perspective // *B.E. Drescher, N. Friedberg (eds.)*. Formal approaches to poetry. Berlin; New York, 2006.
- Lotz 1972 – *J. Lotz*. Uralic // *W.K. Wimsatt (ed.)*. Versification: major language types. New York, 1972.
- Lucas, Valli 2000 – *C. Lucas, C. Valli*. Linguistics of American sign language. Washington, 2000.
- Minkova 2002 – *D. Minkova*. Ablaut reduplication in English: the criss-crossing of prosody and verbal art // *English language and linguistics*. 2002. № 6 (1).
- Navarro 1972 – *T. Navarro*. Métrica española. Reseña histórica y descriptiva. Madrid, 1972.
- Perlmutter 1992 – *D.M. Perlmutter*. Sonority and syllable structure in American sign language // *LIn*. 1992. № 23 (3).
- Prince 1989 – *A. Prince*. Metrical forms // *P. Kiparsky, G. Youmans (eds.)*. Phonetics and phonology. V. 1. Rhythm and meter. San Diego, 1989.
- Bauman et al. (eds.) 2006 – *H.-D.L. Bauman, J.L. Nelson, H.M. Rose (eds.)*. Singing the body poetic: essays on American sign language literature. Berkley; London, 2006.
- Scherr 2006 – *B.P. Scherr*. Structural dynamics in the Onegin stanza // *B.E. Drescher, N. Friedberg (eds.)*. Formal approaches to poetry. Berlin; New York, 2006.
- Shuh 1996 – *R.G. Shuh*. Metrics of Arabic and Hausa poetry. Gainesville, 1996.
- Sutton-Spence 2005 – *R. Sutton-Spence*. Analysing sign poetry. New York, 2005.
- Tarlinskaja 2006 – *M. Tarlinskaja*. What is «metricality»? English iambic pentameter // *B.E. Drescher, N. Friedberg (eds.)*. Formal approaches to poetry. Berlin; New York, 2006.
- Valli 1990 – *C. Valli*. The nature of the line in ASL poetry // *W.H. Edmondson, F. Karlsson (eds.)*. SLR '87: Papers from the Fourth international symposium on sign language research. Hamburg, 1990.
- Vennemann 1995 – *T. Vennemann*. Der Zusammenbruch der Quantität im Spätmittelalter und sein Einfluß auf die Metrik // *H. Fix (ed.)*. Quantitätsproblematik und Metrik. Amsterdam, 1995.
- Vetterle 2003 – *R. Vetterle*. Der prosodische Rhythmus altdeutscher Dichtung: Am Beispiel von Otfrids «Marienlied» und Walthers Palästinalied. München, 2003.

Сведения об авторе:

Кирилл Михайлович Корчагин
 Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН,
 Новое литературное обозрение
 stivendedal@gmail.com

РЕЦЕНЗИИ

И.Б. Шатуновский. Проблемы русского вида. М.: Языки славянских культур, 2009. 352 с. (Studia philologica).

В данной монографии автор опирается на свои более ранние работы, посвященные категории вида в русском языке, прежде всего на главу о виде из вышедшей в 1996 году книги «Семантика предложения и нерелевантные слова» [Шатуновский 1996], а также на ряд более поздних статей, опубликованных им в последние годы. Цель монографии состоит в том, чтобы по возможности полно описать дискурсивно-семантические и прагматические факторы, релевантные для семантической интерпретации категории вида в русском языке. Кроме того, автор приводит хотя и не исчерпывающий, но достаточно представительный обзор предшествующей литературы: из новейших российских работ по аспектологии рассматриваются прежде всего работы О.П. Рассудовой, А.В. Бондарко, М.Я. Гловинской и Е.В. Падучевой, упоминаются также работы М.А. Шелякина и «Введение в русскую аспектологию» Анны А. Зализняк и А.Д. Шмелева, из зарубежных работ по аспектологии в первую очередь рассматриваются работы Дж. Форсайта, М. Лейнонен, а также работы рецензента.

Языковой материал, на котором автор основывает свой анализ, взят в основном из предшествующих работ, дополнительно приводятся отдельные примеры из художественной литературы, прессы, телепередач и Национального корпуса русского языка.

В работе обсуждается большое количество проблем, релевантных для категории вида: тема-рематическое членение, референциальный статус участников ситуации, временная дистрибутивность, каузальность, перенос отрицания, дейксис и многие другие. В рамках данной рецензии невозможно перечислить все затронутые автором проблемы и предложенные им решения, не говоря уже о том, чтобы подробно обсудить их. Поэтому мы сначала дадим общее представление о важнейших темах книги по главам, а затем постараемся высказать соб-

ственную точку зрения по некоторым принципиальным вопросам.

В главе 1 «Проблема инварианта» граммема СВ описывается вполне традиционно как маркированный член аспектуальной оппозиции. Глаголы СВ обозначают смену ситуации, изменение, переход от предшествующего состояния к последующему. Из этой функции СВ для автора следует, что кодируемые СВ ситуации всегда обозначают «событие», то есть ситуацию, которая ограничена во времени и тем самым индивидуализована. При этом, как отмечает автор, речь может идти и о чисто временном ограничении, как при перфективации с помощью дельмитативного способа действия. Напротив, НСВ не может обозначать изменение ситуации. Из этого отрицательного определения, по мнению автора, выводятся четыре разных значения НСВ – «неопределенно-длительное значение», «значение повторяемости», «общефактическое значение» и значение, обозначенное в работе как «актуально-динамическое», которое представлено в определенных типах употребления настоящего времени, таких как репортажное или нарративное настоящее. Небольшой раздел данной главы посвящен взаимодействию категории вида и предикаций с инкрементной темой.

Главы 2 и 3 посвящены более детальному описанию граммы СВ. Во второй главе обсуждается взаимодействие между СВ и семантикой глагола. Автор проводит различие между однофазовыми и многофазовыми ситуациями. Однофазовая ситуация имеет место при обозначении наступления или завершения ситуации (в формальной записи $\langle \text{не-}P \rightarrow P \rangle$ и $\langle P \rightarrow \text{не-}P \rangle$, соответственно), а также при обозначении перехода в новое состояние без промежуточной фазы (в формальной записи $\langle P \rightarrow Q \rangle$). К этой второй группе автор относит не только такие глаголы, как *заболеть* или *уснуть*, но и градативы, такие как *увеличить*. Внутри многофазовых изменений состояния автор проти-

вопоставляет глагольные лексемы СВ, которые предполагают непосредственный результат («strong resultatives» в терминологии [Mittwoch 2008]), и лексемы, не предполагающие непосредственного результата (опосредованный результат, «weak resultatives»). Примеры сильных результативов, глагольных лексем СВ, для которых достигнутое состояние однозначно определяется значением глагола (в формальной записи $\langle \text{не-Р} \rightarrow \text{Р} \rightarrow \text{Q} \rangle$), – *закрывать дверь* или *подняться на Эльбрус*. Обозначенные этими лексемами ситуации могут быть (если изменение состояния уже произошло) осуществлены повторно, только если их результат будет аннулирован.

Глагольные лексемы СВ, такие как *спросить* или *показать картинку* (в формальной записи $\langle \text{не-Р} \rightarrow \text{Р} \rightarrow \text{не-Р} \rangle$), напротив, не предполагают результирующего состояния, заключенного собственно в семантике глагола. Они обозначают ситуации, которые и по достижении результирующего состояния могут быть повторены любое количество раз. К этой группе автор причисляет и глагольные лексемы, у которых исходное и конечное состояние идентичны, как, например, *прогуливаться*, а также глаголы делимитативного и пердуративного способов действия. При этом подробно обсуждается вопрос о том, могут ли делимитативные глаголы обозначать изменение состояния и, если могут, то в каких случаях.

В главе 3 «Коммуникативные типы СВ» прежде всего со ссылками на А. Вежицкую [Wierzbicka 1967] и И.М. Кобозеву [Кобозева 1980] проводится граница между двумя типами употреблений СВ, обозначенными как конкретно-событийное и конкретно-фактическое значение. Конкретно-событийное употребление имеет место, когда обозначенная ситуация привязана к конкретной точке во времени и пространстве, и вследствие этого, например, может быть использовано при обозначении последовательности действий. При этом автор показывает, что перфективность является необходимым, но не достаточным условием для того, чтобы ряд предикаций в конкретно-событийном значении СВ мог получить интерпретацию последовательности действий, и приводит ряд дополнительных условий. Конкретно-фактическое употребление СВ имеет место, когда предикация обозначает индивидуализованную ситуацию, которая не привязана к конкретной точке пространственно-временного континуума. В данном случае функция СВ состоит в том, чтобы задать «конкретную», то есть индивидуализованную ситуацию в дискурсе или описать уже введенную в дискурс ситуацию (экспликативное или таксономическое употребление). Последовательность предика-

ций СВ в конкретно-фактическом употреблении, в отличие от конкретно-событийного, интерпретируется не обязательно как последовательная цепь действий: *Вчера она выстирала белье, зашила дырку в носке, починила утюг*. В качестве третьего типа употреблений СВ описываются его перфектные употребления.

Главы с 4 по 6 посвящены значению НСВ, прежде всего в прошедшем времени. В главе 4 рассматривается неопределенно-длительное значение НСВ. Это значение, выделяемое как основное значение НСВ, имеет место, когда ситуация представлена как неограниченная, то есть уже начавшаяся, но еще не завершившаяся. В рамках данного значения автор противопоставляет стативно-длительное, процессное и актуально-длительное употребление. Пространный раздел главы 4 посвящен употреблению НСВ в процессном значении в высказываниях, которые имеют экспликативную функцию. Последняя реализуется, когда предикация служит для описания ситуаций, существование которых задано контекстом или ситуативно. Примерами могут служить вопросы типа *Что делал врач после обеда?* и возможные ответы, такие как *Он принимал больных*, а также так называемые высказывания с неинтересной темой вида *Ты что, спал?* Подобные примеры автор приводит в подтверждение того факта, что представление ситуации как неопределенно-длительной необязательно предполагает выраженного Наблюдателя. В качестве еще одного варианта неопределенно-длительного употребления НСВ рассматривается настоящее интерпретационное *Ты врешь = То, что ты сказал, ложь*.

В главе 5 «Значение повторяемости НСВ» подробно описывается взаимодействие между семантикой глагола, референциальным статусом аргументов и различными типами повторения. Повторяющиеся ситуации могут при употреблении НСВ концептуализоваться как процесс. Так, последовательность повторяющихся ситуаций может, аналогично единичным ситуациям, быть представлена как уже начавшаяся, но еще не завершившаяся. При такой интерпретации употребление глаголов СВ в свою очередь может служить для ограничения временной протяженности процесса повторения ситуаций. Предикации НСВ, выражающие повторяющуюся ситуацию, также могут, однако, относиться к типу обозначаемой ситуации. При такой интерпретации форма настоящего времени СВ, а при определенных условиях также и форма прошедшего времени СВ, может отсылать к одной-единственной индивидуализованной ситуации из ряда повторяющихся ситуаций.

Глава 6, самая значительная по объему, посвящена общефактическому значению НСВ. Отправной точкой для рассуждений, представленных в этой главе, служит противопоставление между ситуациями, которые концептуализуются как процесс или событие, с одной стороны, и ситуациями, которые концептуализуются как факт, с другой стороны. Определяющей чертой ситуаций, которые при употреблении СВ представляются как событие, а при употреблении НСВ, соответственно, как процесс, является их встроенность в пространственно-временную структуру. Когда же, напротив, ситуации представляются как факты, происходит абстрагирование от пространственно-временной упорядоченности. Событие и процесс превращаются в факт, когда они «извлечены из реальной цепи событий, из цепи причин и следствий, когда фокус перенесен на то, что имеет место». Ситуации, которые концептуализуются как факты, могут кодироваться как с помощью СВ, так и с помощью НСВ. Когда используется СВ, предикация отсылает к «конкретной», то есть индивидуализованной ситуации. Когда же используется НСВ, предикация отсылает к типу обозначаемой ситуации. Предикации, в которых используется СВ в конкретно-фактическом значении, и предикации, в которых используется НСВ в общефактическом значении, противопоставлены, таким образом, по референциальному статусу обозначаемой ситуации. При конкретно-фактическом значении СВ имеет место референция к индивидуализованной ситуации (*Имела место ситуация X*), при общефактическом значении НСВ, напротив, имеет место референция к типу обозначаемой ситуации (*Имела место такая ситуация, как X*). Для этого противопоставления автор использует, вслед за Н.Д. Арутюновой, термины «определенность» vs. «неопределенность». Под характеристикой референциального статуса предикации в НСВ с общефактическим значением как «неопределенного» имеется в виду скорее «нереферентная неопределенность» (в смысле [Вгеу 2001]). Ни адресат, ни говорящий не может идентифицировать упомянутую ситуацию, поскольку она не индивидуализована. Нереферентную неопределенность следует отличать от референтной неопределенности, которая имеет место, когда дается указание на ситуацию, известную говорящему, но не известную адресату, по мнению говорящего; такой тип референции представлен в интродуктивных высказываниях, например, в начале повествования: *По Невскому шел маленький сморщенный старичок с орденом на шее* (Чехов).

Неопределенная референция всегда предполагает наличие нескольких сущностей ука-

занного типа. «Неопределенным, будь то в области предметов или в сфере непредметных сущностей, может быть только то, что числом более одного (или возможно более одного)». Для ситуаций, как временных сущностей, это означает, что они обязаны быть потенциально повторяемыми. Так же, как уникальная номинация не может быть использована в экзистенциальном контексте: **На вешалке есть мамино пальто* [Арутюнова, Ширяев 1983: 71], так и предикация НСВ типа *В 41-м Жуков отражал наступление под Москвой* в качестве изолированного высказывания не может иметь общефактической интерпретации.

Как показывает автор, введение ситуаций в дискурс в качестве элементов определенного класса не является единственной функцией общефактического НСВ. НСВ в общефактическом значении может также указывать на означаемое соответствующей предикации; данный тип употреблений автор, вслед за Н.Д. Арутюновой, называет «атрибутивным». В этой функции предикации с общефактическим значением употребляются всегда в том случае, если они служат для установления логической связи между двумя разными ситуациями, как в неоднократно цитированном примере *У вас должна быть моя карточка. Я записывался*. Как показывает автор, речь в данном примере идет не о том, чтобы ввести в дискурс ситуацию класса «записываться в поликлинику», а о том, чтобы представить доказательство наличия регистрационной карты. Порядок предложений приводит к следующему логическому выводу: из факта существования ситуации типа «записываться в поликлинику» следует наличие регистрационной карты. Как показывает автор на многочисленных примерах, логические выводы, допускающие употребление предикаций НСВ в общефактическом значении, могут быть самого разного типа.

Атрибутивное употребление общефактического НСВ допускает также, по мнению автора, отсылку к уникальным, в реальном мире не воспроизводимым ситуациям. Эти ситуации, таким образом, встраиваются в более общий класс. Так, например, обстоит дело в том случае, когда повторяемость описываемой ситуации задана имплицитно, как в примере *Когда вы покупали эти пластинки? Они еще есть в продаже?*, или когда ситуация подвергается оценке и тем самым сравнивается с другими ситуациями того же типа: *Кто жарил рыбу? Она подгорела*.

В главе 7 объясняется взаимосвязь между категориями времени и вида, глава 8 посвящена одному из употреблений НСВ, которое обозначено в книге как актуально-динамическое значение. По определению автора, это зна-

чение имеет место в том случае, если предикация НСВ настоящего времени служит не для представления ситуации как неограниченной во времени, а для выражения ограниченной во времени ситуации, то есть «события» в терминологии автора. Это значение НСВ подробно обсуждается на примере настоящего репортажного; на том же примере показано, каким синтаксическим и, в первую очередь, семантическим ограничениям подвержен этот тип употреблений НСВ. Употребления презенса НСВ, которые не указывают на совпадение по времени с моментом речевого акта, т. е. такие как настоящее нарративное и настоящее сценическое, интерпретируются как производные употребления НСВ в его актуально-динамическом значении.

В главе 9, посвященной связи между видом глагола и отрицанием, автор проводит для предикаций под отрицанием, точно так же, как и для предикаций без отрицания, различие между конкретно-фактическим и событийным значениями СВ, с одной стороны, и общефактическим значением НСВ, с другой стороны. Конкретно-фактическое и общефактическое отрицание также различаются в зависимости от референциального статуса, который имеет соответствующая предикация в дискурсе. При употреблении СВ в конкретно-фактическом значении отрицается существование индивидуализированной ситуации. Если бы соответствующая ситуация имела место, то мы бы имели дело с индивидуализированной ситуацией: *Я в этом году не ПОДАЛ заявку на грант = Заявка на грант в этом году не имела место.* (Крупный шрифт здесь и далее указывает на положение фразового акцента.) При употреблении НСВ в общефактическом значении отрицание указывает на тип обозначаемой ситуации, подобная ситуация не индивидуализуется: *Я в этом году не ПОДАВАЛ заявку на грант = Такая ситуация, как заявка на грант, в этом году не ИМЕЛА место.* Поскольку при отрицании типа отрицается также и существование соответствующей индивидуализированной ситуации, общефактическое отрицание может употребляться также и для отрицания существования индивидуализированной ситуации, что автор и подтверждает примером из «Российской газеты»: *Я Литвиненко не УБИВАЛ.* Указание на тип ситуации служит для обобщения и, тем самым, усиления отрицания. Эффект усиления отрицания может также достигаться за счет отрицания существования актантов соответствующей ситуации. Такая возможность сохраняется как при конкретно-фактическом, так и при общефактическом отрицании: *Я никого не убил / не убивал.* Предикации НСВ в общефактическом значении под отрицанием,

так же, как и без отрицания, могут при соответствующей семантике глагола иметь неоднозначную интерпретацию. Если тренер на вопрос о том, может ли он предсказать результат матча, отвечает: *Я никогда не угадывал результатов матчей,* то данная предикация может указывать на безуспешные попытки – возможно многократные – предсказать результат матча, но она может и сообщать о том, что обозначаемая ситуация вообще никогда не имела место. Обе интерпретации предполагают нереферентную неопределенность предикации.

При отрицании предикации СВ в событийном значении отрицание относится к ситуации, определенной во времени, то есть к ситуации, которая занимает «определенное уникальное место в пространственно-временной цепочке событий». При этом отрицается совершение события, которое могло бы произойти в соответствующем ряду событий, но не произошло. Поэтому событийное отрицание, в отличие от конкретно-фактического, всегда подразумевает соответствующую позитивную ситуацию, которая, как правило, также выражена. В событийном значении СВ противопоставлен неопределенно-длительному значению НСВ. При отрицании это значение НСВ переосмысливается. Оно выражает состояние ненаступления обозначаемой ситуации [Падучева 2008: 10]. Автор упоминает данный тип употреблений, но рассматривает его как один из частных случаев значения повторяемости НСВ. Заключительный раздел главы посвящен употреблению и интерпретации категории вида в модальных контекстах. Автор ссылается на собственный подробный анализ модальности в русском языке и показывает на многочисленных примерах, каким образом категория вида в контексте отрицания участвует в противопоставлении аллитической, деонтической и эпистемической модальности.

Глава 10 посвящена употреблению вида в императиве. При побуждении к реализации индивидуализированной ситуации может употребляться как СВ, так и НСВ. В литературе употребление НСВ в примерах типа [Где вы были?] *Отвечайте!* или *Садись и читай!*, в которых адресат побуждается к выполнению однократного индивидуализированного действия, интерпретируется как общефактическое значение НСВ [Храковский 1988; Падучева 1996], поскольку в данном случае нет выраженной точки наблюдения, с которой ситуация могла бы рассматриваться изнутри. Автор не следует этой традиции. Он рассматривает данное употребление НСВ как частный случай неопределенно-длительного значения НСВ, аналогичный представленному, например, в *praesens pro futuro Я завтра еду в Киев.* Общефактиче-

ское значение, по мнению автора, имеет место только в том случае, когда императив отсылает к типу обозначаемого действия и, тем самым, остается неопределенным, должно ли указанное действие быть выполнено один раз или неоднократно, ср., например, пожелания при прощании типа *Приходи! Навещай нас!* Кроме того, НСВ в общефактическом значении может употребляться в императиве (как и в индикативе) и при указании ровно на одно действие, если, например, определен некоторый временной интервал и обозначаемое действие, на основании наших знаний о мире, выполнено в рамках этого интервала только единожды, ср. *Заходи завтра!* vs. *Заходи!* Как показывает автор на многочисленных примерах, СВ и НСВ императива при указании на индивидуализованное действие различаются тем, что при употреблении СВ говорящий побуждает адресата решиться на соответствующее действие, а затем привести его в исполнение. Напротив, НСВ употребляется, когда адресат уже принял решение о совершении действия («выбор уже сделан»), но не выполнил действие или не довел его до конца. Таким образом автор показывает, что для выбора вида в императиве знание адресата о ситуации не является решающим фактором, как это часто считают, поскольку побуждение к совершению действия, известного адресату из конситуации или из контекста в случае, когда адресат еще не принял решения о совершении известного ему действия, также должно оформляться СВ. Взаимосвязь между знанием адресата о ситуации и категорией вида имеет место только для НСВ, поскольку решение о совершении действия всегда предполагает знание о соответствующем действии, то есть о диктуме, и адресат способен идентифицировать обозначаемую говорящим ситуацию.

В главе 11 «Повторяемость и СВ» описываются условия, при которых СВ может использоваться для обозначения повторяющейся ситуации. Автор различает две возможности. Употребление СВ возможно, если число повторяемых ситуаций ограничено. В этом случае предикация в СВ указывает на индивидуализованные ситуации. Поэтому употребление СВ возможно лишь в том случае, когда при совершении каждой конкретной ситуации восстанавливается исходное состояние, ср. **Он три раза пришел*. Для НСВ это условие нерелевантно, поскольку соответствующая ситуация указывает на три реализации обозначенного типа. Обозначаемые ситуации не индивидуализуются, ср. *Он три раза приходил* → *Три раза имела место такая ситуация, как X*.

Употребление СВ с референцией к повторяющимся ситуациям возможно также, если

одна-единственная ситуация из ряда повторяющихся индивидуализуется в качестве примера. Подобная индивидуализация оформляется, как правило, формой презенса или инфинитива СВ, в специальном контексте также прошедшим временем СВ. При индивидуализации ситуации индивидуализуются также ее актанты. В примере *Только ястреб иногда пролетит над одинокой могилой* (Каверин) субъект имеет конкретно-референтный статус, при употреблении НСВ это не так. В отличие от формы презенса НСВ, форма презенса СВ может выражать не только реальное, но и потенциальное повторение ситуации: *Она хорошая хозяйка, всегда угостит чем-нибудь вкусным*. Автор описывает условия, при которых возможна эта потенциальная интерпретация, и показывает в то же время, почему предикации этого типа часто интерпретируются как относящиеся к «случайной» ситуации.

Глава 12 «Потенциальное значение СВ» посвящена интерпретации презентной формы СВ с референцией к будущему. Предикации в презентной форме СВ типа *Ты за сколько пробежишь стометровку?* могут относиться к ситуациям, в отношении которых предполагается, что они наступят в будущем, но эти предикации могут относиться также и к ситуациям, наступление которых рассматривается лишь как потенциально возможное. Разбирая процитированный пример, автор показывает, что интерпретация, в частности, зависит от того, принял ли уже собеседник решение относительно будущего действия или еще нет. Если решение совершить действие уже принято, предикация интерпретируется как относящаяся к будущему, если же соответствующего решения нет, то действие интерпретируется как потенциальное. Подробно описываются и анализируются и другие семантические и прагматические факторы, которые обуславливают потенциальное прочтение презентной формы СВ с референцией к будущему.

После такого, никоим образом не полного, обзора затронутых в монографии проблем возникает вопрос, какие идеи позволяют рассматривать данную работу как шаг вперед по сравнению с предшествующими исследованиями в этой области. Что в ней нового? В первую очередь это подробное описание взаимосвязи между категорией вида и модальностью в самом широком смысле слова, области, которая, если не принимать во внимание педагогически ориентированных работ, таких как книга О.П. Рассудовой, едва намечена в существующей литературе. Автор имеет возможность обратиться к собственному исчерпывающему анализу модальности в работе 1996 года, что позволяет ему представить очень подробное

описание взаимосвязи между видом и модальностью.

Кроме того, принципиально важными являются, на наш взгляд, еще два момента, на которых мы хотели бы остановиться более подробно, а именно: 1) попытка определить общефактическое значение НСВ через референциальный статус предикации и 2) учет коммуникативной функции предикаций и их референтов в дискурсе. Оба момента находятся в тесной взаимосвязи друг с другом.

Начнем с первого пункта. Автор исходит из общепринятого в настоящее время положения о том, что СВ имеет одно-единственное значение, он всегда обозначает ограниченную во времени и тем самым индивидуализованную ситуацию, «событие» в терминологии автора. НСВ, в противоположность СВ, имеет несколько значений. В качестве основных автор рассматривает два значения – неопределенно-длительное и общефактическое. В случае если СВ противопоставлен НСВ в неопределенно-длительном значении, автор говорит о событийно-конкретном употреблении СВ, – соответствующая видовая оппозиция отсылает к внутренней структуре обозначаемого события. Здесь мы имеем дело с «линейной аспектуальностью» [Плунгян 2000: 296]. Обозначаемая ситуация представляется в разных ракурсах. При употреблении СВ она представляется как ограниченная во времени, при употреблении НСВ, наоборот, как неограниченная, то есть как уже начавшаяся, но еще не завершившаяся. Если речь идет об изменении состояния, остается неопределенным, достигла ли уже ситуация кульминационной точки или еще достигнет. Как в СВ, так и в НСВ предикация в этой видовой оппозиции отсылает к «конкретной», то есть индивидуализованной ситуации. Если же СВ противопоставлен НСВ в общефактическом значении, то имеет место тип употреблений СВ, который автор называет конкретно-фактическим, – то предикации различаются референциальным статусом. Предикация в СВ указывает на индивидуализованную ситуацию, как и в случае оппозиции с НСВ в неопределенно-длительном значении. НСВ в общефактическом значении, напротив, указывает на тип обозначаемой ситуации. В основе употреблений НСВ в общефактическом значении лежат экзистенциальные высказывания, в которых в дискурсе вводится существование одной из множества однотипных ситуаций: *Мы встречались → Имела место такая ситуация, как встреча*. Обозначаемая ситуация не индивидуализуется, она является «неопределенной», и потому не может быть идентифицирована ни говорящим, ни адресатом. Можно добавить, что речь в данном случае идет о нереферент-

ной (или, в другой терминологии, неспецифической) неопределенности в отличие от референтной неопределенности. Автор не вводит здесь подобного противопоставления, но в связи с другой проблемой показывает, что оппозиция дискурсивно-прагматической (референтной) неопределенности и нереферентной неопределенности также релевантна для категории вида. Дискурсивно-прагматическая неопределенность бывает представлена в интродуктивных высказываниях, например, в начале рассказа: *В соседней комнате объяснялись в любви* (Чехов). Это референтное употребление. Оно, в отличие от нереферентных употреблений, указывает на ситуацию, известную говорящему, адресату же, по мнению говорящего, неизвестную, поскольку она только что введена в дискурс. Таким образом, эта ситуация остается для адресата неидентифицируемой, «неопределенной» [Mehlig 1988].

Определяя общефактическое значение НСВ через «нереферентную неопределенность», автор отказывается от широко распространенного определения общефактического значения как указывающего на ситуацию «не локализованную во времени». Временная неопределенность является для автора лишь следствием нереферентного неопределенного статуса общефактической предикации. В этом его позиция отличается также от позиции Е.В. Падучевой, которая определяет неопределенно-длительное и общефактическое значения НСВ через различные перспективы Наблюдателя. В прошедшем времени при неопределенно-длительном значении избирается синхронная точка наблюдения, при общефактическом – ретроспективная. Для ситуаций в будущем абсолютно симметричным образом для общефактического значения НСВ вводится проспективный Наблюдатель. При таком определении остается неясным, как, например, определять общефактическое значение в инфинитиве. Для автора данной работы подобной проблемы не возникает. При общефактическом значении НСВ всегда имеет место референция к типу, то есть нереферентная неопределенность предикации. Обозначаемая ситуация не индивидуализуется.

Неопределенная референция, независимо от того, идет ли речь о нереферентной или дискурсивно-прагматической неопределенности, обязательно предполагает потенциальное существование нескольких сущностей. «There must definitely exist in the minds of the speaker and hearer at least other referents which are not being referred to, i. e. which are not being included in the reference» [Hawkins 1978: 199]. Для предикаций это означает, как неоднократно подчеркивает автор, что ситуация должна

быть потенциально повторяемой, «то, что не может повторяться, не может получать общефактическое употребление». Высказывание типа *Срок вашего паспорта истек* не может получить общефактической интерпретации, поскольку обозначаемая ситуация не является повторяющейся. Общефактическое значение НСВ оказывается, таким образом, одним из типов количественной аспектуальности.

Как следствие из условия потенциальной повторяемости возникают различия в прочтениях, которые может иметь предикация в общефактическом значении НСВ. Наблюдения автора можно систематизировать следующим образом. Ситуации, при которых исходное и конечное состояние идентичны, всегда повторяемы. Среди ситуаций, которые подразумевают изменение состояния, то есть с неидентичными, исходным и конечным состояниями которых неидентичны, напротив, следует выделить, с одной стороны, изменения состояния с непосредственным результатом («strong resultatives»), с другой стороны, изменения состояния с опосредованным результатом («weak resultatives»). Изменения состояния с опосредованным результатом всегда повторяемы, как показывает автор на примерах типа *принимать ванну, купаться* или *показывать фильм*. В случае же изменений состояния с непосредственным результатом (например, *терять паспорт*) то, будет ли обозначаемая ситуация повторяемой, зависит прежде всего от референциального статуса ее аргументов. Если аргументы соответствующей ситуации имеют общереферентный статус, то сама ситуация обязательно является повторяемой, поскольку общереферентный статус аргументов исключает индивидуализацию обозначаемой ситуации. Предикация в таком случае отсылает к типу ситуации, и таким образом нет никаких ограничений для общефактического значения НСВ. Если же имеет место указание на индивидуализованные объекты, то ситуация с непосредственным результатом будет повторяемой только в том случае, если этот результат обратим. Отсюда возникает так называемое двунаправленное прочтение общефактического НСВ для предложений типа *Я раньше уже терял этот паспорт*. Но и те ситуации с непосредственным результатом, которые, исходя из наших знаний о мире, являются необратимыми (например, смерть человека), могут допускать общефактическую интерпретацию НСВ. Это возможно, если обозначаемая ситуация либо допускает частичную реализацию (например, *есть арбуз*), либо имеет достаточно отчетливую предварительную стадию (например, *умирать*). В контексте [*Мне смерть не страшна. Я уже несколько раз умирал.*] *А ты хоть раз умирал?* вопрос может от-

носиться только к предсмертному состоянию. В этом случае имеет место нерезультативная интерпретация общефактического НСВ. В предикациях типа *подниматься на Эльбрус* НСВ в общефактическом значении может иметь как двунаправленную, так и нерезультативную интерпретацию.

Квалитативные – в другой терминологии, вневременные – предикаты (individual-level predicates) характеризуются тем, что обозначаемые ими ситуации не поддаются квантификации. Они, таким образом, по определению не допускают общефактической интерпретации НСВ. Поэтому автор не усматривает в неоднократно обсуждавшемся примере *Там раньше висела картина* общефактического значения НСВ, независимо от того, идет ли речь об употреблении в дейктическом (преднастоящие) или нарративном регистре (предпрошедшие). Данная предикация не сообщает о том, что по меньшей мере однажды какая-то картина висела на указанном месте, а описывает устойчивое состояние. Автор обозначает этот тип употреблений НСВ как стативно-длительное значение, которое он рассматривает как разновидность неопределенно-длительного значения НСВ.

Принципиально важным для понимания общефактического значения НСВ является наблюдение автора о существовании контекстов, в которых НСВ в общефактическом значении может быть употреблен даже в том случае, если речь идет о ситуациях, в реальности не повторявшихся (например, оборона Москвы под командованием Жукова в 1941 году). При общефактическом употреблении такие единичные ситуации встраиваются в класс других подобных ситуаций. Происходит рекатегоризация, аналогичная той, что имеет место для уникальных объектов при употреблении соответствующих существительных в экзистенциальном предложении. В экзистенциальном предложении типа *У нас в классе тоже есть Антон*, где имя собственное *Антон* переосмысливается как нарицательное [Арутюнова, Ширяев 1983: 22]. Точно так же при употреблении НСВ в общефактическом значении в предикации, в действительности указывающей на единичную ситуацию, обозначаемая ситуация концептуализуется как элемент более общего класса ситуаций. Автор объясняет этот тип употреблений общефактического значения НСВ, в частности, на примере следующей последовательности предикаций: *В 41-м Жуков отражал наступление немцев под Москвой, организовывал оборону Ленинграда... А в 45-м подписывал договор о капитуляции и принимал Парад Победы*. В данном контексте речь не идет о том, чтобы ввести существование обо-

значаемой ситуации в дискурс. Данные предикации скорее являются показательными примерами из жизни Жукова, то есть ситуациями, принадлежащими к общему классу его военных удач. В изолированном высказывании, без отчетливой привязки к ряду схожих ситуаций, НСВ в предикации *В 41-м Жуков отражал наступление немцев под Москвой* не мог бы получить общефактическую интерпретацию. Такое высказывание было бы возможно только в нарративном регистре, и его функцией было бы введение обозначаемой ситуации в дискурс. В этом случае имело бы место неопределенно-длительное значение НСВ. Эти особые ограничения на употребление НСВ в общефактическом значении при указании на уникальную, в реальности не повторяющуюся ситуацию, еще раз подтверждают тот факт, что в основе общефактического значения НСВ лежит нереперентная неопределенность. Предикации в этом случае отсылают не к индивидуализованным ситуациям, а к ситуациям определенного типа и поэтому всегда допускают парафраз *Имела место такая ситуация, как X*.

Вторая особенность, отличающая данную монографию, – учет коммуникативной функции глагольных предикаций и обозначаемых ими ситуаций в дискурсе. Автор исходит из концепции Ш. Балли [Bally 1932/1950] о том, что глагольная форма предикации состоит из двух семантических компонентов – «модуса» и «диктума». Предикация типа *Вчера мы встречались*, во-первых, информирует о существовании некоторой ситуации (модус), а во-вторых, описывает эту ситуацию как «встречу» (диктум). Эта двойственность информации, содержащейся в предикате, становится более наглядной, если представить ту же информацию в виде бытийного предложения *Вчера была встреча между нами*. Такая трансформация в бытийное предложение позволяет описать коммуникативную функцию предикации и обозначаемой ею ситуации, применив к бытийному парафразу общепринятое противопоставление фона и фокуса. По аналогии с бытийными предложениями, указывающими на существование пространственных сущностей, можно выделить три различных коммуникативных типа глагольных предикаций в тексте:

1. Нейтральный тип. Предикат существования (модус) и описание ситуации (диктум) представляют новую информацию и, таким образом, вместе составляют фокус бытийного предложения: *Вчера [была встреча] фокус*. В этом случае автор говорит о «длинной реме».

2. Актуализация модуса. Описание ситуации выступает как известное и составляет, таким образом, «фон», а модус представляет со-

бой «фокус» обозначаемой ситуации: *Вчера [встреча] фон [была] фокус*.

3. Актуализация диктума (описания ситуации). В этом случае модус, то есть информация о существовании ситуации, подразумевается. А описание ситуации составляет фокус бытийного предложения. *Вчера [была] фон [встреча] фокус*. Этот коммуникативный тип автор называет «таксономическим» или «экспликативным».

Вышеперечисленные коммуникативные типы глагольных предикаций в дискурсе релевантны для категории вида не только при референции к индивидуализованным ситуациям, но и при референции к типу, то есть когда имеет место общефактическое значение НСВ. В рецензируемой работе содержится множество подтверждений этому. Рассмотрим, в частности, следующий пример из работы. Предикация типа *После обеда врач принимал больных* может иметь интродуктивную функцию, в этом случае имеет место нейтральный коммуникативный статус. Та же предикация может также служить ответом на вопрос *Что делал врач после обеда?* Тогда имеет место экспликативный статус, поскольку такой вопрос подразумевает существование некоторой индивидуализованной ситуации и функция ответа состоит в том, чтобы подтвердить предположение о существовании ситуации и дать интересующего собеседника описание этой ситуации. В обоих случаях мы имеем дело с неопределенно-длительным значением НСВ. Обозначая ситуацию представлена изнутри, то есть как уже начавшаяся, но еще не завершившаяся. Если внутренний аргумент отсылает к ограниченному множеству (то есть ситуация предельна), то остается неопределенным, достигла ли предела обозначаемая ситуация. В то же время пример типа *После обеда врач принимал больных?* допускает и актуализацию модуса предикации, фразовый акцент высказывания несет в этом случае финитный глагол. В этой ситуации имеет место уже не неопределенно-длительное, а общефактическое значение НСВ: *Такая ситуация, как X, после обеда ИМЕЛА место?*

Учет коммуникативной функции глагольной предикации в дискурсе позволяет также, как показывает автор, ответить на неоднократно поднимавшийся вопрос о том, может ли предикация в СВ, в особенности под отрицанием, указывать на «ожидаемую» ситуацию, и если да, то в каких случаях. Предикация под отрицанием типа *За этот год добыча угля не возросла на 10 млн тонн, как было предусмотрено* планом так или иначе подразумевает, что обозначаемая ситуация принадлежит к картине мира адресата. Указание на «ожидаемую» ситуацию имеет место только в «полемиче-

ском контексте», то есть в том случае, когда актуализован компонент модуса и фразовый акцент несет финитный глагол (так называемая «explicit denial» в отличие от «implicit denial» [Tottie 1991]). Если, как в нашем примере, при употреблении СВ происходит референция к индивидуализованной ситуации, то при актуализации модуса предикация указывает на ситуацию, которую адресат, по мнению говорящего, может идентифицировать как ему известную. В этом случае имеет место референтная определенность описания ситуации. Учет коммуникативной функции глагольной предикации в дискурсе позволяет также объяснить, почему пример типа *Ты СЛОМАЛ ногу?* не может быть интерпретирован как вопрос к модусу, а только как вопрос к диктуму. Интересующая говорящего ситуация случайна, непредсказуема и потому неизвестна адресату, не может быть им идентифицирована. Поэтому вопрос может быть интерпретирован только экспликативно: *Ты что, НОГУ сломал?* Фразовый акцент на глаголе возможен в этом экспликативном вопросе только в том случае, если аргументы предикации указывают на объекты, известные адресату: *Что с ногой? Ты ее СЛОМАЛ?*

Предикация может указывать на уже введенную ранее в тексте ситуацию и сообщать информацию о других компонентах высказывания, таких как Агенс, Место, Время. В подобном случае мы имеем дело с частично экспликативными высказываниями, поскольку из предшествующего текста известно не только о существовании ситуации, частично из него известен и диктум: ведь раз ситуация упоминается повторно, то известна также семантика соответствующего глагола. Начиная с работ О.П. Рассудовой, употребление вида «в случае, когда говорящего интересует, где, когда, кто совершал действие» [Рассудова 1968/1982: 53], рассматривается как особый случай и интерпретируется разными исследователями очень по-разному. Е.В. Падучева [Падучева 1996] обозначает это употребление НСВ как «акциональное значение НСВ», поскольку, по ее мнению, употребление НСВ в таком случае возможно только для контролируемых ситуаций (action). Это «акциональное значение НСВ», со своей стороны, она рассматривает как разновидность общефактического значения, поскольку и это употребление предполагает ретроспективную позицию Наблюдателя. А. Грённ [Grønn 2004] обозначает повторное употребление предикации в НСВ вслед за употреблением ее в СВ как «presuppositional factual imperfective aspect». При этом его формально-семантический анализ ограничивается случаями повторного употребления предикаций, ука-

зывающих на достижение предела ситуации. В работе [Mehlig 2001] мы попытались показать, что следует противопоставлять случаи, когда предикация употребляется повторно для указания на тип и когда предикация употребляется повторно для указания на индивидуализованную ситуацию. Повторное употребление в НСВ предикации, указывающей на индивидуализованную ситуацию, мы попробовали описать как одну из разновидностей процессного значения НСВ. И.Б. Шатуновский в целом соглашается с идеей рассматривать анафорическое употребление НСВ как особый случай видового употребления. По его мнению, при повторном употреблении предикации в НСВ всегда имеет место общефактическое значение НСВ.

Для лучшего понимания природы употребления вида в частично экспликативных высказываниях нам кажется важным прежде всего различать случаи повторного упоминания ситуации как типа и повторного упоминания индивидуализованной ситуации. Если предикация в antecedente указывает на тип, то при кореферентном повторном употреблении предикации значение НСВ тоже следует интерпретировать как общефактическое, ср. [*Они ВСТРЕЧАЛИСЬ в прошлом году.*] *А ГДЕ они встречались?* В antecedente представлено общефактическое значение НСВ, и остается неопределенным, имела место одна встреча или несколько. Это верно и для второй предикации (вопроса). Обе предикации указывают на тип обозначаемой ситуации, обе имеют нереферентно-неопределенный референциальный статус. В этом случае представлен тип кореференции, известный также как коассигнация. Если же, напротив, мы имеем дело с antecedentом в СВ, указывающим таким образом на индивидуализованную ситуацию, то при повторном упоминании соответствующей ситуации может также употребляться СВ, но часто употребляется и НСВ. Вопрос в том, как классифицировать употребление НСВ в примерах типа *Где вы покупали пластинки? [Они еще есть в продаже?]*. По мнению И.Б. Шатуновского, в данном случае мы имеем дело с атрибутивным употреблением общефактического значения НСВ, то есть при употреблении НСВ ситуация, которая в предшествующем контексте была представлена как индивидуализованная, представляется теперь уже как тип, как элемент множества схожих ситуаций. В таком случае это уже не кореференция в строгом смысле слова, а переход от индивидуализованной ситуации к ситуации как типу, от референтной определенности (*ситуация X*) к нереферентной неопределенности (*такая ситуация, как X*). В

пользу подобной интерпретации говорит тот факт, что во втором вопросе *Они еще есть в продаже?* тематизируется повторяемость интересующей говорящего ситуации. Та же логика применима к примерам типа *Как неровно висит карта! Кто ее вешал?*, в которых ситуация подвергается оценке. Оценка означает сравнение с другими ситуациями того же типа. Если повторное упоминание ситуации, индивидуализированной в предшествующем контексте, указывает, как в приведенных примерах, на ее тип, то мы имеем дело с количественной аспектуальностью.

При употреблении НСВ в предикации, указывающей на уже введенную в предшествующем контексте индивидуализированную ситуацию, на наш взгляд, речь может идти и о процессном значении НСВ. Особенно правдоподобной такая интерпретация кажется для примеров типа *Кто переводил текст, Антон? Он заметил, что не хватает двух страниц?* В этом случае сохраняется кореференция между антецедентом в СВ и повторным употреблением предикации в НСВ. Обе предикации отсылают к индивидуализированной ситуации. При таком кореферентном повторном употреблении предикации в НСВ результат, о наличии которого сообщается при употреблении в антецеденте СВ, ослабляется, а процесс, деятельность, приводящая к изменению состояния, тематизируется: *Антон заметил, что не хватает двух страниц, когда он переводил текст?* Другими словами, при повторном употреблении в НСВ предикация указывает только на деятельность и не содержит информации о том, достигла ли обозначаемая ситуация предела. Эта информация может быть получена только из предшествующего контекста. Предикация НСВ служит, таким образом, для введения фоновой информации. С ее помощью проясняются другие ситуации, произошедшие на фоне обозначаемой ситуации, т. е. одновременно с ней. В этом случае имеет место линейная аспектуальность.

Как показывают эти заключительные рассуждения и дополнения, данная монография представляет собой в высшей степени поучительное чтение. Эта книга будет полезна каждому, кому интересна проблематика русского вида.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова, Ширяев 1983 – Н.Д. Арутюнова, Е.Н. Ширяев. Русское предложение. Бытийный тип. М., 1983.
Кобозева 1980 – И.М. Кобозева. Некоторые правила выбора вида глаголов при синтезе простого предложения, выражающего

заданный смысл // Актуальные вопросы структурной и прикладной лингвистики. М., 1980.

- Падучева 1996 – Е.В. Падучева. Семантические исследования. М., 1996.
Падучева 2008 – Е.В. Падучева. Имперфектив отрицания в русском языке // ВЯ. 2008. № 3.
Плунгян 2000 – В.А. Плунгян. Общая морфология: введение в проблематику. М., 2000.
Рассудова 1968/1982 – О.П. Рассудова. Употребление видов глагола в современном русском языке. М., 1982.
Храковский 1988 – В.С. Храковский. Императивные формы НСВ и СВ в русском языке и их употребление // R Ling. 1988. Т. 12. № 3.
Шатуновский 1996 – И.Б. Шатуновский. Семантика предложения и нереферентные слова. М., 1996.
Bally 1932/1950 – Ch. Bally. Linguistique générale et linguistique française. Bern, 1950.
Breu 2001 – W. Breu. Der indefinite Artikel in slavischen Mikrosprachen: Grammatikalisierung im totalen Sprachkontakt // H. Kusse (ed.). Slavistische Linguistik. München, 2001.
Grønn 2004 – A. Grønn. The semantics and pragmatics of the Russian factual imperfective. Dr. art. dissertation. Acta humanorum V. 199. Oslo, 2004.
Hawkins 1978 – J. Hawkins. Definiteness and indefiniteness. London, 1978.
Mehlig 1988 – H.R. Mehlig. Verbalaspekt und Determination // J. Ræcke (ed.). Slavistische Linguistik 1987. München, 1988.
Mehlig 2001 – H.R. Mehlig. Verbal aspect and the referential status of verbal predicates: On aspect usage in Russian *Who*-questions // Journal of Slavic linguistics. 2001. 9.
Mittwoch 2008 – A. Mittwoch. The English resultative perfect and its relationship to the experiential perfect and the simple past tense // Linguistics and philosophy. 2008. 31.
Tottie 1991 – G. Tottie. Negation in English speech and writing: a study in variation. San Diego; New York; London, 1991.
Wierzbicka 1967 – A. Wierzbicka. On the semantics of the verbal aspect in Polish // To honour Roman Jakobson. The Hague; Paris, 1967.

Х.Р. Мелиг

(перевод с немецкого Н.М. Стоиновой)

Сведения об авторе:

Ханс Роберт Мелиг / Hans Robert Mehlig
Institut für Slavistik
Christian-Albrechts-Universität Kiel
mehlig@slav.uni-kiel.de

Вадим Викторович Дементьев – доктор филологических наук, профессор Саратовского университета. Его книга, как указывает сам автор, является во многом итоговой, подводящей некоторую, конечно, условную черту под ведущимися уже три десятилетия, в основном в СССР и России, исследованиями по речевым жанрам. В.В. Дементьев, являющийся одним из ведущих специалистов в этой области, подробно обсуждает и обобщает разнообразные проблемы, с которыми сталкивались и продолжают сталкиваться лингвисты при изучении речевых жанров.

Теория речевых жанров начала складываться в СССР в начале 80-х гг. под влиянием публикации работы М.М. Бахтина «Проблема речевых жанров», написанной в 1952–1954 гг., но изданной лишь в конце 1970-х годов. В книге В.В. Дементьева показано, что это лингвистическое направление развивается во многих городах России: упоминаются Саратов, Волгоград, Екатеринбург, Красноярск, Новосибирск, Омск, Тверь, Краснодар, Пермь, Орел, Воронеж, Иркутск и др., тогда как Москва и Санкт-Петербург не занимают здесь ведущего положения. В ряде городов сложились научные школы.

М.М. Бахтин выдвинул обобщенное понятие речевого жанра, ранее изучавшегося только как литературный жанр. Он писал: «К речевым жанрам мы должны отнести и короткие реплики бытового диалога..., и бытовой рассказ, и письмо..., и короткую стандартную военную команду, и развернутый и детализированный приказ, и довольно пестрый репертуар деловых документов (в большинстве случаев стандартный), и разнообразный мир публицистических выступлений..., но сюда же мы должны отнести и многообразные формы научных выступлений и все литературные жанры (от поговорки до многотомного романа)» [Бахтин 1996: 159–160]. Речевые жанры «для говорящего индивидуума... имеют нормативное значение, не создаются им, а даны ему» [Там же: 183]; «речевые жанры даны нам почти так же, как дан родной язык» [Там же: 181]. Эти положения ученого получили развитие в теории речевых жанров.

В.В. Дементьев указывает, что теория речевых жанров тесно соприкасается с рядом других лингвистических направлений, сформировавшихся одновременно с ним или несколько раньше во второй половине XX века. Это теория речевых актов, прагматика, дискурсивный анализ, лингвистика текста, когнитивная лингвистика и др. Каждое из этих направлений имеет свой круг исследователей, однако границы

между ними нечетки, изучаемые проблемы пересекаются, и нередко создается впечатление, что в разных терминах говорится об одном и том же. Как констатирует В.В. Дементьев, особенно часто разновидностями одной и той же дисциплины считают теорию речевых актов и теорию речевых жанров. При разных истоках и времени появления все направления отражают определенный этап в развитии мировой лингвистики.

Господство структурализма, по верному замечанию В.В. Дементьева, «было не лучшее время для изучения речевых жанров – как и речи в целом» (с. 21). И в годы, когда М.М. Бахтин работал над «Проблемой речевых жанров», наука о языке была сосредоточена на изучении языковой структуры, игнорируя все, что Ф. де Соссюр называл речью. Кризис структурной парадигмы, обозначившийся ко второй половине 50-х годов, привел к формированию новых подходов к языку. Одним из них стал генеративизм, который, однако, также не стал заниматься проблемами, отнесенными Н. Хомским к «употреблению», в том числе речевыми жанрами. Но примерно в то же время Дж.Л. Остин выдвинул теорию речевых актов, а ранее введенное Ч.У. Моррисом понятие прагматики начало активно разрабатываться. Постепенно стали развиваться вышеупомянутые направления лингвистики, по-разному выходящие за пределы изучения языка в смысле Ф. де Соссюра.

Но, как часто бывает в период становления новых научных парадигм, развитие теории опережало развитие методов. Принципиально новые идеи, как правило, не получали (и нередко не получили до сих пор) адекватных методов для их подтверждения. Это хорошо видно, например, в исследованиях языковых картин мира. Это же свойственно и теории речевых жанров. М.М. Бахтин выдвинул существенные идеи, которые постоянно обсуждаются в рецензируемой книге, но не предложил, например, никаких критериев отграничения одного речевого жанра от другого, о чем уже писал автор данной рецензии [Алпатов 2005: 321]; признает это и В.В. Дементьев (с. 157).

Естественным в таких условиях было обращение к уже существующим методам изучения языка. Скажем, исследователи связного текста первоначально занимались языковыми средствами связи предложений (анафорические местоимения, союзы и др.), но скоро стало ясно, что связность текста может обеспечиваться и при отсутствии таких явных средств. Как показано в книге, текст почти невозможно изучать, опираясь только на язык, но вопрос о

том, что еще привлекать, решается по-разному. То же происходит и с изучением речевых жанров. В.В. Дементьев выделяет два наиболее развитых его направления: лингвистическое и прагматическое изучение. Лингвистическое направление в основном сводится либо к синтагматическому изучению реплик разного типа в речевой цепи, либо к толкованию названий речевых жанров. Такого рода исследования, по мнению В.В. Дементьева, упрощают данные проблемы и затрагивают лишь отдельные их аспекты, поэтому «сегодня найдется не так уж много сторонников данного направления» (с. 52). Скажем, важнейшее для теории речевых жанров разграничение прямой и непрямой коммуникации может никак не проявляться в языковых явлениях, тем не менее носители языка умеют их различать.

Более перспективным автор книги считает прагматический подход к речевым жанрам, направленный на изучение диалога и коммуникативной ситуации (тогда как лингвистический подход монологичен и не учитывает роль адресата); здесь также используются идеи М.М. Бахтина. Однако данный подход зачастую изучает не столько речь, сколько социальное взаимодействие, и «исследуются не собственно речевые жанры, а жанры ситуативные, поведенческие и другие» (с. 54).

В книге дается очень подробный обзор появившихся в СССР и России за три последних десятилетия работ по речевым жанрам. В этом ее безусловное достоинство, тем более что большинство их публиковалось в провинциальных сборниках и ученых записках или представляло собой докторские и кандидатские диссертации, чаще защищавшиеся не в центре (на с. 64–65, 69–71 приводится список из 27 диссертаций, защищенных в 1990–2000-е гг. в Саратове, и 47, защищенных за эти же годы в Волгограде). Такие работы с трудом доходят и до Москвы, не говоря уже о других странах. Например, автор рецензии должен признать, что его попытка обзора современных исследований по речевым жанрам [Алпатов 2005: 392–398] была недостаточно представительной, что справедливо отметила Т.В. Шмелева [Шмелева 2007: 62].

Однако в книге не рассматривается естественно возникающий вопрос: в какой степени все эти отечественные исследования связаны с мировой наукой? Из иностранных авторов у В.В. Дементьева постоянно присутствует лишь А. Вежбицка, которая, хотя и живет далеко от России, но уже давно как бы признана в российской науке «своей»; впрочем, по его мнению, она, хотя и активно использует работы М.М. Бахтина, обратившись к ним одной из первых, но, занявшись «кросскультурным»

изучением жанров, далеко отошла от его подхода (с. 9–10). Но время от времени упоминаются и другие иностранные авторы, болес всего немецкие и польские, однако степень развития жанровых исследований в мире из книги неясна. Создается все же впечатление того, что теория речевых жанров – в основном российское явление, отчасти захватывающее страны, культурно связанные с Россией, а, например, в англоязычной науке соответствующие проблемы изучаются в рамках концепций, выдвинутых на своем для нсе языке: теории речевых актов, прагматики, дискурсного анализа.

Специальная глава книги посвящена месту жанра в речевой системности. Идея системности речи (отрицавшейся Ф. де Соссюром) была еще в 30-е гг. выдвинута А. Гардинером. Поисками такой системности занимаются все направления, упомянутые выше, но очень по-разному. Как отмечает В.В. Дементьев (с. 78), во многих отечественных работах жанр признается основной единицей организации дискурса, но и у нас, и еще чаще на Западе опираются совсем на другие понятия (их список приводится на с. 83). Замечу, что в книге определения понятия *дискурс* не дается (даже в предметном указателе нет ни одной ссылки на упоминание *дискурса* вообще, говорится лишь о его видах), но, как мне представляется, под дискурсом в ней может пониматься либо речь вообще, либо ее конкретное воплощение. В последнем случае синонимом дискурса выступает *текст*.

Каждый текст, если он используется в процессе коммуникации, должен быть интерпретирован; для этого, наряду с системой языка, используются разные опознаватели, среди которых важнейшую роль играют речевые жанры. В книге вводится базовое разграничение прямой и непряой коммуникации: прямая коммуникация непосредственно основана на системе языка, а непряая коммуникация либо обращается к нестандартным языковым средствам, либо вообще не опирается на систему языковых значений и значимостей. Непряой коммуникации были посвящены две предшествующие книги [Дементьев 2000; 2006] и докторская диссертация того же автора.

К непряой коммуникации относятся многие уже достаточно известные и изученные явления: косвенные речевые акты, имплицитность, эвфемизмы, тропы, ирония и т.д. Многие ее способы конвенциализированы с помощью стандартных языковых средств: в грамматиках японского языка специально указывают, что формы отрицательного вопроса чаще обозначают косвенное повеление; это же свойственно и русскому языку (*Не могли бы вы открыть окно?*). Но таких средств может и не быть, од-

нако правильная интерпретация непрямо́й коммуникации может достигаться и иными способами, в том числе через речевые жанры, среди которых немало количество ориентированных на непрямо́ую коммуникацию (косвенные речевые жанры); их анализу посвящена значительная часть рассматриваемой книги. Рассмотрены и некоторые речевые жанры, связанные с прямо́й коммуникацией, прежде всего этикетные.

Понятие речевого жанра анализируется в книге с точки зрения его соотношения со смежными понятиями, вводившимися в других направлениях современной лингвистики или еще раньше. Речевой жанр соотносится с коммуникативным жанром (более широкое понятие, включающее и виды невербального общения), речевым актом (по мнению В.В. Дементьева, речевые акты – наиболее простая разновидность речевых жанров), стилем, речевым событием (по Д. Хаймсу).

Все эти соотношения (понимаемые разными авторами по-разному) ставят вопрос: «От каких смежных явлений *должен быть отграничен* речевой жанр?» (с. 125). Этот вопрос, как показывает В.В. Дементьев, решается при очень большом разбросе мнений; в том числе существуют «расширяющая» и «сужающая» тенденции выделения жанров. Для его решения необходимо рассмотреть вопрос об основаниях классификации речевых жанров, чему посвящена следующая глава книги.

М.М. Бахтин, не дав какой-либо четкой классификации речевых жанров, тем не менее предложил два важных основания для нее: 1) выделение первичных (простых, обычно относящихся к бытовой сфере) и вторичных (сложных, свойственных прежде всего художественной литературе); 2) выделение стандартизированных жанров вроде приветствия и поздравления и более свободных жанров. Затем предлагались и другие классификации, у нас наиболее известны классификации Т.В. Шмелевой и Н.Д. Арутюновой (последняя основана на теории речевых актов, но может быть применена и к жанрам). Кроме того, многие авторы, используя идеи Р. Якобсона, выделяют жанры информативной речи и жанры фатической речи, ориентированные соответственно на сообщение и общение; фатические жанры всегда косвенны. Еще одно важное разграничение введено для косвенных актов саратовской исследовательницей О.Б. Сиротиной: это конвенциональные жанры, которые «диктуют адресату речи четкую интерпретацию коммуникативных намерений адресанта» (с. 161), и неконвенциональные, лишенные этого свойства; лишь для конвенциональных жанров можно говорить о правильном или не-

правильном их понимании. Существуют также эмпирические классификации жанров для конкретных речевых культур, в частности, русской; первой была классификация М.В. Панова, предложившего ее в 1962 г. независимо от М.М. Бахтина, позже появилась классификация А. Вежбицкой.

Все эти классификации отражают некоторую реальность, однако не только недостаточно детальны и охватывают не все случаи, но и могут быть уязвимы для критики. Например, классификации Н.Д. Арутюновой и Т.В. Шмелевой «являются... ярко выраженными “дедуктивными классификациями”»: типы речевых жанров выделяются в них ДО обращения к конкретному речевому материалу», а их слишком общий характер «затрудняет их использование в качестве рабочего инструментария на практике» (с. 155). В книге показано, что «поиск адекватного основания классификации» и поныне составляет трудность, которая не преодолена, а многие жанры «трудно свести воедино» (с. 163). Далеко от окончательного решения вопроса и В.В. Дементьев, который лишь активно пользуется одними разграничениями (жанры информативной – фатической речи, конвенциональные – неконвенциональные жанры) и избегает других, например, классификации Т.В. Шмелевой (информативные, императивные, этикетные, оценочные жанры), которая, впрочем, частично пересекается с другими.

Неясность общего подхода отражается и при выделении конкретных жанров. Их может выделяться очень много: на с. 261 упомянут список из 3945 жанров, выделенных для немецкого языка зарубежным автором. В книге приводится список из 295 жанров, выделявшихся в известных автору публикациях на русском языке (с. 294–304). Перечисленные по алфавиту, они производят впечатление крайней разнородности, нередко, видимо, по-разному именуются одни и те же жанры. Характерно, что и В.В. Дементьев иногда противоречит сам себе. Например, на с. 144 он, выступая против излишнего расширения границ понятия «речевой жанр», в числе необоснованно выделяемых жанров называет *рекламу*. Но далее он упоминает рекламу как речевой жанр (с. 273, 283, 284); в том числе на с. 273 реклама отнесена к жанрам, которые «прекратили существование насильственным или искусственным образом в СССР».

Безусловно, отсутствие критериев определения того, где мы имеем дело с одним жанром, а где с двумя, не является основанием для отказа от эмпирической работы по выделению жанров. Где-то жанры имеют строгую структуру (стандартизированные жанры, по М.М. Бахтину), где-то пока что приходится руководствоваться

здравым смыслом и интуицией. Так поступает наука о языке и во многих других случаях.

Помимо постановки общей проблемы, В.В. Дементьев рассматривает и отдельные типы речевых жанров, прежде всего фатические типы, при которых передаваемая информация имеет меньшее значение, чем установление и поддержание взаимоотношений между собеседниками. Здесь он также опирается на идеи М.М. Бахтина, высказывая спорное, но любопытное мнение: «Есть все основания утверждать, что Бахтин понимал диалог прежде всего как диалог *фатический* (хотя и не использовал этого термина): все интересы собеседников сосредоточены друг в друге, предмет речи вторичен» (с. 210).

На с. 215 автор книги строит схему, позволяющую классифицировать все известные фатические жанры по двум параметрам: степени межличностной близости (на одном полюсе – унисон, на другом – диссонанс) и степени косвенности (например, минимальной при *обвинении* и максимальной при *розыгрыше*). Нацеленность на близость при малой косвенности дает жанры *разговора по душам* и *комплимента*, та же нацеленность при большой косвенности – жанры *шутки* и *флирта*, нацеленность на диссонанс при малой косвенности – жанры *обвинения*, *оскорбления*, *ссоры*, а при большой косвенности – *розыгрыша*, *издёвки*, *похвалы*. Нейтральность обоих параметров дает то, что В.В. Дементьев называет *праздноречивыми* жанрами, чаще именуя их английским термином *small talk*, подчеркивая этим их нехарактерность для русской речевой культуры. Разумеется, эта классификация дает лишь частичное разграничение жанров, например, *шутка* и *флирт* – не одно и то же (ниже параметры для их разграничения не вводятся, но дается содержательное объяснение того, чем они разграничиваются). Вероятно, следовало бы учитывать и степень фатичности: скажем, для *оскорбления* она выше, чем для *обвинения*, где существенно и то, в чем обвиняется адресат. Но все же какие-то основания классификации даны. Все эти жанры изучаются на конкретных примерах из художественной литературы и записей живой речи.

Часть этих же жанров – *разговор по душам*, *светская беседа*, *флирт*, а также не вполне фатический жанр *анекдота*, более подробно рассматривается в последней главе книги, наибольшей по объему. Автор книги ставит проблему создания «энциклопедии речевых жанров» и рассматривает эту часть исследования как материалы для нее. Три первых жанра рассмотрены на основе материала российской и русскоязычной зарубежной прессы 1992–2009 гг., собранного и обработанного при помощи корпусно-

поисковой системы «Integrum»; привлекается и материал художественной литературы. Базой для изучения жанра анекдота послужил редко у нас используемый материал журнала «Крокодил» (раздел «Улыбки разных широт») 70-х гг. Подробно изучены разные аспекты каждого из жанров, в частности, их национальная специфика. Жанр разговора по душам важен и специфичен именно для русской культуры, тогда как жанр светской беседы до последнего времени не был для нас органичен, и лишь в два последних десятилетия, особенно в 2000-е гг., начал заметно распространяться, причем ключевые слова *свет* и *светский* начали вытесняться новыми квазисинонимами *гламур* и *гламурный* (процесс еще далек до завершения); в книге даются статистические данные по системе «Integrum». Исследован также гендерный аспект: если *флирт*, естественно, предполагает общение мужчины с женщиной, то *разговор по душам* в русской культуре в большинстве случаев – жанр подчеркнуто мужской.

Изучение жанра анекдота сейчас стало популярным, однако оно (по крайней мере, в России) обычно оказывается излишне политизированным: основное внимание уделяется содержанию анекдотов (преимущественно политических), а не их речевой форме. В.В. Дементьев в целом избегает такого уклона, чему способствует выбор источника материала (анекдоты в советской «подцензурной» печати многие игнорируют). Помимо изучения структуры анекдота, его исследование опровергает мнение, когда-то высказанное В. Раскиным, о том, что по содержанию анекдоты могут быть только сексуальными, этническими и политическими: даже в материале «Крокодила», где по понятным причинам именно данные их виды ограничивались, «представлено почти полное типологическое многообразие анекдотов» (с. 453). К сожалению, излишняя политизация в ряде случаев свойственна и В.В. Дементьеву, не всегда имея отношение к делу (с. 230, 334, 363, 365, 387–388, 395–396, 437, 453 и др.).

Остановлюсь лишь на уже приводившемся тезисе об отсутствии рекламы в СССР. Не говорю о 20-х гг., когда к этому жанру были причастны В.В. Маяковский и другие видные писатели. Но и позже всякие формулы вроде *Вкусно, питательно, купите обязательно* (о зернистой икре) или *На сигареты я не сетую, сам курю и вам советую* (несмотря на борьбу с курением, было и такое) все-таки относились к рекламе и ни к чему другому. Торговая реклама не обязательно связана со стремлением заставить адресата покупать мои товары, а не товары конкурента (хотя в годы НЭПа бывало и такое, причем лучшие авторы помогали именно государству бороться с конкуренцией нэпманов). Еще

одна причина, игравшая особую роль именно в СССР, – желание научить адресата употреблять тот или иной товар, например, обратить внимание курильщика папирос на то, что существуют сигареты, в то время новый вид товара.

Но все это далеко не главное в книге, как и имеющиеся в ней мелкие погрешности. Например, употреблявшийся В.Н. Волошиновым в отношении В. фон Гумбольдта и его последователей термин *индивидуалистический субъективизм* на с. 20 превратился в «субъективный идеализм», что не одно и то же (кстати, в привычной в советское время классификации Гумбольдт был как раз объективным идеалистом). На с. 155–156 к «последователям Бахтина» отнесен М.В. Панов, хотя в 1962 г., когда он предложил свой список русских речевых жанров, он не мог знать об идеях, изложенных в хранившейся в Саранске рукописи. Ф. де Соссюру приписывается утверждение о том, что «на оси времени (т. е. в речи) нет системы» (с. 77), хотя метафора «ось времени» касается не речи, а диахронии в языке (по Соссюру, системы нет ни там, ни там, но это разные вещи). Иногда существенная мысль высказывается в слишком категоричной форме. Например, «противопоставление фатики и информатики признается чрезвычайно существенным практически всеми языковедами мира» (с. 209). Может быть, отрицают это противопоставление и немногие, но огромное число лингвистов просто не думают о нем, занимаясь иными проблемами.

Важнее вопрос о том, что дала науке теория речевых жанров и каковы ее перспективы. Об этом говорится во введении и этому специально посвящена предпоследняя глава книги, названная «Жанроведение в XXI в.: перспективные направления»; в главе, впрочем, затрагивается и другой вопрос: о формировании новых речевых жанров, связанных с компьютеризацией.

Оценки В.В. Дементьева двойственны. С одной стороны, история теории речевых жанров «ознаменовалась целым рядом важных достижений на пути осмысления функционирования языка и речевой системности» (с. 7), а появившиеся в самые последние годы работы, посвященные ранее не рассматривавшимся аспектам этой теории, «свидетельствуют о здоровье науки: актуальности и динамическом развитии» (с. 17). С другой стороны, «общий интерес к РЖ (речевым жанрам. – В. А.) в лингвистике действительно уменьшился» (с. 248), и «в современных исследованиях... само понятие “жанр” в значительной степени смещается на периферию, будучи вытеснено очень активно развивающимися, ориентированными на западные традиции концепциями, прежде всего когнитивными и лингвокультурологическими» (с. 248–249). Кроме того, «исследования по ре-

чевым жанрам, осуществляющиеся в последнее время, в значительной степени отказываются от глобальных объясняющих моделей» и «ограничиваются фиксацией системности именно на отдельных – как правило, достаточно маленьких – участках речевых жанрового пространства» (с. 12). В.В. Дементьев упоминает, что «нечто подобное (десятилетиями-двумя раньше и, пожалуй, в более явном виде) произошло с теорией речевых актов, прагматикой, прагмалингвистикой» (с. 17). И там период больших ожиданий сменился разочарованием, а «на смену универсализму приходят атомизм, схематизм» (с. 18), что еще в начале 1990-х годов отмечала Т.Г. Винокур.

В.В. Дементьев пишет, что «смотрит на историю отечественного жанроведения “изнутри”» (с. 15) и поэтому не всегда может быть объективен. Если же взглянуть на эту историю извне, то бросаются в глаза, пожалуй, три момента. Во-первых, ученые разных стран, школ и традиций в течение уже более чем полувека в разной системе терминов или вовсе без системы обращаются к одним и тем же проблемам, до того долго игнорировавшимся лингвистикой, но исключительно важным. Этот процесс закономерен и, безусловно, будет продолжаться.

Во-вторых, у исследователей, даже принадлежащих к одной научной школе, очень мало единства, а научные направления довольно быстро сменяют друг друга. Пережили расцвет и стали угасать теория речевых актов и прагматика, то же, возможно, происходит и с теорией речевых жанров (правда, В.В. Дементьев отмечает, что с 2006 г. количество публикаций стало вновь увеличиваться), зато стала влиятельной когнитивная лингвистика. Тут могут влиять и экстранаучные обстоятельства: созданные на отечественной почве направления науки сейчас нередко вытесняются англоязычными аналогами. Но в любом случае дело не только в этом. Создается впечатление, что ученые ищут более или менее одну и ту же истину, подступаясь к ней с разных сторон, разочаровываются в одной попытке и предпринимают новую. Сейчас В.В. Дементьев считает наиболее перспективным в XXI в. развитие теории речевых жанров в сторону сближения с лингвокультурологией, разработки проблемы «жанр и культура». Возможно, такое развитие продлит существование жанроведения, а, может быть, в результате появится еще какое-то совсем новое направление.

В-третьих, такое далеко не гладкое развитие данных лингвистических дисциплин явно связано с неразработанностью научных методов, о чем уже говорилось в начале рецензии. В.В. Дементьев хорошо показывает недостаточность для изучения речи методов, разработанных ранее лингвистикой для изучения язы-

ка. Безусловно, это связано с гораздо большей сложностью и неоднородностью речевых явлений по сравнению с языковыми. Лингвистика и до Ф. де Соссюра стремилась выделить из множества феноменов наиболее регулярные и очевидные, а структурализм лишь эксплицировал это стремление. Но настало время расширять объект изучения, и тут сразу встают вопросы метода. Методы других наук, во-первых, могут подменить лингвистический анализ чем-то другим, во-вторых, часто они также не разработаны.

Что можно здесь предложить? Безусловно, сильной стороной подхода В.В. Дементьева является умение детально анализировать конкретный речевой материал. Показателен подробный анализ рассказа В. Шукшина «Медик Володя» (с. 228–235). Автор книги изучает его с точки зрения нарушения персонажами правил речевого жанра (в данном случае, светской беседы, затем переходящей во флирт). Анализ значительно отличается от лингвистического, но очень похож на литературоведческий (хотя аналогичным образом могла бы изучаться и запись живой речи; материал рассказа удобен лишь тем, что, помимо диалога, в нем содержится и внутренняя речь героя). Исследователь реконструирует намерения персонажей, сверяет их реплики с эталоном светской беседы и фиксирует отклонения, показывает постепенный и неожиданный для самого героя рассказа переход от одного жанра к другому. С точки зрения лингвиста анализ нестрог и субъективен, вероятно, другой исследователь речевых жанров мог бы провести его по-другому (а лингвистика привыкла, по крайней мере, в идеале требовать проверяемости и повторяемости анализа), но этот анализ выглядит разумным и убедительным. Во всяком случае, проверку критерием здравого смысла он выдерживает.

Пока неясно, сможет ли изучение речи выработать более строгие методы или же их принципиально не существует. Полвека назад считалось, что выработка математических методов

для любой гуманитарной науки – вопрос времени. Точка зрения, согласно которой в лингвистике строгие методы применимы лишь там, где «элементами структуры являются чистые отношения» (фонология, отчасти грамматика) [Абаев 2006: 103], высказанная в 1960 г., тогда казалась анахронизмом, теперь ее рассматривают всерьез. Но дисциплина, не обладающая строгим методом, всегда будет вызывать неудовлетворенность (в том числе у самих ее представителей) из-за субъективности и произвольности, а выводы могут оказаться слишком далеко идущими. И все же нужны и поиски методов изучения речи, и тем более необходима сама лингвистика речи. Ее направления, включая теорию речевых жанров, уже дали интересные результаты, а рецензируемая книга позволяет читателю с ними познакомиться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев 2006 – В.И. Абаев. Статьи по теории и истории языкознания. М., 2006.
Алпатов 2005 – В.М. Алпатов. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М., 2005.
Бахтин 1996 – М.М. Бахтин. Собрание сочинений. Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М., 1996.
Дементьев 2000 – В.В. Дементьев. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов, 2000.
Дементьев 2006 – В.В. Дементьев. Непрямая коммуникация. М., 2006.
Шмелева 2007 – Т.В. Шмелева. Жанроведение? Генристика? Генология? // Антология речевых жанров. М., 2007.

В.М. Алпатов

Сведения об авторе:

Владимир Михайлович Алпатов
Институт востоковедения РАН
v-alpatov@ivran.ru

D. Shulman (ed.). Language, ritual and poetics in ancient India and Iran: Studies in honor of Shaul Migron. Jerusalem: The Israel academy of sciences and humanities (Publications of the Israel academy of sciences and humanities. Section of humanities), 2010. x + 276 p.

Рецензируемая книга представляет собой сборник, составленный по материалам конференции «Миф, ритуал и поэзия в древней Индии и Иране», организованной в марте 2001 г. в Иерусалиме Израильской академией наук и посвященной 60-летию замечательного израильского лингвиста и востоковеда, специалиста по индоиранской филологии Шауля Мигрона.

Сборник включает двенадцать статей (в том числе и статью самого юбиляра), которые сгруппированы в четыре раздела и представляют различные области индологии и иранистики, начиная с исследования ведийской грамматики и ведийских текстов и кончая классической санскритской поэтикой.

Первый раздел, «Исследования по ведийскому языку», открывает статья «Валентность и значение глагола *yaj* в Ригведе» Д. Баума, ученика Ш. Мигрона, защитившего в Лейденском университете диссертацию (под руководством Ш. Мигрона и А. Лубоцкого) об императиве в Ригведе. Автор поставил своей задачей проанализировать все основные типы употребления этого хорошо засвидетельствованного ведийского глагола, обычно используемого в качестве примера одной из центральных функций ведийского медиального залога: *yájati* (активная форма) 'совершать жертвоприношение в чьих-либо интересах' ~ *yájate* (медиальная форма) 'совершать жертвоприношение в своих интересах' (значение, часто определяемое как 'аффективно-посессивное'). В целом выводы автора, сделанные на основе детального анализа засвидетельствованных конструкций, подтверждают традиционную концепцию, хотя Баум отмечает и ряд отклонений от общего распределения – включая один пример аффективно-посессивного употребления активной формы. Автор справедливо отмечает, что на семантику глагола существенное влияние оказывают превербы – факт, хорошо известный санскритологам. К сожалению, Баум практически не рассматривает ряд важных синтаксических особенностей глагола *yaj*. Так, хотя автор и упоминает, что *yaj* может выступать в конструкциях с accusativом божества или приносимого в жертву объекта¹, он нигде не указывает на тот факт, что такое синтаксическое поведение характерно для целого ряда ведийских глаголов и является важной чертой архаичного индоевропейского синтаксиса: в качестве accusativного прямого дополнения при таких глаголах может выступать как первый («ближний») объект (так называемые 'транслативные' употребления), так и второй («дальний») объект (так называемые 'орнативные' употребления); см., в частности, [Nettrich 2007: 3, 138–141], где дается подробный анализ всех синтаксических моделей, засвидетельствованных для глагола *yaj*; этой проблеме посвящена также монография Ж. Одри [Haudry 1977], лишь бегло упомяну-

¹ «Третья модель» – с accusativом объекта, о котором адепт просит богов, отмеченная автором всего один раз (Ригведа 3.17.3 *devánām ávo yakṣi* 'соверши жертвоприношения ради помощи богов'), – скорее всего, является фикцией: в приведенном случае, мы, по-видимому, имеем дело со смещенным типом первой модели, где прямое дополнение, указывающее на являющихся объектом поклонения богов, заменяется на упоминание одного из аспектов богов – их поддержки, которая в данном случае и является адресатом жертвоприношения.

тая в одной сноске, причем в контексте весьма неточного изложения интерпретации Одри (Одри, конечно же, не считает инструментальную группу при глаголе *yaj* «настоящим прямым дополнением»).

Дж. Клейн анализирует в своей статье стилистические повторы в Ригведе – тема, чрезвычайно актуальная для этого текста, характеризующегося богатым арсеналом стилистических приемов. Выделяется пять основных типов с рядом подтипов (всего – около тридцати) – собственно анафора (не смешивать с местоименной анафорой!), т. е. повтор одного и того же слова в начале каждой клаузы (элементарного предложения) по типу *Призываю Агни первым для благополучия; призываю Митру (и) Варуну для помощи; призываю ночь...; неанафорический повтор (полиптот и параномасия) типа Бог пришел с богами; несет ношу; повтор грамматических морфем и др. Статья продолжает серию исследований автора, посвященных ведийскому «макросинтаксису».*

Статья А. Лубоцкого представляет каталог и подробный анализ лексем и словоформ V книги (канды) Атхарваведы в рецензии Пайппалада, которые не встречаются за пределами этого текста или встречаются лишь существенно позднее, в послеведийский период. Среди них – целый ряд неизвестных прежде сложных слов, глагольных дериватов и форм, свидетельствующих о том, насколько ценна для санскритской лексикографии и ведийской грамматики лингвистическая информация, извлекаемая из Пайппалады. Так, к описанию ранневедийских каузативных глаголов [Jamison 1983] следует теперь добавить каузатив *abhi cālaya-* 'околдовывать' (до сих пор мы имели дело лишь с дериватом от *r*-корня *abhi cāraya-*, встречающимся в средневедийском – в Шатапатха-брахмане). Не был прежде известен медиальный перфект *bibhide* (корень *bhid* 'ломать'), засвидетельствованный, что интересно, в непереходной (антикаузативной) конструкции ('сломался') – важное дополнение к фундаментальному описанию перфекта [Kümmel 2000].

Завершает раздел статья Ш. Мигрона, посвященная сочинительным союзам в ведийской прозе и развивающая таким образом тему, детально разработанную Дж. Клейном для Ригведы, на средневедийском материале. Автор дает краткий очерк засвидетельствованных в брахманах типов сочинительной связи (союзное и бессоюзное сочинение, полисиндетон и др.), обращая главное внимание на те приемы, которые использовались и в ранневедийский период, но были окончательно систематизированы в ведийской прозе.

Второй раздел, «Размышления о ритуале, ведийском и эпическом», содержит две статьи.

Я. Хубен предлагает детальный анализ легенды об Атри, довольно смутно упоминаемой в Ригведе (боги-близнецы Ашвины спасают Атри из затруднительного положения - из ямы?). В ходе дискуссии автор предлагает решения для целого ряда лексикографических и морфологических проблем, обсуждая лексему *hīsa-* (обычно переводимую как «вулканическая расщелина»), форму *hiména* (которую следует переводить, согласно Хубену, как «зимой, в холодный сезон»), значение слова *gharmá-* (обозначающего, вероятно, горячий молочный напиток, который Ашвины дали Атри в холодное время года), формы глагола *vr̥-* «покрывать» и др. Не все предлагаемые автором решения представляются приемлемыми; в частности, неубедительна интерпретация формы 2 л. дв. ч. мед. *várethe* (Ригведа 8.73.3) как презентной (с. 116 и сл.), предполагающая существование презенса I класса *váratī* «защищает», что крайне маловероятно. Скорее всего, эта форма представляет собой инфинитив аориста с презентным окончанием - редкое морфологическое образование, описанное К. Хоффманном [Hoffmann 1952 [1957]: 128–130 (= Hoffmann 1976: 364–366)] под названием «тип *gathá-*».

Т. Райх обсуждает два тесно связанных в ведийской, а затем и в эпической санскритской литературе мотива - мотив прерывания жертвоприношения и мотив словесного поединка, - рассматривая их как элементы комплекса «агонистических» мотивов и прослеживая их эволюцию в позднейшие эпохи, в частности анализируя интересную проблему адаптации или устранения идеи насилия в составе ритуала.

Три статьи, входящие в третий раздел, «Древний Иран», посвящены различным аспектам авестийской филологии и зороастрийского ритуала. Д. Буянер рассматривает следы культа предков в зороастризме. На примере двух авестийских мотивов - образа Небесного пастуха (Divine shepherd) Митры, владеющего обширными пастбищами потустороннего мира, и благословенных героев, пребывающих в Раю (понятие, соотносимое Буянером с и.-е. корнем **vel-*, предположительно представленным в авестийском *frauuāši-*), - автор выдвигает интересную гипотезу о том, что культ предков в древнеиранской (авестийской) традиции может быть объяснен лишь в контексте его индоиранского (или индоевропейского) происхождения; в зороастризме же они занимают вторичное положение, не являясь органической частью канона. Статья содержит целый ряд важных наблюдений в отношении индоиранской и индоевропейской мифологии и этимологии; в частности, в обширной сноске 8 на с. 165 автор обращается к проблеме этимологии имени индоиранского бога ветра *Vāyu*

(предположительно родственного украинскому *Vui*), традиционно связываемого с глагольным корнем *vā* «дуть». Заслуживает внимания высказанное Д. Буянером предположение о связи этого имени с другим корнем, *vī* «преследовать», от которого оно могло быть образовано с помощью агентивного суффикса **-u-* (*vāy-u-*)², а затем переосмыслено как образование с суффиксом *-yu-* от корня *vā* «дуть».

Статья Т. Гиндин посвящена анализу авестийской формы *surunuata*, несколько раз встречающейся в Авесте в одном и том же контексте: *təm / təm yazāi surunuata yasna* «я буду поклоняться ему / ей при помощи *surunuata* жертвы / жертвоприношения». Большинство исследователей соотносят эту форму с редким и не до конца ясным морфологическим типом - индоиранским отглагольным прилагательным на *-ata-*, часто образующимся не от корня, а от презентной основы и имеющим значение, близкое к пассивному причастию презенса или герундиву (ср. *paśyatá-* «видимый», *yajatá-* «заслуживающий жертвоприношения»). За пределами индоиранского этот тип засвидетельствован также в греческом (прилагательные с суффиксом *-eto-*, которым посвящено детальное исследование Б. Вайна [Vine 1998]). Автор упоминает также альтернативный анализ формы *surunuata* - как презентного причастия на *-nt-* с пассивным значением. Статья Т. Гиндин едва ли проясняет значение формы *surunuata* и типа на *-ata-* в целом, представляя собой нагромождение недоказуемых, некорректных или попросту неверных утверждений. Так, уже на второй странице работы (с. 177) автор обнаруживает незнание элементарных основ индоевропейской реконструкции («The Indo-European suffix *-eto-* (PIE **-nto-*) is an unproductive adjectival formation»): слоговое *-nt-* никак не может быть источником (пра?)индоевропейского *-e-*; вдобавок, остается лишь догадываться, в чем, по мнению автора, заключается различие между «индоевропейским» и «праиндоевропейским». Совершенно неспроста предлагаемый на с. 178 анализ форм на *-atá-* от *-ya-* презентов (типа *paśyatá-* или *haryatá-*) как пассивных причастий на *-tá-*, образованных от герундивов (пассивных причастий будущего времени) с суффиксом *-ya-* - герундивов *paśya-* и *harya-* не существует, да и само допущение возможности

² Впрочем, приводимый автором в качестве параллельного случая пример др.-инд. *stāy-u-*, авест. *tāii-u-* «вор» не вполне корректен: обе формы образованы от корня *(s)tā < *(s)teh₂-*, а не от *(s)tāy*; ср. *тать* и см. [EWAia: I, 643; II, 759]; хотя возможно, что *-y-* было вторично включено в состав корня под влиянием *-ya-* презенса *(s)tā-ya-*.

присоединять суффикс пассивного причастия к герундиву попросту абсурдно.

Столь же неверны и/или некорректны суждения, высказываемые автором в отношении индоевропейского в целом, например: «Taking *surunuata* as an *-ata-* F[uture] P[assive] P[articiple] would make it the only case in the whole of Indo-European where the suffix occurs with an athematic present stem» (с. 179, курсив автора статьи). Во-первых, образование такого типа встречается в ведийском (*jinvata-* 'побуждаемый, стимулируемый' в Атхарваведе, в рецензии Пайпшалада; см. [Lubotsky 2002: 7 f.]). Во-вторых, форма *surunuata*, скорее всего, основана на вторичной тематизации атематической назальной основы *surunu-* – возможность, на которую, как отмечает автор статьи, указывал уже Бартоломе. Также неверно, что активные причастия на *-nt-* с пассивным значением не встречаются в индоевропейском за пределами хеттского (с. 180): этот тип засвидетельствован также несколькими формами в ведийском, ср. в особенности *stavánt-* 'прославленный, прославляемый'; см. [Watkins 1969: 142 ff.; Kulikov 2006: 59–61]. Некоторые формулировки, встречающиеся в статье, не вполне корректны, ср. следующий отрывок: «Many verbs, in different Indo-European languages, have both transitive and intransitive meanings. Consider another, less intricate (?? – Л. К.) Indo-European language, English: I smell/taste the food; the food smells/tastes delicious...» (с. 180). Речь, очевидно, идет о лабильных глаголах, которые могут встречаться в одной и той же форме как в переходных, так и в непереходных употреблениях: говорить о существовании у них «переходных и непереходных значений», разумеется, некорректно. Следующее за этим утверждением хаотичное перечисление разнообразных рефлексов праи.-е. **kleu-* 'слышать' свидетельствует не о синтаксической «индифферентности» соответствующего и.-е. глагола, который, как считает автор, мог иметь «many meanings related to “to hear”, including to be famous or celebrated, to sound or pronounce, or to be called», а о богатой системе залоговых форм и валентных дериваций в языке, частично сохранившихся в различных и.-е. языках. По меньшей мере некорректно цитировать в связи с этим (с. 181) соответствующую статью из «Лексикона индоевропейского глагола» [LIV: 334], реконструирующую именно систему, а не ту хаотичную картину, которую рисует автор.

Небольшая заметка Ж. Келленса, одного из крупнейших специалистов по авестийской филологии, посвящена феномену «амфиполярности»: некоторые термины индоиранского сакрального лексикона могли первоначально иметь диаметрально противоположные значения. Согласно весьма правдоподобной гипотезе

автора, основой возникновения противоположных значений у соответствующих индийских и иранских терминов (ср. др.-инд. *devá-* 'бог' ~ авест. *dāeva-* 'демон') могла послужить утрата амфиполярности в соответствии с разнонаправленными сценариями.

Три статьи заключительного раздела посвящены санскритской поэтике. Й. Броннер обсуждает черты поздней санскритской поэтики и их отражение в трудах индийского ученого XVI века Апшайи Дикшиты, выбирая в качестве основной темы дискуссии соображения Апшайи относительно сравнений (скр. *upamā*), и убедительно демонстрирует на этом примере новаторский характер его трудов – в частности в том, что касается характера определений, историцизма и др. Статья Л. МакКри посвящена сравнительно слабо изученному аспекту древнеиндийской поэтической традиции – жанру комментария на поэтические произведения, представляющему соединительное звено между теоретическими построениями авторов трудов по санскритской поэтике и собственно поэтическими произведениями. Автор уделяет основное внимание комментариям Маллинатхи, южноиндийского схоласта начала XV в., и показывает, что основной целью, которую преследовал этот комментатор, было обоснование соответствия поэтических произведений грамматическим, литературным, политическим и другим нормам и моделям, санкционированным теоретическими трактатами, – допуская, среди прочего, и множественность интерпретации того или иного стиха с точки зрения синтаксического или семантического анализа, при условии что ни одна из интерпретаций не входит в противоречие с этими нормами. Д. Шульман анализирует одно из центральных понятий др.-инд. поэтической традиции – *camatkāra* 'чудо, поэтическое наслаждение' (термин, который, по мнению некоторых авторов, воспроизводит звук цокания языком), имеющее, как он показывает, весьма широкий спектр употреблений – от описания эстетической реакции до обозначения энергии, высвобождаемой языком.

Книга прекрасно издана и, несмотря на сравнительно небольшой объем, хорошо отражает все основные разделы и важнейшие отрасли исследований индоиранской филологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- EWAia M. *Mayrhofer*. Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. Bd. I–II. Heidelberg, 1986–1996.
- Haudry 1977 – J. *Haudry*. L'emploi des cas en védique. Introduction à l'étude des cas en indo-européen. Lyon, 1977.

Hettrich 2007 – *H. Hettrich*. Materialien zu einer Kasussyntax des Rgveda. Würzburg, 2007. (Интернет-публикация; продолжающееся исследование; см. <http://www.vergl-sprachwissenschaft.phil1.uni-wuerzburg.de/publikationen-hettrich.html>)

Hoffmann 1952 [1957] – *K. Hoffmann*. Zur vedischen Verbalflexion // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft 2. 1952 [1957].

Hoffmann 1976 – *K. Hoffmann*. Aufsätze zur Indoiranistik. Bd. 2. Wiesbaden, 1976.

Jamison 1983 – *S.W. Jamison*. Function and form in the *-āya*-formations of the Rig Veda and Atharva Veda. Göttingen, 1983. (KZ; Ergänzungsheft 31).

Kulikov 2006 – *L.I. Kulikov*. The Vedic medio-passive aorists, statives and their participles: Reconsidering the paradigm // B. Tikkanen, H. Hettrich (eds.). Themes and tasks in Old and Middle Indo-Aryan linguistics. Papers of the 12th World Sanskrit conference. V. 5. Delhi, 2006.

Kümmel 2000 – *M. Kümmel*. Das Perfekt im Indoiranischen. Wiesbaden, 2000.

LIV – *H. Rix* (Hrsg.). Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen. 2., erweiterte und verbesserte Auflage. Wiesbaden, 2001.

Vine 1998 – *B. Vine*. Aeolic *óρπετο* and deverbative **-etó-* in Greek and Indo-European. Innsbruck, 1998.

Watkins 1969 – *C. Watkins*. Indogermanische Grammatik. Bd. III: Formenlehre. Teil 1. Geschichte der indogermanischen Verbalflexion. Heidelberg, 1969.

Л.И. Куликов

Сведения об авторе:

Леонид Игоревич Куликов
Лейденский университет / Институт языкознания РАН, Москва
l.kulikov@hum.leidenuniv.nl

D. Brentari (ed.). Sign languages. Cambridge: Cambridge university press, 2010. xxi + 691 p.

Книга «Жестовые языки» издана в серии Cambridge language surveys, в которой печатаются главным образом обзоры генетических и ареальных групп языков мира. Как пишет во вступлении редактор Д. Брентари, одной из основных целей этой книги было представить данные большого количества разных жестовых языков (далее ЖЯ), что, несомненно, создателям удалось (в ней обсуждаются более сорока ЖЯ мира). Книга состоит из трех частей: 1) передача (transmission) ЖЯ, 2) общие лингвистические характеристики ЖЯ и 3) вариативность и изменения в ЖЯ. Стоит отметить, однако, что не все главы соответствуют тематике частей.

Первая глава в этой книге – вступление, написанное Д. Брентари. В нем обсуждается, почему жестовые языки важны для лингвистики. Основной интерес, по мнению автора, представляет визуальный канал передачи (или «визуальная модальность») ЖЯ, проявления иконичности в жестах и возникновение ЖЯ из жестикуляции. Во вступлении дается также краткий обзор содержания последующих глав.

Первая часть книги посвящена истории ЖЯ и особенностям их передачи. ЖЯ находятся в очень необычной для естественных языков ситуации, когда традиционный способ передачи языка от родителей к детям – не норма, а исключение. Так как глухота бывает не только врожденной, но и приобретенной (лишь 10% глухих детей рождаются в семьях глухих), усвоение языка чаще происходит не в семье, а в школе или в обществах глухих, поэтому очень

высока роль образования и языкового взаимодействия между носителями. Важнейшим событием в истории ЖЯ является Миланский конгресс (1880 г.), на котором было принято решение, что так называемый «оралистский метод», когда глухих детей учат звуковым языкам и запрещают пользоваться жестами, более эффективен, чем использование ЖЯ в образовании. Этот конгресс оказал влияние на функционирование школ для глухих практически во всем мире, привел к понижению статуса ЖЯ и затруднил их передачу. Другая особенность ЖЯ – это то, что они потенциально являются вымирающими: в настоящий момент в развитых странах кохлеарная имплантация (операция по восстановлению слуха) применяется почти ко всем глухим детям, после чего эти дети не учат жестовые языки. Однако социолингвистическая ситуация в разных странах различна, и этому посвящены первые шесть глав книги, где рассматривается история образования глухих в различных странах, организации глухих, статус ЖЯ, а также влияние кохлеарной имплантации. В книге не обсуждается ситуация с ЖЯ в США, Великобритании и других странах, о которых написано достаточно много литературы. Следует, однако, заметить, что некоторые названия глав вводят читателя в заблуждение: например, в главе 6, которая называется «Передача жестовых языков в Африке», на самом деле рассматривается только ЖЯ Уганды; названия других глав тоже часто шире их реального содержания.

В главе 2, написанной П. Бойсс Брэм и К. Ратманом, описываются ЖЯ германских стран, а именно Германии, Швейцарии и Голландии. Ситуация в Швейцарии интересна тем, что там используются три ЖЯ: швейцарский немецкий, швейцарский французский и швейцарский итальянский, — каждый из которых имеет несколько региональных вариантов. Во всех странах первые школы появились в конце XVIII — начале XIX в. В конце XIX в. под влиянием Миланского конгресса оралистский метод стал основным в обучении глухих. В начале XX в. под влиянием евгенических и нацистских идей были запрещены браки между глухими, также применялась насильственная стерилизация людей с наследственной глухотой; в Германии в годы национал-социализма глухие подверглись массовым репрессиям. В настоящее время 80% глухих детей получают кохлеарные импланты, что приводит к резкому уменьшению количества детских садов и школ для глухих. С другой стороны, в Германии отношение к ЖЯ изменилось в лучшую сторону в 1970–80-е гг. вследствие активной деятельности обществ глухих, а также лингвистических исследований, которые показали, что ЖЯ являются полноценными естественными языками. В начале 1990-х гг. появились школы с использованием билингвального метода, т. е. такого, при котором в обучении применяется и ЖЯ, и звуковой язык. Во всех странах имеется достаточное количество квалифицированных переводчиков, в Германии и Нидерландах у глухих есть доступ к высшему образованию. В целом история ЖЯ в германских странах характеризуется тем, что отношение к ЖЯ было негативным почти все время до 1980-х гг. и сейчас роль ЖЯ снова уменьшается из-за распространения кохлеарной имплантации.

В главе 3, написанной К. Рэмси и Д. Кинто-Пососом, описывается положение ЖЯ в Мексике. Особенность этой страны заключается в том, что единственная школа, применявшая в обучении ЖЯ, была закрыта в 1967 г. и оралистский метод полностью определил образование глухих. Авторы провели интервью с несколькими бывшими выпускниками этой школы и пришли к выводу, что мексиканский ЖЯ не мог стабильно передаваться из поколения в поколение ни в семьях, ни в школах, ни в обществах глухих. Кроме того, мексиканский ЖЯ находится в постоянном контакте с американским ЖЯ из-за миграции между двумя странами, что тоже отрицательно влияет на стабильность этого языка. Исследователи утверждают, что мексиканский ЖЯ не является вымирающим из-за того, что глухота в целом сохраняется, но подвергают сомнению его непрерывность во времени. В главе также приве-

ден обзор социолингвистической литературы о ЖЯ в других странах Латинской Америки.

В главе 4, написанной Б. Бергман и Е. Энгберг-Педерсен, обсуждаются ЖЯ Скандинавии, а именно датский, финский и шведский ЖЯ. Датский ЖЯ имеет историю, схожую с историей ЖЯ германских стран, рассмотренных в главе 2. Первая школа, в которой обучали глухих детей, появилась в начале XIX в. В конце XIX в. распространение приобрел оралистский метод. В 1980-х гг. билингвальный метод также применялся в некоторых школах, однако в настоящее время из-за кохлеарной имплантации он теряет популярность. Распространению ЖЯ также способствуют клубы и организации глухих. Переводчики ЖЯ получают полноценное университетское образование, но лингвистическое изучение ЖЯ почти отсутствует. В Финляндии первая школа для глухих появилась во второй половине XIX в. и почти сразу основным методом стал орализм, а глухие учителя были исключены из образования. Популярность ЖЯ начала расти с 1960-х гг., однако сейчас она снова снижается из-за кохлеарной имплантации. ЖЯ распространяется не только через школы, но и через клубы глухих, телевидение и церковь. Глухим доступно университетское образование, существует подготовка квалифицированных переводчиков, право на использование ЖЯ упоминается в конституции. В Швеции первая школа для глухих была организована в начале XIX в., но уже к середине XIX в. орализм стал основным методом. Однако в 1960–70-е гг. Шведская национальная ассоциация глухих развернула активную борьбу за использование шведского ЖЯ, в 1981 г. этот язык (первый в мире) получил статус официального, а билингвизм стал основным методом в образовании глухих. В настоящее время в связи с кохлеарной имплантацией роль ЖЯ снижается, но, в отличие от других стран, многие имплантированные дети обучаются ЖЯ наряду со звуковым языком. Университетское образование доступно на ЖЯ, кроме того, ЖЯ изучается как иностранный в некоторых университетах. ЖЯ используется на телевидении, в театре и кино.

В главе 5, написанной Дж. Кером, Л. Мациони и Г. Сапундзакис, описывается языковая ситуация в Греции, Испании (где существуют два ЖЯ: испанский и каталанский) и Италии. В Испании и Греции ЖЯ имеют официальный статус, а в Италии официальный статус ЖЯ находится на рассмотрении в правительстве. Испания и Италия примечательны тем, что первые частные образовательные учреждения для глухих появились в этих странах еще в XVI в., тогда же в Испании был разработан первый дактильный алфавит. Первые государственные

школы для глухих появились в Испании и в Италии в конце XVIII в. В Грции первая школа появилась лишь во второй половине XX в.; вскоре там обрел популярность метод тотальной коммуникации (когда для обучения используются все возможные средства общения, включая жестовый и звуковой язык). В Италии и Испании, напротив, в последние годы наблюдается тенденция к обучению глухих детей среди слышащих для лучшей интеграции (mainstreaming), что, по утверждению авторов, зачастую дает отрицательный результат, так как дети не интегрируются ни в среду слышащих, ни в среду глухих носителей ЖЯ. В высшем образовании ЖЯ практически не используется. Значительную роль в этих странах играли клубы и объединения глухих, однако сейчас из-за развития технологий, таких как видеочаты, их роль уменьшается. Авторы отмечают, что в последнее время растет число профессиональных переводчиков.

В главе 6, написанной Д. Луле и Л. Валлином, описывается положение ЖЯ в Уганде. Ситуация в этой стране интересна тем, что ЖЯ там имеет официальный статус с 1995 г., но на деле язык находится в очень сложном положении. В Уганде есть несколько школ для глухих (с середины XX в.), однако не во всех районах страны, поэтому для многих глухих детей никакое образование не доступно. Некоторые глухие усваивают ЖЯ уже во взрослом возрасте с помощью объединений и клубов глухих. Интерес представляет также то, что в Уганде используются около 50 звуковых языков, которые могут взаимодействовать с ЖЯ, при этом большинство глухих учат английский как единственный письменный язык. Также известно, что ЖЯ в Уганде подвергался влиянию американского и кенийского ЖЯ. Несмотря на официальный статус ЖЯ, авторы отмечают нехватку переводчиков, отсутствие ЖЯ на телевидении и низкую осведомленность населения Уганды в целом о том, что такое ЖЯ. В отличие от всех стран, упомянутых выше, по экономическим причинам в Уганде практически нет кохлеарной имплантации.

В главе 7, написанной П. Войдой, обсуждается положение ЖЯ в Польше. Согласно автору, образование глухих в Польше началось в XVIII в. Войда пишет, что, как и в других странах, в Польше существуют разные жестовые системы: естественный ЖЯ, искусственный ЖЯ, который использует грамматику (звукового) польского, а также «пиджины», в которых смешивается грамматика звукового и жестового языков. Хотя в 1980-х гг. началось вовлечение ЖЯ в образование глухих, использовалась в первую очередь искусственная жестовая система (которая воспринималась как

более «грамотный» вариант ЖЯ), что привело к неудовлетворительным результатам. По словам автора, глухие в Польше не воспринимают себя как единую социолингвистическую группу и понятие «культуры глухих» (deaf culture) неприменимо к этой стране. В образовании естественный ЖЯ практически не используется. Стоит заметить, что состояние ЖЯ и образование глухих в Польше во многом схожи с Россией, см. [Зайцева 2006].

Во второй части, по словам редактора, описаны характерные особенности грамматики ЖЯ. Главы в этой части, однако, довольно разнородны. В некоторых, таких как глава 17, содержится обзор явлений, действительно характерных для ЖЯ. В других, как в главе 10, описывается явление, наблюдаемое в одном или двух ЖЯ, причем не совсем ясно, почему это явление считается свойственным именно ЖЯ.

Глава 8, написанная Х. ван дер Хюлстом и Р. Шеннон, посвящена системам записи жестов. Авторы различают системы письма, системы транскрипции и системы кодирования. Системы письма, такие как SignWriting (www.signwriting.org), при помощи ограниченного набора символов передают форму жестов. В отличие от систем письма устных языков, в системе SignWriting поддерживается взаимно-однозначное соответствие между графической и фонологической формой жеста, поэтому эта система также может использоваться для транскрипции. В качестве примера системы, разработанной специально для транскрипции, обсуждается система HamNoSys [Prillwitz et al. 1989], принципиальное отличие которой от SignWriting заключается в том, что графические символы записываются только последовательно, в то время как в SignWriting взаимное расположение символов мотивировано формой записываемого жеста. Авторы главы утверждают, что системы письма и транскрипции не годятся для масштабных лингвистических исследований, и предлагают систему кодирования жестов SignTyp, в которой фонологическое описание жеста представлено в виде таблицы, где вся информация записана обычным языком без использования специальных символов.

Глава 9, написанная Г. Магуром и К. Ратманом, называется «Глагольное согласование в морфологии жестовых языков». Глаголы в большинстве известных ЖЯ могут согласовываться с аргументами: форма движения руки в жесте-глаголе изменяется в зависимости от лица и числа дополнения или подлежащего. Авторы главы подробно обсуждают различные свойства глагольного согласования в ЖЯ и утверждают, что его можно считать прототипическим согласованием по критериям из [Corbett 2006].

Авторы делают типологическое наблюдение: глаголы в ЖЯ универсально согласуются по лицу, но не по числу. Авторы также обсуждают психолингвистические и диахронические доказательства того, что согласование в ЖЯ имеет лингвистический статус. Однако без внимания остается вопрос, почему в ЖЯ согласование с дополнением часто является обязательным, а согласование с подлежащим переходного глагола опционально, в отличие от звуковых языков. Также не упоминается согласование непременных глаголов с подлежащим, которое в принципе встречается в ЖЯ.

Глава 10, написанная С. Дзукки, К. Нейдл, К. Герачи, К. Даффи и К. Чеккетто, называется «Функциональные маркеры в жестовых языках», однако в ней содержится не обзор функциональных маркеров в целом, а анализ двух маркеров перфектива в американском и итальянском ЖЯ. Жесты FINISH и FATTO в этих языках могут использоваться как самостоятельные глаголы со значением 'закончить', а также как показатели перфективности и предшествования:

- (1)   ORA   CAFFÈ   BERE   FATTO
           сейчас   кофе   пить   PERF
           'Теперь я выпил кофе' (с. 203).

Ни тот, ни другой жест не сочетаются с отрицанием; для выражения соответствующего значения используются отдельные жесты с отрицательным значением, такие как NOT-YET 'еще не' в американском ЖЯ. Авторы главы предлагают объяснение этого факта в рамках теории дистрибутивной морфологии (distributed morphology).

В главе 11, написанной Р. Мюллер де Квадрос и Д. Лилло-Мартин, описывается синтаксическая структура предложений в американском и бразильском ЖЯ. Эти языки обладают схожим синтаксисом. В обоих языках базовым порядком слов является SVO, однако другие порядки тоже возможны; модальные глаголы предшествуют смысловым. В бразильском ЖЯ существует также вспомогательный глагол, который является носителем глагольного согласования. Порядок слов в этих ЖЯ модифицируется различными операциями (передвижениями): топиализацией (в начальную позицию), передвижением объекта в предглагольную позицию (если глагол согласуется или маркирован показателем аспекта), контрастной фокализацией (передвижение в начальную позицию) и эмфатическим передвижением. Авторы предлагают структуру составляющих для американского и бразильского ЖЯ. Они считают, что структура составляющих различна для предложений с согласующимися и несогласующимися гла-

голами, в качестве подтверждения своей точки зрения приводя различия в позиции объекта и отрицания, а также в возможности опускать аргументы.

В главе 12, написанной Е. Энгберг-Педерсен, обсуждаются классификаторные конструкции в ЖЯ. Классификаторные конструкции – это жесты, форма руки в которых обозначает класс объекта, а движение и локализация – движение или локализацию участника ситуации, т. е. в этих жестах все компоненты (обычно считающиеся фонологическими) являются значащими. Существуют различные подходы к анализу этих конструкций: от лингвистических [Supalla 1986] до полностью нелингвистических, таких как анализ в [Cogill-Koez 2000], где утверждается, что классификаторные конструкции – это система шаблонного визуального представления (templated visual representation), подобная системе рисования у некоторых народов. Автор главы изучила использование классификаторных конструкций в девяти ЖЯ. В частности, она детально обсуждает, как возможности ЖЯ используются для передачи прототипических и непрототипических пространственных ситуаций, и приходит к выводу, что форма классификаторных конструкций регулируется такими факторами, как лексикализация, шаблонное визуальное представление, метонимия, фокус внимания и простота воспроизведения. Стоит отметить, что, обсуждая различные подходы к анализу классификаторных конструкций, автор уделяет основное внимание нелингвистическим подходам и не упоминает, например, работу [Zwitserslood 2003], в которой содержится их обоснованная критика.

В главе 13, написанной Д. Brentari и П. Эккарриус, обсуждается форма руки как фонологический параметр жеста. Жест в ЖЯ состоит из нескольких компонентов: формы руки, движения, локализации, – которые сравниваются с фонемами в звуковых языках (см., например, [Brentari 1998]). Форма руки определяется положением суставов и так называемыми «выбранными пальцами» (т. е. пальцами, которые участвуют в конфигурации в жесте); все эти параметры можно сравнить с дифференциальными признаками фонем. Авторы обсуждают три явления: использование формы руки с тремя wybranными пальцами, использование особой формы руки, когда некоторые пальцы согнуты сильнее, чем другие, и использование различных возможностей в выборе суставов и пальцев в разных типах классификаторных конструкций. При помощи этих явлений в трех ЖЯ (американском, швейцарском немецком и гонконгском) авторы показывают, что дифференциальные признаки в ЖЯ чаще выделяются на основании типов оппозиций, не похожих

на оппозиции в звуковых языках. Так, довольно трудно найти минимальные пары жестов, различающиеся одним признаком; также в ЖЯ отсутствуют аллофоны, т.е. два основных для звуковых языков типа оппозиций в ЖЯ используются мало. В ЖЯ дифференциальные признаки участвуют в «едва контрастивных» (*barely contrastive*) оппозициях, в не полностью интегрированных полуконтрастах и в случаях умеренной асимметрии. Эти виды контрастных отношений присутствуют и в фонологии звуковых языков [Goldsmith 1995], однако там они играют меньшую роль.

В главе 14, написанной Т. Янтуненом и Р. Таккинен, обсуждается структура слога в ЖЯ. В звуковых языках определение слога связано с понятием сонорности; исследователи ЖЯ считают, что наиболее сонорным (= заметным для восприятия) компонентом жеста является движение, поэтому слог в ЖЯ определяется как сегмент, содержащий движение. Авторы статьи утверждают, что степень сонорности зависит от размера движения и, следовательно, от артикулятора, которым движение осуществляется: наиболее сонорным они считают движение тела или головы, затем следуют движения рук (причем движение с использованием плечевого сустава наиболее, а движение с использованием суставов пальцев – наименее сонорно), еще менее сонорными являются движения губ. Авторы приводят несколько аргументов в пользу того, что именно сегмент с одним движением параллелен слогу в звуковых языках. Например, в жестовых языках, как и в звуковых, слово состоит как минимум из одного слога, т.е. жест-слово не может существовать без движения. Кроме того, исследования глухих детей в доязыковой стадии показывают, что лепет в жестовых языках, как и в звуковых, на определенном этапе имеет слоговую структуру. Также в этой главе обсуждается внутреннее устройство слога. Согласно авторам, существует два основных взгляда на природу движения: движение как сегмент и движение как супрасегментная единица, подобная тонам в тоновых звуковых языках. По мнению авторов, супрасегментный анализ движения в ЖЯ более убедителен.

В главе 15, написанной Ш. Вилкоксом, П. Россини и Е.А. Пиццито, описывается грамматикализация в ЖЯ. Согласно авторам этой главы, грамматикализация в ЖЯ происходит по одному из двух возможных сценариев: 1) жестикуляция (*gesture*) превращается в лексическую единицу, которая затем превращается в грамматический показатель, и 2) жестикуляция превращается в просодические единицы, которые затем превращаются в грамматические показатели. В частности, обсуждается грамма-

тикализация модального глагола со значением 'невозможно' в итальянском ЖЯ; по версии авторов, он происходит из жеста [ПЕРЕКРЕСТИТЬ] в жестикуляции слышащих людей, который затем приобрел значение 'смерть' (в том числе в жестикуляции слышащих), а смерть связана со значением невозможности в будущем, откуда и возникло модальное значение. Хотя авторы ссылаются на закономерности грамматикализации в звуковых языках, они не указывают, засвидетельствованы ли такие семантические переходы в каких-либо иных языках, кроме итальянского ЖЯ. Второй путь грамматикализации относится к манере движения в жесте: жест может выполняться медленно или быстро, с усилием и т.д. Манера движения во многих ЖЯ используется как просодический элемент: ударение, фразовый акцент. Авторы также считают, что глагольный аспект, который выражается как раз различной манерой движения, – это результат грамматикализации просодии. Таким образом в ЖЯ элементы просодического уровня могут грамматикализироваться в морфологические показатели, минуя лексический уровень. Утверждение авторов о том, что описанные выше пути грамматикализации – единственные возможные для ЖЯ, кажется слишком категоричным, так как предполагает, что все жесты ЖЯ происходят из жестикуляции звуковых языков, что, очевидно, не так (как минимум, жесты появляются и путем заимствования из звуковых и жестовых языков). Также в этой работе отсутствует ссылка на [Steinbach, Pfau 2007], где подробно разбираются различные пути грамматикализации в ЖЯ мира.

В главе 16, написанной Р.Б. Вилбур, обсуждается маркирование аспекта в американском ЖЯ (однако автор предполагает, что большинство выводов справедливы и для других ЖЯ). В главе формулируется и доказывается «гипотеза видимости события» (*event visibility hypothesis*), согласно которой структура события находит визуальное отражение в фонологической форме глагольных жестов в ЖЯ. Так, глагольные жесты, обозначающие предельные события, имеют четкую конечную точку движения, в которой жест останавливается, а жесты, которые обозначают непредельные события, такой точки не имеют. Например, жест HIT 'ударить' в американском ЖЯ, который является предельным, имеет конечную точку движения, а в жесте RIDE-A-BICYCLE 'ехать на велосипеде', который описывает процесс, движения (по кругу) повторяются без конечной и начальной точки. Таким образом, начальные и конечные точки в жестах означают начальные и конечные состояния событий, а движение в жесте означает процесс или переход из одного состояния в другое. Гомогенность события отражается так-

же в движениях губ: если событие гомогенно, то губы на протяжении жеста сохраняют одно положение, если же событие гетерогенно, т. е. содержит смену в состоянии или процессе, то происходит и смена положения губ в течение жеста. Так как в ЖЯ структура события прямо отражается на форме жеста, различные ЖЯ имеют очень схожие средства выражения аспекта. Стоит отметить, что статья написана достаточно сложно, с применением специальной терминологии, и вряд ли подходит для первого ознакомления с данной темой: для этих целей можно было бы рекомендовать более раннюю статью того же автора [Wilbur 2008].

В главе 17, написанной Р. Пфау и Дж. Кером, обсуждается немануальный компонент в ЖЯ. Исследователи ЖЯ давно установили, что значительная часть информации в этих языках передается не при помощи рук, а при помощи движений и положения головы и тела, направления взгляда и выражения лица (движений различных частей лица). В данной главе предлагается классификация немануальных маркеров согласно их функции. Так, выделяются фонологические немануальные маркеры, когда, например, движение головы является обязательной частью жеста. Существуют также морфологические (лексические) немануальные маркеры, когда немануально маркируются адъективные и адverbиальные значения, такие как 'большой', 'маленький', 'постоянно', 'беззаботно' и т.д. К синтаксическим немануальным маркерам относятся маркеры отрицания (например, повороты головы и опущенные брови), подтверждения, вопросы разных типов, маркеры топикализации, условных и относительных предложений, согласования, фокуса. Синтаксический статус этих немануальных маркеров подтверждается регулярностью (и, часто, обязательностью) их использования и совпадением их границ с синтаксическими границами. Некоторые немануальные маркеры распространяются и на единицы просодического уровня. Например, в ряде языков движение губ (mouthing) не синхронизируется с жестами, а распространяется на группу жестов, соответствующих просодическим словам. Немануально (например, морганием и движениями головы) могут маркироваться и границы просодических единиц. В целом эта глава является лишь обзором существующей литературы о немануальных маркерах в ЖЯ, в ней не выдвигается новых гипотез и не приводятся новых фактов.

В третьей части, по замыслу редактора, описывается вариативность и исторические изменения в ЖЯ. Стоит обратить внимание на то, что вариативность понимается очень широко – от диалектной вариативности до языкового разнообразия на территории одного региона

среди неродственных ЖЯ. Как и во второй части, некоторые главы являются обзорными (главы 18, 20, 22), а в некоторых описывается довольно узкая проблематика (главы 23, 24).

В главе 18, написанной В. Нист, анализируется разнообразие ЖЯ в Западной Африке. Главной чертой этого региона является то, что в нем используются как местные ЖЯ, так и варианты ЖЯ других стран, например американский и французский ЖЯ. В середине XX в. в странах Западной Африки действовал глухой американский миссионер Э. Фостер, который организовал 29 школ для глухих в разных странах региона. В этих школах в преподавании использовался американский ЖЯ, поэтому во многих странах он и стал основным: например, ганский и нигерийский ЖЯ являются вариантами американского ЖЯ (с добавлением местных жестов и фонетическими особенностями). В этой главе также обсуждаются местные ЖЯ, которые возникли без влияния извне. Например, в деревнях Адаморобе и Накан (Гана), где из-за большого числа близкородственных браков часто встречается наследственная глухота, используются ЖЯ, которые не являются родственными (и взаимопонятными) ганскому ЖЯ. Они обладают рядом фонетических и морфологических особенностей, которые резко отличают их от так называемых городских ЖЯ: это расслабленные формы руки, отсутствие классификаторных конструкций, особое использование иконичности. Также в этой главе обсуждаются ЖЯ Мали, Нигерии и Сенегала.

В главе 19, написанной К. Аль-Фитйани и К. Падден, рассматривается вопрос языкового родства ЖЯ в арабских странах. Исследовательницы используют лексическое сравнение для того, чтобы показать, что ЖЯ арабских стран (иорданский, кувейтский, ливийский, палестинский ЖЯ и ЖЯ бедуинской деревни Аль-Сайид в Израиле) не являются диалектами одного языка и, скорее всего, не являются родственными языками вообще. Метод лексического сравнения уже применялся для установления родства ко многим ЖЯ мира, однако не существует общепринятых процедур его использования. Так, для установления общего происхождения жестов из разных ЖЯ обычно сравнивается их форма: совпадают ли все параметры жеста. Однако разные исследователи используют разное число параметров для описания жеста (например, не все считают параметром ориентацию ладони, а также немануальный компонент жеста). Кроме того, не все исследователи согласны и с тем, какое число параметров в жестах должно совпадать для того, чтобы считать их происхождение общим. Методологические решения зачастую принимаются без обоснований (этим страдает и дан-

ная работа), и разные исследователи получают разные результаты. Так, в данной главе утверждается, что описываемые языки не являются родственными (и взаимопонятными), а в работе [Hendriks 2008] (на которую Аль-Фитйани и Падден удивительным образом не ссылаются) автор, используя несколько другую методологию, приходит к почти противоположным выводам относительно некоторых языков той же совокупности.

Глава 20, написанная С. Лукас и Р. Бейли, представляет собой обзор истории изучения вариативности в американском ЖЯ и основных результатов в этой области. Как и звуковые языки, ЖЯ вариативны, и, как и в звуковых языках, в ЖЯ варьирование присутствует на всех уровнях: фонетическом, морфологическом, синтаксическом, дискурсивном. На основании многочисленных исследований вариативности в американском ЖЯ авторы утверждают, что факторы, которые влияют на выбор того или иного параметра, в ЖЯ те же, что и в звуковых языках: внутренние (требования системы) и внешние (социолингвистические характеристики носителей). Авторы также описывают одну особенность варьирования в ЖЯ: фонологический контекст меньше влияет на выбор того или иного варианта, чем в звуковых языках, что, возможно, объясняется одновременностью в фонологии и морфологии ЖЯ (то есть тем фактом, что, например, форма руки, локализация и движение в жесте реализуются одновременно, а не последовательно). Кроме того, во многих жестах в ЖЯ может использоваться как одна, так и две руки, и этот тип варьирования, очевидно, возможен только в ЖЯ. В целом эта глава имеет обзорный характер, но авторы также приводят список проблем, которые нуждаются в дальнейших исследованиях.

В главе 21, написанной А. Шембри, К. Кормьер, Т. Джонстоном, Д. Макки, Р. Макки и Б. Волл, описывается вариативность в британском, австралийском и новозеландском ЖЯ. Эти языки имеют общее происхождение, так как ЖЯ Австралии и Новой Зеландии были «завезены» туда из Великобритании в XIX в. Лексическое сравнение показывает, что и сейчас эти языки очень близки; грамматически они также мало отличаются. В главе обсуждается вариативность в этих языках на лексическом, фонологическом и синтаксическом уровнях. Авторы показывают, что на лексическом уровне наблюдается региональная вариативность, возраст носителей также играет роль, а их пол и этническая принадлежность роли не играют. Вариативность на лексическом уровне затрагивает такие зоны, как цветообозначения, дни недели, названия мест, система числитель-

ных. На фонологическом уровне обсуждается использование одной или двух рук, фонологические особенности числительных и параметр локализации. На синтаксическом уровне вариативность касается степени влияния (звукового) английского языка на синтаксис ЖЯ, также обсуждается возможность опущения подлежащего (*pro-drop*).

В главе 22, написанной С. Фишер и Ц. Гун, обсуждаются особенности языков Восточной Азии, а именно китайского и гонконгского ЖЯ (которые имеют общее происхождение) и японского, тайваньского и корейского ЖЯ (которые тоже являются родственными). Описываются некоторые свойства грамматики этих ЖЯ, которые отличают их от европейских. Основной особенностью является то, что в данном регионе используется иероглифическое письмо, которое инкорпорировано в ЖЯ. Иероглифы передаются как специальными формами руки, так и жестами, очерчивающими их формы. Более того, иероглифические символы полностью вошли в грамматику этих ЖЯ, что доказывается, например, существованием согласующихся глагольных жестов, которые происходят из иероглифов. Кроме того, в японском ЖЯ используется и пальцевый алфавит, основанный на американском алфавите, несколько алфавитов применяется и в китайском ЖЯ, а в тайваньском и гонконгском ЖЯ пальцевые алфавиты не используются вообще (что отличает их от европейских ЖЯ). Другой региональной особенностью грамматики является наличие категории рода (пола) в этих ЖЯ: используются классификаторы, обозначающие мужчин и женщин. Также авторы утверждают, что функционирование немануальных маркеров в этих ЖЯ отличается от немануального поведения носителей европейских ЖЯ: немануальное маркирование топиков обычно не встречается, отсутствует и распространение немануальных маркеров на группы жестов.

В главе 23, написанной Г. Тан, Д. Brentari, К. Гонсалес и Ф. Зе, излагаются результаты экспериментального исследования по установлению просодической функции морганий в четырех ЖЯ: гонконгском, китайском, швейцарском немецком и американском. Ранее (см. [Wilbur 1994]) было показано, что в американском ЖЯ моргания приходятся на границы интонационных фраз, а в звуковых языках такой связи не выявлено. Авторы описывают результаты трех исследований. Первое исследование дало понять, что частота морганий в четырех ЖЯ различается: она гораздо выше в гонконгском ЖЯ, чем в остальных; при этом частота морганий в звуковых языках соответствующих стран не различается. Как следует из второго исследования, во всех ЖЯ, кроме гонконгского, моргания

регулярно происходят на границах интонационных групп (выявленных на основании других просодических критериев) и только там; в соответствующих звуковых языках такой корреляции также не наблюдалось. В гонконгском ЖЯ границы большинства интонационных групп тоже маркированы морганием, но моргания появляются и внутри интонационных групп. Соответственно, в третьем исследовании детально описаны моргания в гонконгском ЖЯ и показано, что там они маркируют границы не только интонационных, но и просодических групп (элементов более низкого уровня). Таким образом, моргания в ЖЯ (в отличие от звуковых языков) имеют четко выраженную просодическую функцию, однако разные ЖЯ различаются выбором просодической составляющей, границы которой маркируются морганиями.

В главе 24, написанной М. Копполой и А. Сенгас, описывается развитие системы указательных жестов в никарагуанском ЖЯ. В Никарагуа ЖЯ появился только в конце 1970-х гг., когда возникла первая школа для глухих. Исследовательницы сравнивали язык четырех групп носителей ограниченной «домашней» жестовой системы, которая не является языком (*home signers*), а также учеников школы для глухих трех разных поколений: тех, кто учился до середины 1980-х, тех, кто учился с середины 1980-х до 1990 г., и тех, кто учился после 1990 г.; таким образом, можно проследить развитие языка из доязыковой жестикюляции. Указательные жесты в ЖЯ могут использоваться так же, как указательные жесты в жестикюляции слышащих, т. е. для обозначения места или человека в непосредственном окружении говорящего, но кроме того они могут использоваться и для обозначения референтов, локализованных в жестовом пространстве (когда отсутствующие в непосредственном физическом окружении референты ассоциируются со случайными локализациями в пространстве), а также в качестве детерминантов (для выражения определенности). Исследовательницы сравнивали количество локативных и нелокативных демонстративов в речи четырех групп людей, а также синтаксическое окружение, в которых использовались указательные жесты. Они обнаружили, что локативная функция демонстративов присутствует во всех четырех группах, а нелокативная (указание на референтов, локализованных в жестовом пространстве) развивается постепенно, от поколения к поколению. В главе также обсуждаются параллели между этим развитием в ЖЯ и процессом грамматикализации в звуковых языках: общей чертой является, например, развитие более абстрактного значения (личное местоимение) из более конкретного (указание на точку в пространстве).

В последней, 24 главе, написанной К. Падден, И. Меир, М. Ароновым и В. Сэндлер, обсуждается развитие глагольного согласования в израильском ЖЯ и аль-сайидском бедуинском ЖЯ. Оба языка являются относительно молодыми: в деревне Аль-Сайид ЖЯ возник три поколения назад, в Израиле ЖЯ появился около 75 лет назад. В обоих ЖЯ глагольное согласование присутствует в грамматике в значительно меньшей степени, чем в европейских ЖЯ, и только среди молодых носителей израильского ЖЯ система согласования относительно развита. Среди более старших носителей израильского ЖЯ и среди носителей аль-сайидского ЖЯ руки в глагольных жестах двигаются только перпендикулярно телу (от или к говорящему), т. е. отсутствует механизм расстановки референтов в пространстве с последующим изменением формы глагола для согласования с этими референтами. Исследователи предполагают, что в ЖЯ согласование появляется (или не появляется) из-за взаимодействия двух противоположных тенденций. Первая тенденция заключается в том, что тело говорящего используется для обозначения подлежащего (идея, предложенная ранее в [Meir et al. 1997]), а вторая тенденция в том, что тело используется для обозначения первого лица. Если первая тенденция побеждает, то глагольное согласование отсутствует, если же тело используется для обозначения первого лица, то референты первого лица располагаются в жестовом пространстве (ср. обсуждение этой проблематики в предыдущей главе) и появляется согласование. Стоит заметить, что сама идея о том, что тело говорящего используется для обозначения подлежащего, не является общепринятой и отражает концепцию данной группы авторов.

Оценивая книгу в целом, стоит отметить такое бесспорное ее достоинство, как привлечение данных большого количества ЖЯ. Кроме того, общий уровень исследований, представленных в книге, является высоким: главы написаны ведущими специалистами в соответствующих областях. Однако возникает целый ряд вопросов к редактору книги. Во-первых, не совсем понятно, на какого читателя ориентирована эта книга: многие главы вряд ли могут быть поняты без предварительного знакомства с лингвистикой ЖЯ, но встречаются и главы, которые, напротив, написаны для неподготовленного читателя и мало что могут сообщить специалисту. Во-вторых, непонятно также, почему часть статей являются обзорными, а часть – узкими исследованиями. Немалой проблемой является и то, что большинство глав в этой книге – это переработки уже изданных статей и книг. Это было бы оправдано, если бы книга в целом отражала какую-то единую

концепцию или была предназначена широкому кругу читателей, однако, как мы видели, это не так: цельность этой книги оставляет желать лучшего. В-третьих, разбиение книги на части является довольно условным. Наконец, как уже отмечалось выше, названия глав часто не соответствуют их содержанию: вместо описания передачи ЖЯ в Африке в главе 7 содержится лишь характеристика языковой ситуации в одной африканской стране и т. д.

Таким образом, можно заключить, что эта книга несомненно заслуживает внимания тех, кто серьезно заинтересован жестовой лингвистикой, но она не слишком подходит для «вводного» чтения по этой теме. С другой стороны, большая часть информации, содержащейся в этой книге, доступна в виде ранее издававшейся литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зайцева 2006 – *Г.И. Зайцева*. Жест и слово: научные и методические статьи. М., 2006.
 Brentari 1998 – *D. Brentari*. A prosodic model of sign language phonology. Cambridge, 1998.
 Cogill-Koez 2000 – *D. Cogill-Koez*. Signed language classifier predicates: Linguistic structures or schematic visual representation? // *Sign language and linguistics*. 2000. V. 3. № 2.
 Corbett 2006 – *G.G. Corbett*. Agreement. Cambridge, 2006.
 Goldsmith 1995 – *J. Goldsmith*. Introduction: phonotactics, alternations, contrasts; representations, rules, levels // *J. Goldsmith (ed.)*. Handbook of phonological theory. Oxford; Cambridge, 1995.

Y. Matras. Romani in Britain. The afterlife of a language. Edinburgh: Edinburgh university press, 2010. XVII + 255 p.

Автор книги с интригующим названием «Цыганский в Британии. Жизнь языка после смерти» – Ярон Матрас, профессор лингвистики Манчестерского университета, автор классического труда, определяющего лицо современной лингвистической цыганологии [Matras 2002], ведущий эксперт по цыганскому языку, языковым контактам, проблемам билингвизма и другим направлениям лингвистических исследований (<http://www.llc.manchester.ac.uk/aboutus/staff/lcl/yaron-matras>). Недавно он опубликовал увлекательную книгу [Matras 2009], в которой, в частности, обобщил результаты многолетних наблюдений над формированием билингвизма у своего сына.

В этом году вышло в свет еще одно фундаментальное исследование, посвященное быто-

- Hendriks 2008 – *B. Hendriks*. Jordanian sign language: Aspects of grammar from a cross-linguistic perspective. Utrecht, 2008.
 Meir et al. 2007 – *I. Meir, C. Padden, M. Aronoff, W. Sandler*. Body as subject // *JL*. 2007. V. 43.
 Prillwitz et al. 1989 – *S. Prillwitz, R. Leven, H. Zienert, T. Hanke, J. Henning et al.* Hamburg notation system for sign language: An introductory guide. Hamburg, 1989.
 Steinbach, Pfau 2007 – *M. Steinbach, R. Pfau*. Grammaticalization of auxiliaries in sign languages // *P. Perniss, R. Pfau, M. Steinbach (eds.)*. Visible variation: Comparative studies on sign language structure. Berlin, 2007.
 Supalla 1986 – *T. Supalla*. The classifier system in American sign language // *C.G. Craig (ed.)*. Noun classes and categorization. Amsterdam; Philadelphia, 1986.
 Wilbur 1994 – *R.B. Wilbur*. Eye blinks and ASL phrase structure // *Sign language studies*. 1994. № 84.
 Wilbur 2008 – *R.B. Wilbur*. Complex predicates involving events, time and aspect: Is this why sign languages look so similar? // *J. Quer (ed.)*. Signs of the time: Selected papers from TISLR 2004. Hamburg, 2008.
 Zwitserlood 2003 – *I. Zwitserlood*. Classifying hand configurations in Nederlandse gebarentaal (Sign language of the Netherlands). Utrecht, 2003.

В.И. Киммельман

Сведения об авторе:

Вадим Игоревич Киммельман
 Амстердамский университет
 v.kimmelman@uva.nl

ванию своеобразного цыганского диалекта в современной Британии. Работа над ним заняла более 10 лет. Оно посвящено изучению исторических связей между диалектами романи (от цыг. *romani čhib* 'цыганский язык'), сохранившими индоарийскую в своей основе грамматику, и типичным «парацыганским» диалектом (Para-Romani), перешедшим на грамматику английского языка, но все же сберегшим отчасти цыганскую лексику. Последний и обозначается далее термином «англоромани» (Angloromani, букв. 'английско-цыганский')¹.

¹ В отличие от английского сленга, для которого имеется монографическое описание [Маковский 2009], встречи русского читателя с

Романи – один из старейших языков британских национальных меньшинств. Цыгане прибыли на Британские острова из Европы в шестнадцатом столетии или даже ранее. Любопытно, что первая в мире попытка фиксации цыганского языка – это тринадцать фраз с английским переводом, опубликованные в 1547 г. Эндрю Бордом (Andrew Boorde). Это был еще флективный язык, например:

<i>Av-áv-a</i>	<i>tú-sa</i>
прийти/быть–1SG-FUT	2SG-SOC

‘Я приду/буду с тобой’ (цит. по [Kluge 1901: 91]).

Таковым язык оставался до второй половины девятнадцатого века, а потом уступил доминирующие позиции английскому языку даже в семейной коммуникации. Но и после этого англоромани не был забыт, а продолжает функционировать уже в форме особого словаря, который используется как средство «эмоциональной» коммуникации среди своих.

Главная интрига исследования состояла в том, чтобы в деталях проследить и объяснить как системные факторы, так и социолингвистические механизмы, приведшие к такой структурной перестройке. На основе этого анализа предлагается своеобразное понимание процессов языковой смерти и языкового возрождения. Задача была решена благодаря привлечению внушительного корпуса свидетельств прошлого и интервью с современными носителями англоромани. Методы собирания материала и результат уникальны. Были задействованы все современные возможности коммуникации, что позволило провести опрос большого количества носителей. В частности, дискуссии о современном состоянии англоромани велись на интернет-форуме, там же

этим диалектом, имеющим также английскую грамматическую основу, достаточно курьезны. Пара фраз из англоромани, искаженных писателем и дополнительно переводчиками, известна нам по знаменитой «Дюне» Франка Герберта; они там выступают в качестве образчиков языка будущего *чакобса* ([Herbert 1965: 229, 522], см. [Leland 1891: 130, 209–210]). В русских жаргонных словарях после 1992 г. в числе прочих фантастических описаний появились слова (*пердас* ‘чужой’, *фезаво* ‘хромой’), восходящие через немецкий словарь Вильгельма Польцера (*Perdas* ‘Fremder’, *Vesavo* ‘lahm’ [Polzer 1922: 65, 96]) и, далее, через монографию А.Ф. Потта к описанию цыганского диалекта в Северном Гемпшире (Великобритания) по наблюдениям 1818–1819 гг. полковника Дж. Харриота (J.S. Harriot) [Шаповал 2008а: 67]. Второе слово до сих пор в ходу в англоромани, как явствует из рецензируемого труда: *vassavo*, *vásavo* ‘плохой’ (с. 178).

собирались образцы письменной речи. В известной мере по речевому поведению в письменной коммуникации в Интернете можно судить об устном речевом поведении. Форум привлекал людей, которые в этой ситуации пытались общаться с чужими, позиционировавшими себя как свои в широком смысле, в той манере и на том языке, которые обычны для внутрисемейного устного общения. Слова на англоромани в этом случае выступали как пропуск и символ эмоционального и родового единства с невидимым собеседником. Графика складывалась стихийно ad hoc, следовательно, варьировалась в широких пределах. Даже анализ особенностей графики конкретного корреспондента оказывается лингвистически информативным, например, выбор *phen* ‘сестра’ вместо *pen*, где позиционное придыхание [p] безальтернативно, указывает на знакомство с графикой европейских цыган (с. 156). Это лишь один из примеров того, как филигранно интерпретируются данные форума.

В приложении дан один из зримых результатов этих опросов: впечатляющий словарь англоромани, доступный и в Интернете (<http://romani.humanities.manchester.ac.uk/angloromani>).

В первой главе «Англоромани: другой тип языка?» (с. 1–30) рассматривается вопрос о системных параметрах (languageness) этого языка в связи с функционированием специфического лексикона англоромани и оцениваются различные объяснительные модели возникновения языка смешанного типа.

В рамках объяснения базовых терминов фиксируется, что в Британии есть три этнических меньшинства, которые именуются *трэвеллерз* (Travellers) или цыгане (Gypsies): английские (и уэльские) цыгане, ирландские *трэвеллерз* и шотландские *трэвеллерз* (с. 1), – без учета европейских цыган, семьи которых продолжают так или иначе прибывать на острова. Разделить сегодня собственно *трэвеллерз* (которые вели подвижный образ жизни, вероятно, и до прихода цыган на острова) и британских цыган невозможно. Их смешение, по крайней мере в некоторых регионах, зашло слишком далеко. Вероятно, это было одним из факторов возникновения англоромани с его английской грамматикой (с. 28). Некоторые слова жаргона (cant) проникли в речь цыган, а шотландские *трэвеллерз* в свою очередь усвоили ряд цыганских слов (с. 2).

В результате возник вариант английского языка, насыщенный цыганскими лексическими элементами, например: *Me dad used to say, ooh dik at that, that's for/ ooh loves livvinda* (с. 6) ‘Мой отец обычно говорит, ох, глянь на это, это оттого, что [она], ох, любит алкоголь’. (Слово *dad* ‘отец’ тоже подозрительно похоже на цыганское, но его древность не позволяет принять цыганскую этимологию.) Замена ключевых

слов приводит к тому, что говорящий по-английски чужак не поймет смысла фразы. И хотя *dik* = дыкх 'смотри', *livvinda* ≈ ловина 'пиво', не знающий английского европейский цыган также не поймет ни эту фразу, ни даже менее «англизированной», содержащую только цыганскую лексику в своем составе: *Phen chichi/chuchi, muskra/muskara akai!* 'Не говори ничего, полицейский вот!' (с. 8, 25, 120). (Вариативность произношения/написания слов в этом примере при стабильности структуры и состава в многократных фиксациях может указывать на то, что это воспроизводимое клише.) В максимальном приближении к севернорусско-цыганскому: *Пхэн [ни]чхи, моск(и)ро акэ!* – где ключевое слово *моск(и)ро* (*муй-эс-кир-о – посессивное прилагательное от основы ед. ч. существительного *муй* 'рот, лицо') значит буквально 'относящийся к лицу или ко рту'; в англоромани название полицейского также является производным от *moi* 'рот' и значит 'горластый'.

Подобная судьба постигла и другие территориальные варианты цыганского: кало (*caló*) на базе испанской или португальской грамматики в Испании и Португалии, эроминчела (*eromantxela*) на базе баскского в Стране Басков, *Romnisch* на базе нижненемецкого в Дании; существуют греческий, шведский, норвежский и другие варианты парацыганского (с. 9–10). В отличие от насыщенных разрозненными цыганскими лексическими элементами условных языков, арго и т. п., парацыганские языки даже при утрате цыганской морфологии и синтаксиса все же наследуют существенные элементы системы деривации и некоторые лексикализованные грамматические формы. Например, обобщается в качестве универсальной одна из форм косвенного падежа местоимения *те* 'я': в англоромани это локатив *mandi*, в кало датив *tange* или инструментал-социатив *mansa* (с. 11).

Скупые данные по восточнославянским условным языкам прошлого века включают и слово *мань*, род. п. *манька́*, дат. п. *маньку́*, которое выступало в роли местоимения 'я (нищий старец)', но употреблялось как существительное с глаголами в 3-м лице ед. ч. [Тиханов 1899: 89, 92, 93]: *мань / манёк во́лит* '*я хочет'. Его сходство с цыг. вин. п. *ман* 'меня', дат. п. *мангэ* 'мне' весьма симптоматично. Ср. также выбор 3 л. ед. ч. при, формально говоря, местоимении 'я' в англоромани: *Mandi doesn't com lesti* (с. 25) '*Я не любит его'.

Структурное сходство при различии языков окружения указывает на общность глубинных механизмов возникновения вариантов парацыганского в разных странах. Здесь имеется некоторое подобие с пиджинизацией и креолизацией. Возможны два объяснения: или усвоение лексики от старших новым, уже англоязычным

по преимуществу поколением, или приток людей со стороны, усваивавших цыганский словарь уже во взрослом возрасте (с. 15–16). Вместе с тем англоромани отличается от смешанных языков (в которых грамматика взята из одного языка, а лексика из другого) отсутствием конвенциональной закрепленности доли двух составных частей, наличием отчетливой возможности варьировать уровень концентрации цыганских элементов в высказывании. Следы двойственной природы этого языка проявляются и в сохранении некоторых элементов прежней цыганской грамматической системы, например в личных местоимениях, усвоении некоторых словообразовательных моделей (с. 19–20).

Рассмотрев различные сценарии, автор переходит к их интеграции на основе гипотезы о функциональном перевороте в истории англоромани. От лингвистической ситуации, в которой цыганский был языком семейного общения, а английский обслуживал лишь внешние коммуникативные функции (с. 27), закрытые мигрирующие общины перешли к ситуации, когда по мере расширения функций английского языка во внутригрупповой коммуникации цыганский становился источником лексических маркеров, символизирующих престиж принадлежности к группе посвященных, и секретного словаря, непонятного для окружения (с. 30)². Влияние последнего заметно в раз-

² Двужычие цыган создает постоянные условия для движения в этом направлении и инкорпорации грамматических элементов функционально доминирующего языка. Так, для севернорусско-цыганского характерно довольно свободное переключение на русскую предикацию, например: *Е исыс насвали, палдава мэ ла на дыхтём, не встретил кэ кодой* 'Она была больна, поэтому я ее не видел, не встретил там'. При этом имеются и производные от цыганских основ по русским моделям, функционирующие в качестве внутригрупповой экспрессивной лексики в русской речи: как именные: *хнячка* (груб.) 'трусиха' < *хн-* 'испражняться', *чёрдάρька* 'воровка' < *чёрдари* 'вор' < *чёрдо* 'ворованный', так и глагольные: *захнякать* 'замарать', *чердовать* 'воровать' (В. Бычков, Красноярск). Если прежде консервирующим цыганский язык фактором являлись длительные ежегодные контакты на ярмарках, семейных торжествах, в процессе летних разъездов большими группами, то сегодня хозяйственная деятельность все больше сосредотачивается в малой семье и протекает в преобладающем иноязычном окружении. Нельзя исключить того, что следующее поколение уже будет знать и считать цыганским языком только явления второго рода.

личных английских сленгах и продолжается до сего дня.

Например, не так давно из английского в русский пришло альтернативное название «гопника» *chav* / *чав* 'подросток или молодой человек, часто малообразованный и малообеспеченный, выделяется особо акцентированными признаками в одежде и особенностями группового поведения' (yablun.livejournal.com/50399.html: «Почему ты говоришь *чав*? Почему не *гопник*? – Слово *чав* знает уже до хрена народу»). Цыганское *čhav* 'сын, потомок цыган'. Ср. кэдрарское *шяв* (м. р.) 'парень-цыган; сын' [Р.С. Деметер, П.С. Деметер 1990: 178]³.

Глава 2 «Истоки цыганского языка» (с. 31–56) посвящена истории и происхождению флективных цыганских диалектов, на ее основе в главе 3 «Историческая позиция британского цыганского» (с. 57–94) уточняется диалектная основа цыганского в Британии и его исторические связи с континентальными европейскими диалектами, в частности, при его несомненной принадлежности к северным диалектам, распростершимся от Британии до Дальнего Востока (с. 87–88), некоторые архаические черты указывают на близость с другими периферийными диалектами, например оформление заимствований греческим по происхождению показателем *-is, -os*, а не *-i, -o* (с. 52).

В главе 4 «Структурная композиция англоромани» (с. 95–129) дана характеристика уникального по репрезентативности корпуса речевых данных, описаны фонологические особенности языка, предпочтительные модели словообразования и особенно словосложения, грамматические особенности, включая остаточные явления флексии, и другие черты. Фонологический состав слов отличается принципиально широкой вариативностью (например, аналог севернорусско-цыганского *балавас* 'сало, ветчина' фиксируется в виде спектра вариантов (фонетическая транскрипция взята с сайта): *ballamas* ['baɫɔmas],

³ В качестве независимого заимствования приведем также слово *чав* в еще одном русском сленге (указано Д.В. Громовым): в Улан-Удэ *чавами* (от цыганского *чаво* 'парень') издавна называли молодежь, проживающую на городских окраинах, в частном секторе и заводских районах. Слово встречается и у других авторов, ср. пример из [Буянова 2009: 64]: *Не хотелось бы покупать квартиру в кварталах, там столько чавушек*. В речи данной социальной группы отмечаются слова и фразы из севернорусско-цыганского диалекта: *Тердѣ чава!* 'Стоять, чава!'; *Яводарик!* 'Иди сюда!'; *Лаве усы?* 'Деньги есть?'; *Нане* 'Нет'; *Девала!* 'Погляди!' (букв. 'Боже!'); *Авзи!* 'Пошли!'; *рая* 'милиция' (букв. 'господа') [Карбаинов 2009: 135].

ballavas ['bælɔvæs / 'bælɔvæs], *ballomas*, *ballovas*, *ballowas*, *bawlomas*, *bawluva*, *bawluvva* ['bawlɔva], *vallavas* ['vælɔvæs / 'vælɔvæs], *villivas* ['vili:væs] – и даже *vassavo*, совпавшем с прилагательным 'плохой'). Трудно удержаться от демонстрации вариантов славянского *smetana 'сметана': *smantunna*, *smentin*, *smenting*, *smentini*, *smeutino*, *smintino*, *smintni*, *smitten*, *spentani* < свр.-цыг. *sme(n)tana* (с. 185). Однако при всей суммарной вариативности «определенные черты произношения ассоциируются с конкретными семьями или регионами» (с. 100, 178)⁴.

Отдельные словообразовательные модели становятся универсальными, например, на основе цыганского посессива образуется множество названий орудий, производителей действия и предметов: *dikkamengri* 'зеркало' < *dikh* 'смотреть, видеть', *massengra* 'мясник' < *mas* 'мясо', *chinnamengra* 'письмо' < *čin* 'резать, писать', *yoggamengra* 'лесник' < ружье' < *jag* 'огонь', *puvvengra* 'картофель' < *phuv* 'земля' (с. 105). Еще один пример незамысловат по внутренней форме: *rukkamengra* ['rɔkʰɔmɛŋgrɔ] 'обезьяна' < свр.-цыг. *rukʰ* 'дерево' (с. 201), – однако примечательно, что аналогичный способ наименования обезьяны через связь с деревом, лесом зафиксирован в московско-цыганском. В воспоминаниях цыганской певицы Татьяны Демьяновой о Пушкине: «Засмеялась и я, только он мне очень некрасивым показался. И сказала я своим подругам по-нашему, по-цыгански: “Дыка, дыка, на не лачо, таки вашескери!” Гляди, значит, гляди, как нехорош, точно обезьяна! Они так и залились» [Демьянова 1998: 246]. (*Дыкx-ка, дыкx-ка, нанэ лачѣ, такі възшэскири* 'Смотри-ка, смотри-ка, не <есть> хорош, словно обезьяна', где *вэшэскири* – 'обезьяна', букв. 'лесная, лесовая'.)

Подобные ряды производных по продуктивным моделям в принципе открыты. Наличие веера потенциальных номинаций, включая описательные [например, *parno-kawla cherkli* 'сорока', букв. 'черно-белая птица' (с. 123)], воспринимается как предмет гордости и используется для проверки незнакомца на знание англоромани. Томас Актон описал процедуру такого тестирования на примере синонимов для дорожного указателя: *pukkering-kosh* 'говорящий столб', *kosh t'pukker t'drom* 'столб,

⁴ В России также наблюдается широкая вариативность даже в рамках одного диалекта, но никогда – в речи одного индивида, ср., например: московское *чячѣ* 'верно', *чячинэ* 'правда' и, с межслоговой диссимиляцией, смоленское или псковское *тачѣ, тачинэ*. Удивительно совпадение с последним результата независимого развития в англоромани: *tatchipen / tatchapen* 'правда' (с. 214).

чтобы говорить дорогу', *drom-sikker-lava-kosh* 'дорогу-указывающий-словами-столб' [Астон 2005]; в данной книге их приведено намного больше (с. 208). Это лишь одно из проявлений свободы по отношению к лексикону англоромани, преобразуемому пусть и по унаследованным образцам, но часто в индивидуально-творческой и даже игровой манере (с. 110–111).

В частности, в устном двуязычии в ходу полукальки: *adrom, adrum, drom* 'прочь' < евр.-цыг. *drom* 'дорога' (с. 170), где к английскому *a-* добавлена цыганская замена второй части – грецизм *drom*; *comli* 'приятный' < евр.-цыг. *kam-* 'любить, хотеть' (с. 199), где к корню *com-* 'любить, хотеть' добавлено *-li (-ly)*. Хотя трактовки таких случаев не вполне однозначны: есть и цыганский наречный префикс *a-* (*абэриш* 'в этом году'), а финаль *-li* может трактоваться и как реликтовый показатель цыганского перфектного причастия женского рода: *камлó* 'милый', *камлi* 'милая' [Р.С. Деметер, П.С. Деметер 1990: 21, 80]⁵.

Семантическое развитие в англоромани идет часто совершенно независимо от европейского наследия, например: *eb* 'свет' < евр.-цыг. *hev* 'дыра' (с. 198), где семантические отношения проясняются наличием посредника *ebs, ev, evua, hev, kow* 'окно' < евр.-цыг. *hev* 'дыра' (с. 216), но имеется и *ebs, ev, evua* 'стакан' (с. 191), где это значение возникло на основе многозначности в английском; в итоге появляется нстривиальная семантическая цепочка: 'дыра' > 'окно' > 'стекло' > 'стакан'.

В главе 5 «Коммуникативные функции англоромани» (с. 130–166) описаны функциональные параметры современного языка британских цыган. По мнению автора, представители сообществ английских и уэльских цыган в процессе языковой социализации усваивают особый перечень лингвистических особенностей, включающий в основном лексические элементы, но их усвоение сопровождается овладением и особыми правилами «исполнения», то есть использования этого этнически маркированного лексического репертуара в устной речи (с. 133), включая меньшую связность (ср. выше *drom-sikker-lava-kosh*) и даже отказ от формального выражения предикации (*Mushakai* 'Мужчина здесь', *Dikka the mush's moi nafti zi* 'Глянь [на] мужчины лицо: злое сердце', с. 120–121). В зависимости от целей коммуникации говорящий может менять концент-

рацию специфических элементов в своей речи (с. 134), и эта особенность сближает англоромани с жаргонами. Однако носители этого языка всерьез настроены на возрождение его в качестве как средства коммуникации, так и одного из параметров этничности. Этот язык применяется в образовательных программах, поддерживаемых на государственном уровне и ориентированных на *трэвеллерз*, и официально рассматривается как язык одного из этнических меньшинств (с. 164). Этот язык используется в качестве эффективного и престижного средства интеграции в миссионерской деятельности (с. 165). Выходят книги на англоромани. Таким образом, можно говорить о его возвращении к жизни через последовательное расширение социальных функций.

В главе 6 «Заключение. Упадок, смерть и жизнь языка после смерти» (с. 167–175) более детально аргументируется описанный выше исторический сценарий, объясняющий переход от использования цыганского в качестве языка семейного общения к английскому, который наряду с функциями внешней коммуникации принял на себя роль средства внутригруппового общения, после чего цыганский стал источником особого группового словаря, непонятного для непосвященных. Далее англоромани трактуется в контексте современности как экстраординарный случай двуязычия, в связи с чем рассматриваются его функциональные параметры: это средство внутригрупповой коммуникации, в частности с целью скрыть содержание разговора в присутствии чужих; средство передачи устной традиции; средство акцентировать свою этническую идентичность и принадлежность к группе. С этой символической функцией связано позитивное эмоционально-эстетическое содержание, которое носителями соотносится именно со специфическим лексиконом цыганского происхождения. Набором этих функций и определяется в конечном счете особый тип билингвизма, который в случае носителей англоромани проявляется в практической компетенции, позволяющей дифференцированно использовать многоуровневый репертуар структурных элементов, транслирующих внутригрупповые прагматические и символические ценности (с. 174).

Несколько замечаний касаются описания отдельных слов: *kirvo* 'крестник' (с. 36), видимо, имелось в виду 'крестный отец, кум, особенно в качестве обращения кумовьев или просто товарищей друг к другу'; *vušt* 'рука' (с. 85) – это опечатка: *vušt* 'губа' (ср. *vast* 'рука'); *grazna* 'корова' (с. 185) – не к евр.-цыг. *guruvni* 'корова', а к нижестоящему: *grasna* < евр.-цыг. *grasni* 'кобыла'; *suv* 'клясться' < евр.-цыг. *sov-* 'спать' (с. 211) – имеется в виду омонимический гла-

⁵ В севернорусско-цыганском полукальки с нарочитым наложением основ считаются принадлежностью шутливой макаронической речи: *частыр* 'деталь' < *часть* + цыг. *котыр* 'кусок', *кхэрата* 'комната' < цыг. *кхэр* 'дом' + *комната*.

гольный корень, как при *suvalo* 'плохой', то есть *sov-* 'произносить клятву' (с. 178).

В расширенном по сравнению с электронной версией примерно до 1600 позиций английско-цыганском словаре (с. 176–217) цыганские слова представлены во всех зафиксированных вариантах («retrieved directly from transcriptions of oral recordings of interviews», с. 176). Каждое слово сопровождается этимологической параллелью из европейского цыганского. Приведем несколько примеров с нашими комментариями и частными уточнениями, возможно небезынтересными для российского читателя:

paddel, pardel, parl, pawdel, pedal 'через' < евр.-цыг. *perdal* 'то же' (с. 177) – первый вариант записи *paddel* имеет параллель в виде фонетически необычного варианта *падъл* 'через' из северо-западной части севернорусско-цыганского ареала, отсутствующего в [ЦРС] (где только *пурдъл*), но известного из скрупулезно опубликованного, хотя не вполне достоверного источника⁶;

juv 'ячмень' < евр.-цыг. *giv* 'пшеница, ячмень' (с. 179) – возможно, фонетически ближе *džov* 'oats / овес';

lastrı 'красивый' < евр.-цыг. *lošano (-alo)* 'радостный' (с. 179) – может быть, ближе глагол *last* 'искать, найти' < евр.-цыг. *lath-*, причастие от этого глагола может получать семантическое наполнение 'красивый, изысканный', франц. *recherché*, и, хотя трудно сказать, насколько вовлекается в гнездо английского *find* галлицизм *refined*, сближение в рамках народной этимологии здесь вероятно;

mizli 'ткань' (с. 183), *misli* 'лоскут' (с. 205) < евр.-цыг. *mesali* 'полотенце, шарф', греч. *μεσάλι* 'скатерть', но в России обычно 'стол', как кэлдэрарское *месяли / mes'ali* [Р.С. Деметер, П.С. Деметер 1990: 103]; русское *стол* также связано исторически со 'стелить' [Фасмер, III: 764–765];

Romanichal 'английский цыган' < евр.-цыг. *čalado; romani* 'семья', 'цыганский' (с. 187) – к сожалению, это *čal* (франц. *Romanichel*, баскско-цыганское *Erroumancel* [Michel 1848; Vaudrimont 1862: 29]) пока не дается этимологам; не помогает и кэлдэрарское *челедо / čeledo* 'семья' [Р.С. Деметер, П.С. Деметер 1990: 166], ловарское *чалудо / čalado* 'то же' – не очень давнее региональное заимствование из венгерского *család*, которое восходит к славянскому **čel'adъ* 'populus, familia' [ЭССЯ, 4: 40–42].

⁶ Примеры: *падъл дэвлэстыр* 'через бога', *падъл грэстэ* 'через коня', *падъл светло удара* 'через светлые ворота' [Язык 2006: 38, № 472; 134, № 2676; 63, № 1029; а также: 66, № 1088; 160, № 3305; 165, № 3418]. См. критику в [Шаповал 2008б].

Еще любопытно, как кажется, отметить, что прямые паронимические результаты народной этимологии на базе созвучия с английским в словаре не слишком заметны или, во всяком случае, не акцентируются: *trashed* 'испуган' (с. 135, 207) ≈ англ. 'замусорен'; *nurses* 'руки (от плеча)' (с. 178) ≈ англ. 'сиделки / няньки'; *bark* 'грудь' (с. 181) ≈ англ. 'кора дерева'; *pen* 'звать' (с. 182) ≈ англ. 'перо'; *gras* 'кобыла' (с. 200) ≈ англ. 'трава'. В аналогичных случаях русские цыгане довольно часто используют игровые трансформации, сохраняющие прежнюю семантику, но принимающие вид русского слова: *балайсина* = *балавас* 'сало'; *курануть* = *курэл* 'сильно ударить'; *мама* = *мами* 'бабушка'; *папка* = *папо* 'дед'; *пустыня* = *пустын* 'шуба' и под.

Наряду со словарем имеется удобное для историков языка приложение, где все цыганские слова и корни, представленные в этимологических пометах словаря в качестве вероятных источников слов англоромани, расположены по алфавиту (с. 219–231).

Список использованной литературы (с. 232–241), указатель упоминаемых авторов (с. 242–243) и предметный указатель (с. 244–255) завершают книгу.

Рассмотренное исследование как по охвату материала, так и по детальности анализа, а также во многих других отношениях может служить образцом для описания пока почти не исследованных локальных вариантов цыганского языка: как многочисленных диалектов романи, сохранивших индоарийскую флективную грамматику, так и парацыганских диалектов, перешедших на грамматику языков окружения, но отчасти сохранивших цыганскую лексику. Особенно обращает на себя внимание баланс между высокой концентрацией научного содержания и изложением, учитывающим интересы и возможности потенциального читателя, не являющегося профессиональным лингвистом, например носителя англоромани, участвовавшего в обсуждении проблем языка на форуме и заинтересовавшегося книгой. Таким образом, сама книга, подобно описанному объекту, является многоуровневым сообщением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Буянова 2009 – А.Ю. Буянова. Жизненные стратегии молодежи постсоветской Бурятии. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.
Р.С. Деметер, П.С. Деметер 1990. Р.С. Деметер, П.С. Деметер. Цыганско-русский и русско-цыганский словарь (кэлдэрарский диалект). М., 1990.
Демьянова 1998 – Т.Д. Демьянова. О Пушкине и Языкове // В.Э. Вацуру и др. Пушкин

- в воспоминаниях современников. 3-е изд., доп. СПб., 1998. Т. 2.
- Карбаинов 2009 – *Н.И. Карбаинов*. «Эй, хунхуз, куда идешь?! Здесь братва, и ты умрешь!»: «уличные войны» в Улан-Удэ // *Д.В. Громов* (сост.), *Н.Л. Пушкарева* (отв. ред). Молодежные уличные группировки: введение в проблематику. М., 2009.
- Маковский 2009 – *М.М. Маковский*. Современный английский сленг: Онтология, структура, этимология. 4-е изд. М., 2009.
- Тиханов 1899 – *П.Н. Тиханов*. Черниговские старцы // Труды Черниговской ученой архивной комиссии. Вып. 2. Чернигов, 1899/1900.
- Фасмер 1986 1987 – *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка. М., 1986–1987.
- ЦРС *А.П. Баранников, М.В. Сергеевский*. Цыганско-русский словарь. М., 1938.
- Шаповал 2008а – *В.В. Шаповал*. Новые «цыганизмы» в русских жаргонных словарях // ВЯ. 2008. № 6.
- Шаповал 2008б – *В.В. Шаповал*. Харкуно совнакай: ‘фальшивое золото’ вторичных источников // Abstracts from 8th International conference on Romani linguistics. 4-6 September 2008, St. Petersburg [<http://www.liloro.ru/romano.htm>].
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Вып. 4. М., 1977.
- Язык 2006 – *С.В. Кучепатова* (сост.). Язык цыганский весь в загадках: Народные афоризмы русских цыган из архива И.М. Андрониковой. СПб., 2006.
- Acton 1985 – *T. Acton*. The social construction of the ethnic identity of commercial-nomadic groups // *J. Grumet* (ed.). Papers from the 4th and 5th Annual meetings of the Gypsy lore society. North American chapter. New York, 1985.
- Baudrimont 1862 – *A. Baudrimont*. Vocabulaire de la langue des Bohémiens habitant les Pays Basque Français. Baurdeaux, 1862.
- Herbert 1965 – *F. Herbert*. Dune. Philadelphia; New York, 1965.
- Kluge 1901 – *F. Kluge*. Rotwelsches Quellenbuch (Rotwelsch. Quellen und Wortschatz der Gaunersprache und der verwandten Geheimsprachen. B. I.). Strassburg, 1901 [<http://www.liloro.ru/romanes/chrestomatia1.htm>].
- Leland 1891 – *Ch.G. Leland*. Gypsy sorcery and fortune telling. London, 1891.
- Matras 2002 – *Y. Matras*. Romani: A linguistic introduction. Cambridge, 2002.
- Matras 2009 – *Y. Matras*. Language contact. Cambridge, 2009.
- Michel 1848 – *F. Michel*. Bohémiens, mendiants, gueux, cours des miracles // Le moyen âge et la renaissance. T. I. Paris, 1848.
- Polzer 1922 – *W. Polzer*. Gauner-Wörterbuch für den Kriminalpraktiker. München; Berlin; Leipzig, 1922.

В.В. Шаповал

Сведения об авторе:

Виктор Васильевич Шаповал
Московский городской педагогический университет
liloro1@yandex.ru

М.В. Смирнова-Сеславинская, Г.Н. Цветков. Цыгане. Происхождение и культура. Социально-антропологическое исследование. Монография. София; М., 2009. 830 с.

Издание подготовлено сотрудниками Лаборатории культуры ромов (цыган) Федерального института развития образования (ФИРО): Марианной Владимировной Сеславинской – кандидатом философских наук, заместителем заведующего отделом методологии и проектирования образования в полиэтнической среде, и Георгием Николаевичем Цветковым – старшим научным сотрудником того же отдела, цыганским литератором и общественным деятелем.

Вакуум в области отечественных исследований цыгановедческой тематики таков, что любая публикация не может остаться незамеченной. Тем более не могла не привлечь пристального внимания такая значительная по объему книга. Как сообщается в аннотации, тематические рамки монографии очень широки: «Уникальное

сочетание социально-антропологических научных подходов и глубокого знания цыганской этнической культуры позволило авторам вплотную подойти к разгадке происхождения цыган. Собранные в книге свидетельства исторических источников указывают на существование в древности на границе между современной Индией и Пакистаном государства, название которого происходит от древнего этнонима, сохранившегося в названии современных цыган: “ром” или “дом”. Материал, представленный во второй части книги, рассказывает об устройстве цыганской общины и индийских истоках древнейших традиций в культуре цыган: цыганского суда, представлении об осквернении и ритуальной чистоте, традиционных занятиях, о древне-восточных истоках цыганского музыкального творчества и многом другом» (задняя крышка

перелета). В процитированной выше аннотации компактно охарактеризовано содержание книги, затрагивающей несомненно широкий ряд проблем и предлагающей большой объем фактического материала по истории Индии, по культуре цыган (в большей степени этногруппы *ловарей*). Этот материал может оцениваться с разных точек зрения: с позиций этнологии, социальной антропологии, культурологии, нумизматики, археологии, музыковедения и т. д. Ниже мы остановимся только на оценке принципов использования лингвистических данных, которые широко применяются в рассматриваемом труде при обосновании тех или иных авторских гипотез в реконструкциях истории и уклада жизни проторомов (индийских предков европейских цыган).

Каждое поколение исследователей приходит в науку со своими притязаниями, но пренебрегать опытом прошлого небезопасно. Если он по каким-то причинам остался неучтенным, то даже выводы начала XXI века начинают напоминать «яфетические» параллели академика Н.Я. Марра, часто без блеска его несомненной эрудиции. Разберем немногие из примеров, представляющих собой произвольные, якобы «этимологические», сближения по созвучию, разбросанные в рецензируемом издании щедрой рукой.

Весьма спорным представляется указание на этимологическую связь древнеиндийского *śākhā* 'ветвь', литовского *šakà* 'ветвь', славянского *соха* 'ветвь с развилкой' и т. д. с цыганским *šengá* (sic!) 'рога' (с. 177), то есть с цыганским существительным *šing* 'рог животного'. Действительно, этимологи Р.Л. Тёрнер и Л. Мануш указывают иную параллель, не совпадающую с древнеиндийским *śākhā*, это санскритское *śṛṅga* (ср. р.) 'рог' [Turner 1966: 730; Manush 1997: 119].

Это лишь один произвольно выбранный пример. Однако за ним раскрывается целая система донаучного восприятия лингвистических данных на основе наивной абсолютизации собственной интуиции. Если авторы лаконичны, то и тогда подобные параллели не становятся более бесспорными. К примеру, при упоминании в работе индийском топониме *Лаччагир* (*Lachchagir*) имеется подстрочное примечание: «Ср.: цыг. *Лачи гира* – "хорошая молва", "славная молва"» (с. 140, прим. 6). Сравним, следуя совету: а) индийский компонент *gir* с взрывным [g] и не указанным значением; б) цыганское слово, заимствованное из венгерского (*hír* [hi:r] 'новость'), например: кэлдэрарское «**гиро** (венг.) м [мн.] **гируря** весть, известие» [П.С. Деметер, Р.С. Деметер 1990: 58] (с фрикативным r [h]). Связи здесь не обнаруживается. Что призвано доказать это сравнение, авторы не уточняют.

Еще пример смелой простоты решения: «Слово *карье* [*karje*] происходит от той же основы *индоар.<рийской> кар/кэр/кур* [*kar/ker/kur*], что и глагол *ром.<ский = цыганский> тэ курэс* [*te kures*] с широким спектром значений, в основе которого лежит обозначение механического повторяющегося действия» (с. 515). Значение составного глагола *тэ дав карье* – 'стрелять (1 л. ед. ч.)', значение глагола *тэ курэс* – 'ковать, бить, трахать (2 л. ед. ч.)'. Последний напоминает по многозначности русский глагол *трахать*, в частности означающий и 'совершать половой акт', чем и объясняется маскирующее наукообразие указания на «обозначение механического повторяющегося действия». Исторической связи здесь этимологи также не усматривают: первое от санскр. *kāṅṭaka-* 'thorn', 'anything pointed' <тёрн, нечто колючее> [Turner 1966: 133; Valtonen 1972: 60], второе от санскр. *kutt(ay)-* 'to press, to squeeze, to crush' <сжимать, сминать, раздавливать> [Turner 1966: 166; Manush 1997: 76]. Обоснование декларируемой авторами этимологической связи также отсутствует.

В дополнение к несуществующему румынскому слову *kelda*, на которое указали коллеги, приведенному вместо *căldăra* 'котел' (с. 508), добавим еще один пример. Румынское слово *păcat* 'грех' у уважаемых авторов представлено со знаком долготы «*păcat*» 'грех' (с. 483). Такой буквы (*ā*) нет в румынском алфавите. Это слово связывается с цыг. (кэлдэрарским) «**пэкала** (рум.): **кэрав пэкала анда варэ-касте** осрамить, очень оскорбить *кого-л.*» [П.С. Деметер, Р.С. Деметер 1990: 127] и проч. Однако при этом игнорируется идентичное цыганскому румынское *păcală* 'посмешище', которое и было заимствовано в готовом виде в некоторые цыганские диалекты. Его историческая связь с латинским *peccatum* 'грех', даже если бы и имела место, то за рамками цыганского языка.

Учет акцентологических особенностей слов позволяет четко разделять слой имен существительных исконно цыганского происхождения и заимствования европейского периода. По этой причине (даже без более детальной проверки аргументации) не может быть принято этимологическое сближение заимствования из румынского *vița* 'ответвление большой семьи' и глагольного корня индийского происхождения *бэш* 'сяль' (с. 745).

Индийское *beṭī* 'девочка' [Turner 1966: 522] связывается с цыганским *bejato* 'дитя' (с. 658). Последнее также имеет акцентологические особенности европейского заимствования: румынское *băiat* 'мальчик'. Нам приходилось касаться индийского слова: «Однако исконный церебральный [t̪] дал бы в цыганском сонорный (вибрант), будь даже это слово и зафикси-

ровано» [Шаповал 2007: 125]. Для современного цыганского вероятен рефлекс *бэры́.

Игнорирование объективных фонетических закономерностей уводит подобные сопоставления за пределы собственно лингвистического метода. Нельзя не вспомнить, что аналогичные концепции были характерны для художественного моделирования прошлого еще в эпоху романтизма. Например, Зенон Клеменевич усматривал в методологически созвучных лингвистических упражнениях Адама Мицкевича отклик на историософские пристрастия начала XIX века, подчеркивая: «Trudno zataić, że te językoznawcze zainteresowania Mickiewicza wyrażają się w wielu wykolejonych pomysłach, stanowiących wytwór idealistycznej fantastyki lingwistycznej» <Трудно скрыть, что эти языковедческие увлечения Мицкевича находят выражение во множестве свособычных замыслов, приводящих к созданию идеалистической фантастики в лингвистическом ключе> [Klemensiewicz 1955: 324].

Невозможно игнорировать видимое противоречие между широтой замысла рецензируемого труда и недостаточной тщательностью проработки деталей. Небрежности частного характера препятствуют адекватному пониманию мысли, скрытой в формулировках. Это невольно заставляет вспомнить рекомендацию Сергея Довлатова: «Не пиши ты эпохами и катаклизмами! Не пиши ты страстями и локомотивами! А пиши ты... буквами – А, Б, В...» [Довлатов 1995: 22].

Так, затемняющим смысл является, например, вкрапление неизвестного происхождения: «женщина *edo* <,> принимающая участие в его воспетании <sic!>» (с. 701). Поскольку *edo* нигде не разъясняется, то непонятно даже, как расставить знаки препинания, возможно, отсутствующие. Более широкий контекст также не проясняет это слово.

Весьма странно, что в таком солидном издании не только отсутствует собственный список условных сокращений, но и сокращения к обильно цитируемому сравнительному словарю индоарийских языков Р.Л. Тёрнера [Turner 1966] раскрыты крайне неаккуратно, например: «Aw авадхи ? | awáñ авадхи ?»; «Mth маратхи, майтхили ??» (с. 738). Кому адресованы эти вопросы? Читателю? Или редактору? И что в таком случае рассчитывали доказать уважаемые авторы, не располагая сведениями о том, к материалу какого именно языка отсылают читателя?

Не вполне понятны источники неточностей в цыганском примере и/или русском переводе: *tě gras* ‘твой кони’ (похоже на ‘твой конь’, единственное число) (с. 369), *пэско пири* ‘свой горшок’ (надо: *пэску пири́*, женский род) (с. 786). Термин родства ‘брат’ в севернорусско-

цыганском диалекте – *пшал* [ЦРС 1938: 113], но не *pshral* (с. 637). Такие ошибки мог допустить человек, для которого цыганский язык не является родным.

Иногда наблюдаются текстологические феномены, которые иначе как отсутствием необходимой правки в компьютерном переводе объяснить не представляется возможным: «молодое животное *lex*-отношения» (с. 777). Еще один пример необъяснимого словоупотребления также в переводе: «Другой автор, Грелльманн, сторонник курса насильственной ассимиляции в Европе, объявший нищенское положение цыган их отказом от интеграции, приводил доводы в пользу их происхождения от низко-кастового населения Индии, или шудр» (с. 723–274). Видимо, объясняявший.

Сегодня общезвестно, что такое конфликт кодировок. Так, в цитате из словаря М. Фасмера «сербохорв. јуџнац, род. п. јуџнца “бычок”, јуџница “телка”» (с. 687) не приведены к нормальному виду знаки ударения. Опять возникает вопрос, кому адресуется цитата в таком виде. Человеку, знающему сербский, она доставит неудобства при чтении, а незнающего просто дезинформирует. Можно в этом винить компьютер, однако эти недочеты мешают оценить глубину мысли авторов, даже если они выше этих мелочей.

Имеются опечатки даже в названии этнической группы цыган: «*Ловря – Чокеци*» (с. 541), следует читать *Ловáря*. Примечательно, что данный фрагмент цитируется по изданию, где все было напечатано правильно: «*Ловаря-чокеци*» [Цветков 2008: 475].

В былые времена авторы готовы были отвечать за каждую написанную ими букву, как Джордано Бруно. Сегодня же часть рутинной работы выполняет техника. Довольно рискованно брать на себя ответственность за надпись на неизвестном языке, изобретенном сканером: «*Rayners.A. Tsgane heurieux situuelibre!* Ed. UNESCO, 1988» (с. 500). Этот (или похожий) автор (Alain Reyniers) действительно издал книгу с несколько сходным названием, но на 10 лет позже. Так что читателю, немного знакомому с французским, остается только гадать, отчего «*счастлив цган*» в приведенном названии книги и отчего в монографии на русском языке оставлены без перевода пояснения к фотографиям.

Опечатки также сигнализируют о ненадлежащем качестве научного текста: Introduction (с. 723) = Introduction ‘введение’. По-русски принято транслитерировать фамилию *Rüdiger* как *Рюдигер*, а не «Рудигер» (с. 723). Довольно нелегко найти упоминаемую в библиографии, но не существующую книгу одного из основоположников классической индоевропеистики

А.Ф. Потта (A.F. Pott), название которой начинается якобы со слова *Zigeunerin* 'цыганка' (с. 661). Не представлена на картах упоминаемая вскользь «Клинская область» (с. 467). К сожалению, каждый из приведенных примеров не является единственным в своем роде.

Подобных недочетов при анализе текста на «микроуровне» выявляется немало. Их непреодолимая дискуссионность приводит к тому, что и те положения, которые они призваны подтвердить на «макроуровне», повисают в вакууме. Эти небрежности не кажутся факультативной деталью, поскольку и изложение в целом несет на себе печать недомолвок, которая не позволяет читателю уяснить, к каким же конечным выводам приходят уважаемые авторы в каждой из пространных глав своего монографического труда.

Так, остается неясной позиция авторов по одному из вопросов, заявленных ими в качестве ключевых: как соотносятся трактовки первообразной семантики слова (или одного из ряда слов), связываемого с самоназванием европейских цыган *ром/рром*: *ko-dumba/ku-dumba* «обозначает семью, родовую группу» (с. 51), *koṭumbara/kodumbara* 'сукно' (с. 170), или *Udumbara* 'фиговое дерево (*Ficus glomerata*)' (с. 155, 164, 180). Кроме того, последнее далее связывается «с тотемным названием *дом/дамба* [*Dom/Domba*] > *удумбара* [*Udumbara*]» (с. 703), а именно: название дерева произведено от тотемного названия народа, судя по указанному направлению деривации. Этот исключительный случай достоин как детального рассмотрения, так и явно более тщательной аргументации, а не просто упоминания в качестве чего-то очевидного для авторов. Кроме того, то же слово (или одно из ряда слов) *Oḍumbara* трактуется еще и как название страны/государства (с. 145, 161 и сл.). Последнее также исторически связывается с автоэтнонимом европейских цыган *ром/рром* (с. 146), но и его соотношение с названиями дерева или сукна, безусловно, заслуживает более тщательного освещения, которого читатель также не обнаруживает.

Многие цыгановеды сегодня с обеспокоенностью констатируют, что «беспрецедентное увеличение количества публикаций, особенно монографий в 90-е годы» [Matras, Bakker, Kyuchukov 1997: X] (пер. А.Ю. Русакова) сосуществует с параллельной тенденцией к обнародованию не вполне убедительных построений весьма широкого концептуального размаха. Именно вторая тенденция, к сожалению, весьма заметна в странах СНГ по причине отсутствия научной школы в цыганологии и вообще каких-либо проектов просвещения цыган, выходящих за рамки любительства и филантропии-

ческих инициатив. Некоторые недочеты недавних изданий, которые целесообразнее считать скорее лишь выражением художественного мироощущения их авторов, а не изложением научно обоснованных концепций, объясняются именно этим накопившимся дефицитом. Не является в полной мере исключением и рассмотренная книга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Р.С. Деметер, П.С. Деметер 1990 – *Р.С. Деметер, П.С. Деметер*. Цыганско-русский и русско-цыганский словарь (кэлдэрарский диалект). 5300 слов / Под ред. Л.Н. Черенкова. М., 1990.
- Довлатов 1995 – *С. Довлатов*. Собрание прозы: В 3 т. Т. 2. СПб., 1995.
- Цветков 2008 – *Г.Н. Цветков*. История и социальное развитие цыган-ловаря // Наукові записки Інституту української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського. Т. 15. Роми України: із минулого в майбутнє. Київ, 2008. (В оглавлении: Ловаря и ромская социальная культура.)
- ЦРС 1938 – Цыганско-русский словарь / Сост. А.П. Баранников, М.В. Сергиевский. М., 1938.
- Шаповал 2007 – *В.В. Шаповал*. Цыганские элементы в русском воровском арготе (размышления над статьей акад. А.П. Баранникова 1931 г.) // ВЯ. 2007. № 5.
- Klemensiewicz 1955 – *Z. Klemensiewicz*. Jaka rolę i dzięki czemu odegrał Mickiewicz w rozwoju języka polskiego? // *Język polski*. Т. XXXV. № 5. 1955.
- Matras, Bakker, Kyuchukov (eds.) 1997 – *Y. Matras, P. Bakker, H. Kyuchukov* (eds.). The typology and dialectology of Romani (Current issues in linguistic theory, 156). Amsterdam, 1997. (Рец. А.Ю. Русакова см.: <http://www.genlingnw.ru/person/Rusakov.htm>.)
- Manush 1997 – *L. Manush*. Romany-Latvian-English etymological dictionary. Riga, 1997.
- Turner 1966 – *R.L. Turner*. A comparative dictionary of the Indo-Aryan languages. London; New York; Toronto, 1966 (<http://dsal.uchicago.edu/dictionaries/soas>).
- Valtonen 1972 – *P. Valtonen*. Suomen mustalaiskielen etymologinen sanakirja. Helsinki, 1972.

В.В. Шаповал

Сведения об авторе:

Виктор Васильевич Шаповал
Московский городской педагогический университет
lilorol@yandex.ru

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

Функциональная грамматика: современное состояние и перспективы

16–18 ноября 2010 года в Институте лингвистических исследований РАН прошла общероссийская конференция «Функциональная грамматика: современное состояние и перспективы», посвященная 80-летию члена-корреспондента РАН Александра Владимировича Бондарко. В выступлениях участников конференции говорилось о достижениях юбиляра в области теоретического языкознания, о разработке оригинальной концепции функциональной грамматики и теории значения, о создании им собственной модели описания языка – теории функционально-семантических полей и категориальных ситуаций, а также о выдающихся результатах А.В. Бондарко в области изучения грамматических категорий русского (и шире – славянского) глагола.

Утреннее заседание конференции открыл директор ИЛИ РАН акад. Н.Н. Казанский (Санкт-Петербург). В своем вступительном слове он осветил плодотворную научную, преподавательскую и творческую деятельность юбиляра, которая долгие годы была связана с ИЛИ РАН, РГПУ им. А.И. Герцена, СПбГУ.

Доклад А.В. Бондарко (Санкт-Петербург) был посвящен рассмотрению взаимосвязанных аспектов категоризации в системе грамматики: грамматических, лексико-грамматических и функционально-семантических единств, полевых структур, языкового значения и смыслового содержания, понятия инварианта и семантической функции.

В докладе В.С. Храковского (Санкт-Петербург) рассматривались проблемы взаимодействия грамматических категорий глагола (времени, вида, наклонения) на синтагматической оси (в пределах одной словоформы). Докладчик сделал вывод о том, что все элементы глагольного слова в соответствии с их ранговой значимостью попарно взаимодействуют

друг с другом, и этим определяется устройство и функционирование глагольной лексемы.

В выступлении Е.В. Петрухиной (Москва) предметом анализа стало взаимодействие грамматических и словообразовательных категорий, при котором словообразовательные по своему механизму процессы – суффиксация и префиксация – используются для образования грамматических форм. Было описано тесное взаимодействие словообразования и грамматики в русском языке в пределах грамматических категорий вида и залога.

В докладе Т.М. Николаевой (Москва) рассматривалась проблема клитизации местоимений в русской разговорной речи в связи с гипотезой А. Кардиналетти о «сильных» и «слабых» местоимениях в языках мира. Рассмотрев безударные местоимения в русском языке с точки зрения их просодических и синтаксических особенностей, Т.М. Николаева предложила оригинальную трактовку их функции как выразителя категории определенности в рамках одушевленных имен.

В докладе Т.В. Черниговской (Санкт-Петербург) было показано, что только сотрудничество представителей эмпирического и теоретического подходов к исследованию языкового материала позволит современной лингвистике выйти из методологического и идеологического кризиса, к которому привел затянувшийся научный конфликт между генеративистами и функционалистами. Ни полемика, ни игнорирование результатов, полученных за пределами привычной научной школы, не приведут к эффективному решению актуальных проблем языкознания.

М.Я. Дымарский (Санкт-Петербург) в докладе «Из истории синтаксических учений: Фридрих Вильгельм Тирш (1784–1860)» показал, как введенная Ф.В. Тиршем оппозиция «паратаксис vs. собственно синтаксис», в которую изначально вкладывалось диахроническое

содержание, трансформировалась в его концепции в оппозицию «паратакис vs. гипотакис», допускающую синхронное истолкование, и подчеркнул преимущества бицентрической концепции системы синтаксических связей перед моноцентрической.

Вечернее заседание открыл Ю.А. Клейнер (Санкт-Петербург) докладом «Древнеанглийский “длительный ряд”», в котором показал эффективность применения методов функциональной грамматики и «исходно-семантического подхода» при описании диахронических процессов в языке. Семантический анализ древнеанглийских конструкций, которые легли в основу современного английского прогрессива, позволил установить, что причины их совпадения в ходе грамматикализации следует искать в сфере грамматики, тогда как фонетические изменения являются следствием данного процесса.

В докладе В.Б. Касевича (Санкт-Петербург) был поднят вопрос об акциональности и аспектуальности применительно к глагольным классам. Акциональные классы рассматривались как собственно семантические и, соответственно, универсальные, аспектуальные – как семантико-грамматические, и, следовательно, типологически обусловленные. Признание категориального статуса части речи подразумевает ориентацию как на семантику, так и на форму, тем самым принципы выделения категории, по мнению докладчика, отличаются от принципов классификации, основанной на установлении близости объекта к эталону.

И.В. Нсдялков (Санкт-Петербург) наглядно продемонстрировал эффективность применения инструментария функциональной грамматики к анализу конкретных языковых явлений. Докладчик пришел к выводу, что понятия функционально-семантического поля, категориальной ситуации и категориального единства позволяют представить тексты на конкретном языке как отражение интенций говорящего, с учетом универсальных и идиоэтнических компонентов грамматической семантики.

В докладе А.А. Горбова (Санкт-Петербург) речь шла о формировании и использовании в современном русском языке именных композитов с несогласованным определением (*арт-проект, интернет-технология, бизнес-центр*). Основным фактором, обусловившим появление таких композитов, было названо параллельное заимствование из английского языка слов как самостоятельных единиц и как элементов готовых композитов, а причины экспансии данной модели докладчик обнаружил в краткости, в «терминологичности» номинации и в отсутствии обязательной экспликации свя-

зей между главным и зависимым элементами, а также в престижности английского языка в современной русскоязычной среде.

Е.В. Горбова (Санкт-Петербург) посвятила свое выступление выявлению связей между областью лингвистической прагматики и интенциональностью грамматических значений. Был поставлен вопрос о выделении особой области в лингвистике – грамматической прагматики, а также предложен круг проблем, подлежащих обсуждению в рамках данной области. С привлечением языкового материала, полученного в ходе лингвистического эксперимента, был рассмотрен вопрос о предположительной склонности к интенциональным (прагматическим) реализациям граммем разветвленных (многочленных и многоярусных) грамматических категорий и систем.

С.А. Крылов (Москва) на основе анализа терминов семантического метаязыка теории функциональной грамматики сделал следующие выводы: эксплицитное перечисление семантических элементов создает возможность для явного описания системных (логических) отношений между ними, позволяет сопоставить семантические метаязыки разных школ и направлений, работающих над описанием одного и того же или семантически сходного языкового материала. Докладчик также отметил, что такое перечисление может способствовать дальнейшей разработке и практическому применению семантических метаязыков как в сфере изучения русского языка, так и в сфере описания других языков.

М.Д. Воейкова (Санкт-Петербург) предложила связать трактовку принятого в функциональной грамматике понятия «категориальная ситуация» с процессом порождения высказывания. Типовая содержательная структура при таком подходе рассматривается не только как представление в высказывании элементов функционально-семантического поля, но и как частично воспроизводимая конструкция, включающая в свой состав изменяемые компоненты.

17 ноября утреннее заседание конференции открыл Ю.Д. Апресян (Москва), в докладе которого была наглядно продемонстрирована необходимость включения в состав словарной статьи грамматических характеристик лексики. Доклад был посвящен взаимодействию грамматических категорий глагола и лексических значений слов. Эта актуальная проблема современной лексикографии рассматривалась с точки зрения противопоставления грамматической семантики акциональности и стативности глагола. Были выявлены различия в поведении лексических и грамматических единиц в центре языковой системы и на ее периферии.

Л.В. Зубова (Санкт-Петербург) показала возможности множественных интерпретаций современного поэтического текста, вскрывающих смысловой потенциал обыгрываемых поэтами грамматических явлений в сфере персональности. В русле «грамматики поэзии» пристально рассматривались случаи трактовки ситуативных (текстовых) и словарных (общеязыковых) омоформ, а также полисемичная трактовка субъектно-объектных отношений в поэтическом тексте.

Н.В. Зорихина-Нильссон (Швеция) на материале Национального корпуса русского языка рассмотрела формальный состав и семантическую вариативность конструкций с элементами «как бы не», «чтобы не», «пока не» и синонимичных им. Особое внимание уделялось видовой дистрибуции и трансформациям, связанным с наличием или отсутствием показателя негации в высказывании. Отмечалась связь изучаемых конструкций с семантикой опитатива.

С.Н. Цейтлин (Санкт-Петербург) обосновала необходимость привлечения методов функциональной грамматики к исследованию детской речи, сославшись на важность учета интенций говорящего при анализе языкового материала и акцентируя принципиальность взаимодействия лексического и грамматического компонентов языковой системы. В докладе был представлен уникальный языковой материал из коллекции автора, включающий детские инновации, то есть отсутствующие в языке взрослых формы, которые дети конструируют по правилам грамматической системы, соответствующим их языковой компетенции.

В.Д. Черняк (Санкт-Петербург) перечислила продуктивные способы образования отглагольных существительных в современной речи, объяснив появление аграмматизмов широким парадигматическим контекстом. В процессе активного образования отглагольных существительных в современной речи докладчиком обнаруживаются противопоставленность и внутренняя связь предметных и признаковых категорий.

Н.К. Онипенко (Москва) проанализировала случаи употребления деепричастий в составе локативных конструкций в текстах объявлений XVIII–XIX вв. и показала, как происходит их адвербиализация. Особое внимание в докладе уделялось интерпретации синтаксической структуры фразы. Несканонические употребления деепричастий интерпретируются докладчиком в связи с пропущенной перцептивной модусной рамкой высказывания (*можно увидеть, можно найти*). В докладе был сделан вывод, что запрещенные литературной нормой синтаксические структуры продолжают существовать и в современном разговорном

синтаксисе и осмысливаться в силу прикрепленности к субъекту модуса.

И.П. Матханова (Новосибирск) рассмотрела семантику временной нелокализованности действия в высказываниях с семантикой поведения. Подробно анализировались семантические планы внутренне детерминированной длительности, которая содержится в семантике глаголов поведения, проявляющейся в их лексическом значении, и внешне детерминированной длительности, которая реализуется в обстоятельствах и в конструкциях со специальными аспектуальными отношениями. Предметом специального рассмотрения стало варьирование аспектуальной семантики предиката поведения по степени длительности обозначаемого действия или состояния.

Ю.П. Князев (Великий Новгород/Санкт-Петербург) предложил аспектуальную интерпретацию отрицательных высказываний. В докладе отмечалось, что глаголы совершенного вида в контексте отрицания сохраняют присущие им семантические компоненты 'единичность' и 'временная определенность', а отрицание при глаголе прошедшего времени несовершенного вида затрагивает не только собственно процессуальную фазу ситуации, но и предшествующее ментальное состояние: желание, готовность, необходимость совершить действие.

Вечернее заседание было посвящено вопросам глагольного вида и разным подходам к изучению семантической категории временной локализованности/нелокализованности.

В докладе Е.Э. Пчелинцевой (Украина) был очерчен аспектуальный потенциал отглагольных имен действия в русском и украинском языках. В украинских деепричастиях, в отличие от русских отглагольных имен, сохраняется функциональная видовая дифференциация, но в целом аспектуальный потенциал имени действия в области выражения категорий фазовости, интенсивности, кратности и лимитативности в русском и украинском языках совпадает: единственным семантическим признаком, несовместимым с именной формой выражения, является реальный количественно-временной предел действия.

А.И. Дунев (Санкт-Петербург) исследует транспозиционно употребленные русские глагольные формы в составе клише современного речевого этикета. Анализируя реализацию грамматических значений этих форм, докладчик сформулировал следующие наблюдения: 1) в сфере этикетных речевых формул вырисовывается отчетливый круг прототипических интенций, актуальных не только в целях исследования, но и в связи с обучением речевой культуре; 2) на уровне высказывания грамма-

тическая форма может определять коммуникативную интенцию.

Я.Э. Ахапкина (Санкт-Петербург) описала разновидности значений конкретно-субъектной узуальности в зависимости от перцептивно актуализированного участника речевой ситуации и пути формирования ограничено- и неограниченно-групповой, определенно- и неопределенно-групповой разновидностей семантики употребления глагольных форм, передающих идею обычного действия, в речи русскоязычных детей раннего возраста (1,5–3 года).

Е.Г. Сосновцева (Санкт-Петербург) выделила контексты с семантикой повторяющегося действия в памятниках русской письменности XVII века и описала нарративные функции глагольных форм со значением временной локализованности в текстах разных жанров.

18 ноября в рамках конференции состоялась школа-семинар молодых ученых. Утреннее заседание прошло под председательством И.П. Матхановой (Новосибирск). Его открыла Е.Л. Вилинбахова (Санкт-Петербург) с докладом «О структурных особенностях языковой маски», в котором речь шла о структурных элементах языковой маски, воплощающей стереотипы описания персонажей и ситуаций с определенными речевыми особенностями на разных языковых уровнях (фонологическом, синтаксическом, лексическом). В докладе С.В. Краснощековой (Санкт-Петербург) были выделены основные функции местоимения *такой* в детской речи и показано, что ребенок усваивает принципы их употребления в период от 2 до 2,5–3 лет. Рассмотрению особенностей реализации местоимения *такой* в русской разговорной речи был посвящен доклад Д.Н. Сатюковой (Санкт-Петербург), в котором, помимо традиционно описанных в грамматиках и словарях функций, были подробно рассмотрены типизирующая и классифицирующая функции, а также роль грамматического оформителя (*Сидим такие, разговариваем*), выполняемая местоимением *такой* благодаря

ударному окончанию. В докладе А.В. Леоновой (Новосибирск) подробно рассматривались факторы, влияющие на степень связанности компонентов микросинтаксемы *взять да и сделать*; были описаны варианты частичной и полной грамматикализации изучаемой конструкции на материале Национального корпуса русского языка. М.А. Бирюкова (Брянск) выступила с докладом, в котором обратила внимание на механизмы взаимодействия смежных функционально-семантических полей, периферийные компоненты, а также переходные явления в рамках полей качественности, количественности, компаративности и интенсивности. Доклад Е.В. Шлык (Брянск) был посвящен сфере пересечения категорий модальности, темпоральности, персональности и аспектуальности в русском и английском языках. Вечернее заседание под председательством М.Д. Восейковой началось с доклада А.М. Кочерган (Санкт-Петербург), в котором речь шла о семантике и структуре конструкций зависимого таксиса с показателями отрицания в английском языке. Д.А. Солнцева (Санкт-Петербург) проанализировала особенности употребления диминутивов в русской разговорной речи, а также выделила основные функции уменьшительно-ласкательных слов (семантическую, прагматическую и структурную). В докладе Л.Ч. Дакрылыч (Санкт-Петербург / Анкара) рассматривалось явление конкуренции видо-временных форм при выражении настоящего-будущего времени в современном русском языке в сопоставлении с турецким на материале переводов на русский язык романов О. Памука.

Я.Э. Ахапкина, Е.Г. Сосновцева

Сведения об авторах:

Яна Эмильевна Ахапкина
Институт лингвистических исследований РАН
Елизавета Григорьевна Сосновцева
Институт лингвистических исследований РАН

Виноградовские чтения 2011 г.

20 января 2011 г. в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва) прошли очередные (сорок вторые) Виноградовские чтения. В этот раз они были посвящены проблемам нормы в языке и речи. Открыл заседание директор Института чл.-корр. РАН А.М. Молдован.

Л.П. Крысин (Москва) в своем докладе «Вариативность как естественное свойство

литературной нормы» на многочисленных примерах показал, что вариативность сосуществования языковых средств, с одной стороны, следующих за традицией и закрепленных как нормативные путем кодификации, а с другой – новых, идущих из речевой практики, представляет собой естественную форму сосуществования нормы и узуса. Взаимоотношения языковой нормы и речевого узуса не всегда имеют форму конфликта. Хотя норма консервативна, она

допускает совместное функционирование вариантов языковой единицы. Варианты могут различаться стилистически, узуально, могут зависеть от коммуникативных намерений, относиться к речевой практике определенных социальных и профессиональных групп и т.д., но нередки случаи свободного варьирования. Докладчик выделил следующие типы варьирования, допускаемые нормой: 1) свободное ([д]/[д']езодорант; *одновре́менно; в мозгу / в мозге, чтут / чтят; он ввел в роман новые персонажи / новых персонажей*); 2) семантически обусловленные варианты: а) формы род. п. и паритива (*чая / чаю, коньяка / коньяку*), б) форм предл. и местн. падежей (*лежать в снегу / в снеге мало живописности*), в) формы мн. ч. в зависимости от значения слова *тормоза в механизмах / тормозы в работе*; 3) стилистически обусловленное (*тракторы* (книжн.) / *трактора* (нейтр. или разг.), *тропою* (устар.) / *тропой* (нейтр.)); 4) профессионально обусловленное (*ко́мпас / компáс* (в речи моряков); *сейнеры / сейнера, инспекторы / инспектора*). Критерии, по которым одни профессионально маркированные варианты могут рассматриваться внутри литературной нормы (*компáс* попадает в орфоэпический словарь с пометой), а другие – остаются за пределами нормы (*взвода*), не ясны; 5) социально обусловленное (*по сре́дам* в речи интеллигенции старшего поколения, *по сре́дам* в речи молодого и среднего поколения независимо от социальной принадлежности); 6) территориально обусловленное. Данный тип признается не всеми исследователями, хотя РЛЯ несомненно существует в локальных вариантах, характеризующих главным образом фонетику, акцентуацию, интонацию, словоизменение и лексику (например, у носителей РЛЯ Москвы и Петербурга есть различия в использовании наименований одних и тех же объектов). Л.П. Крысин также отметил, что стремление некоторых кодификаторов и лексикографов рекомендовать безвариантную норму расходится с языковой реальностью.

В докладе И.Б. Левонтиной (Москва) «Человек и норма в современном русском языке» шла речь о том, как в языке представлена идея нормы, связанной с поведением человека. Были рассмотрены новые значения таких популярных в последнее время слов, как *адекватный* ('без неожиданных странных проявлений, без комплексов, без сверхценных идей') и *вменяемый* ('достаточно разумный, чтобы понять, что ему говорят', 'небезумный, нормальный'). Оба слова сейчас используются для положительной характеристики человека. Люди стали обращать внимание на соответствие психической норме, тогда как раньше «уровень разумности» для взаимодействия с человеком

не подчеркивался и языком не фиксировался. Семантический сдвиг был также показан на примере других слов: *самодостаточный* (*самодостаточный человек, ребенок* – 'самостоятельный', 'психологически уравновешенный', прежде книжное, близкое по значению к *самодовлеющий*), *комфортный* (*страна для комфортной жизни* – 'без крайностей, экстремальных проявлений') и *благополучный* (*благополучная страна, благополучный человек* – слово изменило коннотацию на положительную и стало употребляться применительно к конкретному человеку). Докладчик обратила внимание на то, что сдвиг в значении свидетельствует об изменении отношения к норме и представления о жизни.

В.И. Карасик (Волгоград) («Дискурсивная специфика коммуникативной нормы») рассмотрел особенности коммуникативной нормы и предложил схему описания ее разных уровней. На высоком уровне можно говорить об универсальных принципах общения, предполагающих, что собеседник – рациональный человек. Более конкретные нормы общения обусловлены типом дискурса (например, состязательность в политическом дискурсе), этнокультурной традицией (намек и самоирония в англоязычном дискурсе), эмоциональным состоянием. Следует также учитывать модусное противопоставление нормы (запреты и разрешения, касающиеся того, как вести себя в конкретной ситуации с учетом культурной традиции). В докладе были приведены параметры описания коммуникативной нормы, снабженные разнообразными примерами (с позиции лингвосемантики были выделены фокусировка общения, точность обозначения предмета речи, с позиции социолингвистики – статусные отношения участников общения, с позиции прагмалингвистики – тональность общения). Такой анализ показал, что коммуникативная норма характеризуется дискурсивной спецификой, состоящей в том, что жестко структурированным жанрам определенных типов дискурса присущи конкретные правила коммуникативного поведения, нарушения которых осуждаются в обществе, но есть «мягко» структурированные жанры дискурса, которые в нормативном отношении сориентированы на общие этнокультурные стереотипы поведения. К тенденциям в современной русской коммуникативной норме докладчик отнес понижение регистра общения, вторжение определенных стереотипов телевизионного шоу в другие типы и жанры дискурса.

А.Д. Кошелев (Москва) в докладе «Об основных и производных лексических значениях» рассмотрел введенную акад. В.В. Виноградовым оппозицию «основное значение –

производные значения». Разделяя эту дихотомию и тезис о том, что производные значения слова базируются на его основном значении, докладчик иначе определил сущность производных (метафорически переносных) значений: по его мнению, они образованы не путем *расширения* («обрастания») основного значения слова, а, напротив, путем *извлечения* из него какой-то части или какого-то типичного свойства. Эта извлеченная часть или свойство и становится производным значением, а остальная часть основного значения элиминируется, т. е. оппозиция «основное значение vs. производные значения» сводится к оппозиции «целостное значение-понятие vs. его отдельные части или свойства». При этом как именно дробится целостное значение-понятие, какие его части или свойства выделяются, обусловлено «национальным творчеством данного народа», его этно- и лингвоспецифическим своеобразием.

А.В. Циммерлинг (Москва) на синхронном и диахронном уровне рассмотрел, как меняется отношение к изменениям в языке: то, что воспринимается как порча языка на синхронном срезе, позднее может оказаться эволюцией системы. Приводятся следующие параметры анализа: «синхронный срез соответствует фиксированному распределению значений, принимаемых грамматическими параметрами; грамматические запреты существуют независимо от степени кодификации языка» (в языке есть внутренние, присущие грамматике этого языка запреты, которые носители языка не нарушают); «диахронические изменения соответствуют изменениям в наборе параметров или изменениям в значении существующих параметров; эволюция системы языка плохо осознается при наличии культурного интереса к текстам предшествующих эпох и присутственности литературного языка». Связь времен, следование и нарушение системы были проиллюстрированы на примере русских предикативов (схема $N_{\text{dat}} - V_{\text{link}} - \text{Pred}$): **Мне надо картошка копать* (за гранью нормы, ср. при этом у Г.Р. Державина: «Премудрость я оставил: / Не надо мне она»), *Мне фиолетово*, *Мне стремно* (субнормативный язык, но не нарушает систему). Далее варианты развития системы анализировались на примере синтаксических систем с клитиками (в древнерусском языке, в живых славянских языках и португальском).

Вторая часть чтений открылась докладом А.Д. Шмелева (Москва) «Новые нормы или речевые ошибки?». Речь шла о трудностях кодификации, которые возникают в случае расхождения существующей кодифицированной нормы с явлениями в узусе. Приводились следующие типы варьирования нормы: диахро-

ническое, региональное, социальное, индивидуальное; также изменяется речевой этикет. Норма может пониматься в широком (стихийно сложившиеся способы речи, характеризующие данную разновидность языка) и узком смысле (правила использования языковых средств, принятые среди образованных людей и сознательно культивируемые и кодифицируемые). Докладчик говорил о норме в узком смысле. Было высказано утверждение, что кодификация нормы должна опираться на сознательную оценку степени нормативности вариантов, осуществляемую носителями нормы. Наблюдаются следующие расхождения узуса и нормативных вариантов: 1) индивидуальные рекомендации носителей нормы не соответствуют существующей кодификации (норма устарела, или представления носителей не вполне верны, и они намеренно не следуют рекомендациям); 2) расхождения являются мнимыми (принятые варианты допускались словарями и справочниками, например *дорогие / дешевые цены*); 3) явная ошибка кодификаторов; 4) распространенная ошибка в узусе; 5) норма изменилась, и кодификация устарела; 5) данные кодификации неточны, в авторитетных справочниках представлены разные варианты (*четырьмя людьми / четырьмя человеками*). Докладчик предложил варианты решения указанной выше проблемы в зависимости от расхождения: 1) индивидуальная рекомендация носителей нормы совпадает, представление о норме едино, пособия должны ориентироваться на такое представление; 2) рекомендации носителей нормы не совпадают: а) подвижность нормы, б) противоречивость (в последнем случае требуется социолингвистическое исследование). Однако существуют и такие спорные случаи, когда найти решение невозможно, т. к. само расхождение нормативных рекомендаций является традиционным (как в случае с *Лис(с)абон*).

С.Д. Шелов (с соавтором В.М. Лейчиком (Москва)) в докладе «Терминологическая норма в лингвистическом освещении 70–80-х годов XX в.» представил историю соотношения лингвистики и терминоведения начиная с 30-х гг. XX века и проанализировал взгляды на норму в наиболее информационно и понятийно насыщенной части профессионального научно-технического общения – в терминологии. Материалом для анализа послужили публикации 70–80-х годов XX века, когда данная проблематика разрабатывалась весьма активно, в особенности – в изданиях Института русского языка АН СССР. Было отмечено, что общественное движение в решении проблемы нормы в терминологии шло в сторону «либерализации» и допустимости специфических форм профессиональной нормы и ее известной автоном-

ности. Авторы доклада дают отрицательный ответ на вопрос о том, следует ли опасаться случаев расхождения литературной нормы и нормы профессионального употребления. Следующие особенности характерны для терминологической нормы: она ограничена тематически и адресно (кодификация в области научно-технической терминологии обращена преимущественно к специалистам или обучающимся специальности), ориентирована на письменную речь и, главное, является полностью производной от нормы литературной, но в то же время обусловлена ею. Терминологическая норма в случаях расхождения с нормой литературной требует фиксации и изучения, а не опасений в ее разрушающем воздействии на литературную норму.

В докладе «Интерпретация пассива в художественном переводе: норма – переводчик – читатель» А.В. Уржа (Москва) рассмотрела русские переводы англоязычных произведений сквозь призму читательского восприятия, которое характеризуется определенным (хотя порой и неосознанным) представлением о стилистических нормах употребления синтаксических конструкций. Объектом анализа стали средства интерпретации английских пассивов: действительные и страдательные конструкции, описательные неизосемические обороты (*подвергнуться испытанию*), неопределенно-личные и безличные предложения. Не будучи лингвистом, широкий читатель переводного текста опирается на языковое чутье, используя в отношении таких конструкций оценки «уместно» / «неуместно», «хорошо» / «несуразно» и предпочитая одни переводы другим. В выступлении были сопоставлены два типа переводов Эдгара По: те, которые приводят усложненный синтаксис оригинала «в соответствии» со стилистическими нормами языка перевода, и те, которые пытаются отстраненно его воспроизвести. Если первые обеспечили рассказам «безумного Эдгара» популярность у русского читателя, то вторые остаются примером переводческого эксперимента и объектом читательской критики.

В докладе Анны А. Зализняк (Москва) (подготовленном в соавторстве с И. Микаэлян (США)) «Употребление простого имперфектива вместо вторичного: границы нормы» обсуждались бесприставочные имперфективы – члены видовой тройки, которые появляются на месте ожидаемых производных префиксальных (*рвать зубы* вм. *вырывать*, *варить трубы* вм. *сваривать*, *грузить программу* вм. *загружать*), носят разговорный или профессионально-жаргонный характер и придают речи небрежный, фамильярный оттенок. Отсутствие префиксов, не являющихся чисто видовыми, приводит к опущению некоторого компонента значения, выражение которого берет на себя глагольный корень или глагольное словосочетание с объектом в целом (не случайно отмечается ограничение на тип объекта, ср.: *рвать мосты*, но: **рвать дома*), что позволило назвать рассматриваемые глаголы «квазibesприставочными», «морфологически простой, но семантически сложной формой», а их значение – «герметичным». Анна А. Зализняк указала на системный характер явления и перспективность его исследования: предстоит охарактеризовать условия его возникновения и параметры варьирования.

В докладе С.Е. Никитиной (Москва) «О нормах речевого поведения в русских конфессиональных культурах» рассматривались нормативное употребление слов и речевых формул приветствия и благодарности в определенных коммуникативных ситуациях, правила функционирования языков и языковых маркеров в условиях речевой и музыкальной (певческой) диглоссии у старообрядцев и молокан, а также некоторые правила построения высказываний, определяемые ролью говорящего в конфессиональной общине (на примере молоканского пророка). Отмечена необходимость описания норм (правил) толкования библейских текстов в конфессиональных культурах.

Ю. С. Капитанова

Сведения об авторе:

Юлия Станиславовна Капитанова
Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН

CONTENTS

Andrej A. Zaliznjak, Elena V. Toropova, Vladimir L. Janin (Moscow). Birchbark letters from the 2010 excavations in Novgorod and Staraya Russa; Elena V. Gorbova (St.Petersburg). Aspectual pairs in the Russian verb: problems and solutions; Konstantin A. Kazenin (Moscow). The issue of conjuncts' «size» in Russian: some types of coordinative constructions; Nina R. Dobrušina (Moscow). Multilingualism in Dagestan from the end of the 19th to the beginning of the 21st century: an attempt at a quantitative evaluation; **Scientific Heritage:** Mikhail L. Gasparov. Word in verse: on one type of adjectives; **Bibliography. Overviews:** Kirill M. Korčagin (Moscow). Contemporary studies in metrics abroad; **Reviews:** Hans-Robert Mehlig (Kiel). *I.B. Šatunovskij*. Problems of Russian aspect; Vladimir M. Alpatov (Moscow). *V.V. Dement'ev*. A theory of speech genres; Leonid I. Kulikov (Leiden / Moscow). *D. Shulman* (ed.). Language, ritual and poetics in ancient India and Iran: Studies in honor of Shaul Migron; Vadim I. Kimmelman (Moscow / Amsterdam). *D. Brentari* (ed.). Sign languages; Viktor V. Šapoval (Moscow). *Y. Matras*. Romani in Britain. The afterlife of a language; Viktor V. Šapoval (Moscow). *M.V. Smirnova-Seslavinskaja, G.N. Cvetkov*. The Romani people. Their origin and culture. A socio-anthropological study; **Chronical features:** Jana E. Akhapkina, Elizaveta G. Sosnovceva. Functional grammar: present state and perspectives; Julija S. Kapitanova. Vinogradov readings 2011.

Сдано в набор 31.05.2011	Подписано к печати 21.06.2011	Формат бумаги 70 × 100 ¹ / ₁₆		
Офсетная печать	Усл. печ.л. 13,0	Усл.кр.-отт. 9,1 тыс.	Уч.-изд.л. 15,4	Бум.л. 5,0
Тираж 689 экз.		Зак. 1488		

Учредитель: Российская академия наук

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука»,
117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Адрес редакции: 119019, Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка,
телефон (495) 637-25-16

Оригинал-макет подготовлен АИЦ «Наука» РАН

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»», 121099 Москва, Шубинский пер., 6